

ДЖОЙ

ФИЛДМИНГ

УБИЙСТВЕННАЯ
КРАСАВИЦА

Добро пожаловать в Торранс, штат Флорида. По мнению, местного шерифа, самыми опасными обитателями этого городишки являются аллигаторы, притаившиеся в ближайших болотах. Но так он думал до тех пор, пока не обнаружили труп сбежавшей из дома девушки... И до того, как исчезла всеобщая любимица симпатяшка Лиана Мартин. Ну а пока расследование стоит на месте и у шерифа Вебера возникает еще больше вопросов по поводу этих загадочных преступлений, ясно становится одно: убийца выбирает самых привлекательных девушек, убийственных красавиц. И он намерен воздать им по заслугам...

Джой Филдинг

Убийственная красавица

*Шэннону Миколу,
чья музыка так меня вдохновляет.*

Дневник убийцы

Ну вот просыпается наконец.

Пошевелилась, соблазнительно затрепетав накрашенными ресницами, открыла большие голубые глаза, потом закрыла, снова открыла, на этот раз рассеянно всматриваясь в незнакомую обстановку. Пройдет еще несколько секунд, прежде чем она поймет, что находится в совершенно незнакомом месте и что не помнит, как здесь очутилась. Осознание того, что ее жизни угрожает опасность, нахлынет на нее разом, подобно мощной гигантской волне, и даже если она предпримет попытку подняться, это отшвырнет ее обратно на предусмотрительно поставленную маленькую койку.

Это самый сладостный момент. Даже лучше того, что последует дальше.

Кровь и кишки никогда меня не заводили. И никогда не привлекали все эти современные популярные телепрограммы, которые ведут судмедэксперты в облегающих брючках и бюстгальтерах с чашечками, сильно приподнимающими грудь. Все эти трупы несчастных жертв, отправленных на тот свет самыми леденящими душу способами, которые лежат на столах в ультрасовременных моргах, дожидаясь, когда в них начнут копать чьи-то бездушные обтянутые перчатками руки мне малоинтересны. Но даже если бы эти манекены выглядели понатуральнее — хотя, надо признать, самые грубо сделанные резиновые туловища кажутся более настоящими, чем неизменные имплантанты в этих героических бюстгальтерах, — меня это не впечатляет. Насилие ради насилия — это не мое. Подготовка к убийству всегда доставляла мне гораздо большее удовольствие, чем само убийство.

Так же как небезупречные естественные очертания настоящей груди всегда гораздо привлекательнее, чем это совершенно круглое и совершенно ужасное безобразие, которое пользуется сегодня такой популярностью. И не только у телеведущих. Его можно встретить повсюду. Даже здесь, посреди Долины аллигаторов, в самом сердце южно-центральной Флориды.

В глуши.

Альфред Хичкок, кажется, первым провел окончательную черту между шоком и саспенсом. Шок, как он сказал, — кратковременное состояние, это встряска всех чувств, которая длится не более секунды. А вот саспенс — уже более длительная пытка. Мне бы еще хотелось добавить, что они отличаются друг от друга так же, как затянута прелюдия от преждевременной эякуляции (с удовольствием вижу, как одобрительно хрюкает в ответ старина Альфред). Он всегда предпочитал саспенс шоку, благодаря чему финал у него получался гораздо более мощным и полным. В этом мы с ним схожи, хотя я, в отличие от старика Хича, иногда и не против шока. Так интереснее.

И девушка скоро это поймет.

Вот она садится на постель, взволнованно сжимая кулаки, затем осматривает тускло освещенную комнату. По недоуменному выражению на ее хорошеньком личике — а она настоящая «сердцеедка», как говаривал мой дедушка — видно, что она пытается успокоиться, соображает, упрямо надеясь, что это все-таки сон. В конце концов это же просто невозможно! Не может она сидеть на краешке узкой койки в комнате, напоминающей подвал. Тем более что во Флориде в большинстве домов подвалов нет, потому что почти вся Флорида стоит на болотах.

Скоро она запаникует. Когда убедится, что это не сон, что это правда, причем правда кошмарная, потому что она заперта в комнате, освещенной одной-единственной лампой, специально оставленной на высоком уступе, до которого она не дотянется, даже если умудрится каким-то образом подставить койку и взобраться на нее. Та, другая девушка попыталась это сделать, и с криком рухнула на грязный пол, вцепившись в сломанное запястье. Тогда-то она впервые и зарыдала.

Это было довольно забавно.

Вот она увидела дверь, но, в отличие от той, предыдущей девушки, не кидается к ней. Вместо этого она продолжает сидеть, кусая нижнюю губу и испуганно озираясь. Она громко и тяжело дышит. Кажется, сердце вот-вот выскочит из ее большой и, к ее чести сказать, натуральной груди, как у запыхавшегося участника *The Price is Right*.^[1] Какую дверь выбрать — первую, вторую или третью? Но здесь дверь только одна. Открыть или не открыть? И кто там окажется — девушка или тигр?^[2] Свобода или смерть? Я чувствую, как мои губы кривятся в усмешке. Потому что ничего она там не найдет. Во всяком случае, пока. Мне еще нужно подготовиться.

Любопытство в конце концов сталкивает ее с койки, и она подбирается к двери, осторожно ступая сначала одной ногой, потом другой, хотя в ушах у нее звучит назойливый голос, повторяющий, что любопытство сгубило кошку. Интересно, а она верит в эту старую байку о том, что у кошки девять жизней? И неужели она думает, что эта байка ее спасет?

Дрожащая рука протягивается к дверной ручке.

— Эй! — зовет она, сперва тихо. Ее голос дрожит так же, как дрожат ее пальцы. Потом громче. — Эй! Есть здесь кто-нибудь?

Мне ужасно хочется ей ответить, но это не самая лучшая идея. Во-первых, она догадается, что за ней наблюдают. Пока еще эта мысль не пришла ей в голову, но когда через минуту-другую она об этом подумает, то начнет лихорадочно обшаривать глазами стены в бесплодных поисках видеокамеры. Не страшно. Меня она все равно не увидит.

Вырезанное в стене отверстие, через которое я наблюдаю, очень маленькое и расположено слишком высоко, чтобы она могла его заметить, тем более при таком тусклом освещении. И потом, если она услышит мой голос, то не только догадается, где я приблизительно нахожусь, но и определит, кто я, и тогда у нее появится неприятное преимущество в предстоящей нам битве умов. Нет, я появлюсь, когда будет нужно. Забегать вперед не имеет смысла. Игра только началась, нужно выдержать время. Выдержка, как говорят, решает все.

— Эй! Кто-нибудь!

В ее голосе уже слышится нетерпение, он теряет свой девичий тембр, становится визгливым и звучит почти угрожающе. Одна из любопытных особенностей женского голоса — этот мгновенный переход от нежности к грубости, от мягкости к раздражительности, то, с каким бесстыдством он готов разоблачить все свои секреты, с какой смелостью выплескивает собственную незащищенность в ничего не подозревающий воздух. Нежнейшую флейту заглушает сиплая волынка, камерную музыку — военный марш.

— Эй! — Девушка хватается за ручку двери и тянет ее на себя. Дверь даже не дрогнула. Ее движения быстро сменяет серия неуклюжих действий, бессмысленных и лихорадочных. Она дергает дверь на себя, толкает ее, пытается вышибить плечом, и так несколько раз подряд, пока, наконец, доведенная до отчаяния, она не раздражается слезами. Кстати, еще одна известная мне женская особенность — женщины вечно плачут. Уж насчет этого на них

можно положиться — никогда не подведут.

— Где я? Что здесь происходит? — Девушка начинает колотить в дверь кулаками по мере того, как ее отчаяние возрастает. Теперь она не только напугана, но и озлоблена. Она, конечно, не представляет, где находится, но точно знает, что попала сюда не по собственному желанию. И сейчас перед ее глазами стремительно пролетают все более ужасающие видения — недавние сообщения в газетах о пропавших девушках; телерепортаж о трупах, найденных в наскоро вырытых могилах; ножи и прочие орудия пыток; клипы, в которых насилуют и душат беспомощных женщин, прежде чем бросить их в затянутое тиной болото.

— Помогите! — кричит она. — Кто-нибудь, помогите мне! — Спертый воздух подвала наполняется жалобными криками, но она, как я подозреваю, догадывается, что все бесполезно и никто ее не услышит.

Никто, кроме меня.

Она резко вскидывает голову и, как прожектором, наводит взгляд прямо на меня, и я невольно отскакиваю от стены и пячусь, едва не оступившись. Когда дыхание у меня восстанавливается, я прихожу в себя и обретаю прежнее равновесие, а она уже кружит по тесному пространству, с безумным взглядом осматриваясь по сторонам и простукивая голые бетонные стены на предмет наличия в них пустот.

— Где я? Есть здесь кто-нибудь? Зачем вы привели меня сюда? — кричит она, как будто на корректно сформулированный вопрос немедленно последует утешительный ответ. Наконец она сдается, падает на койку и снова разражается слезами. Когда она снова вскидывает голову и во второй раз смотрит прямо на меня, ее большие голубые глаза наполнены слезами, а веки покраснели и опухли. Хотя, возможно, это всего лишь мне кажется. Просто я хочу принять желаемое за действительное.

Она рывком садится и делает несколько глубоких вдохов. Очевидно, пытается успокоиться и одновременно взвесить ситуацию. Бросает взгляд на свою одежду — на бледно-желтую футболку с ядовито-зеленой яркой надписью «Шевелись, сука!» и джинсы с заниженной талией, туго обтягивающие ее стройные бедра. То же самое, во что она была одета... Когда? Вчера? Вчера вечером? Или сегодня утром?

Сколько она здесь уже пробыла?

Девушка запускает пятерню в свои густые рыжие волосы, чешет лодыжку и снова прижимается спиной к стене. Теперь она думает о том, что ее похитил и держит в заложницах какой-то псих, и, возможно, уже воображает, как будет рассказывать об этом во всех драматических подробностях после того, как сбежит. Может, ей даже позвонят из журнала «Пипл». А может, и из Голливуда. Интересно, кто будет ее играть? Девушка из «Спайдермена» или эта, о которой пишут сегодня все газеты? Линдсей Лохан. Так, кажется, ее зовут? Или Тара Рейд? Кэмерон Диас тоже смотрелась бы неплохо в этой роли, хотя Кэмерон лет на десять с лишним старше. Да какая разница? Все они более или менее похожи. Все сердцеедки! Так же как и я. Я, правда, сердцеед совсем иного рода...

Помрачнела. Потому что реальность снова напомнила о себе. Что я здесь делаю? — думает она. Как попала сюда? Почему не могу этого вспомнить?

Что она наверняка помнит, так это школу, хотя сомневаюсь, что она вспомнит хоть что-нибудь из того, чему ее там учили. Потому что слишком усердно пялилась на уроках в окно. Слишком усердно флиртовала с прыщавыми молокососами с заднего ряда. Слишком усердно пила кровь из учителей. Слишком рьяно вылезала с каким-нибудь метким замечанием,

саркастической остротой или непрошеным мнением. Но вот прозвеневший под конец дня звонок, освободивший ее из заключения в школьной тюрьме, она помнит наверняка. Помнит она и то, как бросилась во двор, стрельнув сигарету у первого попавшегося ей на глаза. Возможно, помнит также, как выдернула у кого-то из рук банку кока-колы, даже не сказав спасибо и не извинившись, и тут же стала заливать ее себе в глотку. Может, она даже помнит, как пошла домой, после того как выкурила несколько сигарет и отвесила пару едких острот в адрес своих дружков. Я представляю, как она сворачивает за угол и выходит на тихую улочку, вижу, как склоняет голову, когда ветерок прошелестел ее имя.

Кто-то ее зовет.

Она начинает ерзать на своей кушетке, раскрыв рот. Надо только чуть-чуть поднапрячься — и она все вспомнит. Память играет на ее чувствах, дразнит, как нижняя строчка на оптометрической таблице — вот же они, буквы, прямо перед глазами, но, как бы она ни всматривалась, строка размыта, и она ничего не может разобрать. Она ощущает ее вкус, будто вкус некой экзотической пряности, название которой никак не приходит на ум, не вспоминается. Она улавливает ее запах — еле ощутимый мучительный аромат. И смакует во рту, как глоток дорогого красного вина. Если бы только могла вспомнить название. Если бы только она могла вспомнить...

Она помнит, как остановилась и огляделась, снова прислушавшись к звуку собственного имени, который донес до нее теплый ветерок, и медленно подошла к разросшимся кустам, окаймлявшим неухоженный соседский газон. Кусты приветственно манят ее, шелестя листвой.

И потом — ничего.

Плечи обреченно поникли. Она не помнит, что случилось потом. Эти кусты преградили вид и не дают ей войти. Наверное, тогда она и потеряла сознание. Может, ее одурманили наркотиками, а может быть, просто стукнули по голове. Какое это имеет значение? — угадываю я ее мысли. Значение имеет не то, что случилось тогда, а что случилось потом. И не важно, как она здесь оказалась. Важно лишь то, как ей теперь отсюда выбраться.

Я с трудом сдерживаю смех. Пусть себе тешится надеждой на спасение, какой бы хрупкой и несбыточной она ни была. Пусть себе обдумывает, планирует, выстраивает стратегию и принимает решение. В конце концов это тоже довольно уморительно.

Я чувствую, что проголодался. И она, наверное, тоже, хотя сейчас она еще пребывает в шоке, а потому не понимает этого. Но через час-два она почувствует сильный голод. Удивительная вещь человеческий аппетит. Всегда напомнит о себе, при любых обстоятельствах. Помню, как умер мой дядя Эл. Это было давно, воспоминания уже затуманились, как у этой девицы. Сказать по правде, я даже не знаю точно, отчего он умер. То ли от рака, то ли от сердечного приступа. В общем, смерть самая заурядная. Мы никогда особенно не были с ним близки, так что не могу сказать, что его смерть так уж меня расстроила. Зато я прекрасно помню, как плакала моя тетушка и как ее друзья выражали ей свои соболезнования. Говорили они и то, какой прекрасный человек был мой дядюшка, и как они все о нем скорбят, и тут же, даже не переводя дыхания, хвалили испеченные ею дивные пирожки и спрашивали рецепт, потом требовали, чтобы она что-нибудь сама съела, потому что ей необходимо поддерживать силы и потому что Эл был бы только за. И она ела эти пирожки и смеялась сквозь слезы. Вот какой силой могут обладать самые обыкновенные пирожки!..

Пирожков для нее не припасено, но через пару часов я, может быть, принесу ей

сэндвич, после того, как перекушу чем-нибудь сам. Пока еще не знаю чем. Хороший хозяин должен угощать гостей. Хотя я и не претендую на такую роль. Здесь ей не пятизвездный отель!

Хотя на удобства грех жаловаться, учитывая обстоятельства. Ее ведь не похоронили заживо в гробу и не бросили в яму, кишашую крысами и змеями. Не заперли в душный чулан и не приковали к столбу над муравьиной кучей. Не связали руки за спиной, не заткнули рот кляпом, и она может спокойно передвигаться по подвалу. И даже если здесь немного душновато, то пусть утешается тем, что сейчас апрель, а не июль, который к тому же выдался на удивление прохладным, и что сейчас не полдень, а вечер. Мне бы, честно говоря, тоже хотелось бы оказаться поближе к кондиционеру, но приходится довольствоваться тем, что имеется, а в наличии имеется старый полуразрушенный дом на окраине заброшенного поля посреди Долины аллигаторов, в самом сердце центральной Флориды. Впрочем, не совсем центральной, а ближе к ее южной части. В глуши.

Нет худа без добра, иногда и пребывание в глуши приносит спасение, хотя мне знакомы как минимум две девицы, которые бы со мной не согласились.

Этот дом был случайно обнаружен мною пять лет назад. Люди, построившие его, давно его забросили, и он перешел во владение термитов, плесени и сухой гнили. И, насколько мне известно, никто не предъявил права на землю и не удосужился снести эту халупу. На снос денег порой уходит больше, чем на строительство, к тому же я подозреваю, что трава и кустарник растут здесь с такой скоростью, что скоро от дома и участка и совсем ничего не останется, поэтому какой смысл? Тем не менее этот заброшенный домишко попался мне на глаза однажды утром во время прогулки, предпринятой с целью собраться с мыслями. У меня были неприятности, все навалилось как-то разом, поэтому лучше всего было на время устраниваться. Одиночество всегда являлось моим неизменным спутником. Не люблю конфликты. Не люблю делиться ни с кем своими мыслями. Хотя, если честно, никто и никогда ими и не интересовался.

Много воды утекло с тех пор. Какой смысл тяготиться этим теперь и жить прошлым? Живи сегодняшним днем — вот мой девиз. Или умри за него. Такую концовку я тоже не исключаю.

Умереть за сегодняшний день. Красиво звучит...

Итак, дело происходило пять лет назад. Я прогуливался. Жара. Лето, кажется, было необыкновенно влажным. В ушах вдруг раздалось назойливое жужжание mosкитов, которые уже начинали действовать мне на нервы, когда я шел через это старое угрюмое поле. Правильнее было бы назвать его болотом. Наверняка в этой высокой траве притаилась не одна змея и не один аллигатор, но рептилий я никогда не боялся. Более того, я считаю их благородными животными и знаю, что если им не мешать, то и они тебе не помешают. Но пробирался я все равно с большой осторожностью. У меня здесь есть проторенная дорожка, по ней я и стараюсь ходить, особенно по ночам. Пистолет у меня, естественно, всегда с собой, а заодно и пара остро наточенных ножей — на всякий случай.

На всякий случай надо всегда быть готовым ко всему.

Жаль, что никто не сказал об этом той девушке.

В доме всего-то две небольших комнаты, разумеется, пустых. Койку пришлось раздобыть, что было не так-то и просто. Сейчас я не хочу вдаваться в эти подробности. Скажу лишь, что мне удалось притащить ее сюда без посторонней помощи. Здесь есть и крошечная кухонька, тоже совершенно пустая. Вода из кранов не течет. В ванной и в грязном

туалете тоже все более или менее. Правда, посередине некогда белого унитаза пролегла трещина. Вряд ли кому захочется на него сесть.

У меня хватило ума заранее поставить для нее пластиковое ведро, если ей захочется облегчиться. Я поставил его в углу, слева от двери. Но она пнула его ногой, пока металась по комнате, поэтому сейчас оно валяется у противоположной стены. Может, она пока еще не догадалась о его предназначении?..

Та, первая девушка так и не удосужилась им воспользоваться. Она просто задрала юбку и присела прямо на пол. Хотя ее и задирать-то было не нужно. Юбка была смехотворно короткой и скорее сошла бы за широкий ремень — впрочем, именно такого эффекта она и добивалась. Трусов на ней, разумеется, не оказалось, и это было омерзительно. Может, кто-нибудь и скажет, что она ничем не лучше животного, но только не я. Ни в коем случае. Почему? Да потому, что говорить так — значит оскорблять животных. Назвать ее свиньей было бы неуважением к свинье. Именно поэтому-то мой выбор и остановился на ней. Мне ведь сразу стало ясно, что о ней никто поди и не вспомнит и никто не станет разыскивать и тем более скорбеть.

Ей было всего восемнадцать, но взгляд уже был опытным, благодаря чему она казалась старше своего возраста. На губах играла циничная улыбочка, скорее даже усмешка, а вены на костлявых руках были сплошь в кровоподтеках от застарелых «дорожек». Ее прическа представляла собой нерасчесанные платиновые кудряшки с черными, непрокрашенными корнями, а стоило ей разинуть рот, как вас буквально сшибало от запаха застарелого табачного дыма.

Ее звали Кэнди^[3] — она даже носила на руке браслет с конфетками, — и она стала моим первым пробным делом. Я не из тех людей, которые делают что-то наполовину — все должно быть безупречно, поэтому план мой был тщательно продуман. У меня, в отличие от всяких книжных маньяков, нет ни малейшего желания угодить в руки правосудия. Как только я завершу свой проект, то отойду и от дел и заживу пусть не совсем счастливой, но зато мирной жизнью. Поэтому все нужно было выполнить как следует.

Итак, ее звали Кэнди.

С ней мы познакомились в «Бургер Кинг».^[4] Она слонялась у входа и с готовностью приняла мое предложение угостить ее бургером. Мы разговорились, но, как только коснулись личного, она немедленно заткнулась. Все правильно. Я тоже не люблю, когда мне задают вопросы личного характера.

Однако главное разузнать мне удалось: в четырнадцать лет она сбежала из дома и с тех пор жила на улицах. Познакомилась с одним парнем, который посадил ее на иглу, потом она уже сама стала подсаживать на нее других. Дружок ее в итоге сделал от нее ноги, и она осталась одна. Весь последний год она переезжала с места на место, время от времени просыпаясь в незнакомой больничной палате или в тюремной камере. «Все места похожи друг на друга, — сказала она. — Никакой разницы».

Интересно, а что она подумала, очнувшись здесь, в подвале старого заброшенного дома?

Как, разве вы еще не уяснили себе, что это подвал? Пардон, мое упущение. В этом-то и есть основная фишка или *pièce de résistance*,^[5] как говорят французы.

Впрочем, вы уже знаете, что большинство домов во Флориде не имеют подвалов. Они же ведь строятся на болотах, а потому однажды утром можно запросто проснуться по уши в мерзкой жиже. Так здесь ушли в трясину целые поселки, и речь не только о старых непрочных сооружениях.

Совсем недавно один из новеньких, с иголки домиков попросту испарился. Строителям, разумеется, не пришлось его долго искать — они ведь стояли на его крыше. Так им и надо! Вызов стихии к добру не приводит.

Если б мне пришло в голову построить дом, я понял бы архитектора, соорудившего этот. Он, конечно, видал и лучшие времена, но тот, кто его сконструировал, разобрался в своем деле как следует. Мало того, он соорудил под полом целый лабиринт комнатушек, видимо, предназначавшихся под кладовые.

Я их пушу на другое...

Когда Кэнди поняла, что это не похоже на привычную тюремную камеру, ей это не понравилось. А при моем появлении до нее даже дошло, что дело будет куда как серьезнее. Она пустила в ход весь свой арсенал: сказала, что если мне нужен секс, то она не станет им со мной заниматься на этой грязной старой койке. Она согласна на любые извращения, какие я только пожелаю, но только не здесь. Мысль о том, чтобы заняться сексом с этим существом, была настолько мне отвратительна, что я чуть не поддался соблазну немедленно ее пристрелить, но игра находилась в самом разгаре. У меня было припасено для нее еще несколько сюрпризов.

Потом она получила пулю в башку и была брошена в болото за несколько миль отсюда. Если ее труп когда-нибудь и найдут — в чем я сильно сомневаюсь, все-таки четыре месяца прошло, — то вряд ли кто-нибудь выйдет на меня, потому что они никогда не узнают, в какой именно момент перестало биться ее сердце.

Впрочем, у Кэнди явно не осталось ни одного человека, который стал бы ее искать и тем более оплакивать.

Но *эта* девушка, эта сердцеедка, с большими голубыми глазами и большой натуральной грудью — совсем другое дело.

И дело не только в том, что на ее поиски немедленно бросится куча народу — возможно, ее уже разыскивают, — но в том, что это гораздо более опасное предприятие. Кэнди была слишком недалеко, чтобы, играя с ней, можно было получить какое-то удовольствие. А у этой девицы и сил больше, и психика у нее прочнее, так что придется, как говорится, усложнить правила игры, а именно шевелиться быстрее, соображать быстрее и бить сильнее.

Снова она смотрит так, будто догадывается, что я здесь, будто слышит, как скрипит ручка по бумаге. Так что я пока брошу это занятие и пойду что-нибудь перекушу. А потом вернусь и перейду ко второй части своего плана.

Может, я убью ее утром. Может, не стану ждать. Никогда не следует забывать о риске. Излишняя самонадеянность к добру не приводит.

Как говорится, оставайтесь с нами. Я скоро вернусь.

— Ну что, ребята, доставайте свои дневники!

Сэнди Кросби присела на краешек стола и смотрела, как двадцать три ученика из ее двенадцатого класса — вообще-то всего их должно быть двадцать пять, но ни Питер Арлингтон, ни Лиана Мартин не явились на урок — неохотно извлекают дневники и бросают их на парты с разной степенью равнодушия или отвращения. Как к ней вновь обращаются тусклые скучающие взгляды. Как подростки разваливаются, как обычно, на стульях, небрежно вытянув под партами обтянутые джинсами ноги. И как настучивают карандашами какие-то бесконечные незнакомые мелодии. Все они, в том числе и сама Сэнди Кросби, хотели бы оказаться сейчас где угодно, но только не здесь.

Что совершенно естественно. Кому же в здравом уме охота сидеть взаперти в душном классе, когда можно бегать по улицам, наслаждаясь хорошей погодой, и выделывать курбеты? Интересно, хоть один из ее учеников слышал, что означает выражение «выделывать курбеты»? И не их ли сейчас выделывает — если верить сплетням — эта сладкая парочка, Питер Арлингтон с Лианой Мартин? Взгляд Сэнди скользнул поверх пяти рядов нерадивых школьников к высоким окнам класса. За окнами царил дивный апрельский день, хотя и довольно прохладный для этого времени года. Во всяком случае, все только об этом и твердили. «Были бы вы здесь в прошлом апреле, — бубнили они то и дело. — Сейчас на добрых десять градусов меньше, чем всегда». Но Сэнди прохлады никогда не пугала. Она вообще предпочитала холодную погоду, напоминающую ей северный пригород Нью-Йорка, где она родилась и выросла. Все только и делали, что жаловались на жестокие рочестерские зимы, особенно Ян. Сэнди же была одним из тех редких созданий, которым по-настоящему нравился снег и даже мороз. Она любила кутаться в теплую одежду — это давало ей чувство защищенности.

Какого черта она делает в этом захолустном Торрансе, с его изнуряющей жарой и высокой влажностью?

Это была не ее идея переселиться прошлым летом во Флориду. Это все Ян. Два года он уговаривал ее переехать с северо-востока в какой-нибудь южный городишко: «Так будет лучше для моей практики, для детей, для нашего брака». Он обещал, канючил, добиваясь ее согласия: «Ну, давай же, решайся! Я навел кое-какие справки — ты без труда устроишься там учительницей. Стань авантюристкой. Попытайся хотя бы. Ну, максимум на два года. Клянусь, если тебе не понравится, мы вернемся».

Во всяком случае, так он говорил. А думал, как теперь ясно, так: я безумно влюблен в эту женщину, с которой познакомился по Интернету, поэтому готов забросить практику, выдернуть тебя с детьми с насиженного места и переехать в этот захудалый городишко, чтобы продолжить роман уже наяву; ну а если ничего не выгорит — мы уедем.

Но уехал только он. Сегодня ровно семь недель, мысленно подвела подсчет Сэнди, сосредоточившись на плакате, призывающем к всеобщей грамотности, который висел на дальней стене класса, и изо всех сил стараясь сдержать слезы. Вряд ли это был его первый роман — за прошедшие годы у нее не раз возникали подобные подозрения, ни разу, впрочем, не оправдавшиеся. Но известие о том, что он ее бросает, стало для нее ударом. Она допускала, что ему не терпелось бежать из Рочестера от какой-нибудь надоевшей интрижки, но ей и в голову не могло тогда прийти, что это ради новой.

Она пребывала в шоке, она смотрела, как он набивал вещами свой старый чемодан и новый докторский саквояж, который она подарила ему в день открытия новой приемной. И все это для того, чтобы перебраться в просторную квартиру на другой части города, располагавшуюся буквально в двух шагах от дома Кэрри Фрэнклин, этой клонированной Барби, его сногшибательной возлюбленной из Интернета. Единственное, что помешало ему переехать сразу к этой разведенке с огромным лягушачьим ртом и длиннющими волосами, так это то, что его опередила ее мамаша. После третьего развода Кэрри та прочно обосновалась у нее и, похоже, не собиралась съезжать. По слухам, последнему — и уже даже пугающему — увеличению своей груди Кэрри была обязана именно деньгам Роуз Крукшэнк, так что, само собой разумеется, Кэрри не особенно удобно было вышвыривать ее на улицу. Все-таки апрель в этом году на десять градусов холоднее обычного.

А тут еще эта Далила, дочь Кэрри. Сэнди перевела взгляд на первую парту в третьем ряду, где, по очередной иронии судьбы, восседала крупная полноватая девица. Сейчас она нервно покусывала кончик своей черной шариковой ручки, уставившись в пол, видимо, надеясь, что ее не вызовут прочесть вслух последнюю запись из своего дневника.

Поскольку население Торранса едва достигало четырех тысяч жителей — на знаке, располагавшемся на окраине города, значилась цифра 4160 — и большинство их обитало в пригородах, как называло их местное население (Сэнди именовала их «болотом»), в городе была одна-единственная средняя школа. В ней училось почти четыреста детей, и учителя менялись почти так же часто, как ученики прогуливали уроки. Поэтому Сэнди не составило труда отыскать себе место. Сама школа, разлапистое одноэтажное здание, представляла собой если и безвкусное, то, во всяком случае, любопытное смешение современного стиля с классическим, дерева с камнем. Изначально она была рассчитана максимум на триста учеников, но внезапный демографический взрыв привел к тому, что пришлось оборудовать еще четыре класса в глубине автостоянки. Сэнди, как новенькой, предоставили эти тюремные камеры, в которых она и преподавала английскую словесность равнодушным сыновьям и дочерям почтенных жителей города Торранса. Среди которых была и дочь Кэрри Фрэнклин, Далила.

Имя Далила в данном случае было злосчастливым, потому что в отличие от прославленной библейской соблазнительницы восемнадцатилетняя дочь Кэрри Фрэнклин была хотя и довольно симпатичной, но, как бы помягче выразиться, несколько ширококостной. Когда на Сэнди находило великодушие, она думала, что Далила, вероятнее всего, похожа на своего отца, первого мужа Кэрри, который бросил ее, когда девочке было два года. Когда великодушие уступало место другим чувствам, то она отчетливо понимала, что Далила — копия своей матери до того, как многочисленные пластические операции превратили ее в местную Памелу Андерсон. Когда же Сэнди охватывали совсем уж кровожадные мысли, то она с удовольствием представляла себе, как одно за другим исчезают многочисленные хирургические напластования на теле Кэрри Фрэнклин, как появляется и отваливается крошечный носик пуговкой, как текут, а потом взрываются по всему телу имплантанты, как сдуваются эти гигантские чувственные губы, съезживается гладкий лоб, как начинают источать токсины закаченные в ее тело килограммы ботокса, отчего у Кэрри шелушится, сереет и грубеет кожа.

Сэнди вздохнула громче, чем нужно. Этот невольный вздох привлек внимание Грега Уотта, накачанного хулигана, которого она пересадила с задней парты на переднюю в последней отчаянной попытке сохранить хотя бы видимость контроля над своими

подопечными. Высокий и красивый какой-то бессодержательной красотой Грег, с коротко подстриженными светлыми волосами и маленькими темными глазами, смотрел на нее так, будто собирался наброситься. Будь он зверем, решила Сэнди, был бы питбулем. А она была бы крошечным пуделем, которого он растерзал бы на части, думала она, заправляя за правое ухо доходившую до подбородка волнистую каштановую прядь и почему-то чувствуя себя уязвимой.

— Что-то не так, миссис Кросби? — спросил он.

— Все в порядке, Грег, — ответила она.

— Рад слышать, миссис Кросби.

Ей это показалось или он действительно сделал ненужный акцент на слове «миссис»? Разумеется, в Торрансе ни для кого не секрет, что муж бросил ее после почти двадцати лет брака. Также ни для кого не секрет, ради кого он ее бросил. Сэнди довольно быстро поняла, что в таком крошечном городке, как Торранс, вообще не бывает секретов. А чуть погодя поняла, что секрет у всех общий.

— Ну, кто хочет прочесть последнюю запись в своем дневнике? — спросила Сэнди, заранее напрягаясь от той мертвой тишины, которая не замедлит сейчас последовать. — Есть желающие? — Ну почему меня это не удивляет? — пробормотала она, когда никто не поднял нетерпеливой руки. Осмотрев первые два ряда, она наконец остановилась на Викторе Драммонде, сидевшем за предпоследней партой во втором ряду. Мальчик был весь в черном, его смуглое от природы лицо было сплошь покрыто слоем белой пудры. Бледно-голубые глаза обведены черным; полные от природы губы накрашены ярко-красной помадой а-ля Мэрлин Мэнсон. — Виктор, — сказала Сэнди бодрым, насколько это было возможно, голосом. — Может, ты?

— А вы уверены, что хотите это услышать? — ухмыльнулся Виктор и мельком взглянул на девицу за соседней партой, выраженную так же, как он. Девушка, которую звали Нэнси и чья выщипанная левая бровь была проколота тремя маленькими английскими булавками, показала ему язык.

Сэнди поморщилась. Ужасно смотреть на этот металлический гвоздик, мелькнувший на языке Нэнси. Это же должно быть страшно больно. Неужели девочка не боится инфекции? А ее родители куда смотрят? Сэнди подавила повторный вздох. Ей повезло, что ее собственным детям пока не приходится в голову уродовать себя пирсингом и татуировками.

— Я все же рискну, — ответила она Виктору. — Не сомневаюсь, что ты поделишься с классом весьма полезными наблюдениями.

Он, наверное, также предупредил бы ее, если б собрался взорвать школу, думала Сэнди, снова усаживаясь на стул. Интересно, когда наконец пройдет это нездоровое увлечение готикой? Кажется, уже все наелись ею. Она достаточно насмотрелась на эту ерунду, впрочем, вовсе не безобидную, и, хотя понимала, что по большому счету это всего лишь подростковый бунтарский эпатаж, ее это тем не менее сильно тревожило. Но Виктор все равно ей нравился, несмотря на свой омерзительный облик. У него, в отличие от большинства ее учеников, имелось могучее богатое воображение, а его сочинения, насыщенные причудливыми экзотическими образами, были если и недостаточно вызывающими, на что он, очевидно, рассчитывал, то, во всяком случае, довольно любопытными.

— Мне встать? — Виктор слегка привстал.

— Не обязательно.

Он немедленно опустил на стул свой костлявый зад. Помолчал, откашлялся, снова помолчал.

— В небе стоит полная луна, — начал он монотонным голосом без всякого выражения. — Я лежу на кровати, прислушиваясь к завыванию волков.

— Во Флориде нет волков, недоумок! — раздался с задних рядов голос Джоя Бэлфора. Джой был девятнадцатилетним капитаном футбольной команды, которого оставили на второй год. Ходячий стереотип — большой, накачанный и безмозглый, который, однако, очень собой гордился.

Все засмеялись. По классу пронесся бумажный самолетик.

— Кретин, — спокойно отозвался Виктор, вложив в интонацию столько яда, чтобы привлечь внимание класса. — Я выразился метафорически, неужто не сечешь?

Джой захохотал, закрыв свое широкоскулое лицо ладонями, как бы пытаясь от кого-то защититься.

— Вау! А я-то и не понял сразу. Он, оказывается, выразился ме-та-фо-ри-чес-ки.

— Слишком тяжелое слово для такого тощего недоноска, — глухо проговорил Грег Уотт, и его губы расплзлись в усмешке.

— Кто-нибудь помнит, что это означает? — вмешалась Сэнди, торопясь предупредить конфликт. Как-то она посвятила метафорам целый урок, и было бы приятно узнать, что хоть кто-то слушал ее с интересом.

Руку подняла Далила.

«Неужели?» — подумала Сэнди. Мало того, что каждое утро она вынуждена оказываться лицом к лицу с этим крупногабаритным напоминанием о предательстве ее мужа, так теперь еще юная леди решила внести свой вклад, пусть и без всякой задней мысли. Она что, не понимает, что, стоит ей раскрыть рот, как у Сэнди возникает такое чувство, будто ей в сердце вонзают нож? «Ладно, давай рассказывай про метафоры», — подумала она, покачав головой, отчего тут же выбилась из-за уха только что заправленная прядь.

— Давай, Ди, — сказала она мягко.

— Ди? — недоверчиво повторил вслед за ней Грег. — Ди?! Послушайте, если уж вы собрались наградить ее прозвищем, так, может, пусть будет Дели? По-моему, так гораздо лучше. Видит бог, она это без труда переварит.

Класс снова разразился хохотом. Далила в отличие от Виктора не умела вовремя парировать, а потому молчала.

— Достаточно, — предупреждающим тоном сказала Сэнди.

— Скажите это Дели, ^[6] — выкрикнул с задней парты Джой Бэлфор. Класс сотряс новый взрыв смеха.

— А может быть, Биб Ди ^[7]? — продолжал Грег. — Помните, как в песне...

— Достаточно, я сказала.

Далила опустила голову, мгновенно выставив на обозрение свой злополучный двойной подбородок. Сэнди тут же почувствовала себя виноватой. Мало бедняжке проблем, теперь ее еще и окрестили прозвищем, гораздо худшим, чем ее собственное имя. Чего, собственно, такого она ей сделала? Она ведь не виновата в том, что ее мамаша соблазнила мужа Сэнди во время интимной переписки в Интернете. Она не виновата в том, что Ян испытывал все возраставшее чувство беспокойства и неудовлетворенности, будучи последним в городе, и возжаждал стать первым в деревне. «Первой лягушкой в болоте», — мысленно поправила она себя.

— Немедленно прекратите, если не хотите остаться после урока. — В классе мгновенно наступила тишина. Парировать необязательно, когда у тебя есть хоть какая-то власть.

— Говори, Далила, — подбодрила ее Сэнди.

— Все в порядке, я не против Ди, — ответила Далила нежным детским голоском, никогда не перестававшим изумлять Сэнди. Такой голос мог принадлежать человеку гораздо более юному и гораздо более худому, уж если на то пошло.

— Хорошо... Ди. Скажи нам, что такое метафора.

— Это такой символ, — начала Далила. — Сравнение. Ну, когда для обозначения чего-то ты берешь слово или фразу, которые обычно означают что-то другое.

— Что она несет, черт возьми? — спросил Грег.

— Это значит, что Виктор действительно лежал на кровати и прислушивался к завыванию волков, — ответил, не поднимая глаз, Брайан Хенсен. Брайан был сыном школьной медсестры, довольно болезненным мальчиком, с лицом таким же бледным, какое становилось у Виктора после того, как тот высыпал на него полбанки пудры.

— Так что же он хочет этим сказать, умник?

— Он прислушивается к ночным звукам, — уверенно ответил Брайан. — К опасности. — И посмотрел прямо в глаза Сэнди. — К смерти.

— Ну и ну! — сказал Виктор.

— Круто, — хмыкнул Грег.

Несколько секунд все молчали.

— Спасибо, Брайан, — прошептала Сэнди, с трудом подавляя в себе желание стиснуть и Виктора, и Брайана в объятиях. Может, она все же не зря их учила. Может, ее уроки не были совершенно уж пустой тратой времени, о чем она не раз плакалась. Возможно, кто-то из них действительно чему-то научился.

— Пожалуйста, Виктор, читай дальше.

Виктор снова откашлялся и сделал театральную паузу.

— Я, разумеется, знаю, что во Флориде нет волков, — прочитал он с отчетливой насмешкой в голосе, мельком взглянув на Джоя. — Но это вовсе не значит, что я не могу представить, как они сбиваются в стаю за дверью моей комнаты. Интересно, скоро они уйдут? Или дождутся, когда я выскользну из своей теплой постели в темную прохладу ночи? И двинутся ли за мной в лес, когда я сброшу кожу, вроде той змейки, которая вьется в лунном свете меж моими голыми ступнями?

— Какой лес, ты, недоумок?

— Джой!.. — угрожающе произнесла Сэнди.

— Можете не рассказывать — это снова метафора.

— Я выхожу на небольшой участок влажной земли, — уже самостоятельно продолжил Виктор. — Вынимаю из-за пояса кухонный нож и провожу лезвием по руке, глядя, как из-под кожи, будто вулканическая лава, сочится кровь. Я подношу руку к губам, окунаю их в свои грехи и пригубляю свои нечистые желания.

— Ты совсем уже чокнулся, — сказал Джой.

На сей раз Сэнди была склонна согласиться с оценкой Джоя, несмотря на некоторую литературную ценность услышанного.

— Хорошо, Виктор. Можешь не продолжать. Но, как бы мне ни импонировало твое мастерское изложение собственных фантазий, все-таки в задании ты должен был изобразить то, чем действительно занимался прошлой ночью.

Вместо ответа Виктор вытянул вперед левую руку, закатал рукав своей черной рубашки и обнажил длинную рваную рану, тянущуюся вдоль внутренней стороны руки.

— Круто, — сказала Нэнси.

— Во дает! — воскликнул Грег.

— По-моему, тебе стоит показаться медсестре, — пробормотала Сэнди, поморщившись и отведя глаза при виде столь страшного зрелища.

Виктор рассмеялся:

— Зачем? Со мной все в порядке.

— Не думаю, — продолжала Сэнди. — Пожалуйста, зайди к миссис Хенсен. Немедленно. — Мысленно она взяла себе на заметку, что в конце дня нужно будет позвонить родителям Виктора и обратить их внимание на то, чем их сын занимается по ночам. Интересно, скажет ли она им то, что им еще неизвестно?

«Не суйся в чужие дела», — мысленно услышала она резкую реплику Яна. Он всегда говорил, что она слишком печется о своих учениках. «Лучше о себе побеспокойся», — добавлял он.

Только тогда у нее и в мыслях не было, что ей есть о чем беспокоиться.

— Педик чертов, — пробормотал Грег, когда Виктор открыл дверь классной комнаты и сбежал по трем ступенькам на тротуар.

— Грег! — Сэнди вскочила со стула, едва не опрокинув его. — Достаточно. — И снова встала перед столом. — Давай послушаем тебя, раз уж тебе так не терпится самовыразиться.

— Э-э-э... Это слишком личное, миссис Кросби. Мне бы не хотелось вас смущать.

— Не переживай, меня не так-то просто смутить.

Грег лукаво взглянул в сторону Далилы:

— Судя по всему, да.

— Можно посмотреть твой дневник, Грег? — По тону Сэнди было понятно, что это далеко не просьба.

Грег неохотно передал ей дневник. Сэнди открыла блокнот, быстро просмотрев разноцветные страницы, по большей части пустые. Долистав до последней, Сэнди с удивлением увидела, что она сплошь разрисована карикатурами, в которых сразу же узнавались знакомые лица. Был там Ленни Фромм, директор школы. Он всегда ходил, так сильно откидывая назад корпус, что казалось, он спит на ходу, со спадающими на сонное лицо светлыми волосами, которые он зачесывал в надежде прикрыть свою лысину; Эйвери Питерсон, учитель физики, ровесник Сэнди, ему тоже было тридцать восемь, правда, выглядел он гораздо старше своих лет, потому что был практически лысый. Его Виктор изобразил в виде кегельного шара, возвышающегося на тоненьких паучьих лапках. Присутствовал здесь и Гордон Липсман, руководитель драмкружка, нарисованный с квадратной головой, с крупным носом картошкой и косыми глазами.

Сэнди одновременно польстило и возмутило то, что ее тоже не оставили без внимания. Она сразу же узнала себя по непокорным кудряшкам в карикатурной прическе, преувеличенно заостренному подбородку и внушительной родинке над полной верхней губой. Тонюсенькое туловище облегало длинное бесформенное платье, тонкие ручки с костлявыми пальцами были вздернуты вверх. «Неужели они такой меня видят?» — думала она, посмотрев на заинтересованные лица своих учеников. Костлявой неряшливой старой каргой?

Неужели такой видел меня и Ян?..

Ее взгляд скользнул на следующую страницу, где неряшливая старая карга сражалась с амазонкой, в которой без труда можно было узнать Кэрри Фрэнклин по гигантским грудям, распущенным светлым волосам и высоченным каблукам. На заднем плане красовалась безобразно толстая девица, лившая слезы и таращившая глаза в тщетной попытке запихать в свой разинутый рот целую курицу. На следующем рисунке была одержавшая победу амазонка, поднимавшая высоко над своей вьющейся светлой гривой мужчину с огромным членом, и погрузившую каблук в бесформенную массу у своих ног, похожую на ту самую повергнутую в прах каргу. А девочка-толстуха уже тянулась за второй курицей, которая была на этот раз живой и отчаянно махала крыльями.

Сэнди закрыла блокнот и, ни слова не говоря, вернула его Грегу. У нее бешено колотилось сердце. «Главное — сохранять спокойствие», — думала она, несмотря на отчаянное желание закричать или разрыдаться.

— Таня, — сказала она, резко повернувшись к одной из самых красивых учениц школы Торранса. — Может, мы тебя послушаем? — Сэнди выдавила улыбку, радуясь тому, что голос ее не подвел.

Таня Мак-Гаверн встала. Она, Джинджер Перчак, сидевшая через две парты слева, и отсутствующая сегодня Лиана Мартин, обычно занимавшая место прямо за ней, были самыми популярными девицами в школе. Мальчики изо всех сил добивались их внимания и благосклонности. Другие девушки копировали их прически, одежду и поведение. Даже рассудительная семнадцатилетняя дочь Сэнди, Меган, совсем недавно попала под власть их чар. Дома только и слышалось: Таня то, да Джинджер это... Сэнди с содроганием ждала того момента, когда Меган потребует купить ей футболку с надписью «Шевелись, сука!» вроде той, в которой была вчера Лиана. «Куда только смотрят родители?» — в который раз подумала она.

— Миссис Кросби, к сожалению, я не удосужилась сделать запись в своем дневнике.

Сэнди кивнула, признавая свое поражение:

— Ладно, Таня. Садись. Жаль.

Девушка немедленно села.

— Ну что ж. Судя по всему, вам всем предстоит сегодня веселая ночь, — объявила Сэнди. — Кроме двух дополнительных записей в журнале, которые вы сдадите мне завтра в начале занятия, мы проведем зачет по первой главе «Плачь, любимая страна». ^[8] Все, кто не явится или не выполнит задания, получат ноль.

До стола Сэнди докатилась мощная волна стонов.

— А если мы заболеем? — прохныкал кто-то с задней парты.

— Постарайтесь не заболеть.

— А если мы возьмем справку у доктора Кросби? — спросил Джой Бэлфор. И снова последовал взрыв смеха.

По счастью, как раз в это время прозвенел звонок. Ученики немедленно повскакивали с мест и ринулись из класса. Сэнди стояла на месте, думая только о том, как бы не рухнуть без чувств до того, пока они все не разбегутся.

— Таня, — выдавила она, когда девушка проходила мимо.

— Да, миссис Кросби? — оглянулась та.

— Сообщи Лиане про домашнее задание на завтра, ладно?

— Конечно, миссис Кросби.

— Грег. — Сэнди настигла его уже у двери. — Можешь задержаться на пару минут?

Грег попятился от выхода, медленно возвращаясь в класс.

— Догонишь меня потом, приятель, — сказал Джой Бэлфор выходя и подмигнул Сэнди. — Не сердитесь на него слишком.

— Простите меня за эти рисунки, — начал Грег. — Вы же понимаете, что мне не хотелось, чтобы они попались вам на глаза.

— Тогда постарайся в следующий раз оставить их дома.

— Да, мэ.

— Кроме того, по окончании школы я бы посоветовала тебе поступить на факультет живописи, — продолжала Сэнди. Грег посмотрел ей прямо в глаза. — У тебя явно талант. Настоящий талант. Его следует развивать.

— У нас все в роду фермеры, миссис Кросби, — ответил Грег, покраснев от удовольствия, но тут же отмахнувшись от комплимента. — Не думаю, что моему отцу понравится, если я буду зарабатывать себе на жизнь, рисуя карикатуры.

— И все же об этом все равно стоит подумать...

— Мы как-то не привыкли думать, — с усмешкой произнес Грег и направился к выходу.

— Грег?

Он снова остановился, развернувшись на каблуках своих изношенных ковбойских ботинок.

— Будь с Далилой помягче, хорошо?

Красивое лицо Грега вновь расплылось в лукавой ухмылке. Дверь класса открылась, и Грег Уотт исчез в ярких утренних лучах.

Шериф Джон Вебер сидел за массивным дубовым столом в своем кабинете, откинувшись на спинку неудобного темно-зеленого кожаного кресла. Кресло было неудобным по двум причинам. Во-первых, этот изящный итальянский дизайн, выбранный его женой Полин, оказался совершенно несовместим с его массивной американской комплекцией. (В нем было шесть футов пять дюймов росту и почти центнер весу,^[9] и хотя он и хвастался когда-то, что весь его вес сплошная мышечная масса, но это было лет десять назад.) Во-вторых, несмотря на превосходные новые кондиционеры, установленные в этом ветхом здании, и почти ледяной холод, зеленая кожа кресла умудрялась каким-то образом прилипать к спине. Стоило ему пошевелиться, и она отклеивалась от рубашки, как пластырь, оставляя морщины на выстиранном бежевом хлопке. Поэтому вид у Джона был всегда не совсем опрятный. Жена ворчала, что это дает повод думать, будто она забыла, как обращаться с утюгом. «Люди, наверное, думают, что я целыми днями валяюсь в постели, пью кофе и смотрю телевизор», — пожаловалась она как-то. Это прозвучало бы смешно, не будь эти слова зловеще близки к истине. Потому что Джон Вебер мог с полной уверенностью сказать, что все шестнадцать лет их брака его жена только тем и занималась, что валялась в постели, пила кофе и смотрела телевизор.

Глядя в широкое окно слева от себя, Джон гадал, как бы ему подольше задержаться на работе. Почти все остальные уже ушли, потому что с наступлением темноты в Торрансе никогда ничего не происходило, разве что случалась автомобильная авария или драка. Сейчас уже почти шесть, и если он застрянет здесь на час-другой, то, весьма вероятно, будет вознагражден за свои дневные мучения великолепным закатом. А Джон любил смотреть на закат. И не только потому, что у него щемило сердце от болезненной красоты оранжево-розово-желтой бриллиантовой россыпи на бирюзовом небе, но и потому, что ему нравилась та четкость, с которой осуществлялся этот процесс. Сорокапятилетний Джон Вебер, последние двадцать лет разгребавший чье-то дерьмо, глубоко ценил опрятность, точность и аккуратность.

Хотя, конечно, если он задержится здесь дотемна, то потом ему снова придется выслушивать нескончаемые тирады Полин о том, что его никогда не бывает дома и что он вечно торчит на работе. Неужели ему не хочется побыть с ней? Неужели не хочется пообщаться с родной дочерью?

На первый вопрос он с легкостью бы ответил «нет». На второй он бы ответил то же самое, хотя уже не с такой уверенностью. Как ни мучительно было Джону Веберу это признавать, но он не особенно сильно любил свою жену и их единственное дитя. Но если еще можно допустить неприязнь к женщине, на которой ты женился лишь потому, что был слишком пьян и беспечен, чтобы подумать, к каким последствиям может привести спонтанный секс, то неприязнь к собственной плоти и крови — совсем другое дело. Их дочери Эмбер,^[10] названной так по цвету вина, которое они пили в ночь ее зачатия, было уже шестнадцать лет, ростом она вымахала почти до шести футов. Эмбер могла бы производить довольно внушительное впечатление, не будь она до ужаса тощей, причем тощей до такой степени, что кости выпирали буквально отовсюду. Было просто страшно смотреть на этот ходячий скелет. Поэтому Джон и старался по возможности видеть ее реже. Не так давно она с плачем выбежала из комнаты, поймав выражение брезгливого ужаса в его

глазах. Прошло уже несколько месяцев, а он до сих пор не мог избавиться от чувства вины.

Это вообще целиком и полностью его вина.

Он тогда поругался с Полин из-за того, что она забыла позвонить сантехнику насчет протекшего крана в ванной, и Джон полночи ворочался из-за этой треклятой капли. Полин пообещала, что утром непременно вызовет мастера, и, разумеется, не сделала этого, что повлекло за собой еще одну ночь чудовищной китайской пытки. В результате на следующее утро, вместо того чтобы идти на работу, ему пришлось звонить сантехнику самому. Естественно, он разозлился еще больше и злится до сих пор, хотя уже прошло восемь месяцев! А когда Джон зашел на кухню и увидел, как Эмбер с аппетитом уминает остатки персикового пирога, который он сам хотел доест, он взял да и сдуру брякнул, что, если она не поостережется, то превратится в дочь Кэрри Фрэнклин. Господи, уж чья бы корова мычала! После этих слов пирог незамедлительно полетел в мусорное ведро, а Эмбер стала с чудовищной скоростью сбрасывать фунты. Сейчас она весила фунтов 125, ^[11] не больше. 125 фунтов при ее росте в шесть футов! И все это его вина. Ну и папаша! И как у него язык не отсох! Да, он ужасный муж и еще более ужасный отец. И как ему возвращаться домой, когда, стоит ему переступить порог их запущенного бунгало, как он немедленно вспоминает про все свои грехи?

Он пытался поговорить с Полин по поводу дочери, но она только отмахивалась. «*Pas de problème*», — фыркала она в своей раздражающей манере бросаться французскими фразами. Сегодня модно быть худыми. И она перечисляла каких-то актрис, о которых он отродясь не слышал, потом показывала обложки модных журналов, разбросанных по постели, как заплатки на одеяле. На всех были изображены какие-то безжизненного вида молодые женщины с чудовищно огромными головами непропорциональными их телам, скорее походившим на вешалки. Куда подевались нормальные груди и задницы? — удивлялся он.

Хотя, разумеется, если вам нужны груди и задницы — то Кэрри Фрэнклин всегда к вашим услугам.

Джон встряхнул головой, стараясь отогнать видение пышнотелой женщины, страстно извивающейся в его объятиях, и звук своего имени, слетевшего с этих непристойно сочных губ. Их роман, встрявший между ее браком номер два и номер три, продлился всего несколько месяцев и ненадолго воскрес после ухода номера третьего. Это было после пластики век, но до последнего увеличения груди, и уж точно до того, как объявился этот Ян Кросби. Интересно, думал Джон, каковы шансы на повторное бурное воссоединение после того, как милейший доктор опомнится и вернется к жене? А каково это — жить с силиконом в груди и с каллогеном в губах? Интересно, зачем женщины вообще подвергают себя этим пыткам, откуда берется это ненасытное желание походить на ходячую карикатуру?

«Вешалки и карикатуры», — размышлял Джон, и в этот момент раздался телефонный звонок. Он потянулся через стол и поднял трубку.

— Вебер, — произнес он вместо «алло».

— Отлично, — послышался голос жены. — Значит, ты все еще на работе.

Джон улыбнулся. «Наконец-то, — подумал он. — Хоть в чем-то мы сошлись во мнении».

— Что случилось?

— Просто хотела узнать, будешь ли ты к ужину.

Джона немедленно захлестнуло чувство вины — за то, что он плохо думает о жене, за свой роман с Кэрри Фрэнклин, за то, что постоянно придумывает предлоги, чтобы позднее

приходить домой.

— Ну, не знаю. Может быть...

— Я тут подумала, может, ты захватишь что-нибудь в «Макдоналдсе». Тут сегодня весь день крутили рекламу про эти сэндвичи макчикен, и теперь я просто не могу отделаться от мыслей о них.

Джон потер переносицу и почесал лоб.

— Я не знаю точно, когда буду дома, — начал он, обрадовавшись при виде белого «кадиллака» последней модели, заруливавшего на их стоянку. Потом из машины вышли Говард и Джуди Мартин с выражением мрачной решимости на лицах. У них явно что-то произошло. Так же явно, как то, что ему придется задержаться и узнать это. — По-моему, мне придется еще ненадолго задержаться...

В трубке послышались короткие осуждающие гудки.

— Говард... Джуди! — произнес Джон, кивая вошедшим в кабинет Мартинам. Он привстал и показал им на два коричневых кресла с высокими спинками перед своим столом. — Что-нибудь случилось? — Глупый вопрос, понял он, снова усаживаясь и отметив про себя и напряженную позу Говарда, и с каким отчаянием Джуди Мартин мнет в своих наманикюренных руках платок, и с каким страхом они смотрят на него своими одинаковыми голубыми глазами. Они были самой красивой школьной парой, их дважды избирали королем и королевой выпускного вечера. Джуди еще до брака с Говардом выиграла целую кучу местных конкурсов красоты — она была и мисс Бровард,^[12] и мисс Цитрусовый Плод и даже заняла второе место на конкурсе мисс Флорида. Ее зачесанные наверх каштановые волосы будто только и дожидались, когда же их увенчают тиарой. Да, даже несмотря на перебор косметики — а Джон не помнил, чтобы она хоть раз вышла на улицу ненакрашенной — она была очень красивой женщиной.

Высокий подтянутый Говард, еще по-юношески привлекательный, крепко сжал в своих дрожащих пальцах руку жены.

— Да. Пропала Лиана.

— Пропала? Когда?

— Вчера.

— Вчера?

— Она, судя по всему, не вернулась домой из школы.

— Судя по всему? — повторил Джон, решив, что ослышался. Говард и Джуди Мартин были очень любящими и внимательными родителями. Почему же они пришли к нему только сейчас, если один из их детей не вернулся из школы еще вчера?

— Мы были в Тампе, — мягко пояснила Джуди, как будто прочитав его мысли. — У Говарда там имелись кое-какие дела, к тому же Мередит участвовала в детском конкурсе красоты. Мы решили совместить... — Она запнулась и уставилась в стену над головой Джона.

— Мы звонили домой вчера вечером, — продолжал Говард, — но мальчики ни словом не обмолвились, что Лианы нет дома. Они, наверное, решили, что она осталась у своего бойфренда, и не захотели беспокоить ее.

— Мы вернулись сегодня около двух часов пополудни, — сказала Джуди. — И думали, что она все еще в школе. Но когда в пять Лиана не вернулась, я начала беспокоиться. Я спросила мальчиков, не говорила ли сестра про то, что задержится. Тогда-то они и признались, что она вчера не ночевала дома. Я сразу же позвонила Питеру. Но он сказал, что

тоже ее не видел.

— Питеру? — Джон схватил ручку и что-то написал на листочке. Кажется, дело серьезнее, чем ему казалось, хотя наверняка все благополучно разрешится, и в самое ближайшее время.

— Питер Арлингтон. Они встречаются уже полгода.

— Они постоянно ссорятся, — добавил Говард, покачав головой. — Расходятся, сходятся, потом снова расходятся...

— Ну вы же знаете, как это бывает у молодых, — прибавила Джуди, чувствуя, как слова застревают в горле.

Джон кивнул, хотя ничего такого он не знал. Он вообще никогда и ни в кого не был влюблен.

— Питер сказал, что последний раз видел Лиану вчера на занятиях. Они, кажется, из-за чего-то повздорили и после этого не разговаривали друг с другом, он и не позвонил ей вечером. А сегодня ему нездоровилось, поэтому он не пошел в школу.

Джон прищурился, пытаясь вспомнить Питера Арлингтона. Но это имя пока ни о чем ему не говорило.

— Вы ему верите?

— То есть?

Джон с завистью заметил, что у Говарда все волосы на месте, хотя виски уже слегка посеребрила седина. «Он достойно состарился», — подумал Джон, подавшись вперед, и почувствовал боль из-за того, что жировые складки на животе вдавились в край столешницы.

— Ну этот Питер... Вы верите ему?

— Об этом я не подумал, — признался Говард. — Мне даже в голову не пришло, что он может лгать.

— С какой стати? — спросила Джуди. — Вы правда думаете, что он соврал?

— Понятия не имею. — Джон повернулся к компьютеру, стоявшему у него на столе, забил туда имя Питера Арлингтона и с облегчением увидел, что запрос ничего не дал. — Во всяком случае, у нас он не числится, и это хорошо.

— Что это значит?

— Это значит, что его ни разу не арестовывали и он не попадал в тюрьму.

— Конечно нет. Лиана бы ни за что не стала встречаться с хулиганом, — заверила Джуди Джона.

— Прекрасно. А теперь давайте поподробнее, — сказал Джон. — Вы звонили кому-нибудь еще, после того как поговорили с Питером?

— Конечно. Я обзвонила всех друзей Лианы.

— Это...

— Таня Мак-Гаверн и Джинджер Перчак. Они ее лучшие подруги. Им, кстати, я позвонила в первую очередь.

Джон записал знакомые имена. Таня играла одну из сестер его дочери Эмбер, когда они в прошлом году ставили в школе «Скрипача на крыше». Лиана Мартин играла другую сестру.

— Потом я позвонила Мэгги Макензи и Эллен Смайт. И даже Виктору Драммонду.

— Виктору Драммонду? — переспросил ее муж. — С чего это тебе взбрело в голову звонить этому чокнутому?

— Они с Лианой играли любовников в «Скрипаче на крыше», потом мистер Питерсон в начале учебного года поставил их в пару на физике. Она говорила, что он очень милый и

вовсе не такой мерзкий, просто его нужно поближе узнать. Мне всегда казалось, что он ей нравится...

— Нравится? Ей? Что ты несешь?

— ...вот я и решила воспользоваться случаем.

— Но они не виделись, — мягко констатировал Джон.

Джуди покачала головой. Ни один волосок не пошевелился в ее прическе.

— Ее никто не видел со вчерашнего дня. Таня сказала, что она раз сто звонила Лиане на сотовый и оставила целую кучу сообщений, но Лиана не перезвонила.

— А вы сами звонили ей? — спросил Джон, прекрасно зная, каков будет ответ. Разумеется, они звонили дочери на сотовый.

— В последний раз — когда ехали сюда, — сказал Говард. — Она не отвечает.

— Она как будто сквозь землю провалилась... — Джуди нервно закусила дрожащую нижнюю губу, а ее глаза наполнились слезами, которые угрожающе стали подбираться к краю нижних век.

— Она уже когда-нибудь так поступала?

— Ни разу, — уверенно сказала Джуди.

— Она, конечно, не ангел, — поправил ее Говард. — Она весьма своевольна и упряма. Порой на нее даже прикрикивать приходится, если она совсем уж переходит границы, но в целом Лиана прекрасный ребенок.

— Как вы думаете, у нее были какие-нибудь причины сбежать?

— Сбежать? — переспросила ее мать. — От кого?

— У вас были какие-нибудь семейные проблемы?

— Какие проблемы?

Джон терпеть не мог, когда ему отвечали вопросом на вопрос.

— Может, она была чем-то расстроена? Или ее что-то разозлило? Может быть, вы не отпускали ее гулять по вечерам... — стал перечислять он, слегка поморщившись.

— Мы не запрещали ей гулять по вечерам. Она не была ни расстроена, ни обозлена. У нас не было с ней никаких разногласий.

— Возможно, ее что-то тревожило или у нее была депрессия?

— Депрессия? — переспросила Джуди.

— Ну, вы же сами сказали, что она поссорилась со своим бойфрендом...

— Они постоянно ссорились, — презрительно сказал Говард. — У них это что-то вроде прелюдии.

— На что ты намекаешь? — спросила его Джуди, и ее гладкий лоб вдруг прорезала глубокая морщина тревоги. — Ты думаешь, что она могла что-то с собой сделать?

— Дети в этом возрасте очень ранимы, — произнес Джон, вспомнив про Эмбер. — Если она была чем-то расстроена или...

— Нет, — отрезал Говард.

— А она бы сказала, если б это было так?

— Мне бы обязательно, — ответила Джуди. И добавила уже не столь уверенно: — Думаю, что сказала бы...

— Скажите, а она не могла забеременеть? — спокойно спросил Джон, надеясь смягчить возможную вспышку гнева. Он по своему опыту знал, как не любят родители, каких бы демократических взглядов они ни придерживались, представлять себе, что их дети могут вести половую жизнь.

Говард тихо выругался, прикрыв рот ладонью. Но Джон отчетливо услышал слова: «Сукин сын».

— Она принимала таблетки, — осмелилась наконец вставить Джуди после небольшой паузы.

— Что? — спросил ее муж.

— Ей восемнадцать лет, — ответила Джуди. И твердо добавила: — Лиану ничто не тревожило. У нее не было депрессии. И она не была беременна. И, уж конечно, ей бы не пришлось в голову что-то с собой сделать.

— И она не испарилась бы просто так, ничего нам не сказав, — закончил ее муж.

— Вы проверяли ее компьютер? — спросил Джон.

— Компьютер?

— Ну, вы же знаете, что молодежь часами сидит в Интернете. Может, она познакомилась с каким-нибудь парнем в чате? — И Джон во второй раз за день вспомнил про Кэрри Фрэнклин. Разве она не познакомилась точно так же со своим доктором Кросби? Во всяком случае, если верить местным сплетням. Как-то раз Эмбер прибежала из школы и, задыхаясь, сообщила новость: муж учительницы английского ушел от нее к матери Далилы Фрэнклин, и знаете, как они познакомились?!

— Мне не пришлось в голову залезть в ее компьютер, — проговорил Говард. — Я даже пароля не знаю. А ты знаешь? — обратился он к жене.

Та покачала головой:

— Может быть, мальчики знают...

Говард тут же вытащил сотовый, нажал несколько кнопок и стал ждать.

— Ной, ты знаешь пароль своей сестры? — спросил он без всяких предисловий. — Да, компьютерный, какой же еще, — нетерпеливо добавил он. — Не убьет, — заверил его Говард. — Я сам тебя убью, если ты мне его немедленно не скажешь... Отлично. Спасибо. Я так понимаю, она не звонила? — Он захлопнул крышку телефона и положил его обратно в карман. — Пароль — Джелло.^[13] Новостей нет.

— Еще мне понадобится ее электронный адрес, — сказал Джон.

И снова Говард посмотрел на жену. Она назвала адрес глухим голосом, как будто доносившимся из другой комнаты.

— Завтра с утра пришло к вам своего сотрудника, чтобы он проверил ее компьютер.

— А сегодня мы можем хоть что-нибудь сделать?

— Скоро уже стемнеет, но я отправлю патрульную машину поехать по окрестностям. — Джон заметил выражение разочарования, промелькнувшее в глазах Джуди. — И сам попробую что-нибудь разузнать, — быстро добавил он, стараясь не думать о закате, которого он с таким нетерпением дожидался. Естественно, большинство людей, особенно в таком крохотном городишке, как Торранс, воображают, будто шериф Вебер человек ответственный. Но какая у него ответственность? Он вообще толком не помнит, когда ему в последний раз приходилось за что-либо отвечать. — У нее есть какие-нибудь любимые места, где она часто бывает?

— Торговый центр, — сказала Джуди. — Но он сейчас уже закрылся.

— И еще «Честерс». — Говард назвал любимое место сборищ местных подростков, где можно было съесть гамбургер и заодно поиграть в бильярд.

— Хорошо, я туда загляну. — Джону «Честерс» никогда не нравился. Директором там был Кэл Гамильтон, бывший вышибала из «Саут-бич», его жена вечно ходила в синяках. — У

вашей дочери пропало что-нибудь из вещей?

— Вся ее одежда висит в шкафу, — ответила Джуди. — Диски, косметика — все на своих местах. Кроме учебников и кошелька, разумеется. Ты ведь не думаешь, Джон, что с ней могло случиться что-нибудь ужасное? — задала она вопрос, который весь день кружил над ними, подобно зловещему ворону.

«Ну и что прикажете мне им отвечать?» — молча спросил себя Джон.

— Я не знаю, — честно сказал он. — Надеюсь, что нет, тем более что у нас пока нет для этого никаких оснований...

«Если, конечно, не считать того, что она пропала уже больше суток назад», — мысленно добавил он про себя. Судя по их пепельно-бледным лицам, они подумали то же самое.

Вообще-то пропадавшие подростки действительно часто подавались в бега. А потом объявлялись, почти не испытывая угрызений совести. Кое-кто из них даже имел наглость негодовать, весьма удивляясь тому, что из-за их исчезновения устроили такой переполох. Но здесь, кажется, был другой случай. Судя по тому, что рассказали ему Мартины, у Лианы не было ни малейших причин сбегать из дома. Уравновешенная девушка-подросток, пользующаяся большой популярностью в школе; у нее имелось множество друзей и почти никаких проблем. Разумеется, о серьезных проблемах своих детей родители, как это часто водится, узнают в последнюю очередь. Так что надо отправить кое-кого из офицеров переговорить наедине с друзьями Лианы, а самому перед уходом домой навестить «Честерс». Полин, конечно, не обрадуется его позднему возвращению. Хотя, может, ему повезет и она будет уже спать, когда он придет.

— У вас есть какая-нибудь недавняя фотография вашей дочери? — спросил Джон.

Джуди полезла в свою кожаную сумочку.

— Вот. Ей эта фотография никогда не нравилась. Она говорит, что здесь у нее огромный нос, но это один из моих любимых снимков — она на нем такая счастливая... — Джуди вынула из красной кожаной рамки маленькую цветную фотографию и протянула ему.

Джон улыбнулся при виде симпатичной девушки с длинными рыжевато-белыми волосами. «И мать и дочь уродились на славу», — подумал он. Нос у Лианы действительно получился крупноватым, зато улыбка была широкой и искренней. И действительно девушка казалась очень счастливой. Ему бы очень хотелось надеяться, что точно так же она улыбается и в данный момент. «Хотя это навряд ли», — мрачно решил он, засовывая фотографию в карман.

— Я возьму фото с собой в «Честерс», может, загляну еще в пару мест, покажу и там. Вдруг кто-нибудь ее видел. Если к утру она не вернется, мы составим объявления и расклеим их по городу.

— Может, нам задействовать СМИ? — спросил Говард.

— Пока в этом нет надобности. — Джон сдержал усмешку. В Торрансе не было никаких СМИ, если не считать выходявшего раз в две недели информационного бюллетеня, где печатались в основном цены на местную продукцию, объявления да некрологи. Почти все население выписывало либо приходившую из Форт-Лодердейла «Сан-Сентинел», либо «Майами Геральд». Если к выходным Лиана не объявится, он сам позвонит в обе газеты и оповестит полицейские ведомства во всех городах. При необходимости даже обратится в ФБР.

— Ты думаешь, ее могли похитить? — спросила Джуди, снова прочитав его мысли.

— Прошло уже больше двадцати четырех часов с момента исчезновения девочки, но вам пока никто не звонил с требованием выкупа, — ответил Джон. — Мне кажется, эта версия отпадает.

— А что, если им нужны не деньги? — продолжала Джуди, обращаясь скорее не к шерифу, а к самой себе. — Что, если мою дочь похитил какой-нибудь сумасшедший и?..

— Джуди, я тебя умоляю... — перебил ее муж.

— Давайте надеяться на лучшее, — посоветовал Джон, хотя, если Лиану Мартин действительно похитил какой-нибудь сумасшедший, то надежда на лучшее ее не спасет. И мысленно поставил себе на заметку спросить у всех, с кем он будет сегодня разговаривать, не появлялся ли здесь в последнее время какой-нибудь незнакомец, и офицеры пусть тоже спрашивают. — Ну а пока, — сказал он, выходя из-за стола, — возвращайтесь домой и постарайтесь не паниковать. Я позвоню вам, как только что-нибудь узнаю. Вот номер моего сотового телефона. Звоните, если вдруг что-нибудь вспомните. В любое время дня и ночи.

— А если с ней что-нибудь случилось? Может, она лежит сейчас где-нибудь на обочине?

— Утром мы снарядим поисковый отряд, — ответил Джон Джуди Мартин, прекрасно понимая, что, если ее дочь и впрямь лежит сейчас бездыханной где-нибудь на обочине, то вряд ли пробудет там долго. Недаром эти места называют Долиной аллигаторов.

Он проводил Говарда и Джуди Мартин до двери, снова пообещав позвонить, как только что-нибудь выяснит.

— Мы ее найдем, — пообещал он, и тут же в его памяти всплыл один тревожный случай. Он вспомнил женщину, которая с месяц назад точно так же сидела у него в кабинете и, ломая руки, с полными слез глазами рассказывала ту же самую историю. Он не считал нужным уделить ей должного внимания — она приехала из соседнего графства Хендри, а оно было не в его юрисдикции. Кроме того, она подтвердила, что ее дочь сбегала из дома не один раз и, к тому же кололась и занималась проституцией, чтобы было на что покупать наркотики. Он не придавал тогда большого значения исчезновению этой девушки. Но сейчас, глядя, как отъехали в своем автомобиле сходявшие с ума от тревоги родители Лианы Мартин, не мог удержаться от мысли: а не связаны ли между собой эти два случая. «Ты просто телевизор пересмотрел», — резко осадил он себя, стараясь не думать о том, что скрюченное костлявое тело его дочери Эмбер, может лежать где-нибудь в канаве у обочины, брошенное туда каким-нибудь сумасшедшим, свернувшим ей шею своими чудовищными лапами.

Он решительно вышел из кабинета, так и не дождавшись заката.

Торранс представлял собой даже не город, а несколько непересекающихся улиц, которые с годами увеличивались и переходили одна в другую, пару десятков разобщенных ферм, фруктовых садов и болот. Население города насчитывало около четырех тысяч человек христианского вероисповедания, охватывало все социально-экономические слои общества, от богачей-нуворишей до спившихся бедняков. Он располагался приблизительно в часе езды на запад от Форта-Лодердейла, неподалеку от слияния 27-й магистрали с участком I-75,^[14] известным как Долина аллигаторов. Так называемый Торранс-центр состоял из нескольких банков, почтового отделения, аптеки, пары ресторанов, магазина охотничьих и рыбацких принадлежностей, ломбарда, универмага, страховой компании и юридической конторы, на фронтоне которой тянулся написанный от руки серебряистой краской девиз, гласивший, что вся надежная юридическая команда — и отец, и сын, и верный помощник — «счастливы служить, готовы судиться и обещают уладить». Остальной город расплзался от этого пятючка, как круги по воде. Поблизости располагался торговый центр с супермаркетом, кинотеатром, тату-салоном и магазином, торговавшим джинсовой одеждой. Чуть дальше находился «Макдоналдс», «Арбис» и KFC.^[15] Там же был и «Честерс».

«Честерс» представлял собой одно из тех местечек, которые встречаются во всех маленьких американских городках. Он располагался в четверти мили от главного шоссе и с виду выглядел совершенно непритязательно — деревянное здание с белой отделкой, выкрашенное в светло-серый цвет. Внутри здания было просторно, темно и шумно. Шум усиливался из-за высоких деревянных потолков и деревянных полов, которые создавали дополнительную акустику, к тому же грохот от бильярдных столов тоже вносил свою лепту. Официантки в коротеньких розовых шортах и соблазнительно узких белых футболках с надписью «Честерс» на груди сновали от большой освещенной неоновыми огнями стойки к кабинкам полированного дерева, с подносами в руках и застывшими улыбками на лицах. В «Честерсе», названном так по фамилии его основателя, лукавого седовласого семидесятилетнего старика, который готовил лучшие гамбургеры в городе, всегда было полно народу. Весь город, казалось, только и тусовался там, хотя сам мистер Честер с годами все реже показывался на людях и предпочитал отсиживаться на кухне, почти полностью переложив все управление на плечи Кэла Гамильтона. Местное население по-разному относилось к нему. Кто-то — в основном мужчины — считал его чванливым занудой, другие — как правило женщины — находили его уверенным в себе и очень сексуальным. Последние, вероятно, не видели синяков, покрывавших хорошенькое лицо и руки его жены. Впрочем, всегда есть дамочки, падкие до дрянных мальчишек, которые в упор не желают видеть, что перед ними садисты. Такие дамочки убеждают себя, что только они-то и смогут сделать из дрянного мальчишки прекрасного благородного мужчину.

Джон Вебер вошел через массивные двойные двери и прищурился, высматривая знакомые лица. В Торрансе жили люди самые разные. То, что одним казалось раем, для других был сущий ад, именно поэтому Торранс ничем не отличался от всех прочих крупных и мелких городов, которыми славится Америка. «Да и весь мир, уж если на то пошло», — подумал Джон Вебер.

«Ад — это другие»,^[16] — сказала как-то его жена, правда, он не мог вспомнить, по какому случаю. Напрасно он повторил это высказывание прошлой осенью на родительском

собрании, во время натянутой беседы с руководителем драмкружка, который посещала Эмбер, Гордоном Липсманом. Потому что тот кивнул своей огромной снисходительной башкой и сказал, что он *tres*^[17] впечатлен тем, что местный шериф цитирует Жан-Поля Сартра, и на добрых полчаса разразился тирадой про «доктрину экзистенциализма». По счастью, его оттащил в сторону кто-то из родителей, потому что Джон уже мысленно прикидывал, что ему будет грозить, если он достанет свой пистолет и выстрелит этому напыщенному ослу прямо промеж его косых глаз.

— Вам кто-то нужен, шериф, или найти вам свободный столик?

Джон обернулся на звук знакомого голоса, сжал кулаки и уставился в невинное красивое лицо Кэла Гамильтона. У него было одно из тех лиц с темными пронизывающими глазами, твердыми, как камешки, резко контрастирующими с мягкими волнистыми светлыми волосами, маленьким приплюснутым носом, полными круглыми щечками и крупным брюзгливым ртом с удивительно мелкими зубами, по которому Джону Веберу всегда хотелось врезать. Впрочем, бугры мышц, выступающие из-под закатанных рукавов черной футболки Кэла, напоминали каждому, что лучше быть с этим типом поосторожнее. По слухам, Кэл не одного человека уложил на больничную койку, когда работал вышибалой в ночном клубе Майами, хотя его ни разу, насколько было известно Джону, не арестовывали и не задерживали.

— Я хотел узнать, не заходила ли сюда на днях Лиана Мартин, — сказал Джон.

— Лиана Мартин? — Кэл прищурился, стараясь вспомнить, кто это.

Джон вытащил из кармана рубашки фотографию Лианы. Он всегда с интересом наблюдал, какие эмоции вызывает у отдельных людей необходимость о чем-либо подумать или вспомнить. Кто-то, вроде Кэла Гамильтона, щурился. Кто-то морщил нос и кривил губы, будто ел лимон. Кто-то стучал себя по кончику носа. Иногда все эти действия проделывались последовательно или даже одновременно.

— Лиана Мартин довольно часто бывает в «Честерсе».

— Да? Дайте-ка посмотреть. — Кэл взял фотографию, поднес ее к большой барной стойке и внимательно рассмотрел при свете красных и золотых неоновых лучей.

— А, ну да, я ее знаю. Она постоянно зависает здесь со своими подружками.

— Когда ты видел ее в последний раз?

Кэл покачал головой:

— Кажется, в выходные.

— А поточнее?

— Скорее всего, в субботу, — сказал Кэл, снова прищурившись. — А что? С ней что-нибудь случилось?

Джону послышались в его голосе нотки радостного предвкушения, как будто неприятность, произошедшая с молодой девушкой, потрафляла его измененным инстинктам. Он решил не радовать его раньше времени.

— Со вчерашнего дня ее никто не видел.

Кэл равнодушно пожал плечами.

— Вы же знаете нынешнюю молодежь, — фыркнул он, возвращая фотографию Джону. — Скорее всего, развлекается сейчас со своим парнем.

— Ее парень не знает, где она.

Кэл наклонил голову и посмотрел на него исподлобья, что, видимо, следовало истолковывать как недоверие.

— Я бы не стал так уж из-за этого переживать. Наверняка через пару дней объявится. Попомните мое слово.

— Надеюсь, ты окажешься прав.

— А вы поговорили с ее друзьями?

Джон невольно вздохнул. Последние два часа он и его помощники только и делали, что говорили с друзьями Лианы Мартин. Но все отвечали одно и то же. Со вчерашнего дня девушку никто не видел и понятия не имел, где она может находиться. Но все очень волновались: не в правилах Лианы было взять и смыться просто так, никому ничего не сказав.

— Позвольте угостить вас пивом, шериф, — предложил Кэл. — Кажется, холодное пиво вам не помешает.

Джон хотел отклонить предложение, но передумал. Кэл прав. Бокал доброго холодного пива — именно то, что ему сейчас нужно. К тому же его рабочий день уже закончился, когда он вышел из кабинета, а на все эти поездки по улицам, на разговоры с друзьями и соседями Лианы он потратил свое личное время. Он один раз позвонил домой, но Полин не взяла трубку — чудеса техники и определителя номера! Когда же он наконец дозвонился Эмбер на мобильный, та сказала, что мать смотрит какой-то фильм по телевизору и строго-настрого запретила ее беспокоить. Он спросил дочь, ела ли она что-нибудь на ужин, но та ответила, что ей не хочется. Джон решил купить домой пару гамбургеров — может, получится убедить Эмбер разделить с ним ужин? Впрочем, он заранее знал, что это дохлый номер. Черт возьми, может, поэтому он так и растолстел за последние несколько лет. Чем меньше ела дочь, тем больше он чувствовал себя обязанным есть, будто питался за двоих. Чем сильнее западали у дочери щеки и живот, тем круглее становились его собственные. Если в ближайшее время она не начнет есть, он рано или поздно лопнет.

— «Бад лайт», — сказал он Кэлу. — И пару бургеров с собой. Два чизбургера с беконом, — поправился он.

— Присаживайтесь. — Кэл показал на только что освободившуюся кабинку слева от стойки. — «Бад лайт» шерифу, — приказал он рыжеволосой официантке, которая как раз проходила мимо, игриво покачивая бедрами. — Я передам ваш заказ Честеру.

Джон сунул фотографию Лианы обратно в карман рубашки, глядя вслед Кэлу, который с важностью направился на кухню, засунув большие пальцы в карманы своих черных джинсов. Джона невольно разозлила его нарочито вальяжная, наглая походка, будто он знал, что за ним наблюдают.

Кэл с женой переехали в Торранс два года назад, что само по себе было в высшей степени странным, если учесть, что ни у кого из них не было здесь родственников, а поначалу не было даже работы. Зачем молодой семье переезжать в такую глушь, как Торранс, если только они не прячутся от кого-то? Какое-то время Джон даже думал, не входят ли они в программу защиты свидетелей, но в конце концов решил, что это маловероятно. Такие люди обычно стараются держаться в тени. И если жена Кэла, Фиона, появляясь на публике, ни на шаг не отходила от своего мужа, то уж Кэла-то никак нельзя было назвать скромником. Так что единственным источником сплетен о бурном прошлом Кэла Гамильтона был сам Кэл Гамильтон. Если только, конечно, он не врал.

— Привет, шериф, — проворковал над ним голосок, и тут же пальцы с длинными ярко-красными ногтями поставили перед ним высокий бокал с холодным пивом. — Я слышала, у вас был тяжелый день?

Джон тут же вынул из кармана фотографию Лианы Мартин и протянул ее официантке с неестественными огненно-рыжими волосами.

— Вы случайно не видели на днях здесь эту девушку?

Официантка наклонилась, чтобы получше рассмотреть фото, слегка коснувшись своей полуобнаженной грудью его лица. Он едва не опрокинул стакан, ощутив мгновенный прилив желаний.

— Не расплеши пиво, дружок, — сказала официантка шутливым тоном, и Джон поморщился от фамильярности этой девчонки, которая годилась ему в дочери. — Видела. Несколько дней назад. А что? С ней что-то стряслось?

— Она пропала, — ответил Джон, как минуту назад ее боссу. — Можно попросить вас об услуге? Вы не могли бы показать фото другим официанткам — может, они ее видели?

— Не вопрос. — Официантка взяла фотографию и исчезла в толпе.

Через несколько минут он увидел, как она показывает фотографию Лианы бармену, но молодой человек только отрицательно покачал головой.

— Судя по всему, это будет не так-то просто, — пробормотал Джон в свой стакан. Пиво действительно оказалось свежим и холодным. «Человек слова», — подумал он, глядя на Кэла, который в данный момент болтал у стойки с какой-то хорошенькой женщиной. Рука Кэла недвусмысленно легла на круглую попку женщины, но та не сделала ни малейшей попытки ее сбросить, несмотря на то что на нужном пальце у нее было надето обручальное кольцо. Джон не считал себя ханжой и, уж конечно, не являлся образчиком верности, но ему не понравилось то, с какой небрежностью Кэл Гамильтон обращался с дамами. Изменять — дело одно. Но откровенное бесстыдство, выставленное напоказ, — совсем другое.

Джон снова сделал большой глоток. Никогда он не понимал женщин. Его собственная мать была просто клубком противоречий. Обычно тихая и рассеянная, буквально в следующую минуту она могла превратиться в разъяренную мегеру. Сейчас придумали какое-то модное слово «биполярность». Во времена его детства это называлось просто психозом. Неудивительно, что отец довольно скоро потерял терпение от ее неадекватных перепадов настроения и непредсказуемого поведения и по уши погрузился в дела. Когда же в сорок с небольшим она умерла от рака груди, все говорили, что нет худа без добра. Хотя Джон до сих пор скучал по удивительному чувству юмора и остроумию своей матери. Через год после смерти жены отец снова женился, на сей раз на женщине, начисто лишенной какого бы то ни было чувства юмора. Во всяком случае, Джон так и не смог его разглядеть. Зато она сделала отца счастливым. Еще одна загадка.

Джон снова сделал большой глоток, осушив полбокала.

— Ее никто не видел, — сказала официантка, вернувшись к столику Джона через десять минут. — Я даже спрашивала кое-кого из посетителей, — добавила она и покачала головой в знак того, что здесь тоже безрезультатно.

— Благодарю. — Джон допил пиво и поставил на поднос высокий пустой стакан. Официантка тут же ему подсунула еще один, полный.

— За счет заведения, — отмела она его возражения.

Ну и ладно, решил он. Почему бы и нет? Это просто означает, что он сядет за руль своей машины чуть позже, чем намеревался. Он посмотрел на часы — уже десятый час. Можно еще по крайней мере с полчаса сидеть и цедить пиво, а потом снова заехать к Мартинам. Хотя он уже заезжал к ним после того, как переговорил с друзьями Лианы. Если ему повезет, то он вернется домой, когда Полин будет уже спать. Мысль о каких бы то ни было ненужных

разговорах или — что еще хуже — о том, чтобы заняться с ней сексом, казалась просто непереносимой.

Он взял следующий бокал и поднес к губам. Когда ему стала непереносима мысль о сексе с ней? Когда супружеская близость перестала доставлять удовольствие и стала очередным нудным обязательством и тяжким грузом? Так ведь было далеко не всегда. Было время — и не так давно, — когда при одной только мысли о сексе он весь день летал как на крыльях. То, что жену он не любит и никогда не любил, то, что он вообще никогда никого не любил, уж если на то пошло, не имеет никакого значения. Он никогда не путал секс с любовью. И достаточно долго Полин его удовлетворяла. Когда же она стала вызывать у него неприязнь?..

Он еще относительно молод. Невинный контакт с официанткой только что показал, что он может совершенно запросто возбуждаться. Тогда в чем же дело? Почему же с женой эрекция не то что быстро пропадает, а порой и вообще не возникает?

Он понимал, что нельзя во всем обвинять Полин. Как только она заметила, что он стал посматривать на сторону и почувствовала, что у него пропал к ней интерес, то сделала все возможное, чтобы внести в их интимные отношения разнообразие. Накупила сексуального белья, жгла в спальне и в ванной ароматические свечи, предложила попробовать новые позы и даже намекнула, что он может воспользоваться своими наручниками. Это ненадолго помогло, но только ненадолго.

Вряд ли Полин была расстроена меньше его тем, что случилось с их сексуальной жизнью, но она хотя бы могла притворяться. Жаль, что он не может симитировать возбуждение и оргазм. Что и говорить, мужчине это дается гораздо труднее, чем женщине.

— Прошу прощения, шериф Вебер.

Джон едва не выронил из руки бокал с пивом.

— Простите, я не хотела вас напугать.

Джон оглянулся на детский шепоток Далилы, дочери Кэрри Фрэнклин, которая смотрела на него сверху вниз серьезными и большими, как плоски, черными глазами. Он развернулся на стуле, чтобы посмотреть, не стоит ли у нее за спиной мать. Нет.

— Далила, — сказал он, вскакивая на ноги. — Как поживаешь?

— Хорошо. — Она приподнялась на цыпочках, всматриваясь в темный зал. — Вы случайно не видели здесь мою мать?

— Твою мать? Нет. А что, она здесь? — Джон втянул живот, всматриваясь вглубь зала.

— В том-то и дело, что нет. Я не знаю, где она. Она ушла под вечер, чтобы купить сердечные капли для бабушки Роуз, и до сих пор не вернулась. Бабушка уже стала беспокоиться, вот я и обещала ее поискать. Вы правда ее не видели? — У Джона в голове завывала сирена тревоги. Сначала эта бродяжка из Хендри, потом Лиана Мартин, теперь еще и Кэрри Фрэнклин?

«Нет», — сказал он себе, улыбнувшись Далиле как можно более ободряющей улыбкой. Та бродяжка из Хендри просто сбежала из дому. Как, по всей вероятности, поступила и Лиана Мартин. Что же до Кэрри Фрэнклин, то она то и дело ругается с матерью, а с сердцем у той все в полном порядке. Скорее всего, Кэрри встретила в аптеке одну из своих подруг и решила выпить с ней кофе, не испытывая большой потребности возвращаться домой. Кофе плавно перешел в ужин, а может быть, и в кино. Объявится, как только почувствует, что может возвращаться домой. Так же, как Лиана Мартин и та, другая девчонка. Как же ее звали?

«Кэнди, — сказала ее мать, протягивая ему фотографию красивой молодой женщины с затравленным взглядом. — Вообще-то ее зовут Харлен. Харлен Эббот. Но она всегда терпеть не могла свое имя и называла себя Кэнди. Говорила, что Кэнди подходит ей гораздо лучше, чем Харлен. Да, я понимаю, что она уже исчезала, и не раз, и я знаю и про наркотики, и про мужчин, но в этот раз здесь что-то другое, шериф Вебер. Я это чувствую». — «Почему вы так в этом уверены?» — «Потому что, где бы она ни находилась и как долго ни пропадала, она всегда звонила на мой день рождения. А на сей раз не позвонила. У меня день рождения первого марта, я весь день сидела дома и ждала звонка, но, увы, напрасно...» — «Миссис Эббот...» — «С ней что-то случилось, шериф Вебер. А мне никто не хочет помочь...»

— Шериф Вебер?

— Что? Прошу прощения? — Джон Вебер очнулся. Далила Фрэнклин вопросительно смотрела ему прямо в глаза.

— Я слышала, что вы навели справки о Лиане Мартин.

— Ты ее видела?

— Со вчерашнего дня нет. Вы думаете, что с ней случилось что-то серьезное?

— Надеюсь, что нет. Ты ее хорошо знаешь?

— Мы всю жизнь проучились в одном классе, но подругами никогда не были. Вы же знаете, Лиана — звезда. Она очень милая, в отличие от остальных. Никогда меня не обижала. Мне она нравится. — И Далила убедительно кивнула головой.

— Она никогда не говорила тебе про какие-нибудь неприятности в семье или в отношениях со своим бойфрендом?

— Мне бы она не стала ничего такого рассказывать. Об этом вы лучше спросите Джинджер или Таню.

«Уже спросил», — подумал он, решив, что пора уже действительно возвращаться домой.

— Шериф Вебер, — снова произнесла Далила своим тоненьким голоском, так не сочетавшимся с ее внешним обликом, и по ее испуганному взгляду было ясно, о чем она думает. — Вы ведь не думаете, что с моей матерью что-то случилось?

— Я думаю, что твоя мать, скорее всего, уже дома и до смерти за тебя волнуется, — ответил Джон, прикончив остатки пива и положив на стол чаевые. — Пошли. Подвезти тебя до дома?

— Вот здорово, спасибо. А то идти далековато. К тому же уже темно. — И Далила робко улыбнулась.

Джон Вебер взял ее под локоть и направился к выходу.

— Ой, — сказала она, замерев на месте, и отвернулась в сторону, залившись румянцем, который было видно даже в темноте.

— Что такое?

— Там мистер Питерсон.

— Мистер Питерсон?

— Мой учитель физики. — И она кивнула головой в сторону мужчины, который сидел, ссутулившись, в угловой кабинке и с видом собственника обнимал за плечи девушку, годившуюся ему в дочери.

— С кем это он?

Далила пожалала плечами:

— Я ее никогда прежде не видела, а вот про него такое поговаривают...

— Что поговаривают?

— Будто он любит исключительно молоденьких, — прошептала она с заговорщическим видом, когда они оказались на улице.

Они уже почти доехали до дома Далилы, и только сейчас Джон вспомнил про бургеры. В желудке глухо заурчало, когда Далила входила в скромный двухэтажный домик. Потом она вернулась и объявила с сокрушенным видом, что матери еще нет. «Нехороший признак», — пробормотал Джон, развернул машину и поехал домой.

Далила со смешанным чувством благодарности и сожаления смотрела вслед его машине. Благодарности — потому что не пришлось топтать до дому пешком пятнадцать кварталов, она и так достаточно вымоталась, пока добиралась сюда. Сожаления — потому что ей очень хотелось побыть еще с шерифом. Ей нравился шериф Вебер. Он всегда был добр с ней, в отличие почти ото всех остальных в Торрансе, и она любила с ним поговорить. Он спрашивал о чем-то, глядя прямо в глаза, вежливо выслушивал и ни разу не сказал ей, что она стала бы очень симпатичной, если бы сбросила несколько фунтов. «Наверное, потому, что сам растолстел с тех пор, как перестал путаться с матерью», — думала она, закрывая за собой дверь и теряясь в догадках, куда же ее мать все же подевалась.

Официально считалось, что дочь ничего про их роман не знала. Кэрри — мать предпочитала, чтобы Далила называла ее по имени, говорила, что так чувствует себя моложе, хотя Далила подозревала, что ей просто стыдно за своего несуразного отпрыска — прямо никогда не говорила, что у нее связь с женатым полицейским, хотя в Торрансе все только об этом и судачили. Мать сделала несколько прозрачных намеков — что ей, мол, нравятся мужчины в униформе и что теперь ей не будут выписывать талоны за превышение скорости, и все. Поэтому, когда бы к ним ни навевался шериф Вебер, Кэрри объясняла, что он заезжал по делам. Далила никогда ее ни о чем не спрашивала, даже тогда, когда ее одноклассники стали отпускать недвусмысленные комментарии по поводу их связи. И когда ее бабушка прямо сказала, что не видит смысла выбрасывать такие деньги на пластические операции, если ее дочь, как последняя дура, расходует это все на женатого мужчину. Через некоторое время Кэрри резко порвала с Джоном Вебером, решив, видимо, что лучше хорошо выглядеть, чем хорошо себя чувствовать. А потом почти сразу же отправилась в Майами, чтобы увеличить свои и без того уже раздутые, как от пчелиных укусов, губы.

Далила потеряла счет всем хирургическим процедурам, через которые прошла ее мать. Когда ее мучила бессонница, она даже развлекалась тем, что принималась их подсчитывать. Помимо регулярных инъекций ботокса и рестилана, на ее памяти были коррекция носа, подтяжка лба, абдоминопластика,^[18] липосакция бедер, несколько блефаропластик,^[19] две операции по увеличению груди. Первый раз ее не удовлетворил размер груди и подтяжка лица, которая была ужаснее всего, потому что, когда мать приехала из клиники, вид у нее был такой, будто ее переехал грузовик. Распухшее лицо оказалось покрыто синяками, но через несколько недель опухоль спала, синяки сошли, и Кэрри вернулась в норму. Хотя слово «норма» в сочетании с «Кэрри Фрэнклин» — очевидный оксюморон.^[20] Кажется, это так называется. Далила подумала, что надо будет спросить миссис Кросби.

Далиле очень нравилась миссис Кросби. Она была не только хорошим учителем и добрым человеком, но и выглядела, как и полагается выглядеть матери. Далила с грустью признавала, что почти не помнит настоящее лицо своей матери. Она действительно не помнила эту красивую от природы молодую женщину на старой семейной фотографии, которая с гордостью прижимала к себе своего новорожденного ребенка.

Далила любила просматривать старые семейные фотоальбомы так же, как презирали это занятие ее мать с бабкой. Любила рассматривать бабушку, с царственным видом восседавшую на пляже на складном стульчике, будто на троне. Ее коробил вид дедушки, который дурачился, напялив на себя соломенную шляпу бабушки; ну а Кэрри и две ее сестры,

плывущие со счастливым смехом по океанским волнам, казались ей чужими людьми.

Дедушки уже нет в живых, так же как нет старшей сестры матери, Лоррейн. Другая сестра, Рути, десять лет назад переехала в Калифорнию, и они почти не общались. Так что их осталось трое — Далила, мать и бабушка. Грешная троица, любила шутить ее мать. Куда же она все-таки подевалась?

— Кэрри, это ты? — позвала из гостиной бабушка.

— Нет, бабушка Роуз, это я.

— А-а-а...

Женщина даже не попыталась скрыть своего разочарования, хотя ни она, ни мать девочки вообще никогда не скрывали его по отношению к своей единственной дочке и внучке. Далила вошла в захламленную гостиную. Хотя сложно было бы сказать, чем она захламлена. Там не было ни книг, ни разбросанных повсюду старых газет — ни мать, ни бабушка в руках не держали ничего кроме модных журналов, — и в комнате казалось довольно чисто. Зато какой только дряни здесь не было. Повсюду лежали кружевные салфеточки — на спинке рыжеватого дивана и коричневого кожаного кресла, на телевизоре, на журнальных столиках, стоявших по обе стороны дивана. Стеклянный кофейный столик посреди комнаты загромождали последние номера «Вог» и стопка «Ин Шейп». В углу, рядом с дедушкиными часами, которые давно не ходили, стоял сервант красного дерева со стеклянными дверцами. Сервант был битком набит полупрозрачным розовым и зеленым стеклом времен Великой депрессии^[21] и бабушкиной коллекцией старинных фарфоровых статуэток. Бабушка говорила, что это антиквариат, мать же называла их старым хламом. Однажды по секрету она сказала Далиле, что повыбрасывает их — «всю эту кофлу», как она выражалась, — как только бабушка Роуз уйдет от них.

Кэрри никогда не говорила «умрет», она всегда говорила «уйдет». Также среди ее излюбленных выражений были «сыграть в ящик» и «отбросить коньки», хотя при бабушке она никогда ничего подобного не произносила, зная, какой гнев вызовут у той подобные кощунственные слова. Далила знала, что Кэрри мирится с отвратительным характером и властолюбием своей матери только из расчета на то, что к ней перейдет ее состояние.

— Как дела, бабушка Роуз? — спросила Далила, осторожно подходя к старухе. Бабушка сидела посреди дивана, на самом краешке. На ее распухших ногах красовались обшарпанные розовые тапочки, крупные мужские ладони покоились на коленях. Волосы старухи были выкрашены в насыщенный красновато-каштановый цвет, хотя на лбу уже проглядывали седые корни. У нее было круглое лицо с грубыми чертами, карие глаза смотрели холодно и неумолимо. Разве бабушки не должны быть существами добрыми и мягкими? Разве не должны встречать тебя с распростертыми объятиями и угощать свежее испеченными пирожками? Иначе вообще зачем они нужны?..

— Как у меня, по-твоему, дела? — ответила бабушка. — Я страшно обеспокоена.

— Мама вернется с минуты на минуту, вот увидишь, — сказала Далила, нисколько не уверенная в собственных словах. Где она вообще сейчас находится? Почему не звонит? — Она не звонила?

— Если бы она позвонила, то я бы не беспокоилась.

— Да, конечно. — Далила глубоко вздохнула, стараясь не показывать своего раздражения. Она пыталась убедить себя в том, будто бабушка огрызается потому, что беспокоится из-за дочери, но та просто не умела разговаривать иначе. Неудивительно, что Кэрри пользовалась любой возможностью, чтобы уйти из дома, и не торопилась

возвращаться домой. А когда она все-таки объявлялась, то все свободное время проводила за компьютером — лучше уж спокойно поболтать в чате, чем молча сносить упреки матери. В сети всегда можно огрызнуться в ответ.

— Я решила, это она, когда автомобиль подъехал.

— Это была машина шерифа Вебера. Он подвез меня до дома из «Честерса».

— Ну и зря, — сказала Роуз. — Тебе нужно больше двигаться.

Далила с трудом выдавила улыбку и пошла на кухню.

— Тебе принести что-нибудь, ба? Колу или сок?

Роуз покачала головой:

— Нет. И тебе не советую. Ты хотя бы знаешь, сколько сахара содержится в стакане кока-колы? И про апельсиновый сок говорят то же самое. Ты в курсе?

— Да, ты уже не раз говорила мне об этом. — «По миллиону раз на дню», — подумала Далила, зашла в маленькую кухню, открыла холодильник и потянулась за банкой колы.

— Пей простую кипяченую воду, — посоветовала бабушка, как будто видела сквозь стены. — Говорят, что в день нужно выпивать не менее восьми стаканов воды. Ты хоть знаешь об этом?

— Разве можно выдуть столько воды? — ответила Далила, вскрывая банку. В воздух с шипением вырвался газ, пощекотав ей ноздри. Она поднесла банку к губам и с наслаждением сделала большой глоток.

— Вот дуреха, — пробормотала Роуз достаточно громко, чтобы ее услышали. — До чего же упрямая!

— Ты точно ничего не хочешь, ба? Здесь, кажется, осталось мороженое.

— Да нет же, боже ты мой. Говорят, что после семи часов вообще нельзя ничего есть.

— Кто говорит? — Далила вернулась в гостиную, с мрачной решимостью сжимая в руке банку колы, и плюхнулась в коричневое кожаное кресло. Раздался громкий свистящий звук, будто кресло застонало под тяжестью ее веса.

— Все говорят, — сказала Роуз. — И поосторожнее с этой колой. Если расплескаешь...

— Не расплескаю.

— ...сама будешь убирать, — закончила бабушка.

Обе несколько секунд молчали.

— Как поживает шериф Вебер?

— Отлично.

— Что он делал в «Честерсе»?

— Пил пиво.

— Без жены, я так понимаю?

Далила кивнула:

— Он зашел туда по работе.

— По работе? — Бабушка приподняла одну бровь.

— Лиана Мартин пропала.

— Что?

— Лиана Мартин. Моя одноклассница. Она пропала.

— Дочь Джуди Мартин?

— Кажется.

— Красивая женщина. Она когда-то заняла второе место на конкурсе «Мисс Америка».

— Кажется, это была не «Мисс Америка»...

— Что значит пропала? — перебила ее бабушка.

— Она не ночевала дома, и никто ее не видел со вчерашнего дня.

Прошло еще несколько секунд, прежде чем до бабушки окончательно дошел смысл этих слов.

— И что думает по этому поводу шериф?

— Пока ничего конкретного.

— Да она, наверное, просто сбежала, — сказала Роуз, хотя прозвучало это не столь уверенно. — Зачем нужно было мне это рассказывать? — тут же набросилась она на девушку. — Ты что, не видишь, что я себе и так места не нахожу от беспокойства?

— Не волнуйся, ба. Я уверена, что Лиана отыщется.

— Какое мне дело до нее, господи ты боже мой! Я беспокоюсь из-за твоей матери. Если у нас здесь объявился маньяк...

— Ого! С чего это ты взяла насчет маньяка?

— У меня дурное предчувствие.

— Ты меня пугаешь.

— Тебе-то чего бояться? Никакой маньяк не станет возиться с тобой.

Глаза Далилы мгновенно наполнились слезами. Неужели она настолько отвратительна, что к ней не прикоснется даже маньяк? Она поднесла банку к губам и опустила ее только после того, как осушила до дна. Слезы к тому моменту уже высохли. Она поднялась:

— Включить телевизор, ба?

— Нет. По этому чертову ящику никогда ничего стоящего не показывают. Может, ты снова прогуляешься? Поищешь ее?

— Бабушка, я устала. И потом, мама сейчас наверняка с доктором Кросби.

— Нет, сегодня он проводит вечер с детьми. Ты ведь не думаешь, что она попала в аварию? Твоя мать так небрежно водит машину.

— Нам бы уже позвонили. — Но где же действительно ее мать? Почему она им не позвонила? — Может, тебе спать лечь, ба? Уже поздно и...

— ...и твоя мать до сих пор не вернулась. И пропала молодая девушка. Как я усну, зная, что ее нет дома?

— Ты так заболеешь, — предупредила ее Далила, хотя и сама в это не верила. Роуз была несокрушима, как скала. «Она, наверное, и конец света переживет. Останутся только бабушка Роуз и тараканы. Хорошее название для музыкальной группы, кстати».

— Если хочешь, можешь идти спать, — говорила бабушка. — Я вполне обойдусь без твоего общества.

— Я не хочу оставлять тебя одну.

— Не беспокойся, я к этому привыкла.

Закатив глаза, Далила подошла к дивану, наклонилась и поцеловала бабушку в сухой шелушащийся лоб. Ей это померещилось или она действительно слегка дернулась?

— Шериф Вебер просил позвонить ему, если к полуночи мама не вернется, — сказала она, выходя из комнаты.

— К полуночи? — Роуз произнесла это, как ругательство. — К полуночи?

Далила пошла наверх в свою спальню. Она села на узкую кровать, покрытую стеганым одеялом с белыми и розовыми цветами, которое тут же вздыбилось вокруг ее широких бедер. Розовый ковер лежал на полу, на окне, выходявшем на улицу, висели занавески в белую и розовую клетку, розовый абажур затягивал миниатюрную белую лампу, стоявшую на белом

ночном столике, вручную разрисованном розовыми же цветами. «До последнего штриха комната маленькой девочки», — подумала Далила. Не упустили ни одного штампа. И никого не интересует, что ее обительница уже давно выросла из этой кукольной кровати и потеряла всякий интерес к плюшевым игрушкам, восседавшим на книжных полках. Главное — создать иллюзию бесконечной женственности. Главное — придумать себе идеал.

И действительно, вряд ли найдется другая девушка, более далекая от идеала женственности, чем Далила. Потому что даже в детстве она не оправдывала тех ожиданий, которые возлагала на нее эта комната. При рождении она весила всего каких-то шесть фунтов, в младенчестве была стандартных средних размеров, но после второго развода матери стала неуклонно набирать вес, который к последнему Рождеству дошел уже до 163 фунтов. При росте в пять футов пять дюймов этого было вполне достаточно, чтобы назвать ее полной, но совершенно недостаточно, чтобы говорить об ожирении.

Девушка посмотрела в окно, случайно уронив взгляд на стоявший на столе компьютер. Ее одноклассники то и дело пишут про нее самые ужасные вещи. Всячески обзываются и отпускают гнусные непристойные комментарии по поводу ее полноты. Особенно изгаляются на сей счет Джой Бэлфор и Грег Уотт. И подумать только, что когда-то она считала Грега милым. Однажды она пришла в школу в новой блузке, и он сказал ей, что она хорошо выглядит. Казалось бы, такие банальные слова, а ведь она несколько недель буквально летала на крыльях, то и дело повторяя про себя этот комплимент: «Ты хорошо выглядишь. Ты выглядишь хорошо». Пока наконец эти слова не превратились в какую-то невнятную кашу, как на заезженной пластинке. В любом случае их уже давно вытеснили другие.

Мать всегда говорила, что у нее красивое лицо. «И она права», — решила Далила, вставая с кровати и изучая свои до странности тонкие черты в высоком зеркале. «Тебе и нужно-то сбросить всего фунтов тридцать», — слышала она материнский шепот. «Тридцать фунтов. Тридцать фунтов», — повторяла Далила недоверчивым голосом своей бабушки.

Она прекрасно понимала, что даже эти тридцать фунтов не удовлетворят бабушку Роуз. Она может навсегда отказаться от колы и перестать есть после семи часов вечера, похудеть на тридцать или даже на сорок фунтов — бабушке и этого покажется мало. Далила вспомнила про модные журналы, которые мать читала запоем, как другие читали Библию, про всех этих костлявых девиц с запавшими глазами и раздутыми губами, которыми кишат глянцевые страницы. Они ничем не отличались друг от друга. Неужели бабушка хочет, чтобы она стала одной из этих мумий?

«Это то, чего хочу я», — с грустью призналась самой себе Далила. Выглядеть как все. И быть такой же, как все, стать невидимкой. И она едва не рассмеялась, потому что ее и так никто не замечал, несмотря на ее габариты.

Если бы только можно было хоть с кем-то поделиться своими чувствами. Если бы у нее был хоть один близкий друг. Ей всегда страстно хотелось иметь сестру, несмотря на то, что рассказывала ее мать о собственном детстве, о постоянном соперничестве с сестрами за расположение матери, о том, с каким блеском умела бабушка Роуз их стравливать друг с другом.

— Так что благодари Бога, что ты единственный ребенок в семье, — говорила мать.

Но правда, где же мать? Ушла из дома в половине пятого — вышла в аптеку, — а сейчас уже почти десять. Может, бабушка права? Может, она попала в аварию и нужно начинать обзванивать все ближайшие больницы? Может, стоит действительно выйти и поискать ее?

Звонок.

— Ты ответишь? — послышался снизу бабушкин голос.

Далила бегом сбежала вниз, пробежала на кухню и схватила трубку как раз в тот момент, когда уже раздался четвертый звонок, молясь про себя, чтобы из нее послышался мамин голос.

— Алло?

— Далила, — небрежно произнесли на другом конце.

Далила сразу поняла, кто это. Его голос таил в себе такую же угрозу, как и весь его внешний облик.

— Мистер Гамильтон, — ответила она. Значит, мать все-таки зашла в «Честерс»? И сейчас сидит там? Или что-то и впрямь случилось?

— Я видел, что ты заходила, — сказал Кэл Гамильтон, — но не успел с тобой поговорить, ты уже ушла.

— Далила, кто это? — Бабка появилась в дверях кухни. — Это твоя мать?

Далила отрицательно покачала головой.

— Мистер Гамильтон, — прошептала она. — Мистер Гамильтон, все в порядке? Моя мать...

— Я тут хотел попросить тебя забежать к нам в субботу днем на несколько часов, чтобы составить моей жене компанию, — перебил он, как будто не расслышав. — Мне надо будет отлучиться, а ты же знаешь, что Фиона не любит оставаться одна.

— Да, конечно, — ответила Далила, хотя ничего такого она не знала. Все предыдущие разы Фиона едва обмолвилась с ней парой слов. Скорее это походило на присмотр няньки за младенцем, к тому же довольно жутковатым. Она бы ни за что не согласилась, если б мистер Гамильтон не платил ей двадцать долларов в час. — Он хочет, чтобы я пришла к ним в субботу, — начала она, вешая трубку, но бабушка уже повернулась к ней спиной.

Во двор въехал автомобиль. Далила молча помолилась, зажмурившись.

— Всем привет, — прокричала с порога Кэрри. — Есть кто-нибудь живой?

Далила испустила глубокий вздох облегчения. Мать вернулась живая и невредимая. Она не попала в аварию и не стала жертвой маньяка. И не важно, что ее не было дома почти шесть часов, что она никому ничего не сказала и даже не позвонила предупредить, что ее не будет к ужину. Главное, что она вернулась.

— Где ты была, черт тебя побери? — прорычала Роуз, решительным шагом входя в гостиную. — Мы чуть с ума не сошли от волнения!

— Не валяй дурака, — ответила Кэрри, нетерпеливо отмахнувшись от матери. На ней были облегающие брючки в красную и белую клетку и облегающая белая майка. Длинные платиновые локоны свободно рассыпаны по плечам. Между ремешками красных босоножек на высоченных шпильках виднелись красные ногти.

— Я же говорила, что могу задержаться. — В руке Кэрри держала большой коричневый пакет. — Ну хватит злиться! Я купила вам подарки.

— Где ты была? — спросила Далила.

— В «Блумингдейлз», ^[22] — промурлыкала Кэрри, открывая пакет.

В «Блумингдейлз»? — повторила про себя Далила. Ближайший «Блумингдейлз» находится в Форт-Лодердейле.

— Ты ездила в Форт-Лодердейл?

— Мне захотелось купить моей девочке какую-нибудь милую вещичку. — И она

вытащила из сумки голубой хлопчатобумажный свитер и приложила его к своей шарообразной груди.

Далила никогда в жизни не видела такого красивого свитера.

— Классный. — Она с жадностью протянула руку, рассматривая фирменный лейбл.

— Надеюсь, ты не забыла про мои таблетки? — сказала Роуз.

— Разумеется, забыла! — Кэрри порылась в своей красной кожаной косметичке и бросила матери маленький пластмассовый пузырек.

— Хорошо, что они не сразу мне понадобились.

— Пожалуйста! — хмыкнула Кэрри.

Далила проверила размер и ощутила болезненный укол в сердце.

— Кажется, он мне немного маловат, — разочарованно прошептала она, чувствуя, что вот-вот разревется.

— Это средний размер.

— А у меня большой.

Мать улыбнулась:

— Значит, у тебя будет стимул сбросить несколько фунтов. — И она взяла у нее свитер. — А пока я его сама поношу. Так что здесь произошло? Я что-то пропустила?

— Пропала Лиана Мартин, — сказала Далила, глядя, как мать укладывает свитер обратно в пакет.

— Что значит пропала?

— Шериф Вебер сказал, что никто не видел ее со вчерашнего дня.

— А когда это ты говорила с шерифом Вебером?

— Сегодня вечером. Бабушка Роуз сильно беспокоилась за тебя и отправила меня на поиски.

— Ну ты даешь, мама! — раздраженно сказала Кэрри. — Я же говорила, что могу задержаться. Зачем сеять панику!

— Ты не сказала, что поедешь в Форт-Лодердейл.

— Это было спонтанное решение. К тому же я уже большая девочка и не должна во всем перед вами отчитываться.

— Мне не нравятся эти штаны, — вместо ответа сказала Роуз.

— Надо позвонить шерифу Веберу, — вмешалась Далила. — Сказать, что ты вернулась.

— Почему тебе не нравятся эти штаны?

— Потому что они тебя полнят, — сказала Роуз.

— Вот как?

— А по-моему, они тебе очень идут, — высказалась Далила, вставая на сторону матери.

— Вы только посмотрите, кто это говорит, — фыркнула Роуз.

— Как поживает шериф Вебер? — спросила Кэрри. — Он переживал из-за меня?

— Во всяком случае, попросил, чтобы я позвонила ему, если ты не вернешься к полуночи. Кажется, он обеспокоен из-за Лианы.

— Из-за Лианы?

— Из-за Лианы Мартин, — напомнила Далила.

— Это дочь Джуди Мартин, — встряла Роуз. — Вот уж действительно красивая женщина.

— Ты так думаешь? — спросила Кэрри. — Мне ее внешность всегда казалась посредственной. А ты как считаешь, солнышко?

— По-моему, ты намного красивее, — ответила Далила, впрочем, не совсем уверенная, в своих словах.

— Спасибо, мой ангел. Вот видишь, мама? Далила считает, что я гораздо красивее Джуди Мартин.

— Что это у тебя на подбородке, прыщик? — спросила Роуз.

— Что? Где? — Кэрри немедленно бросилась к маленькому зеркалу в прихожей. — Что ты несешь? Нет здесь ничего.

Далила усмехнулась и пошла на кухню. «Теперь всю ночь будут пререкаться», — думала она, набирая номер шерифа. Она сообщила ему, что мать вернулась и что ей очень неловко, что она причинила ему столько ненужных беспокойств.

— Про Лиану что-нибудь известно? — напоследок спросила она.

— Ничего, — сухо ответил он.

— Ничего, — повторила она, прислушиваясь к перепалке, доносившейся из соседней комнаты. Несколько секунд она слушала, потом открыла ближайший ящик, вытащила оттуда ложку, придвинула к морозильной камере белый плетеный стул и прямо из контейнера стала доедать остатки мороженого.

Память поразительная вещь. Воспоминания формируют нас, создавая фон для повседневной жизни, предпосылки наших поступков зачастую определяют наши сомнительные решения. То, кем мы являемся сегодня, неразрывно переплетено с воспоминаниями о том, какими мы были вчера и еще раньше. Все это будто нити большого узорчатого гобелена — какие-то яркие эпизоды из прошлого, выхватывающие, как луч прожектора, недавние наши разочарования, первую любовь. Или ненависть. Выдерните одну нить — гобелен распустится. Кто, как и с кем обошелся; любимые блюда; многочисленные навыки, которыми мы сумели или не сумели овладеть; любимые фильмы; музыка, под которую мы когда-то танцевали; кинозвезды, которыми мы восхищались, и политики, которых мы недолго любили — если мы не сможем вспомнить таких простых вещей, то кем же мы тогда станем?

Нас формирует наша память. Без нее мы были бы обезличены и не имели бы ровным счетом ничего.

Эти несчастные создания, пережившие собственную память и теперь рыдающие от одиночества в больничных коридорах, рыдают не от боли в печени или желудке. Это агония людей, забывших о том, кто они, и их уши тщетно пытаются услышать в этих воплях звук знакомого голоса. Они живут в нескончаемом настоящем, а это и есть ад.

Я не хочу дойти до такого. Надеюсь, что, если когда-нибудь у меня разовьется болезнь Альцгеймера или еще что-нибудь похуже, у кого-нибудь хватит ума приставить мне дуло к виску и спустить курок. Думаю, Лиана Мартин была бы счастлива оказать мне такую услугу, но, к сожалению, ей не представится такая возможность.

Все то и дело твердят, что жить надо сегодняшним днем. Думаю, это добрый совет. Не забывать вчерашнее, но жить сегодняшним. Да, леди и джентльмены, это мой новый девиз. Надо было сказать об этом Лиане Мартин. Живи сегодняшним днем, Лиана, прошлого не воротишь, а что будет дальше — одному Богу известно.

Хотя нет. Не совсем так. Мне известно, что будет дальше.

Еще твердят, что каждый день надо проживать так, как если бы он был последним в твоей жизни. Еще один добрый совет, хотя не думаю, что Лиана Мартин оценила бы его по достоинству.

Интересно, о чем она вспоминала прошлой ночью и какие это были воспоминания — счастливые или печальные? И смогла ли она найти в них утешение? Лично у меня предостаточно неприятных воспоминаний. Например, в пять лет мне чудом удалось не утонуть в соседском бассейне. У Робби Уоррена был день рождения, а моя мать оказалась слишком занята и не могла пойти со мной, так что меня отвела туда тетя, не вылезавшая из нашего дома. До сих пор вижу, как она флиртует с отцом Робби Уоррена возле бассейна, запихивая в рот тартинки.^[23] Вы любите тартинки? Я очень. Их мажут маслом — м-м-м! Поэтому-то они и такие вкусные.

Было ужасно жарко, детей собралась целая куча — они плескались в бассейне и очень шумели. А взрослые сплетничали и пили, и, уверен, пили они отнюдь не лимонад, хотя тетя потом это отрицала. Так же, как убеждала остальных, что я не помню событий того дня. Она

утверждала, что я никак не могу этого помнить, потому что я был слишком маленький. Говорила, что дети в этом возрасте ничего не запоминают, тем более в таких подробностях. Поэтому мне надоело ее убеждать. У нее была своя правда, у меня — своя. И в конце концов весь инцидент остался на ее совести.

Но какая же она оказалась лгунья! Упорно утверждала, что глаз с меня не сводила. Уверяла, что только на секунду отвернулась, а когда оглянулась, меня уже не было, и она, естественно, решила, что мне приспичило зайти в дом, дабы воспользоваться удобствами. Она всегда называла туалет «удобствами». Ей казалось, что так благороднее звучит. Помню, как ее корежило, когда она слышала от меня: «Мне надо в туалет». До сих пор вижу, как ее трясет. Но меня это, разумеется, только разжигало.

Так вот, она говорила, что вошла в дом, чтобы разыскать меня. Мне кажется, она просто хотела отыскать там отца Робби Уоррена. Разумеется, она сказала, что столкнулась с ним, пока искала меня (будто моя вина в том, что она с ним заболталась). Ну да, может, она и отвлеклась на пару секунд, но не более того, хотя остальные утверждали, что мне пришлось пробыть под водой не менее минуты. Не знаю, этого я действительно не помню. Зато хорошо помню, как меня толкнул кто-то из детей, и в следующую секунду я уже очутился под водой. Помню вкус хлора и как заливалась в ноздри тепловатая вода. Помню, как взметнулись над головой волосы и плавно зареяли в воде, как водоросли. А дальше — пустота.

И вдруг — голоса, плач, крики. Потом последовал первый удар в грудь, кто-то откинул мне голову, разжал рот, зажал нос и стал делать искусственное дыхание. Помню, как меня рвало и как вода исторгалась из меня на чьи-то колени. Помню, как истерически рыдала тетя, да с таким усердием, что встал вопрос о том, не отвезти ли в больницу *ее*. И как ее утешал отец Робби Уоррена — ему даже пришлось на добрых десять минут увести ее в дом — пока, наконец, она не пришла в себя настолько, чтобы ехать домой. А дома она все представила так, будто это была целиком моя вина, и мать приняла ее сторону и наорала на меня и трясла меня до тех пор, пока у меня не закружилась голова. Она кричала, что надо быть осторожнее, потому что мы испортили Робби Уоррену день рождения, и теперь они нас больше никогда не пригласят. И что мы тогда будем делать жарким летом, когда даже искупаться будет негде?

Но семья Уорренов этим же летом куда-то переехала, а вместо них там поселились какие-то старики, которые не любили купаться и ликвидировали бассейн. А потом замостили весь задний двор и выпололи все газоны, потому что старый мистер Джейкс говорил, что у него не хватит сил на то, чтобы бороться с сорняками. Выслушав мое предложение помогать — на самом деле это моя мать предложила мою помощь, — мистер Джейкс возразил, что у жены аллергия на траву, так что двор они все равно замостят. Мне нравился мистер Джейкс. Он был большим, неприветливым и постоянно чем-то расстроенным. Но с ним хотя бы все было понятно, не нужно было притворяться и нести чепуху. Вы о многих могли бы сказать то же самое?

После его смерти мы пошли выразить свои соболезнования миссис Джейкс. Мать купила в магазине торт с арахисовым кремом, пытаясь выдать его за собственное изделие. Не выгорело. Выяснилось, что у миссис Джейкс аллергия не только на траву, но и на арахис и она его не то что есть не может, она даже дома не держит арахис. Так что пришлось отнести торт обратно домой и съесть самим. Мать сказала потом, что нет у миссис Джейкс никакой аллергии, что она просто нос задирает и считает себя выше нас. Больше мы с ней не общались. Через несколько месяцев дети упекли ее в дом престарелых в Халландейле, а сюда

вселилась новая семья. Но они нас так ни разу и не пригласили.

Мне не суждено было научиться плавать. Во всяком случае, хорошо плавать. Вода всегда вселяла в меня ужас и вселяет до сих пор. То, как она незаметно к тебе подкрадывается и обволакивает. В этом отношении я тоже, наверное, напоминаю воду.

Еще одно неприятное воспоминание: ежегодный отпуск в Помпано-Бич с матерью, бабушкой и дедушкой и, разумеется, с тетей. Этот отпуск являлся для меня неизменной пыткой, главным образом из-за тетушки, которая из кожи вон лезла, чтобы превратить мою жизнь в ад. Неудивительно, что ее муж не дожил до сорока. Наверное, он даже рад был, что его свалила болезнь, потому что смерть стала, пожалуй, для него избавлением.

После того несчастного случая тетушка вбила себе в голову обучить меня плаванию. Ей не хотелось обнаружить меня лицом вниз в бассейне какого-нибудь мотеля, говорила она всем при каждом удобном случае, она любила поработать на публику, равно как и не улыбалась мысль, что меня может унести течением в открытый океан. Ей хочется расслабиться и насладиться отпуском, повторяла она эту до тошноты приевшуюся фразу. Поэтому не успели мы в первый раз после того случая заселиться в мотель, как она уже уговорила спасателя, с которым до этого обжималась, обучить меня плаванию. Надо отдать ему должное, в конце концов он добился, что я смог более трех секунд продержаться на плаву, хотя высшим моим достижением стало плавание по-собачьи. Он объяснял мне, что я не научусь хорошо плавать, если не буду окунать голову в воду. Пришлось сказать, что мне это малоинтересно.

Тетю это, впрочем, не остановило — она никогда не умела вовремя остановиться и не могла оставить в покое меня. Ей было непонятно, как это можно получать удовольствие от чтения, например. Или от рисования. Нет, она была из тех, кто безжалостно отдирает болячку, не давая ране как следует зажить: постоянно брала меня на длиннейшие водные прогулки и глубоководную рыбную ловлю, от которых меня в буквальном смысле слова тошнило. Для человека, до смерти боявшегося, что я могу утонуть, она делала все возможное, чтобы как можно дольше оставлять меня у воды и на воде.

Однажды она настояла на том, чтобы мы все прокатились на водных лыжах, убедив меня, что это легче, чем кататься на велосипеде, с которым у меня тоже были непростые отношения. Не знаю, что заставило меня поверить, не иначе как умственное затмение, хотя, возможно, мне просто хотелось от нее отвязаться. А может, потому, что у других детей это получалось так просто и без всяких видимых усилий — иногда они даже держались одной рукой, а второй махали тем, кто с завистью наблюдал за ними с берега, восторженно откинув головы. Помню, как я стою на водных лыжах в надежно закрепленном на мне спасательном жилете и жду, когда тронется катер. «Держись!» — кричит тетя, когда я отчаянно пытаюсь выпрямиться, и этот крик до сих пор стоит у меня в ушах. Катер с бешеной скоростью срывается с места, вырвавшийся канат обдирает мне ладони, и уже в следующую секунду я барахтаюсь в соленой воде, бешено перебирая в воздухе руками, жилет больно упирается в подбородок, а сорванные с ног лыжи плавают на поверхности. «Ах ты, недотепа», — хохочет тетя, затаскивая меня на борт. Она потешалась надо мной всю дорогу до мотеля.

И так происходило из года в год — ей это никогда не надоедало. «Где ты там, трусишка?» — звала она, разыскивая меня под красными и белыми пляжными зонтиками. — Вылезай, мокрая курица, сейчас твоя очередь. Покажи нам, что ты умеешь». Дошло до того, что семейный отдых уже страшил меня сильнее, чем поход к зубному врачу.

Мы перестали выезжать в Помпано-Бич только со смертью тетушки, пусть земля ей будет пухом. Ха-ха!

Не буду сейчас об этом рассказывать, нет времени. Его и так уже слишком много потрачено на воспоминания, не следовало этого делать. Весь мой план пошел кувырком, так что теперь надо решать, что делать, пока еще не совсем рассвело. Даже сейчас все может открыться, а моего отсутствия не должны обнаружить. Новость об исчезновении Лианы Мартин распространилась по Торрансу со скоростью света, и все уже начинают тревожиться. Если найдут ее труп, будет еще хуже. Как, вы разве еще не поняли, что Лианы уже нет в живых? И что мои планы пошли кувырком? Кстати, забавное выражение — «пойти кувырком», вам не кажется?

План был таков: вернуться сюда прошлой ночью, поразвлечься, прикончить ее и бросить в болото в нескольких милях отсюда. Но вы же знаете, что случается с самыми тщательно продуманными планами. Какой-то идиот по имени Рэй Саттер накачался пивом и влетел на своей машине в канаву у обочины, как раз рядом с тем местом, где была похоронена Кэнди. Пришлось вытаскивать его на буксире, там собралась толпа — в таких городах, как Торранс, это считается своего рода развлечением. Хорошо, что меня никто не заметил, хотя меня и так никогда не замечают. Хорошо, что Кэнди была погребена по всем правилам («Если ты что-то делаешь, делай это хорошо», — говорила моя тетушка), хотя все равно все пялились на утонувший в грязи старый красный «шевроле». Пришлось вернуться туда после того, как тягач сделал свое дело и все разошлись. До сих пор слышу вопли жены Рэя Саттера. «Я тебе говорила! Я тебе говорила!..» И в этом я могу с ней полностью согласиться. Лично я думаю, что пьяные водители представляют большую угрозу и их нужно расстреливать на месте.

Но они хотя бы не потревожили могилу Кэнди, так что она все еще покоится в мире. Точнее, то, что от нее осталось, потому что до нее уже наверняка добрались черви и прочие твари.

В любом случае домой мне удалось попасть только к четырем утра. Лиана спала — на тот момент она была уже в полубредовом состоянии, и это отчасти испортило мне удовольствие. Хотя, как мне кажется, она сначала даже обрадовалась, увидев меня: глаза у нее округлились, а на губах промелькнуло некое подобие улыбки — все-таки перед ней предстал не страшный слюнявый монстр в грязной окровавленной одежде. (Неужто родители Лианы Мартин ни разу не читали ей сказку про волка в овечьей шкуре?) Нет, вид у меня был довольно опрятный и представительный. Мягкий голос ласково сказал ей, что, если она попытается успокоиться и согласится со мной сотрудничать, то мы вместе попытаемся найти выход из ее затруднительного положения.

Она ничего не ела и не пила последние тридцать шесть часов. Вот, кстати: не забыть на будущее оставлять здесь бутылки с водой (на случай моих непредвиденных задержек). Она ослабла, впала в отчаяние и, кажется, была готова на все, лишь бы спасти свою жизнь. Люди способны обманывать себя до бесконечности: она еще думала, что у нее есть шанс! Мы верим в то, во что хотим верить, независимо от того, что все свидетельствует об обратном, поэтому Лиане Мартин отчаянно хотелось верить в то, что ее оставят в живых.

Она выпила воды, подкрепилась остатками сэндвича из холодильника — на самом деле с жадностью проглотила, — а потом мы сели и стали беседовать. Обо всем на свете. Она рассказала мне про своих родителей, про то, что ее отец какая-то крупная шишка в Американском национальном банке, а мать была избрана королевой красоты, но скоро

отказалась от короны, поскольку вышла замуж. У нее двое младших братьев и младшая сестра, Мередит. Ей всего шесть лет, но она уже страшная зануда, потому что все твердят ей, какая она красивая, а мать постоянно таскает ее по всему штату на конкурсы красоты. Родители, кстати, уехали на очередное шоу в Тампе [\[24\]](#) и, наверное, даже не знают, что она пропала.

А потом она расплакалась. Женщины вечно плачут.

У нее так отекли глаза, что их стало почти не видно. И сильно покраснели, потому что она слишком долго их терла. Напрасно: глаза, пожалуй, — самое лучшее, что было в Лиане. Потекшая по щекам тушь тоже красоты ей не прибавила. Вид у нее был сильно помятый, хотя до нее еще пальцем не дотронулись. «Почему ты не пользуешься водостойкой тушью?» В ответ она только глянула на меня как на обитателя сумасшедшего дома.

«Какой сегодня день? — спросила она. — Сколько я здесь пробыла?» — «Среда, раннее утро, ты здесь с понедельника. Все, что мне нужно, — это немного побыть с тобой наедине, а потом я тебя отпущу, если мы с пользой проведем время. Расскажи мне о себе что-нибудь такое, чего ты не рассказывала еще никому», — попросил ее я.

Сначала она артачилась, но потом разоткровенничалась. Сказала, что у нее точно такие же комплексы, как и у всех, что она не считает себя такой же красивой, как мать и младшая сестра, что у нее слишком большой нос и довольно толстые ляжки, и она боится не соответствовать определенным стандартам. Рассказала про своего бойфренда, Питера, про то, что все считают их красивой парой, а на самом деле она даже не уверена, что он ей нравится, потому что он грубо с ней обращается. Потом она снова расплакалась.

На мой вопрос, занимались ли они с Питером сексом, она ответила, что это меня не касается. Но тут же передумала, очевидно, заметив мое недовольство, и сказала, что да, конечно занимались. А оральным сексом? «Да, но все делала я, а Питер ни разу». — «Плохо. Настоящие мужчины так не поступают».

На вопрос, был ли Питер у нее первым, она замотала головой. После этого мне захотелось узнать, при каких обстоятельствах она потеряла девственность, с кем, как это произошло, было ли ей больно, жалеет ли она об этом.

Вот тут-то она и стала нервничать. Это было видно по ее взгляду, метавшемуся из стороны в сторону, будто теперь, слегка подкрепившись, она набралась сил и обдумывала возможность побега, хотя куда она могла убежать — одному Богу известно. Тем не менее она мне ответила. Наверное, испугалась того, что произойдет, если она умолкнет, вот и решила мне подыграть. С девственностью она рассталась в тринадцать лет, и это было больно, но недолго, всего несколько секунд, и она об этом ничуть не жалеет. Это был сын их соседей, Эрик Вир. Ему было шестнадцать, и сразу же после школы он ушел в армию. Его тут же отправили в Афганистан, где он был убит снайперской пулей за неделю до возвращения домой. Нет, она о нем не вспоминает, хотя ей очень жаль, что он погиб. Всего у нее было четверо мужчин. После этого она тоже попыталась задать мне несколько вопросов, ответа на которые, разумеется, не дождалась. Я не из тех, кого можно о чем-то спрашивать.

И тогда она распсиховалась и стала меня оскорблять. Не помню, что именно она кричала — я стараюсь не обращать внимания и на более возмутительные слова, — но оставлять ее в живых более не имело смысла. Увидев пистолет, она окончательно обезумела. Господи, она без умолку что-то лепетала, но слов разобрать было невозможно. Потом вдруг превратилась в ту, другую девушку, в Кэнди, и сказала, что готова сделать все, что я пожелаю. Эти непристойности лучше опустить. И тут же получила удар в лицо рукояткой

пистолета и плашмя рухнула на пол со вздувшейся левой щекой. Просто поразительно, как быстро у нее вздулась щека. Правда, теперь уже ничего не заметно — пуля снесла ей полголовы — но, поверьте, это было впечатляюще.

Может, это прозвучит странно, особенно в свете вышеизложенных событий, но мне показалось, что Лиана стала проникаться ко мне симпатией. Хотя помните мои слова про то, что человек способен обманывать себя до бесконечности? Поэтому, возможно, она просто мне подыгрывала, хотела меня успокоить, заставить увидеть в ней человека, а не какой-то неодушевленный предмет, чтобы над ней сжалились и отпустили. Кто-то где-то когда-то написал, что именно так и надо себя вести, если вас держат в заложниках. Возможно, Лиана тоже читала ту статью, потому что, разглядев в человеке человека, его значительно труднее убивать. Удивительно, правда, что слишком мало людей заслуживают этого звания.

Да, много воды утекло. Кажется, так говорят? Интересно, а это метафора? Если и так, то, во всяком случае, не бессмысленная. Что сделано, то сделано. Лиана ушла. Хотя — нет, не ушла, в том-то и проблема, которую необходимо решить в кратчайшие сроки. Надо вернуться, пока еще никто не проснулся. Я редко поднимаюсь в столь ранний час, а людям свойственно запоминать чью-то непоследовательность. Я не могу отступать от своих планов ни на йоту.

Лиану необходимо зарыть, оставлять ее здесь слишком рискованно. Сейчас, конечно, относительно прохладно, но все равно очень скоро она начнет разлагаться. Ее изувеченной плотью уже лакомятся невидимые глазу личинки, и мне даже подумать страшно, во что она превратится к концу дня. Так что сейчас я ее во что-нибудь заверну, отнесу в кузов автомобиля и отыщу какое-нибудь место, где ее можно будет бросить. Шевелись, сука!

Через несколько часов власти организуют поисковую группу. Надо будет предложить свою помощь. Это же мой гражданский долг. Может, даже я ее и найду? Эврика! Вот оно.

Разумеется, нельзя, чтобы ее нашли слишком быстро. Может, ближе к выходным, чтобы всем их подпортить?..

Жду с нетерпением.

— Тяжелый был день?

Стоя на пороге крошечного кабинета Риты Хенсен, Сэнди смотрела, как школьная медсестра заканчивала перевязывать кровоточащий палец девятиклассницы, которую сегодня то ли нечаянно, то ли нарочно толкнули, и она прищемила его дверцей шкафчика. Четырнадцатилетняя девочка-подросток была чуть ли не на голову выше сорокатрехлетней медсестры, которая даже в своих туфлях на платформе едва достигала пяти футов и чье открытое лицо и доброжелательная улыбка неизменно вызывали улыбку в ответ.

— Неделя была тяжелая, — ответила Сэнди. Девочка в это время уже выходила из комнаты, бросив Рите едва слышное «спасибо».

— Как говорится, возблагодарим Бога за пятницу. — Рита Хенсен проводила Сэнди в комнатку размером со шкаф и закрыла за ней дверь. — Не хочешь сегодня где-нибудь посидеть?

— Я не могу.

— Ты уверена? У тебя такой вид! Тебе не помешала бы внутривенная инъекция.

— Кстати, по поводу внутривенной инъекции. Виктор Драммонд к тебе не заходил?

— А, граф Дракула? Нет, а что, должен был?

Сэнди в отчаянии покачала головой. Виктор со вторника не появлялся на занятиях, с тех самых пор, как она отправила его к Рите показать ей тот чудовищный порез. Грег Уотт тоже последние дни не показывался, зато на занятия снова стал ходить Питер Арлингтон. А тут еще Лиана Мартин пропала, и это беспокоило ее особенно сильно. Насколько Сэнди успела узнать Лиану, хотя на уроках она особенно не блистала, Лиана не была ни особенно смелой, ни достаточно безрассудной, чтобы взять и просто так сбежать, не сказав никому ни слова. Несмотря на всю свою показную браваду — взять хотя бы эту футболку с надписью «Шевелись, сука», — Лиана всегда поражала Сэнди своей провинциальностью. Еще несколько лет построит из себя крутую независимую девчонку, а потом выйдет замуж и превратится в милостивую мамочку, которая с пугающей скоростью и проворством начнет рожать одну за другой будущих королев красоты. Если же она сейчас и мечтает о том, чтобы жить где-то в большом городе вроде Нью-Йорка, то, скорее всего, про эти мечты скоро она забудет. Мечты чаще всего лопаются, как мыльные пузыри, и бесследно исчезают.

Как исчезла и сама Лиана Мартин.

Куда же она подевалась? Что с ней произошло?

Шериф Вебер организовал поисковую группу, и вот уже третий день Лиану безуспешно разыскивает весь город. Может, ей, Сэнди, тоже к ним присоединиться, если к выходным Лиана не объявится? Неужели ее и вправду похитил маньяк? Сэнди покачала головой, не веря расплывшимся по городу слухам. Скорее всего, Лиану совратил какой-нибудь загадочный поклонник с сайта знакомств, и теперь ей стыдно возвращаться домой. «Еще и не такое бывает», — с омерзением подумала Сэнди, представив своего мужа в постели у Кэрри Фрэнклин.

— Что-то случилось? — спросила Рита.

— Просто думаю о том, куда могла подеваться Лиана Мартин, — ответила Сэнди.

— Мне почему-то кажется, что с ней все в порядке. — Рита рассеянно смотрела на оптометрическую таблицу, висевшую на противоположной стене.

Интересно, какво сейчас матери Лианы? Сэнди попыталась представить, что бы делала она, если бы пропала ее дочь, Меган, и тут же встряхнула головой, решительно отгоняя от себя эту мысль. Слишком страшно даже думать о таком!

— Как успехи Брайана? — вдруг спросила Рита про сына. — Что можешь сказать?

Рита постаралась спросить это как можно более небрежным тоном, но от Сэнди не укрылась прозвучавшая в ее словах тревога.

— Все отлично. Мы тут на днях говорили про метафоры, и он проявил удивительную проницательность.

— Мой сын проявил проницательность?

Сэнди кивнула:

— По-моему, он умеет глубоко мыслить.

— О господи!

— Ты что, против глубокомыслия?

— Знаешь, что он мне недавно сказал? — спросила Рита вопросом на вопрос.

— И что же? — спросила Сэнди, не совсем уверенная в том, что ей хочется знать, о чем же таком поведал Рите ее сын.

— В последнее время он плохо спит. Постоянно просыпается среди ночи, бродит по дому, выходит во двор покурить. Я пыталась отучить его от сигарет, но... — Рита пожала плечами. — В общем, несколько дней назад я пристала к нему с расспросами, стала умолять, чтобы он объяснил мне, что его беспокоит, и он сказал... — Тут она глубоко вздохнула. — Он сказал, что ему кажется, что в воздухе не хватает кислорода.

Сэнди чуть не рассмеялась, сдержавшись лишь при виде слез, навернувшихся на большие светло-карие глаза Риты.

— В воздухе не хватает кислорода?

— Он постоянно мучается из-за всякой ерунды, — объяснила Рита, снова уставившись на таблицу, и ее руки беспомощно взметнулись в воздухе. — Я ужасно испугалась. Из-за отца. Ну, ты понимаешь...

Сэнди знала, что муж Риты, которого тоже звали Брайан, много лет страдал депрессией и три года назад покончил жизнь самоубийством. Ходили слухи, что его безжизненное тело, болтающееся на душевом шланге, обнаружил сын, когда вернулся из школы, хотя Рита сама никогда об этом не распространялась.

— Сейчас такой опасный возраст у мальчиков... — продолжала Рита. — Я так боюсь его упустить...

Сэнди кивнула, думая о собственном сыне. В свои шестнадцать Тим оставался таким же болезненно стеснительным и ранимым мальчиком, каким был с детства. Он редко улыбался, еще реже смеялся и совсем уж редко заводил друзей — классический аутсайдер: чувствительный, замкнутый и артистичный. Предпочитал современной музыке классику, кино — театр, баскетболу — книги. Что, естественно, было поводом для всяческих издевок со стороны таких ребят, как Грег Уотт и Джой Бэлфор. По счастью, он был сыном учительницы, к тому же его сестра была не только школьной красавицей, но также умницей и очень дружелюбной девочкой, так что хулиганы сочли за лучшее оставить его в покое. Пока.

— Говорят, что главное для них — дожить до тридцати, только тогда у них будет шанс, — сказала Рита.

— Все у него будет хорошо, — ответила Сэнди, пытаясь убедить и подругу и себя. Она

вынула бумажную салфетку из стоявшей на столе коробки и нежно вытерла Рите слезы.

— Давай прекратим. Я действительно считаю, что нам с тобой следует проветриться. У меня свидание, и я немного нервничаю.

— У тебя свидание?

— Вслепую. Ты когда-нибудь ходила на такие свидания?

— Один раз, когда мне было пятнадцать лет, и это было ужасно.

— Тогда ты понимаешь, почему я так нервничаю, и не откажешься пойти со мной, — сказала Рита.

— Я не могу с тобой пойти.

— Но почему?

— Потому что это будет выглядеть нелепо, это же твоё свидание.

— Ну так я позвоню ему и спрошу, нет ли у него друга...

— Нет.

— Перестань...

— Хочу напомнить тебе, что я замужняя женщина.

— Только на бумаге.

— Ян съехал всего несколько недель назад.

— Семь недель назад, — уточнила Рита.

— Да, семь недель. — Сэнди уже жалела, что заглянула к ней. — В любом случае, о разводе мы пока не говорили. Мы даже официально не оформляли раздел имущества.

— То есть? Ты хочешь сказать, что до сих пор не говорила с адвокатом?

— Нет.

— Так чего же ты ждешь? Я ведь говорила тебе про того парня из Майами, который вел развод моей кузины. Она считает, что он просто замечательный адвокат.

— А у меня что, есть время на поездку в Майами?

— Найди время.

— Ладно, найду.

— Когда?

— Когда у меня будет время, — отрезала Сэнди.

— Прости, — извинилась Рита. — По-моему, я зашла слишком далеко.

— Не то чтобы я недооценивала твою заботу...

— Но это не мое дело.

Сэнди пожала плечами.

— Ян должен сегодня вечером прийти к детям.

— Тем более тебе лучше не находиться дома.

— Я не могу. — В конце концов ведь может случиться так, что Яну захочется повидать не только детей, но и ее тоже? Может быть, после того, как пропала Лиана Мартин, он понял, каким идиотом был последние несколько месяцев, и понял, как любит свою семью? Он ведь не может быть счастлив с этой надувной куклой. Просто у него тот самый кризис среднего возраста, который он никогда не признавал у остальных. Временное умопомешательство. Да, пожалуй, именно так оно и есть, решила Сэнди. Может, он уже начал приходить в себя и все пять чувств кричат ему о том, что нельзя разрушать почти двадцатилетний брак и бросать женщину, на которой ты женился, когда ей было всего девятнадцать лет. Женщину, родившую тебе двоих детей, когда она сама едва вышла из детского возраста, и сумевшую все получить: образование, профессию, да еще и оплачивать

его обучение на медицинском факультете? Нельзя бросать настоящую женщину ради силиконовой.

Хотя именно так он и поступил.

— И кто же тебе устроил это свидание вслепую? — спросила Сэнди, чтобы сменить тему.

— Я лучше промолчу.

— Что значит лучше промолчу?

— Потому что ты разозлишься.

— С чего бы мне злиться?

— Я и так уже достаточно долго испытывала твоё терпение.

— Ну, говори же.

— Я познакомилась с ним через Интернет.

— Нет, не может быть.

— Я же говорила, что ты разозлишься.

— Я не злюсь, я просто потеряла дар речи.

— Если бы!

— Как ты могла согласиться на встречу с мужчиной, с которым познакомилась в чате?

Тем более сейчас, когда пропала молодая девушка.

— Это было не в чате, клянусь. Это интернетовская служба знакомств. Я зарегистрировалась там две недели назад.

— Что? Зачем?

— Затем, что прошло уже три года после смерти Брайана. Затем, что мне одиноко. Затем, что мне сорок три года, и я живу в Торрансе, где успела переспать уже со всеми потенциальными женихами, и мне хочется встретиться с мужчиной, с которым можно поговорить о чем-то еще, кроме тракторов и урожая винограда. Знаешь, Сэнди, мне уже написали мужчины со всей страны. Некоторые из них просто замечательные.

— Если они такие замечательные, почему еще не женаты и знакомятся через Интернет? Забудь, — тут же спохватилась Сэнди, вспомнив, каким красивым был Ян в то утро, когда объявил, что уходит от нее к Кэрри Фрэнклин. — Так этот парень...

— Его зовут Джек Виттейкер, ему сорок пять лет, его жена умерла в прошлом году от лейкемии, у него собственный бизнес — торгует какими-то автомобильными аксессуарами или как там это называется. Он родом из Палм-Бич, едет в гости к друзьям в соседний штат и по пути хочет заехать в Торранс. Он предлагает встретиться, выпить и поближе познакомиться.

— Тогда почему ты хочешь, чтобы я пошла с тобой?

— Из-за Лианы Мартин. — И Рита улыбнулась самой своей обворожительной улыбкой, от которой у нее на щеках появлялись ямочки. — На случай, если он окажется психом, убийцей или еще там кем-нибудь.

Сэнди рассмеялась. Они с Ритой сошлись сразу, с того дня, как встретились в учительской в начале учебного года. Та быстро стала ближайшей подругой Сэнди в Торрансе — это было единственной ее удачей после переезда сюда из Рочестера.

— Вообще-то я планировала, чтобы к моменту его появления мы уже сидели за столиком и пили. И если я решу, что он мне нравится, то подам тебе знак — ну, подмигну там или встряхну головой. — Рита резко откинула голову и тут же от боли схватилась за шею. — Нет, только не так, а то еще решит, что у меня судороги. Ну, ладно, — продолжала

она, невзирая на смех Сэнди, — может, я просто почешу нос, а ты тогда быстренько смоешься?

— Я не могу.

— Можешь.

— Может, в следующий раз?

— Хорошо, давай на следующей неделе. Я встречаюсь с ним в Форт-Лодердейле.

— Шутишь!

— Я же говорила тебе, эта служба творит чудеса. Так как? Если у него есть друг...

— Может быть.

— Договорились!

— Я сказала, может быть. — Сэнди покачала головой, изумленная и восхищенная одновременно. — Разве я выражаюсь недостаточно ясно?

— Это новый свет, Голди, — продекларировала Рита.

— Что-что? — переспросила Сэнди.

— Это ведь строчка из «Скрипача на крыше».

— Ты цитируешь «Скрипача на крыше»?

— Наш драмкружок ставил его в прошлом году. Классное получилось представление. Ты просто не поверишь, как дивно поют наши дети. Тот же граф Дракула, например. Он играл портного, и играл сказочно.

Сэнди попыталась представить себе Виктора Драммонда в роли бедного еврейского портного. Удивительно, но ей это удалось без особого труда.

— Можно воспользоваться твоим телефоном?

Рита подтолкнула ей через стол старомодный черный аппарат, едва не перевернув стаканы с ватными тампонами.

— Удивляюсь, что у тебя до сих пор нет сотового.

— Терпеть не могу это изобретение.

— Но это же необходимая вещь.

— Мне дадут знать.

— А вдруг с тобой что-нибудь случится?

Сэнди проигнорировала вопрос.

— У тебя есть домашний телефон Драммондов?

Рита подошла к маленькому столику в углу у окна, выходящего в переулок, и, вынув из верхнего ящика школьный справочник, быстро нашла телефон Драммондов.

— И что ты собираешься им сказать?

— Во-первых, хочу спросить, в курсе ли они, что их сын со вторника не появлялся на занятиях, — ответила Сэнди, набирая номер. — И что у него чудовищный порез на руке и его следует осмотреть.

— Психиатру?

— Именно это я бы им и порекомендовала.

— И они, конечно же, с радостью согласятся, — съязвила Рита. Выждав пять гудков и услышав щелчок автоответчик, Сэнди оставила краткое сообщение с просьбой как можно скорее с ней связаться. — Никто детей не контролирует. Неудивительно, что они теряются.

— Ты хочешь сказать, что мы все должны бросить работу и превратиться в домохозяйек?

Сэнди пожала плечами:

— Я знаю, что хочу сказать...

— Кэрри Фрэнклин, кстати, домохозяйка.

Сэнди закатила глаза:

— На такие вопросы не так-то просто ответить.

— Так значит, ты не передумаешь насчет того, чтобы на следующей неделе провести вечер со мной?

— Я уйду. — Сэнди встала со стула, открыла дверь и шагнула в коридор. — Будь осторожна.

— Постараюсь.

— Я серьезно. Если ты хотя бы почувствуешь, что что-то не так, то немедленно уходи.

— Хорошо, мама! Я буду благоразумной девочкой!

Сэнди со смехом закрыла дверь. Уже через несколько секунд она шла к выходу по широкому коридору главного здания, вдыхая запах, который объединяет все школьные коридоры на свете — запах пота, грязных носков, удушливого одеколona, зубного эликсира и дезинфицирующего средства. Бетонные стены были выкрашены в банальный желтый цвет и завешаны фотографиями в рамках тех учеников, которые ходили в школу последние двенадцать лет. Здесь висели фотографии футбольных, бейсбольных и баскетбольных команд, а также стеклянные полки, на которых были выставлены их призы. Здесь имелись еще и фотографии недолго продержавшегося шахматного клуба и клуба дебатов, оказавшегося еще менее жизнеспособным, а еще целая серия снимков, посвященных разнообразным постановкам драмкружка. Сэнди бегло просмотрела их, надеясь отыскать Виктора Драммонда, но единственными фотографиями из «Скрипача на крыше» оказались снимки Тани Мак-Гаверн, Эмбер Вебер и Лианы Мартин, игравших трех замужних дочерей молочника, и одна — Грега Уотта, выступившего в роли их измученного отца, Тевье. «Воистину дьявольский скрипач», — подумала Сэнди, снова переводя взгляд на Лиану Мартин. Куда же она все-таки подевалась? Что с ней произошло?

— Ну, что скажете? — неожиданно спросил кто-то у нее за спиной, и Сэнди чуть не подскочила на месте. — Простите, я не хотел вас напугать.

Сэнди развернулась и столкнулась нос к носу с Гордоном Липсманом, школьным учителем актерского мастерства, который смотрел на нее своими пугающе косыми карими глазами, с улыбкой от уха до уха на квадратном лице.

— Я не слышала, как вы подошли, Гордон.

— Кроссовки. — Он взглядом показал на свои ноги. — Коварная обувь.

Сэнди выдавила улыбку. Гордон Липсман был одним из тех людей, которые так сильно хотят понравиться, что понравиться не могут в принципе. Он говорил с искусственным британским акцентом, который тем более резал ухо, что всем было прекрасно известно о том, что родился он здесь, в Торрансе. Ему было уже сорок, он ни разу не был женат и до недавнего времени жил со своей матерью и с дюжиной кошек в доме на окраине города.

В феврале его мать умерла, и в результате последовавшего за этим душевного срыва пришлось даже отложить ежегодную музыкальную постановку. На этот раз должны были ставить «Поцелуй меня, Кэт».^[25]

— Я вижу, вы тут любуетесь нашим Залом театральной славы?

— Довольно впечатляюще. — Сэнди стала считать про себя кошачьи волоски, прилипшие к ветровке Гордона Липсмана. Что это у него на рукаве, кетчуп? — Я и понятия не имела, что Грег Уотт умеет петь.

— О! Вот уж кто полон сюрпризов. Тевье он сыграл превосходно, хотя родителю Грега

не очень-то понравилось, что его сынок тратит драгоценное время на дурацкие театры, когда должен работать. И ясно дал понять, что больше в подобной блажи Грег участвовать не будет. Хотя выразился он, кажется, несколько иначе.

— Верю.

— Я надеюсь, что он все же передумает. Из парня вышел бы замечательный Петруччо, а?

— А я и не знала, что в этом году тоже будет представление.

— Ну да. Моя мать очень бы этого хотела, да покоится она в мире. К тому же «Поцелуй меня, Кэт» была одной из ее любимых пьес. — Его глаза наполнились слезами, которые уже в следующую секунду бесследно испарились. — А главную роль я хочу отдать вашей дочери. Она очень красивая девушка. Как вы думаете, она не откажется попробовать?

— Об этом надо спросить у нее.

— Просто я хотел, чтобы вы как-то этому посодействовали.

— Я скажу Меган, — ответила Сэнди. И добавила: — А как насчет Тима? — «Может театр — это его шанс выбраться из своей скорлупы?» — думала она. Он всегда любил театр. Возможно, участие в школьной постановке прибавит ему уверенности в себе? И почему она раньше не подумала об этом?

— Тима?

— Моего сына.

— А, ну да. Тим. Очень тихий паренек, неразговорчивый такой. Боюсь, роль Петруччо он не потянет, тем более если Меган согласится играть Кэт. К тому же как-то неприлично брату с сестрой играть любовников. Да, совершенно неприлично. Но там есть куча маленьких ролей. Пусть приходит в понедельник на прослушивание. — На удивление сильные руки Липсмана нервно взметнулись к лицу и опустились на кончик носа.

Сэнди вспомнила карикатуру Грега и подумала о том, насколько точно он понял суть этого человека и отобразил ее несколькими грубыми штрихами.

— Это кровь? — вдруг спросила она.

От лица учителя мгновенно отхлынула краска.

— Кровь? Где?

— На рукаве.

Гордон уставился на пятно на манжете, потом медленно поднес рукав к носу и, как пес, обнюхал его.

— Соус для спагетти, — произнес он через секунду. И вытянул вперед руку, как будто предлагая ей лично в этом удостовериться.

— Мне нужно идти. — Сэнди развернулась, споткнулась в попытке обойти вытянутую руку Гордона Липсмана и рухнула прямо на него. Так они оба и проковыляли до стены, как в каком-то безумном судорожном танго.

— Простите, — проговорила она, когда наконец выпуталась из его липких объятий. И отвернулась, чтобы незаметно счистить кошачьи волоски, прилипшие к ее розовой хлопчатобумажной блузке. Вдруг метрах в десяти от них она увидела Джоя Бэлфора, который стоял, вытянув руку с зажатым в ней сотовым телефоном.

На какой-то безумный момент Сэнди решила, что кто-то попросил ее позвонить и Джой любезно предлагает ей воспользоваться своим телефоном. И только когда он с гоготом помчался по коридору, Сэнди поняла, что произошло.

Вернувшись домой, она обнаружила, что ее фотография, на которой она была

запечатлена в объятиях Гордона Липсмана, уже гуляла по школьным сайтам.

— Меган, Тим, пришел ваш отец.

Меган медленно перевела взгляд на дверь своей спальни, потом снова уставилась на картинку на мониторе. Знакомый школьный коридор. Мужчина в легком полосатом пиджаке. И женщина в старомодной розовой хлопчатобумажной блузке и голубой плиссированной юбке. Он обнимает ее одной рукой за талию. Она изогнула спину и откинула назад голову, на лице нечто вроде улыбки. «Действительно, похоже на то, будто они танцуют», — подумала Меган, хотя мать и уверяла, что это не так. Меган широко улыбнулась. Странно, конечно, видеть свою мать в объятиях не ее отца, а какого-то другого мужчины — тем более этого мерзкого дебила, мистера Липсмана, зато мать на этой фотографии очень хороша и даже пытается улыбаться. Меган уже несколько месяцев не видела, чтобы мать улыбалась, на ее лице все чаще отражалась печаль. Но хуже, что все чаще мать молча смотрела в пространство отсутствующим взглядом. Меган понимала, что та всматривается в прошлое, пытаясь понять, что послужило началом катастрофы.

Меган очень хотелось бы ее утешить, сказать, что она ни в чем не виновата, но она этого не делала, потому что в самой глубине души считала, что, возможно, в этом есть и вина матери. Если бы она одевалась хоть чуточку сексуальнее, если бы попыталась хоть что-то сделать со своими дурацкими кудряшками. Если бы не совалась везде со своим мнением, не перебивала мужа и чаще принимала его сторону, может быть, тогда он не проводил бы столько времени в Интернете. Может быть, не связался бы с Кэрри Фрэнклин. И тогда, может быть, у них и сейчас была бы полноценная семья.

Меган откинулась на спинку кресла. Мать сказала, что мистер Липсман хочет отдать ей роль Кэт в школьной постановке «Поцелуй меня, Кэт», и, может быть, она согласится. Особенно если они убедят красавчика Грега Уотта сыграть роль Петручо.

Мать, конечно, пришла бы в ужас, узнай она, что Меган находит Грега Уотта хоть сколько-нибудь привлекательным, и усомнилась бы в ее психическом здоровье. Она наверняка сказала бы, что девушкам ее возраста есть о чем подумать и помимо таких парней.

И что тогда ответила бы ей Меган в свое оправдание? Что только она видит все то, что скрыто за этой маской хулигана, за надменно выдвинутой челюстью и самоуверенной походкой? Что ей нравится, как двигаются его плечи в такт развязным движениям бедер и то, как сексуально узкие джинсы обтягивают его стройные ноги и крепкую попу? Да уж, конечно.

Крепкую попу? Меган почувствовала, что покраснела. Разве в ее возрасте так говорят? Но она буквально не могла себя заставить даже мысленно произнести слово «задница», а уж тем более выговорить его вслух. В этом отношении она истинная дочь своей матери, со вздохом думала Меган, решив, что, если бы не чопорность матери, не эта ее страсть к внешним приличиям и благоденственной речи, отец сидел бы сейчас перед телевизором и ел сэндвич, а не топтался на пороге, чтобы сводить их с братом на ужин.

Она снова повернулась к компьютеру, нажала кнопку, и с экрана мгновенно исчезла фотография, на которой мать обнималась с Гордоном Липсманом. «Если бы в реальной жизни все было бы так же легко устранимо», — подумала она, неохотно представляя себе Лиану Мартин.

И правда, куда она запропастилась? Что с ней случилось? Вот уже четыре дня, как

исчезла и никто ее не видел.

Меган вышла в главное меню, переключилась на MSN, нажала еще несколько клавиш и снова откинулась на спинку кресла, отогнав от себя неприятные мысли и вместо этого представив себя в мускулистых объятиях Грега. Он бы защитил ее от беды, думала она, представляя, как его теплое дыхание смешивается с ее собственным, как он мучительно медленно приближает свои губы к ее губам. Далее следовал нежный, но настойчивый поцелуй, и он ласково заключал в ладони ее лицо, в точности, как это показывают в фильмах. «Интересно, — думала Меган, — а Грег позволяет себе подобные фантазии?»

«Не исключено», — решила она. Хотя она на год моложе и в одиннадцатом классе и они даже ни разу толком не говорили друг с другом, если не считать фразы «Привет, как дела?», она видела, как он смотрит на нее каждый раз, когда она проходит по коридору. А однажды, две недели назад, когда она сидела в кафетерии, то заметила, что он пристально смотрит на нее. Он, правда, тут же быстро отвернулся, очевидно, смущенный тем, что его поймали, и бросился пирожным в своего друга Джоя Бэлфора. Тот ответил ему тем, что выплеснул Грегу в лицо колу из своего стакана. Меган покачала головой: и зачем Грег тратит время на такого кретина, как Джой Бэлфор? Внешне они, может быть, и похожи, но в действительности у Грега нет ничего общего с Джоем, совершенным хамом и откровенным тупицей. Грег совсем не такой. В глубине души он милый, умный и чувствительный. К тому же очень сексуальный. Меган твердо решила познакомиться с ним поближе. И если для этого понадобится пойти на прослушивание для очередной музыкальной буффонады мистера Липсмана, что ж, она пойдет.

Она снова перевела взгляд на экран монитора и нахмурилась, как делала это всякий раз при виде сообщения, застрявшего здесь еще со вторника.

БЕРЕГИТЕСЬ, САМСОНЫ! ДАЛИЛА ВЫШЛА НА ОХОТУ!

Далила курсирует по коридорам, и она стала еще больше и лучше. Хотя, может, и не лучше, но, во всяком случае, **БОЛЬШЕ**. К тому же она набирает обороты! (Фунты, разумеется, тоже). У нее появилось новое прозвище. И это прозвище — не **ДЕЛИ**, хотя оно очень даже неплохое. Нет, она набрала обороты благодаря любезной **МИССИС САНДРЕ КРОСБИ**, ашей местной Джинджер Роджерс^[26] (смотрите их уморительное фото с **полоумным Липсманом**), обманутой жене красавца-негодяя **доктора Яна**, который, как всем известно, лечит на дому нашу местную **секс-бомбу**,

Кэрри Фрэнклин,

по случайному стечению обстоятельств оказавшуюся матерью **ДАЛИЛЫ**
ВОТ УЖ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ЗНОЙНАЯ МАМАША!

Не скроем, нам бы очень хотелось забраться в ее тугие короткие шортики.

Кстати, о сокращениях: новое прозвище **ДАЛИЛЫ** стало **ЕЩЕ КОРОЧЕ**

Настолько короче, что по сути это одна буква. **ДИ**

«Это **Биг Ди**, парень, о, да, **ты из Биб Ди!**» Помните эту старую песенку?

Правда, сейчас в ней появились новые строки. Итак... **ПОЖАЛУЙСТА, БАРАБАНАЯ ДРОБЬ** (а вы, миссис Кросби, доставайте-ка быстрее свои

танцевальные туфли).

Да, я в Дели, где парни очумели
От вони из зияющей дыры.
Да, ты в Биг Ди, жрать скорее приходи
Жирный зад и прочие дары!!!!

— О господи, — прошептала Меган. Мало того что этот ужасный постер висит здесь уже несколько дней, так теперь его еще кто-то обновил. «...Нашей местной Джинджер Роджерс!.. Смотрите их уморительное фото с полоумным Липсманом... А вы, миссис Кросби, доставайте-ка быстрее свои танцевальные туфли!..»

И почему ее мать вечно во что-то вляпывается? Достаточно уже и того, что она преподает в ее школе и у Меган не бывает ни минуты свободы, ни капли личного пространства. В школу пойдешь — там мать, придешь домой — здесь снова мать. Она постоянно дышит ей в затылок и никак не оставит свою привычку совать нос в чужие дела. Неужто она не понимает, что каждый раз, как она суется туда, куда ее не просят, то выставляет на посмешище свою семью? Может, поэтому отец ее и бросил? Просто устал от того, что она вечно торчит рядом?

У Меган до сих пор стояла в ушах тирада матери, которой та разразилась, придя сегодня днем из школы и увидев эту фотографию: «Никакого уважения к личному пространству! Что это за манера — фотографировать исподтишка! Обязательно какому-нибудь идиоту неймется разместить фотографию! Вот наглецы!» И это неизбежно перешло в еще одну знакомую тираду: «Тебе просто житья не дадут, если не станешь подлаживаться под их представление о том, что является, а что не является приемлемым! Если девушка не влезает в джинсы второго номера, если не отрастила себе длинные прямые волосы, если у нее нет маленького вздернутого носа и больших округлых грудей, ее презирают и клеймят как неудачницу. Или, еще хуже, она становится объектом травли, как Далила Фрэнклин. Если юноша как-то иначе, чем другие, одевается, вроде Виктора Драммонда, если он скромный и впечатлительный, как Брайан Хенсен, значит, он извращенец, гомосексуалист. С каких это пор так сузились стандарты красоты? С каких это пор молодежь стала такой нетерпимой? Почему все считают себя обязанными одеваться, как все, и говорить, как все? Почему из кожи лезут вон, чтобы стать похожими на кого-то другого? Неужели им не доставляет никакой радости оставаться самими собой?»

Меган откинула с лица свои длинные прямые волосы. Она прекрасно понимала, что в своем возмущении мать выплеснула затаенную боль, от нее не укрылось то, что она хотела сказать на самом деле: «Как мог твой отец променять меня на такую женщину, как Кэрри Фрэнклин?» Сердцем Меган понимала, что мать права, но считала, что лучше бы она помалкивала.

Меган не могла не сочувствовать Далиле, которая ничем не заслужила такого скотского к ней отношения. Конечно, девушка даже не пытается хоть как-то исправить свое положение. Ну ведь могла бы она сесть на диету, сбросить несколько фунтов, попытаться хоть как-то подладиться под среду? Неужели она и вправду такая апатичная, какой кажется?

И вдруг Меган подумала: а что если — боже упаси! — ее отец и вправду женится на Кэрри Фрэнклин? Тогда Далила станет ее сводной сестрой и ее жизнь пойдет прахом. Она целый год с таким трудом завоевывала себе друзей, ее вот-вот примут в избранное общество школы. Она станет близкой приятельницей Тани, Джинджер и Лианы — куда она, кстати, подевалась? И невозможно себе представить, каким она станет посмешищем, если они с Далилой действительно станут родственницами! Нет, это слишком ужасно, чтобы об этом думать.

Так же ужасно, как думать о том, что могло случиться с Лианой. По школе ходят самые невообразимые слухи: будто она сбежала, потому что была беременна, а Питер отказался на ней жениться, и ей сделали неудачный аборт, после которого она умерла. Будто она сбежала с каким-то парнем вдвое старше ее, с которым она познакомилась в Интернете; будто ее изнасиловал и задушил сексуальный маньяк, потом расчленил и разбросал куски тела по Эверглейдс, ^[27] как крошки черствого хлеба.

Меган закрыла глаза, рассеянно прокручивая колесико мыши и стараясь не думать о том, как роскошным телом Лианы Мартин теперь кормится какой-нибудь аллигатор. Когда она снова открыла глаза, то увидела, что на месте оскорбительного сообщения появился очередной постер.

ОБНОВЛЕННЫЙ СПИСОК ПЕДИКОВ

Виктор Драммонд

Перри Фалько

Джейсон О'Мэлли

Брайан Хенсен

Томми Баттерфилд

Донни Слейвен

Рик Леон

Рон Уильямс

Тим Кросби

— О, господи, — снова вырвалось у Меган, когда она увидела в конце списка имя своего брата. Она похолодела. Видел ли это Тим? Разумеется, видел. — Видела вся школа, — прошептала она.

В дверь спальни постучали.

— Меган, — сказала мать. — Ты что, не слышала? Я же сказала, что вас ждет отец.

Меган не стала приглашать мать войти.

— Сейчас выйду.

За дверью немного помолчали.

— Хорошо, только поторопись.

— Две минуты. — За пару лишних минут мать с отцом вряд ли успеют разругаться.

Меган знала, что если мать увидит этот последний постер, то ее хватит удар, поэтому просто нажала на кнопку, не закрыв программу. Компьютер протестующе застонал. Наверное, это Джой с Грегом разместили эту дурацкую фотографию ее матери с мистером Липсманом и эту ужасную песенку про Далилу. Неужели они?

Скорее всего Джой один это сделал. Грег на такое не способен.

Меган встала, подняла с полу сумочку, перебрала ее через плечо своего

хлопчатобумажного платья и открыла дверь комнаты. Не успела она выйти в гостиную, как уже услышала шум родительской ссоры.

— Он прекрасно выглядит, — говорила мать.

— Он похож на панка, — возражал отец. — Я же говорил тебе, что собираюсь поужинать с ними в гольф-клубе. Тебе прекрасно известно, что туда надевают рубашку и галстук.

— Откуда мне может быть это известно? Я там ни разу не была.

Молчание. Меган почти видела искаженное лицо матери и сжатые кулаки отца. Гольф-клуб был особенно тяжелой темой. Отец утверждал, что семейные затраты на дорогой клуб полностью компенсируют те деловые контакты, которые он сможет там завязать. Не успела высохнуть его подпись на чеке, как он их бросил.

А сейчас отец стоял в центре маленькой гостиной и с грустью качал головой, как какой-нибудь беспомощный наблюдатель, на глазах которого произошла страшная авария и он пытается осознать, что же только что случилось.

— Привет, пап, — поздоровалась Меган. Она неохотно шла ему навстречу, надеясь, что больше никаких эксцессов не последует.

— Привет, солнышко. — Отец сжал ее в объятиях, и она невольно напряглась, опустив руки по швам. Она чувствовала, что мать на них смотрит. Ей ужасно хотелось тоже обнять отца, но мать, скорее всего, воспримет это как предательство, а ей и так уже порядочно досталось. — Ты ослепительна, как всегда.

Меган довольно улыбнулась. «Ты тоже», — подумала она. Отец являлся одним из тех баловней природы, которые с годами становятся еще красивее. У него была шапка густых темно-русых волос, ясные голубые глаза, мягкие чувственные губы. Женщины всегда находили его привлекательным. Даже ее подруги говорили, что ее отец очень сексуален.

— Идем? — спросила Меган. — А то я уже с голоду умираю. — С голоду она, конечно, не умирала, но ей хотелось как можно скорее уйти из дома.

— Нет, пока не идем, — сказал отец. — Твоему брату нужно переодеться.

Меган взглянула в другой конец комнаты, где на красном бархатном диване сгорбившись сидел ее брат Тим. Одна его обутая в кроссовку нога свисала с подлокотника, и он дергал ее в воздухе, как пловец. У Тима были губы матери и глаза отца, волосы же представляли собой смесь темно-русого цвета прически Яна и непокорных кудряшек Сэнди. На нем была жеваная белая рубашка и широкие брюки цвета хаки. Высокий, нескладный и немного неловкий, он сам еще не понимал, каким скоро станет красавцем, и, соответственно, не имел ни малейшего представления о своей потенциальной власти над людьми.

— Может, наденешь свой синий блейзер? — посоветовала Меган. — И галстук, который прислала на Рождество бабушка? — Она тут же закусил губу и закрыла глаза, успев, однако, заметить выражение боли, промелькнувшее в глазах матери. Она так расстроилась, когда они не смогли поехать на праздники на север из-за того, что у Яна возникло слишком много дел. «Много дел, черт бы его побрал», — ругалась она потом.

— Галстук — дурацкий предмет одежды, — пробормотал Тим.

— Галстук — знак уважения, — произнес Ян.

Меган догадывалась, о чем сейчас подумал ее брат: кто ты такой, чтобы говорить об уважении? Но она знала, что он никогда не скажет этого вслух.

— Тим, давай побыстрее, — торопливо сказала она. — Я есть хочу.

Тим нарочито медленно согнул ноги и опустил их на холодный кафельный пол.

Кафельный пол был еще одним болезненным вопросом. Матери очень хотелось содрать эту безобразную белую плитку и заменить теплыми деревянными полами, но отец настоял, чтобы они подождали еще год, прежде чем приступить к ремонту этого непритязательного бунгало из трех спален. Теперь отец жил в новехонькой современной квартире неподалеку от центра. Меган решила не рассказывать матери про то, что пол в его квартире из отбеленного дерева.

Наконец Тим поднялся с дивана и ссутулившись медленно побрел из комнаты, как будто продираясь сквозь густую патоку.

— И не забудь причесаться, — крикнул ему вдогонку Ян.

— У него на голове полный порядок, — сказала Сэнди.

— У него чересчур длинные волосы, — возразил Ян. — Он похож на панка.

У Меган екнуло под ложечкой.

— Может, пойдём?

— Меган, а ты как думаешь? — спросил отец.

— По-моему, у него классная прическа, — искренне ответила Меган, стараясь не смотреть отцу в глаза.

— По-твоему, — разочарованно протянул отец, как будто она его предала.

Меган уставилась на опустевший диван, думая о том, что вся мебель, привезенная из Рочестера, совершенно не вписывается в этот дом — слишком темная и тяжелая. Обстановка давит и душит, так что не хочется здесь долго оставаться.

Она взглянула на мать и тут же отвела глаза, чтобы не выдать взглядом внезапно охвативший ее гнев. Да что с ней такое, черт бы ее побрал? Она что, не хочет вернуть мужа? Зачем нацепила этот дурацкий фиолетовый спортивный костюм, который ее только полнит, хотя на самом деле она стройная? Она что, нарочно хочет казаться как можно менее привлекательной? Неужели нельзя было накраситься или хотя бы слегка подкрасить губы?

— Солнышко? — спросила мать. — Ты в порядке?

— В порядке, — ответила Меган. — Просто есть хочу.

— Тим, — крикнул отец. — Чего ты там возишься? Пошевели своей задницей!

Меган поморщилась, зная, что вслед за ней поморщилась и мать.

— Для того чтобы повязать галстук, требуется как минимум несколько минут, — напомнила ему мать.

— Ему требовалось бы гораздо меньше времени, если бы он повязывал его почаще.

— В таком случае не следовало уезжать из Нью-Йорка, — последовала язвительная реплика. — Кстати, я подумываю вернуться в Рочестер по окончании учебного года.

Вот как? Мать ничего об этом не говорила.

— Что ты такое говоришь? — спросил отец.

— Меня здесь больше ничего не держит.

Может, это просто такая уловка? Может, она угрожает вернуться в Нью-Йорк, рассчитывая, что муж наконец опомнится?

— Что ты такое говоришь? — повторил он. — А как же дети?

— Они уедут со мной.

«Неужели она и вправду этого хочет?» — спросила себя Меган. Вернуться в Рочестер? Именно сейчас, когда ее популярность в школе растет с каждым днем и Грег со дня на день назначит ей свидание?

— А как же твоя работа? — спросил Ян. — У тебя же контракт.

— Я не сомневаюсь, что они пойдут мне навстречу и сделают скидку, учитывая все обстоятельства...

— Ах, обстоятельства, — протянул Ян. — Так, значит, ты попросту хочешь мне отомстить.

— К тебе это с некоторых пор не имеет никакого отношения.

— Тебе не кажется, что ты ведешь себя эгоистично?

— Что-что? Это я веду себя эгоистично?

Тим прискакал обратно в наполовину одетой куртке и болтающемся галстуке, несомненно, удрученный возникшей перепалкой между родителями.

— Ну все? Я готов.

— Ты не увезешь моих детей, — сказал Ян, не замечая Тима.

— Я думаю, они уже достаточно взрослые, чтобы решать самостоятельно.

А что бы она решила? Неужели ей и вправду захочется снова переходить в другую школу, бросить друзей, бросить Грега?

И тут в ее сумке зазвонил сотовый. Меган порылась в ней и наконец поднесла телефон к уху, вслушиваясь, что говорит ей голос на том конце. В один миг кровь отхлынула от ее лица.

— Что такое? — спросила немедленно подскочившая к ней мать.

Меган кинула телефон обратно в сумочку, глядя на мать сквозь застилавшие глаза слезы.

— Это Джинджер Перчак, — прошептала она. — Лиану нашли.

Мать молча смотрела на нее, как будто догадываясь, что она сейчас скажет.

Меган упала в ближайшее кресло, уставившись в окно, за которым сгущались сумерки.

— Ее убили.

Шериф Вебер сидел в патрульной машине на обочине тихой жилой улочки, пытаясь сдерживать подкатывавшую к горлу желчь. За без малого двадцать лет работы в полиции он навидался всяких ужасов — искалеченные трупы жертв автомобильных аварий, вспоротые животы пьяных скандалистов, распухшие синие лица избитых жен. Он видел жертвы несчастных случаев на охоте, жертвы сексуального домогательства. Видел блюющих подростков, в голос рыдающих жен, бьющихся в истерике детей. Он думал, что видел все.

Но такого — еще никогда.

Молодая девушка, девушка, которую он знал лично и давно был знаком с ее родителями, девушка, готовая вот-вот превратиться в женщину, у которой была вся жизнь впереди. Господи, да здесь одни сплошные штампы! — лежала в наскоро вырытой могиле в полумиле от того места, где несколько дней назад съехал в кювет Рэй Саттер. Половина ее головы была снесена выстрелом, произведенным с близкого расстояния, остальным уже успели поживиться звери и насекомые. У следователя уйдет не один день, а может, и не одна неделя, чтобы установить, какие еще мучения ей довелось пережить. Да он, черт побери, так и не сумел бы сказать наверняка, что это именно Лиана Мартин, если бы Грег Уотт не узнал футболку с надписью «Шевелись, сука». Грег входил в группу подростков, которую собрал и возглавил Кэл Гамильтон (тот сказал, что первым на подозрительный холмик земли набрел то ли Грег, то ли Джой Бэлфор). Джон мысленно отметил, что надо поручить своим помощникам хорошенько допросить потом всех троих, а также Рэя Саттера. А что, если он оказался тогда на этой дороге по гораздо более зловещей причине? Разумеется, футболка, в которую была одета Лиана, оказалась страшно грязной и окровавленной, и он даже представить себе не мог, чтобы благовоспитанная дама вроде Джуди Мартин позволила своей дочери напялить майку с такой пошлой надписью. Да еще и в школу. Шериф подумал об Эмбер. «Хотя когда дети достигают определенного возраста, они почти полностью выпадают из-под родительского контроля», — думал он, с трудом сдерживая слезы.

Уже в который раз за сегодняшнюю ночь ему приходилось сдерживать свои эмоции. Но даже разлагающийся труп Лианы показался ему не таким страшным после того, как он увидел искаженное от горя прекрасное лицо Джуди Мартин, узнавшей от него об ужасной смерти своей дочери. Джон перевел взгляд на аккуратное белое бунгало Мартинов с полосатыми навесами и парадной дверью с затейливой резьбой. И увидел самого себя со стороны: вот он подходит к дому, тянется к звонку, в этот момент открывается парадная дверь, и он видит надежду в глазах Джуди, которая мгновенно сменяется тревогой, перерастающей в ужас, пока он еле слышным голосом сообщает ей кошмарную весть. Вряд ли он забудет, как у бедной женщины подкосились коленки и она опустилась на пол, потому что у ее мужа, стоявшего сзади нее, в этот жуткий момент тоже не было сил удержать ее миниатюрное тело. Он слышал молчаливый вопль, вырвавшийся из перекошенного рта. И в одно мгновение увидел, как она состарилась на много лет. На столько лет, сколько было ее дочери, понял он сейчас, печально покачивая головой.

Не прошло еще и часа, как они нашли труп Лианы. Джону нужно было вызвать следственную группу из Брауарда, дожидаться, когда выкопают тело девушки, и только потом ехать к Мартинам. Он не сомневался, что они уже все знают. Потому что, когда Лиану откопали, ребята поисковой группы уже что-то тараторили в свои мобильные телефоны.

Но выяснилось — что в общем-то неудивительно — никто не собирался первым сообщать об этом Говарду и Джуди Мартин. И эту сомнительную честь предоставили ему. Кроме того, он также должен был сказать Мартинам, что подозреваемых в убийстве их дочери пока нет, но, поскольку речь идет уже не об исчезновении девочки-подростка, а об убийстве, его отделу придется пересмотреть все аспекты данного дела. А это значит, что нужно заново опросить всех друзей и знакомых Лианы, всех ее одноклассников и учителей. Далила говорила, будто учитель физики чуть ли не трясется от молоденьких девушек? И всех остальных второстепенных лиц, вроде Кэла Гамильтона и Рэя Саттера. У Джона опустились плечи, когда он понял, что до конца недели ему придется лично допросить едва ли не всех обитателей города. А он уже смертельно устал.

Он взглянул на часы, решив, что лучше всего начать прямо сейчас — мэр звонил уже дважды после того, как выкопали тело Лианы: первый раз попросил держать его в курсе дел, второй раз предложил подключить к расследованию ФБР. Джону пришлось напомнить мэру, что он знает про жителей Торранса больше, нежели любой агент ФБР, и попросил его набраться терпения.

— Я раскрою это убийство, — пообещал он, решив съездить домой и принять душ. Нельзя же заявляться к людям в потной и грязной форме, в которой он помогал вытаскивать из грязи тело Лианы. «В этом ты не пойдешь», — уже слышал он насмешливый голос Полин, вспомнив, что сегодня они должны были ужинать с Сарой и Фрэнком Лоуренс. Но даже Полин должна понимать, что в связи с происшедшим они вообще никуда не могут идти. И потом, у него все равно нет аппетита. В данный момент его мучило при одной мысли о еде.

Джон молча посидел несколько минут, вспомнив о пропавшей девушке из соседнего графства Хендри. А вдруг Кэнди Эббот, так, кажется, ее звали, тоже зарыта где-нибудь поблизости? Вдруг по южной Флориде шныряет маньяк, охотящийся за молодыми девушками? Вдруг это только начало? Джон схватился за голову, не желая даже думать о подобном. Он для этого уже довольно стар, у него слишком мало энергии для таких расследований. У него есть целая команда умных, старательных молодых помощников. Да, они в лепешку расшибутся, чтобы отыскать убийцу Лианы, но опыта в таких делах у них еще меньше, чем у него. А тут еще этот тщеславный молодой мэр повсюду сует свой нос, предугадывая каждый его шаг. Еще и часу не прошло, а он уже возмущается, почему это они так медлят. Черт бы его побрал!

Джон знал: что бы там ни показывали в кино, в обычной жизни, как бы тщательно и кропотливо ни работала полиция, преступник либо сам сдается, либо его вычисляют едва ли не случайно. Он затряс головой, отгоняя всякие нежелательные мысли и образы, — надо ехать домой.

А дома он первым делом скажет своей дочери, как ее любит.

В окнах было темно.

Едва Джон переступил порог, как на него обрушился звук орущего телевизора. В общем, все как обычно, потому что телевизор у них в доме орал всегда.

— Полин? — позвал он, щелкая выключателем на пороге так называемой большой комнаты, которая одновременно являлась гостиной и столовой. Помимо размеров, больше в ней не было ничего примечательного. Простая прямоугольная комната со слишком аляповатой, на его вкус, хотя и достаточно дорогой мягкой мебелью. Они редко пользовались этой комнатой как столовой. И Джон не мог вспомнить, когда они в

последний раз все втроем сидели на неудобном и громоздком диване, специально предназначенном для всей семьи, и смотрели телевизор.

Бросив взгляд в сторону спальни Эмбер, он увидел, что дверь закрыта, но из-за нее не доносилось ни звука, и из-под щели внизу не просачивался свет. Судя по всему, дочери там не было.

— Эмбер? — позвал он, еще не зная, слышала ли она новость про Лиану, и надеясь, что она все-таки дома. — Эмбер? Эмбер, ты у себя?

Так и не дождавшись ответа, он прошел на кухню и поставил на серую гранитную столешницу большой пакет из «Макдоналдса», который захватил по пути домой. В нем был бигмак, два макчикена и три большие порции картофеля фри, которыми он рассчитывал умаслить Полин за то, что им придется отменить ужин.

— Полин? — позвал он уже громче, проходя в их спальню в глубине дома. Хотя зачем он ее, собственно, зовет? Все равно она ничего не услышит за этим ревом. Полин уверила его, что повредила барабанные перепонки, слушая слишком громкую музыку в юности, поэтому телевизор может смотреть, только если звук включен на полную мощность, иначе, мол, ничего не услышит. Но, поскольку в остальном слух у нее был превосходный, Джон втайне подозревал, что она делала это намеренно, чтобы лишний раз досадить ему.

Иногда, если ему хотелось пораньше лечь спать, а она еще смотрела одну из своих любимых программ — насколько он мог судить, они у нее все были любимыми, — ему приходилось ночевать в крошечной спальне для гостей. Это не доставляло ему больших неудобств, если только не считать того, что кровать здесь была не очень широкая и не такая удобная, как в их общей с Полин спальне. Зато он спал в ней один; к тому же спальня для гостей являлась единственной комнатой в доме, где не было телевизора. Во всех остальных — даже в кухне и в ванной — они стояли. Это была не его идея, сам он никогда не считал себя поклонником телевидения. Поэтому Полин иногда обвиняла его в снобизме, хотя на самом деле все обстояло иначе: ему было довольно трудно сосредоточиться на просмотре. В детстве он страдал легкой формой синдрома нарушения внимания, и ему до сих пор было нелегко подолгу концентрировать внимание на каком-то одном занятии. Наверное, не самая лучшая рекомендация для человека, занимающего пост шерифа, понимал он. По счастью, продолжительность его концентрации внимания никогда не подвергалась строгой проверке. До сего момента.

— Полин? — Он вошел в спальню, переводя взгляд то на миловидную красотку с длинными белыми волосами и большой полной грудью, которая скакала в телевизоре, то на неубранную пустую постель. То, что постель неубрана, его не удивило. Его удивило то, что Полин на ней не валялась. Неужели Полин уже узнала про Лиану и, догадавшись, что ему придется работать всю ночь, уже отменила ужин и ушла куда-то вместе с Эмбер, позабыв выключить телевизор? — Полин? — повторил он, потом схватил пульт, валявшийся на простынях с зелено-желтыми цветочными рисунками, и выключил треклятый ящик.

— Что ты делаешь? — незамедлительно последовал возмущенный вопрос. — Не выключай. Я смотрю!

Джон выглянул в коридор.

— Полин?

Его жена появилась из гардеробной, расположенной между спальней и ванной, на ходу застегивая золотую сережку. Ее крашенные каштановые волосы до плеч сейчас были собраны в узел на затылке, и, кажется, на ней, было новое синее платье. Во всяком случае, Джон

решил, что оно синее. Помимо нарушения внимания он страдал еще и некоторой степенью дальтонизма, так что, вполне возможно, платье могло оказаться и черным. Ну а поскольку он не помнил, чтобы видел его раньше, то и решил, что оно, скорее всего, новое. Полин вечно жаловалась, что для шерифа он ужасно ненаблюдателен.

Не то чтобы его жена была непривлекательной женщиной — напротив, даже очень. В свои сорок три она была довольно стройной женщиной, с карими глазами и улыбкой настолько же очаровательной, насколько и редкой.

— Ты опоздал, — сказала она, выхватывая у него из руки пульт и снова включая телевизор. — Иди-каними эти грязные тряпки и прими душ. Я сказала Саре, что мы встретим их в половине восьмого, остались считанные минуты.

— Так ты ничего не слышала?

— Ты о чем?

— Про Лиану?

Полин ничего не ответила, мгновенно переключив все свое внимание на экран.

— Ты только взгляни на ее лицо, — сказала она, показывая на экран. — И она смеет утверждать, что не делала никаких пластических операций. Кого она дурачит? Если женщине за пятьдесят и у нее нет морщин, значит, она непременно делала подтяжку, и не одну.

— Полин, — сказал Джон громче, чем хотел, отчего у жены напряглись плечи. — Мы нашли тело Лианы.

— Да, я знаю. — Полин уставилась в пол, покрытый кремовым ковром. — Mon Dieu,^[28] ты не снял ботинки.

— Ботинки?

— Ты заляпал весь ковер.

— Так ты знаешь про Лиану?

Полин снова напрягла плечи и слегка распрямилась.

— Сара рассказала мне это по телефону двадцать минут назад.

— Тогда что ты, черт побери, делаешь?

— Что значит «что я делаю»? Собираюсь на ужин. — Тут она принялась. — «Макдоналдсом» пахнет.

Джон еще больше повысил голос, чтобы перекричать телевизор.

— Я купил пару макчикенов. — У него уже появилось впечатление нереальности происходящего, будто он стал невольным участником одного из этих жутких реалити-шоу, которые так обожает его жена.

— Зачем мне макчикен, когда мы ужинаем с Сарой и Фрэнком?

— Потому что мы не ужинаем с Сарой и Фрэнком, — взорвался он, услышав в голосе жены вызов. — Потому что была жестоко убита девушка...

— Девушка, которую мы едва знали...

— Знали.

— Едва.

— Мы хорошо знаем ее родителей.

— Которые вечно задирают перед нами нос. Попробуй скажи, что это не так.

— Говард и Джуди Мартин...

— ...Знаю-знаю, прекрасные люди. Пощади меня! Это совершенные снобы, которые обращаются к тебе только тогда, когда им что-то нужно.

— У них убили дочь.

— Да, жестоко убили, я знаю. Ну и что теперь можно сделать?

— Черт возьми, Полин, ты хоть понимаешь, что несешь?

— Только не надо делать из меня бесчувственную негодяйку, — отрезала она. — Мне очень жаль, что бедная девочка погибла. Правда, жаль. Но что я должна делать? Разочаровать своих друзей и отменить ужин? Это ее не воскресит.

— Я не могу, — сказал Джон, изумленно качая головой.

— Что значит не можешь? Почему не можешь? Неужели ты считаешь уже сегодня до чего-то докопаться?

— Не знаю. Но, во всяком случае, я должен попытаться.

— Так попытайся после ужина. А твои подчиненные на что?

— Они уже работают. Полин, ну сама пораскинь мозгами. Что они подумают, если я отправлюсь в ресторан, когда все остальные пашут как проклятые?

— С каких это пор тебя стало волновать чужое мнение?

— Не в этом дело! К тому же на меня уже насел Шон Уилсон...

— Шон Уилсон мелкое ничтожество.

— Он мэр, Полин.

— Да, ну конечно, маленький замечательный мэр. Я тебя умоляю! Да ты разделаешься с ним голыми руками.

— Просто я не могу пойти на ужин с Сарой и Фрэнком, — снова повторил Джон. — Я не хочу ужинать с Сарой и Фрэнком и не хочу сваливать это на плечи своих подчиненных. Убита молодая девушка, и я обязан хотя бы попытаться найти убийцу.

— Я тебя умоляю, — фыркнула Полин. — Да ее, скорее всего, прикончил ее дружок.

— Дружок? — неужели Полин знает что-то такое, чего не знает он? — Почему ты так говоришь?

Полин махнула в сторону телевизора:

— Потому что в таких делах всегда замешан дружок, бойфренд. — Тут она помолчала, и на ее лице впервые за все время отразилась неуверенность. — Разве нет?

— Мы, конечно, не исключаем такой возможности, только...

— Только?

Джон помолчал, не зная, что следует говорить, а что нет.

— По-моему, мы имеем дело с маньяком.

— Что?

— Пока это только мое предположение, так что смотри не сболтни никому. Меньше всего мне хотелось бы сейчас сеять панику среди населения.

— Что ты такое говоришь? Почему маньяк?

— Потому что пропала еще одна девушка.

— Что? Кто?

— Девушка из графства Хендри. Мы ее не знаем.

— Но с чего ты взял, что ее исчезновение как-то связано с Лианой? — спросила Полин.

— Интуиция, — правдиво ответил Джон.

— Девушки часто пропадают! И всегда по разным причинам. Может, она просто сбежала на другой край света со своим парнем.

— Может, и сбежала...

— Тогда при чем здесь интуиция? Разве она никогда тебя не подводила?

— Подводила, и не раз.

— Тем не менее на сей раз ты почему-то решил иначе, — заявила Полин, прочитав по глазам его мысли.

— Именно.

— Merde (черт). — Полин рухнула на постель, скидывая с ног туфли с открытыми мысами. — Ты правда считаешь, что это серийный убийца? — спросила она, немного помолчав.

— Не знаю.

— Ты думаешь на кого-нибудь из наших знакомых?

— Не знаю.

— Ты вообще хоть что-нибудь знаешь?

— Я знаю, что до тех пор, пока мы не найдем убийц Лианы, мы должны принять чрезвычайные меры предосторожности, и особенно это касается Эмбер. Кстати, где она?

— Что значит где? Разве она не дома?

Джон тут же выскочил из комнаты, промчавшись через кухню и большую комнату к спальне Эмбер, и ладонью толкнул дверь.

На кровати подскочила худенькая фигурка.

— Эмбер! Слава богу. — Джон в два шага пересек расстояние, отделяющее порог от кровати, и обнял девочку. — Ты не слышала, как я тебя звал?

— Нет, — ответила Эмбер, вырываясь из его объятий и убирая за уши свои длинные каштановые волосы. — Я тут прилегла на несколько минут и, кажется, уснула. — Она перевела взгляд с отца на мать. — А в чем дело?

— Мы решили, что ты куда-то ушла, — сказал Джон.

— Ну и что?

— Теперь, если соберешься куда-нибудь, обязательно предупреждай нас. По крайней мере пока. И ни в коем случае не гуляй одна.

Эмбер уставилась на отца глазами, будто раскрашенными изумрудно-зеленым карандашом.

— Из-за Лианы?

— Ты уже знаешь? — спросила с порога Полин.

— Я прочитала в Интернете.

Джон встрепенулся и посмотрел на стоявший на столе компьютер.

— Что? Как?

— Мне прислали сообщение.

— Кто прислал?

— Спроси лучше, кто не присылал.

— Покажи, — велел отец.

Эмбер молча потянулась с постели к компьютеру. Она была в безразмерных штанах цвета хаки и клетчатой рубашке на несколько размеров больше. Если ей так нравится быть тощей, зачем же тогда прятать свое тело? — мелькнул в голове Джона вопрос, пока Эмбер рылась в почте.

Ей пришло тринадцать писем, по сути одного содержания: Лиану Мартин убили выстрелом в голову. Это отвратительно и мерзко. В одном из них, без подписи, говорилось, что ее изнасиловали и обезглавили. Виктор Драммонд написал, что из тела Лианы высосали всю кровь.

— Чушь, — сказал Джон дочери, которая снова легла на свою широкую кровать.

— Я тоже так решила, — сказала Эмбер. — Но ее правда застрелили? Выстрелили в голову?

— Правда.

— Ее изнасиловали?

— Мы пока не знаем.

— И не знаете, кто это сделал?

— Твой отец считает, что это серийный убийца, — вставила Полин.

— Полин, я тебя умоляю! — воскликнул Джон. — Что я тебе сказал?..

— Серийный убийца? — Зеленые глаза Эмбер округлились, отчего еще сильнее запали щеки.

— Дело в том, что пропала еще одна девушка, — продолжала Полин, проигнорировав раздражение мужа.

— Что?

— Так, хватит! — твердо сказал Джон. — Никому об этом не рассказывайте. Ясно? — Хотя он прекрасно понимал, что это бесполезно. Он уже представил, как Полин сплетничает по телефону с подругами, а Эмбер рассылает по сети письма.

— Разумеется, — в один голос ответили жена и дочь. — *Oui*. Хорошо.

— Это только предположение. Мы ничего не добьемся, если лишний раз всех взвинтим, — сказал он. — Но пока мы не поймаем этого парня, я не хочу, чтобы ты выходила из дома одна. Тебе ясно?

— А если вы его не найдете? — спросила Эмбер.

Джон покачал головой. На этот вопрос у него не было готового ответа.

— Я прошу только об одном — будь предельно осторожна. Хорошо?

Эмбер кивнула.

— Из школы сразу же возвращайся домой. Я буду подвозить тебя в школу по утрам, а мама будет забирать.

— Что? — сказала Полин.

— В понедельник состоится прослушивание, — запротестовала Эмбер. — Мы собираемся ставить «Поцелуй меня, Кэт», и мистер Липсман предложил мне сыграть сестру Кэт, Бьянку.

— Хорошо, — согласился Джон, после того как жена кивнула. — Но когда прослушивание закончится, сразу же позвони.

Эмбер лишь пожала плечами.

— И начинай есть, — неожиданно для самого себя сказал Джон. — Ты же весишь от силы два фунта, черт побери. Если тебя, не дай бог кто-нибудь схватит, у тебя даже не будет сил сопротивляться.

Огромные зеленые кружки глаз закатились к потолку.

— Твой отец принес еду из «Макдоналдса», — сказала Полин, и Джон ощутил внезапный прилив благодарности за ее поддержку.

Эмбер смотрела на родителей во все глаза так, как будто они сорвали с себя всю одежду и теперь стояли перед ней абсолютно голыми. На ее лице читался неподдельный ужас.

— Я купил бигмак, пару макчикенов и картошку фри, — продолжал Джон, игнорируя ее взгляд.

— Ты что, шутишь?

— Разве похоже, что я шучу?

— Ты же знаешь, что я не ем мяса.

— Тогда съешь картошку.

— Я не ем жареное.

— Тогда что ты вообще ешь? — гневно спросил Джон.

— Джон, — предупреждая встала Полин.

— Много чего.

— Что? Что ты ешь? — продолжал он ее допрашивать, прекрасно понимая, что выбрал неверную тактику, но уже не в силах остановиться. Рита Хенсен, школьная медсестра, с которой он проконсультировался после того, как вес Эмбер снизился до опасного минимума, сказала ему, что нарушения пищевого поведения практически не поддаются лечению, если только девочка сама не попытается с этим что-то сделать, но даже в этом случае она, скорее всего, будет мучиться всю жизнь. А кричать на нее бессмысленно. В обществе уже сформировался устойчивый стереотип, будто идеальная женщина должна походить на мальчика-подростка.

Есть, однако, женщины, доводящие себя и до другой крайности, подумал Джон. Вроде Кэрри Фрэнклин, которая больше похожа на надувную куклу, а не на живого человека. Хотя он не мог не признать, что выглядела она при этом весьма аппетитно. Что творится с людьми, черт побери? С каких это пор женщинам надоели их естественные формы?

— Я не хочу это обсуждать, — заявила Эмбер, ложась на кровать и накрываясь с головой одеялом в знак того, что разговор окончен.

— Эмбер...

— Джон, — твердо сказала жена. — Оставь нас одних. — И она мягко вытолкала его за дверь.

Джон понимал, что единственное, что Эмбер пока в состоянии контролировать, — так это свой собственный вес. Реальный мир вселяет ужас, особенно девушке, которая вот-вот должна превратиться в женщину.

И кто он такой, чтобы спорить по этому поводу, учитывая, что случилось с Лианой Мартин?

— Я слышала, что это вы нашли Лиану, — сказала Далила Кэлу Гамильтону, впустившему ее в свой темный дом. Снаружи был теплый солнечный день — самое теплое воскресенье в этом месяце, как объявил диктор по радио, но здесь, в бунгало, было так холодно от кондиционеров, что, казалось, на дворе сгустились сумерки. Во всяком случае, так показалось Далиле, которая не сразу привыкла к резкой смене освещения. Она одернула край своей свободной белой рубашки, помня про упрямый валик жира, торчавший из джинсов с заниженной талией. Как же она ненавидела этот никак не выходящий из моды фасон, безжалостно выставлявший напоказ пупок и талию, наличие которой у нее угадывалось с большим трудом. Неужели нельзя конструировать и выпускать одежду для настоящих людей, ведь согласно последним исследованиям больше половины населения Соединенных Штатов борется с лишним весом. Разве мир заселен только Эмбер Вебер и Меган Кросби?

— Да уж, зрелище было не из приятных, — ответил Кэл, провожая Далилу на кухню, располагавшуюся в глубине опрятного маленького домика.

Далила украдкой заглянула в гостиную, больше походившую на мавзолей, в котором мебель была расставлена подобно грозным стражам. Интересно, сидит ли кто-нибудь на этом неудобном диване с идеально прямой спинкой и таких же высоких креслах? За время предыдущих своих визитов ее не удивило, что с абажуров так и не сняли пластмассовые колпаки. Поначалу ей показалось, что пластмасса находится в опасной близости от лампочек, но быстро поняла, что лампочки, скорее всего, никогда не зажигаются, так что никакой опасности нет. Ее мать утверждала, что от пластика абажуры рано или поздно деформируются, но Далила сомневалась, что Кэл Гамильтон обратит на это внимание. Слишком уж здесь темно.

На кухне, как и во всех остальных комнатах, жалюзи были спущены, хотя свет все же пробивался сквозь неровные щели, рассеиваясь, подобно лазерным лучам, по напольной керамической плитке горчичного цвета.

— А как это произошло? Вы на нее наступили? — Далила перешагнула через один солнечный луч и застыла на месте между двумя другими, когда Кэл Гамильтон вдруг резко остановился и развернулся к ней. Он встряхнул копной волнистых светлых волос, и с его брюзгливых губ слетел какой-то презрительный звук. Вопрос, очевидно, показался ему идиотским.

— Двое мальчишек увидели голый холмик, показавшийся им подозрительным. Вот мы и решили его проверить.

— И наткнулись на Лиану?

— Нет, на колобка. — В голосе Кэла слышалась одинаковая доля сарказма и раздражения.

Глаза Далилы тут же наполнились слезами. Она поставила свою большую холщовую сумку на круглый кухонный стол и устала в пол, впервые обрадовавшись этой мрачной полутьме. Насколько она привыкла к откровенным и гнусным оскорблениям своих одноклассников, настолько же плохо переносила сарказм. Сарказм впивался в ее плоть без всяких усилий и сопротивления, как отточенный кухонный нож, и разил прямо в сердце, особенно если исходил от взрослых. Не то чтобы Кэл Гамильтон нравился Далиле — она

находила его грубым эгоистом, — но ей почему-то хотелось самой нравиться ему. Еще один пример совершенной бессмыслицы.

— Ну, разумеется, Лиану, — сказал, уже смягчаясь, Кэл. — Хотя выглядела она не самым лучшим образом. — И он помолчал, склонив голову набок. При этом прядь светлых волос эффектно упала на лоб. — Хочешь спросить, как она выглядела?

Далила покачала головой:

— Нет.

— Отлично. Потому что выглядела она чертовски ужасно.

Далила сглотнула, почувствовав, как у нее внезапно пересохло и заскребло в глотке, и с трудом выговорила следующие слова:

— Кто-то говорил, что у нее головы не было.

— Этот «кто-то» несколько преувеличил. Как всегда. — Кэл улыбнулся. — Всего лишь полговы. Хотя и этого предостаточно. — Он похлопал себя по бедрам. Ба-да-бум. — Знаешь, мне, конечно, очень хочется продолжить нашу дискуссию, но надо ехать.

— Ах, да. Простите, я не хотела вас задерживать.

— В холодильнике есть пиво, а в шкафчике в гостиной — виски. — И он подмигнул ей, давая понять, что пошутил. — И не вздумай отвечать на телефон, пусть оставляют сообщения. — Он подошел к задней двери за кухонным столом. Дверь выходила в гараж, располагавшийся слева от дома.

— А миссис Гамильтон дома? — спросила Далила. И тут же подумала, что опять задала глупый вопрос. Иначе что она тогда здесь делает?

— Она спит.

Далила украдкой взглянула на свои наручные часы. Еще нет и двух часов пополудни. Она, разумеется, знала, что взрослые любят поспать днем — бабушка Роуз каждый день дремала ровно двадцать минут в четыре часа, и боже упаси ее в этот момент побеспокоить, — но ведь Фиона Гамильтон не намного старше ее самой, ей, наверное, и тридцати еще нет, поэтому довольно странно, что она постоянно спит. И прошлые два раза спала, когда она сюда приходила, вспомнила вдруг Далила. «Может, у нее какое-нибудь особое заболевание? Только бы не заразное, у меня и без того достаточно проблем», — подумала она, тут же почувствовав себя виноватой за свои эгоистические мысли.

— У нее выдалась нелегкая ночь, — сказал Кэл, снова заговорщицки подмигнув.

Далила решила не вдаваться в значение этого подмигивания, хотя мгновенно почувствовала неожиданный и совершенно ненужный жар внизу живота. Да что с ней такое? Неужели ее действительно возбуждает этот накачанный стероидами кретин?

— Так, — продолжал он, — план действий тот же, что и в прошлый раз. Располагайся поудобнее, только не включай слишком громко телевизор...

— Я принесла с собой книгу, — перебила его Далила, показывая роман «Плачь, любимая страна». Миссис Кросби дала задание прочитать к концу следующей недели первую его половину, но она намеревалась прочесть все. Если, конечно, сможет включить свет.

— Если надо будет позвонить, звони со своего сотового, — продолжал Кэл, как будто не слыша, что она сказала. — Ну а если жена проснется до моего приезда, проследи за тем, чтобы она никуда не выходила.

— А с вашей женой все в порядке, мистер Гамильтон? — спросила, не удержавшись, Далила. До нее доходили слухи, что Гамильтон Фиону поколачивает.

Кэл Гамильтон неловко перевел взгляд из стороны в сторону, будто спрашивая себя, отвечать ли на столь бестактный вопрос или же отбрить нахалку.

— Нет, — наконец ответил он. И добавил после еще более долгой паузы: — Она не то чтобы больна, просто...

Далила затаила дыхание. «Просто?..» — повторила она про себя.

— Просто у нее с крышей не все в порядке, — продолжал он, очевидно, решив для себя, что может доверять Далиле. — С головой, я имею в виду. Но тебе не о чем беспокоиться, — торопливо добавил он. — Она не буйная, ничего такого.

— Буйная? — Это слово вырвалось у Далилы, отразившись от кухонных стен, как бильярдный шар от бортика стола.

— Я сказал: «*Не* буйная», — с нажимом произнес Кэл и расхохотался. — Да она трусливее церковной мыши, бог ты мой. Просто ее одолевают всякие фобии, и она пытается с ними бороться.

— Фобии?

— Иррациональные страхи, — уточнил Кэл. — По крайней мере так говорит ее психотерапевт.

— Она лечится у психиатра? — Далила знала, что в Торрансе нет никаких психиатров, хотя считала, что городу следовало бы обзавестись хотя бы одним.

— Ну, не здесь, конечно, — ответил он, словно читая ее мысли. — В Майами.

— А какие у нее фобии?

— Спроси лучше, каких у нее нет. — И Кэл покачал головой. На лоб упала еще одна прядь светлых волос. — Ну, например, она боится высоты, боится змей, боится толпы. У нее клаустрофобия, агорфобия...

— Агорафобия, — произнесла Далила, тут же прикусив язык. Наверное, не стоило его поправлять, думала она, глядя, как его губы медленно расплываются в жесткой, даже жестокой улыбке, а руки сжимаются в кулаки.

— Да, точно! Агорафобия, — проговорил он. — И она боится выходить из дома.

— Формально это означает боязнь открытых пространств. Я читала об этом в «Космополитен».

— Вот как? — И он откинул волосы со лба. — Она борется с собой изо всех сил, в том-то и проблема. Бедняжка вбивает себе в голову, что ей нужно выйти, уходит, ничего мне не сказав, и тут же впадает в панику, носясь по округе, как курица с отрубленной головой. Ее находят, звонят мне, и она чувствует себя полностью униженной. Приходится начинать все с самого начала. Поэтому она слегка застенчива, ощущает себя неловко в обществе и вообще мало говорит, а если и говорит, то несет какую-то ерунду. Ну, что, — громко проговорил он, не переводя дыхания и как будто поставив восклицательный знак. — Мне и вправду пора идти. — Он взглянул на часы. Далила заметила, что это «Ролекс». Интересно, на какие шиши он купил такую дорогую игрушку. Наверно, фальшивка, решила она, и тут же задумалась, насколько правдиво все то, что он ей сейчас наболтал. — Уже немного запаздываю. — Кэл открыл заднюю дверь, смежную с гаражом. — Вернусь через пару часов. Позаботься о моей девочке.

— Ни о чем не волнуйтесь, — ответила Далила, глядя, как Гамильтон садится в сверкающий красный «корвет», засмотревшись на что-то во дворе соседнего дома. — Вы что-то забыли? — спросила она, но он проигнорировал вопрос. В следующую секунду он уже сидел за рулем и давал задний ход.

Далила вдруг увидела в соседнем дворе Меган Кросби, загорающую на солнце в крошечном белом бикини, и вспомнила, что соседний дом принадлежит семейству Кросби. Так вот на кого пялился Кэл Гамильтон, поняла она, покачивая головой. Интересно, подумала она, закрывая кухонную дверь, а в ее сторону посмотрит так когда-нибудь хоть один мужчина?

«Тебе нужно сбросить всего несколько фунтов, детка», — слышала она голос матери, произносивший слова с безнадежным гнусавым выговором, от которого она так и не смогла избавиться, несмотря на то что брала уроки у логопеда. Видимо, ее голосовые связки, в отличие от других, более податливых органов, оказались особенно устойчивыми к изменениям. Мать могла сколько угодно наращивать себе губы, но звуки, которые они издавали, упорно отказывались меняться.

Далила пожала плечами, открывая холодильник, и вновь не удержалась от этого жеста, увидев его содержимое. Молоко, апельсиновый сок, пиво, еще пиво, снова пиво, несколько зеленых яблок, увядший пучок сельдерея, листья бледно-зеленого салата, уже порывшего по краям, опять пиво. Она заглянула в морозильник и нашла там три коробки с мороженым «Дав», все три вскрытые. «Лучше не стоит», — прошептала Далила, закрывая дверь морозильника, чтобы преодолеть соблазн, и решив вместо этого выпить воды. Бабушка сказала, что, если каждый раз, когда ей захочется есть, она будет выпивать стакан воды, то это утолит голод и она перестанет переедать. Приняв такое решение, Далила подошла к раковине и налила себе стакан воды, невольно глядя сквозь щели в жалюзи, закрывавшие маленькое оконце, на задний двор Кросби, где сидевшая в шезлонге Меган Кросби мазала свои стройные бедра защитным кремом. Какая она красивая, думала Далила. Ей-то наверняка не приходится делать выбор между мороженым и водой. Но она не завидовала длинным ногам и узенькой талии Меган, потому что Меган всегда была с ней если не любезна, то, во всяком случае, никогда не издевалась над ней перед всеми, хотя у нее больше, чем у кого бы то ни было, имелось причин ненавидеть Далилу, учитывая, что это из-за ее матери отец Меган бросил семью.

Меган закончила наносить крем на тело и перевела взгляд на дом Гамильтонов, будто почувствовав, что за ней наблюдают. Далила инстинктивно подняла руку и помахала, но никто не ответил на приветствие — Меган разогнула свой шезлонг и улеглась под ласковым теплым солнцем. Далила пила воду из стакана, понимая, что это вовсе не проявление неуважения, Меган просто не могла ее видеть за спущенными жалюзи. Кстати, почему они все-таки спущены? Почему в доме так темно? Или помимо агорафобии у Фионы Гамильтон еще и боязнь солнечного света? И она с усмешкой отвернулась от окна.

На пороге кухни стояла женщина, больше походившая на привидение, чем на человеческое существо: ее тонкие руки безжизненно болтались вдоль тела, из-под подола белой ночной рубашки выглядывали голые пальцы ног. Длинные рыжеватые волосы, в которых утопало и без того худенькое личико, свободно рассыпались по плечам, подчеркивая сине-зеленый цвет больших глаз.

Далила охнула при виде неожиданного появления Фионы Гамильтон. Стакан воды выскользнул у нее из руки, упал на кафельный пол и разлетелся вдребезги.

— О нет! — вскрикнула женщина, даже не пошевелившись.

— Ничего страшного, я подберу. — Далила тут же опустилась на четвереньки в лужу и стала собирать разлетевшиеся во все стороны острые осколки. — Простите, пожалуйста. Просто я не слышала, как вы вошли.

— Что я натворила? Что я натворила?

— Ничего вы не натворили, — быстро сказала Далила. — Просто я немного испугалась, только и всего.

— У вас кровь течет.

Далила посмотрела на свою ладонь. Из маленького пореза на указательном пальце действительно сочилась кровь. Фиона и крови боится тоже?

— Пустяки. — Она вытерла палец о джинсы и снова его подняла. — Видите? Все прошло. — Кровь тут же засочилась вновь.

— О господи, о господи.

— Миссис Гамильтон, это всего лишь безобидная царапина. — Далила поднялась на ноги, быстро выбросила осколки в стоявшее под раковиной ведро, включила холодную воду и подставила палец под ледяную струю. Палец щипало, но она не убирала руку, боясь, что он снова начнет кровоточить и у Фионы Гамильтон случится удар.

Женщина стояла у нее за спиной и молча смотрела на текущую воду.

— Миссис Гамильтон, с вами все в порядке?

— Вы разбили стакан.

— Да, извините, пожалуйста.

— Боже мой, боже мой. Кэл их очень любит. Он ужасно расстроится.

— Да это же самые обыкновенные стаканы, миссис Гамильтон. И совсем недорогие, у нас дома точно такие же стоят. Они продаются в «Пабликс».^[29]

— О господи, о господи.

— Знаете, что? Давайте я сейчас позвоню маме и попрошу ее принести новый стакан, — предложила Далила, вынимая руку из-под струи с водой. Она сняла со стола свою сумку, порылась в ней в поисках сотового телефона, быстро набрала цифры и прижала маленькую трубку к уху.

— О господи, ваша сумочка! — Фиона показала на маленькое кровавое пятнышко, оставшееся на сумке Далилы.

— Ничего, ничего. Ерунда, это старая сумка... Алло, бабушка Роуз? — Наверное, впервые в жизни Далила по-настоящему обрадовалась, услышав голос бабушки. — Мама дома? Позови ее, пожалуйста.

— Кэрри! — заорала бабушка прямо в трубку.

Далила отвела трубку подальше от уха и посмотрела на дрожащую молодую женщину, стоявшую возле нее. До нее вдруг дошло, что она трясется с ног до головы. Может, боится не столько крови и разбитого стекла, сколько реакции своего мужа? Черт возьми, это же самый обычный дешевый стакан. Неужели Фиона на все так реагирует?

— Она не отвечает, — послышался через несколько секунд голос бабушки. — Я не знаю, где она.

— Ты не могла бы ее снова позвать?

— Зачем? Что-то случилось?

— Я у Гамильтонов. И я разбила стакан.

Тут Фиона захныкала.

— Что ты сделала?

— Я нечаянно.

— Честное слово, Далила, ты — как слон в посудной лавке.

«Спасибо тебе большое», — подумала Далила, пытаюсь определить, кого она боится

больше — старой ведьмы на том конце провода или этой чокнутой.

— Послушай, бабушка, у нас на кухне стоят точно такие же стаканы. Я хочу, чтобы мама как можно скорее принесла мне один из них.

— А почему бы тебе самой не пойти и не взять его?

Далила с минуту обдумывала это предложение. Она ведь успеет обернуться за несколько минут. Фиона Гамильтон уже не ребенок, она взрослый человек. Если, конечно, не считать, что этот взрослый дрожит сейчас мелкой дрожью, очевидно, потеряв рассудок при виде разбитого стакана и порезанного пальца, так как же она оставит ее одну?

— Я не могу, бабушка Роуз. Пожалуйста, попроси маму сделать это для меня.

Молчание. Далила не сразу поняла, что бабушка попросту повесила трубку.

— Спасибо, никогда не забуду, — сказала она в замолчавшую трубку, положила телефон обратно в сумку и выдавила на лице улыбку. — Мама скоро придет.

Фиона благодарно кивнула, обхватив ладонями свои голые руки.

— Вам холодно? Сварить вам кофе? Вы сразу согреетесь.

Фиона отрицательно покачала головой:

— Кэлу не нравится, когда я пью кофе.

«Интересно, содержащийся в кофе кофеин обостряет все ее разнообразные страхи?» — подумала Далила.

— Он не любит, когда от меня пахнет кофе, — пояснила Фиона.

Далила кивнула, будто желая сказать, что поняла, хотя она ничего не поняла. Она слышала про так называемое «кофейное дыхание», но ей лично этот запах не казался неприятным. И потом, Кэла все равно нет дома, и он вернется не раньше чем через два часа. К тому времени запах наверняка уже исчезнет.

— Может, тогда чаю?

И снова Фиона покачала головой.

— А «Дав»?

Даже в полутьме Далила увидела, как блеснули глаза Фионы.

— «Дав»?

Далила широко раскрыла дверцу морозильной полки и достала из коробки брикетик мороженого.

— Нет, нет, это Кэла, — предупредила Фиона, и свет в ее глазах стал медленно угасать, словно кто-то нажал на переключатель.

— Я думаю, он не стал бы возражать.

— Нет-нет, я не могу...

— Можете. — Далила достала из коробки еще один брикетик и вручила первый Фионе. — Ешьте. Я скажу ему, что оно мне так понравилось, что я съела целых два.

— Он вам не поверит.

Далила чуть не рассмеялась.

— Вы что, смеетесь? — Она что, настолько же слепа, насколько и пуглива? — Давайте ешьте, вам будет полезно. — Далила сорвала с брикета обертку и откусила большой кусок шоколадного мороженого. — М-м-м. Вкуснятина. Давайте же, кусайте.

Фиона молча смотрела на мороженое, которое держала в руках, и не двигалась.

— Давайте знаете что сделаем? Поднимем жалюзи. — И Далила подошла к окну прежде, чем Фиона успела что-либо возразить. — Посмотрите, какая прекрасная погода — солнце, тепло... — Она подняла над раковиной жалюзи. — Ну вот, так гораздо лучше. —

Она развернулась, и улыбка застыла у нее на лице, когда солнце осветило страшные синяки, покрывавшие руки и шею Фионы. — Господи! Что это с вами?

«Дав» вылетел у Фионы из рук, отскочил от ее голых ступней и закатился под стол.

— О господи. Я не должна здесь находиться.

— Что вы такое говорите? Вы здесь живете.

— Я должна лежать в постели.

— Зачем вам лежать в постели, миссис Гамильтон? Вы больны?

— Я не должна с вами разговаривать.

— Почему?

— Он не любит, когда я разговариваю с чужими.

— Меня вряд ли можно назвать чужой, миссис Гамильтон. Я... — А правда, кто она такая? Соседка? Или приходящая няня? Чего она все-таки так боится? — Я — друг.

— Он очень рассердится, когда узнает, что я выходила.

— Но как он об этом узнает? Я ему ничего не скажу.

— Он все равно узнает.

— Как? — Далила шарила по кухне глазами в поисках скрытых камер.

— Я ему скажу.

— Что?

— Во время осмотра. Он спросит, и мне придется сказать.

— Ничего вам не придется. Вы не должны ему ничего рассказывать. И какой еще осмотр? — Чего она несет?

Фиона Гамильтон уставилась на Далилу так, будто та говорила с ней на иностранном языке.

— Миссис Гамильтон, — мягко сказала Далила, кивнув на синяки. — Это ваш муж сделал?

— Что? Нет-нет, конечно.

— Потому что, если это сделал он, вы не должны с ним оставаться. Мы можем вызвать шерифа, и его арестуют.

— Нет, я никогда этого не сделаю.

— Но...

Тут раздался дверной звонок, а следом — громкий стук в дверь.

— О господи, он вернулся.

«Неужели вернулся? — думала Далила. Неужели Кэл Гамильтон тайком приехал назад, припарковавшись на улице? И зачем?»

— Он так рассердится, — ныла Фиона. — Я ни за что не пройду осмотр.

— О чем вы говорите? Какой еще осмотр?

В дверь стучались все настойчивее.

— Боже мой, боже мой.

— Далила! — донеслось с парадного входа.

— Это моя мать, — сказал Далила, испустив глубокий вздох и, пройдя мимо Фионы, похлопала ее по плечу, почувствовав, как та сжалась. Срезав путь через гостиную, она открыла парадную дверь и увидела свою мать, которая стояла, протягивая стакан.

— Взяла с кухни, — сказала Кэрри вместо приветствия. На ней были самые короткие белые шорты, которые Далила когда-либо видела, из треугольного выреза футболки в черно-белую полоску выпирала широкая ложбинка между грудей. — Что за чертовщина здесь

творится?

— Не знаю, — прошептала Далила, забирая у матери стакан. — Но все так странно... — Она услышала за спиной шаги, оглянувшись, увидела, как Фиона Гамильтон исчезла в своей спальне, захлопнув за собой дверь.

— Да? Тогда тебе не стоит больше сюда приходить, — сказала мать. — Тем более что в городе такая хренотень творится.

— Какая хренотень? — Неужели еще что-то произошло? До этого мать, кажется, особенно не волновалась.

— Да, еще одно происшествие.

— Какое происшествие?

Мать набрала побольше воздуха в легкие.

— Пропала еще одна девушка.

Да уж, выходные выдались те еще.

Как только возникли первые слухи о том, что пропала еще одна девушка, все как с цепи сорвались. Весь Торранс взорвался, как вулкан — все вдруг бросились трубить о своих безумных идеях, стараясь перещеголять самые немыслимые предположения. Связано ли это каким-либо образом с Лианой Мартин? Правда ли, что до Лианы пропала еще одна девушка, из Хендри, которая постоянно сбегала из дома? Правда ли, что по южной Флориде разгуливает маньяк? И, если так, то этот псих живет среди них или он совершенно чужой человек?

Вскоре каждый мужчина, чье алиби не смогли подтвердить три надежных свидетеля — в круг которых, разумеется, не должны были входить члены их семьи, — оказались в числе подозреваемых. Шериф со своими помощниками допросили чуть ли не всех представителей мужского пола в возрасте от семи до семидесяти лет. И — ничего.

Вид у шерифа был вчера крайне изможденный (он меня правда не заметил). Вебер выходил из оружейного магазина — кажется, спрос на оружие вдруг резко возрос, — и уверяю вас, вид у него был осунувшийся и измученный. Просто удивительно для человека его габаритов. У него было такое бледное и осунувшееся лицо, будто ему устроили здоровенную взбучку, что, по-моему, ему на пользу. В общем, выглядел он паршиво. Но он даже не посмотрел в мою сторону, он смотрел на заднее колесо своей патрульной машины, которое слегка спустилось благодаря любезно воткнутому кем-то гвоздю.

Все его мысли можно было прочесть у него на лице: труп, очередное исчезновение, а теперь еще и эта мерзость — проколота шина! Он заглянул внутрь, взял с переднего сиденья рацию и что-то там пробурчал в микрофон, качая головой, потом прислонился к машине и стал ждать, когда кто-нибудь приедет к нему на помощь. Думаю, кто-нибудь все-таки приехал (мне лично было недосуг там дожидаться, у меня было много дел).

Забавно, как ведет себя маленький городишко, когда его потрясает трагедия. Когда только пропала Лиана Мартин, жители Торранса, естественно, переживали и сочувствовали родным. Про Лиану и ее семью говорили все только самое хорошее: «Лиана была красавицей, старшей дочерью такой красивой пары, нашей местной элиты. Мартини — честные граждане и любящие, заботливые родители». Когда труп их ребенка вырыли из могилы, все рыдали. А потом как начали шептаться: «А правда, что, когда ее нашли, на ней была футболка с надписью «Шевелись, сука»? Сама ведь полезла на рожон, а? У матери из-за нее были сплошные неприятности, она не в силах была ее контролировать. Я слышала, она связалась с каким-то стариком из Майами. А еще она любила всякие извращения».

Кажется, это называется «сам виноват», и, насколько мне известно, люди всегда реагируют на чьи-то беды подобным образом. Наверное, это что-то вроде механизма самозащиты, когда пытаешься таким образом оградиться от несчастья. Если жертва сама виновата в том, что с ней произошло, значит, черт возьми, остальным попросту не о чем тревожиться. Раз мы не курим — значит, у нас никогда не будет рака. Мы не гуляем в одиночестве по ночам — значит, нас никогда не изнасилуют. И мы бы ни за что не надели футболку с надписью «Шевелись, сука», поэтому с нами никогда не произойдет то, что произошло с Лианой. Я не думаю, что это низко с их стороны. Просто им хочется

чувствовать себя в безопасности. Которой они, разумеется, не ощущают. В мире слишком много настоящих сумасшедших. «Вы правда считаете, что по южной Флориде бегают маньяк? Как вы думаете, это человек со стороны или он может оказаться одним из наших знакомых?»

Что ж, давайте посмотрим. Кого мы знаем и кого можем подозревать? Первым же в список напрашивается Кэл Гамильтон.

«А почему нет? Кэл здесь относительно недавно, он крупный и сильный мужчина, к тому же эта его поганая улыбочка... Как вы говорите? Улыбка убийцы? К тому же он бабник, уж не говоря о том, что его бедная жена — которую он, возможно, избивает — никогда не выходит из дому. К тому же он куда-то уезжал в субботу, как раз в то время, когда пропала девушка. И разве его машина не стояла вблизи от того места, где ее видели в последний раз? И разве не он нашел труп Лианы? И потом... ну, я не знаю... у него же на лице написано, что он запросто может выстрелить девушке в голову, разве нет?»

А как насчет Джоя Бэлфора? Они были вместе с Кэлом Гамильтоном, когда нашли Лиану. Кажется, именно он и наступил на этот подозрительный холмик. Или Грег Уотт? Какая разница. Они друг друга стоят. Два здоровенных оболтуса, которые вечно пытаются перещеголять друг друга во всяких безобразиях. Да, они из хороших трудолюбивых семей, но вы разве забыли, кто разбил те дорогие иностранные автомобили? И разве Джоя несколько лет назад не привлекали за изнасилование? Да, конечно, это было изнасилование по статутному правилу,^[30] и, как только девушка уехала из города, обвинение с него сняли, но все же...

А Эйвери Питерсон? Что? Учитель физики? Вы слышали, что он увлекается молоденькими девушками? Я вас умоляю, да половина мужского населения страны увлекается молоденькими девушками, за это не вешают. Уж если хотите знать, то Гордон Липсман вызывает куда как больше подозрений. Совершенный псих, и всю жизнь прожил с матерью и с кучей кошек. А кошки — это приспешники дьявола. И не забудьте еще Леонарда Фромма, нынешнего директора школы — в молодости он был классным серфером. А потом слегка повредился в уме, когда его жена сбежала с собственным тренером по йоге. Что-то было странное во всей этой истории.

Кстати, насчет странностей... А Брайан Хенсен? Он ведь так и не пришел в себя после того, как обнаружил отца висящим в ванной. А Виктор Драммонд? Вдруг он уже не довольствуется одними только фантазиями на вампирские темы? Вы же слышали, что из тела Лианы высосали всю кровь.

А этот ее бойфренд, Питер Арлингтон? Кажется, они постоянно ссорились. И потом неужели кто-нибудь всерьез верит, что он в тот день заболел? Разве он вызывал врача?.. Кстати, а что вы думаете про доктора Кросби? У него ведь явно кризис среднего возраста. Уж если у него хватило дури бросить свою чудесную милую жену ради этой заводной куклы, Кэрри Фрэнклин, значит, у него явно не все винтики на месте. Вы согласны, что у доброго доктора не все винтики на месте? И потом, он ведь здесь не так давно живет, он вообще-то родом из Нью-Йорка! Надо ли здесь что-то добавлять? К тому же на субботу на это время у него нет алиби. Он утверждает, что сидел у себя в кабинете и работал с какими-то документами. И вы верите?

Ну а старый мистер Кэлхон, молодой мистер Фрики и не очень молодой мистер Родригес? А мясник, булочник, изготовитель подсвечников? А помните, на углу еще стоял какой-то подозрительный человек, а другой переходил через дорогу? Это вполне мог быть

кто-то из них.

Но кто же?»

Итак, никто не застрахован от сплетен и подозрений. А как же любопытно наблюдать за тем, как сплетня начинает жить собственной жизнью и создавать свою собственную реальность. Парадоксально, как какое-нибудь событие, развиваясь сначала в одном направлении, уходит в совершенно противоположное. В точности как Лиана Мартин. Шла из школы домой, а оказалась в подвале.

Поэтому нельзя сказать, что исчезновение еще одной девушки вызвало совсем уж необоснованную панику и домыслы, хотя, если хотите знать мое мнение, это называется так: много шуму из ничего. Девушка эта, Бренда Винтон, родом из графства Кольер, расположенного к западу от Брауарда и считающегося одним из наиболее стремительно развивающихся графств штата. Площадь графства Кольер составляет 2006 квадратных миль, то есть она на 787 квадратных миль больше графства Брауард (люблю, знаете ли, отслеживать такие вещи). А еще Кольер славится своими кипарисами. Бурное экономическое развитие происходит главным образом на западном побережье, вдоль Мексиканского залива. В Кольере живет около двух тысяч индейцев племени семинола, которых вряд ли можно встретить в таких городах, как Нейплс, где и проживает Бренда Винтон.

Так вот, Бренда Винтон — красивая шестнадцатилетняя девушка в субботу днем не вернулась домой после занятий фортепиано, и ее родители тут же забили тревогу. Не прошло и получаса, как она пропала, а жителей Нейплса уже залихорадило, потому что недавно какой-то извращенец выскакивал из кустов на детей и показывал им свои причиндалы, а другой извращенец — хотя, возможно, это был один и тот же тип — никто не мог знать наверняка — пытался на прошлой неделе затащить в свою машину десятилетнюю девочку, но перепугался, когда та стала орать как резаная. И потом, жители городка уже прослышали про убийство Лианы Мартин. Так что, когда Бренда Винтон не вернулась домой в назначенный час, все, естественно, забеспокоились. Была немедленно организована поисковая группа, кто-то просигналил СМИ, и скоро уже южную Флориду охватила паника — все были убеждены, что объявился еще один — еще один! — серийный убийца. В общем, они недалеко от истины.

Хотя себя я не считаю серийным убийцей. Ни в коем случае. По-моему, серийные убийцы — это люди, бьющие наугад, выискивающие по улицам потенциальных и ничего не подозревающих жертв для удовлетворения своих больных, извращенных фантазий. Это — отверженные, которых душат их садистские сексуальные желания, и удовлетворить эти желания полностью они могут только через убийство. И серийный убийца будет убивать до тех пор, пока его не поймут. Это — не про меня!

Во-первых, я не бью наугад, хотя и понимаю, что со стороны это выглядит именно так, особенно теперь, в начальной стадии моей работы (потому что я называю это работой и никак иначе). И жертв я выбираю вовсе не наугад. Нет, у меня имеется весьма тщательно разработанный план, которому я следую, а все мои жертвы были тщательно отобраны. Даже Кэнди Эббот, которая, казалось, не совсем укладывается в эту схему, являлась частью моего общего плана. Это было испытание, или, если угодно, неизбежная военная потеря (потому что это — война). Мне нужно было удостовериться, насколько мой план реально осуществим, подействует ли хлороформ, окажется ли этот дом действительно подходящей тюрьмой для моих жертв... Но я обучаюсь в процессе. Кое-что придется, конечно,

подправить — к примеру, надо будет оставлять им бутылки с водой. Кроме того, не следует сбрасывать со счетов возможные чрезвычайные и внештатные ситуации. Но, даже учитывая все это, Кэнди Эббот стала положительным опытом, по крайней мере для меня, не для нее. Уж не говоря о том, что работа с ней придала мне уверенности и способствовала переходу на вторую стадию моего плана.

Вход — и выход: Лиана Мартин.

Мне пришлось несладко, пока не обнаружили ее труп. Шериф мобилизовал всех своих подчиненных, а те организовали поисковые группы, вернувшись, правда, ни с чем. Поговаривали о том, что нужно расширить поиски или даже обратиться в ФБР. Все это заставило меня изрядно понервничать: а вдруг тогда они наткнутся на мое тайное убежище? Хотя в общем-то никакой тайны оно собой и не представляет. Какая уж тут тайна? Дом стоит в конце огромного поля, и если взглядеться попристальнее, то его можно заметить с дороги. Хотя люди не умеют пристально вглядываться, даже когда ищут что-то конкретное. Они-то, конечно, считают себя весьма наблюдательными, а фактически бродят кругами, тычутся и ждут, что им что-нибудь бросится в глаза. А это поле и этот старый дом уже так давно перестали замечать, так что они превратились в нечто вроде декорации. Прямо как в кино.

Но меня все равно терзало беспокойство. Если бы в ближайшее время они не обнаружили труп Лианы, шерифу пришлось бы расширить территорию поиска, и он обязательно наткнулся бы и на поле, и на дом, и тогда все пошло бы прахом. Во всяком случае, на какое-то время. Сомневаюсь, что мне удалось бы легко найти другое место, столь же идеально подходящее для задуманного. Уж не говоря про время, которое ушло бы на то, чтобы передислоцироваться и начать все заново. Нет, разумеется, этого мне не хотелось.

Потому когда поисковые партии собрались все вместе, мне удалось незаметно подсунуть им пару идей. В каждой из таких групп было всего по несколько человек, все говорили одновременно, каждому хотелось быть лидером, каждый предлагал обследовать тот или иной участок, так что уже невозможно было разобрать, кто и что предложил, поэтому мне очень ловко удалось навести их на поле, где было зарыто тело Лианы. Ну а там уж мне практически безо всяких усилий удалось подвести их к могиле, в которой — о, чудо! — она лежала как на блюдечке.

Да, да, признаю, меня это здорово развлекло. Видели бы вы только это выражение подозрительной настороженности на их лицах, когда они наткнулись на подозрительный земляной холмик, выражение, перешедшее в гримасу отвращения, когда из-под земли показалась безжизненная рука. Слышали бы, как они задохнулись от ужаса, когда из могилы извлекли тело Лианы! Время и подземные зверюшки сделали свое дело: зрелище, надо сказать, действительно было не из приятных. Пришлось, разумеется, изобразить шок и негодование, которые объяли всех остальных присутствующих, и даже прижать руку ко рту, будто меня рвет. Хотя, сказать по правде, мне в этом помог запах чьей-то чужой свежей блевотины. Забавно, как один этот запах способен вызвать тошноту. Но после пары-тройки глубоких вдохов — мать учила так делать в детстве — все пришло в норму.

Как там говорят? Мама всегда права? Что они знают? Кто из них вообще что-нибудь знает? Они даже не поняли, что среди них находился убийца.

Я скажу вам, что знаю я. Я знаю, что у меня нет никаких аномальных божественных комплексов, которые руководят серийными убийцами, и что меньше всего мне хотелось бы строить из себя божество. И уж конечно, я не получаю никакого извращенного сексуального

удовлетворения, убивая людей и глядя, как они умирают. Я, как уже было сказано ранее, получаю удовольствие от подготовки, от процесса игры, потому что это — игра!

Вернемся же к Бренде Винтон. Бренда Винтон — одна из тех красивых дурочек, которых сегодня можно увидеть повсюду. Длинные волосы, маленький нахальный нос, ничего не выражающий взгляд. Ее едва ли можно назвать сердцеубийцей, судя по фотографии на листовках, которые мгновенно облетели весь штат, как только она пропала. Хотя, возможно, она просто не слишком фотогенична. Такое бывает — человек может быть очень красив, но на фотографии выходит плохо, кажется каким-то неуклюжим, неловким, блеклым и недушевленным.

А другие, наоборот, прекрасно получаются на фото, хотя в жизни никакого воображения не хватит, чтобы назвать их красивыми. Смотришь на фотографию и думаешь: вот так красотка (или красавец)! А потом видишь человека вживую и не находишь в нем вообще ничего примечательного. Зачастую они даже несимпатичны. Это, разумеется, относится к большинству топ-моделей, чьи прекрасные лица покрывают обложки модных глянцевого журналов. Они кажутся потрясающе красивыми, а в действительности они не более чем источник чьего-то вдохновения, ряд бледных холстов, которые оживит художник, выбрав нужное сочетание красок и освещения. А оживают они только по мановению чьей-то руки. Хотя порой по мановению чьей-то руки можно, наоборот, их умертвить. Так же как Лиану Мартин.

Но сейчас мы говорим про Бренду Винтон. У нее одна из тех милостивых мордашек, с возрастом сильно дурнеющих, судя по лицу ее мамы, устроившей эту смехотворную пресс-конференцию, в которой она слезно благодарила всех добровольцев, пожертвовавших своими выходными для розыска ее любимой дочери. Лицо миссис Винтон — круглое, невзрачное, с коровьими губами — выражало попеременно то облегчение, то гнев, то смущение. Порой все это отражалось на нем одновременно. Время от времени миссис Винтон оглядывалась через плечо на своего бывшего мужа и его новую жену — девочку, годившуюся ему в дочери (представляю, как ему было стыдно) — и осуждающе кривил губы, скорее всего, неосознанно. Забавно, с какой легкостью люди выдают то, что их больше всего волнует. Малейший, казалось бы, незначительный жест — и все, и ты попался.

Так вот эта самая миссис Винтон стояла на ступеньках какого-то учреждения — вероятно, мэрии — с изорванной салфеткой в руках и, украдкой бросая укоризненные ревнивые взгляды на мужа и его молоденькую жену, благодарила полицию и добровольцев и извинялась за то, что поиски ее дочери причинили им всем столько хлопот. «Бренда очень сожалеет», — бубнила она, добавляя, что они попытаются ей помочь. Потом бросает последний взгляд на бывшего супруга, который натянуто улыбается, злобно глядя из-под бровей, пресс-конференция заканчивается, и она исчезает с экрана. Бренда, разумеется, так ни разу и не мелькнула в кадре. Мать объяснила, что ей очень стыдно.

Не вешайте мне лапшу на уши! Сомневаюсь, что маленькая Бренда устыдилась хоть на секунду. В конце концов, она добилась, чего хотела — а хотела она, судя по всему, сбежать от матери, которая наверняка стала проявлять чрезмерную заботу после того, как муж ее бросил, и добиться внимания безответственного папаши, который наверняка был слишком занят своей новой юной женушкой. Уж не говоря о том, что больше суток у всех не сходило с языка ее имя, на всех телефонных столбах и во всех телепередачах мелькало ее лицо, и все за нее молились.

А где же была все это время наша маленькая Бренда? А она отсиживалась в каком-то

вшивом местном мотеле, пила колу, ела чипсы и следила за телерепортажами о своем исчезновении. Она не хотела ничего плохого, уверяла она полицию, после того как горничная зашла в воскресенье днем в номер сменить простыни и обнаружила, что девица валяется в постели и не думая съезжать. Поначалу Бренда вовсе не собиралась сбежать и даже не подозревала, какой фурор может произвести ее исчезновение. Это решение было принято ею спонтанно. Она досидела урок музыки и уже шла домой, чтобы готовиться к экзамену на понедельник и очень переживая из-за того, что не прочитала ни одной книжки из тех, по которым будет экзамен. Неожиданно она испугалась, что не сдаст его, и тогда мать очень рассердится и не отпустит ее на концерт «Киллерз», который должен состояться на следующей неделе в Форт-Лодердейл. А ведь она пять часов простояла в очереди, чтобы купить билеты, и истратила все деньги, которые ей подарили на день рождения, чтобы достать приличное место в середине. Со стороны матери это будет нечестно, и вообще, она ненавидит то, что с ней обращаются как с ребенком, она ненавидит школу, но больше всего она ненавидит уроки музыки в субботу утром, когда все ее друзья еще сладко спят. Вот тут-то она и решила, совершенно спонтанно, не возвращаться домой, чтобы готовиться к этому дурацкому экзамену, а отправиться в какой-нибудь мотель и отдохнуть там пару часов. Так она и поступила. А потом она включила телевизор, увидела свое фото на экране и услышала в новостях о своем исчезновении. Что ей оставалось делать? Нет, она даже не подозревала, что мать буквально сойдет с ума. Откуда ей было знать, какой шум возникнет из-за того, что она на несколько часов опоздает, и что весь город кинется на ее поиски? Да, разумеется, она слышала про эту несчастную девушку в Торрансе, которую убили, но ведь это произошло на другом конце штата, черт возьми! Почему все вдруг решили, что здесь имеется какая-то связь? Ей очень жаль, о'кей?

Нет, не о'кей. Я вот тут подумываю нанести Бренде Винтон небольшой визит и поучить ее, чтобы она знала, что случается с маленькими идиотками, поднимающими ложную тревогу. Хотя это слишком рискованно. К тому же придется столько ехать, тратить кучу времени, а его и так уже ушло слишком много из-за этой дурехи. Из-за нее мне пришлось отложить осуществление следующего пункта моего плана. Все очень напряжены и находятся в полной боевой готовности. Мэр вышел на тропу войны. Повсюду уже слоняются журналисты из крупных городов. Куда ни пойдешь, все то и дело подозрительно оглядываются друг на друга через плечо, недобро пялятся в окна незнакомых автомобилей и заезжают за детьми в школу. Я наблюдаю за ними, хотя они этого даже не предполагают. И слушаю, слушаю, о чем они говорят. Я понимаю, что они чувствуют, в конце концов, я в таком же положении, как и они. Во всяком случае, они так считают.

Поэтому продолжать сейчас было бы слишком безрассудно. Куда как разумнее выждать еще хотя бы несколько недель, пока люди хоть немного успокоятся, журналисты уберутся в свои большие города, мэр перестанет разглагольствовать перед камерой, а шерифы со своими помощниками вернутся к своим обычным делам — будут выписывать штрафы за превышение скорости и мелкие правонарушения.

И потом, следующая жертва у меня уже намечена, так что торопиться не стоит, хотя мне и не хотелось бы менять первоначальную схему. Но нужно, как уже было сказано, учитывать непредвиденные ситуации, неожиданное счастливое спасение, как бы это ни было несправедливо. К тому же здесь тоже есть свой плюс — растянется предвкушение, а вы уже знаете, что ничто не доставляет мне большего удовольствия.

Может быть, когда я расправлюсь с добрыми жителями Торранса, то все же съезжу в

Нейпс и навещу там Бренду Винтон. Посмотрим. У меня еще куча времени, чтоб подумать.

— Так, друзья, у нас мало времени, — объявил мистер Липсман, махая в воздухе руками, будто отбиваясь от роя разъяренных пчел. Он оглядел зрительный зал, рассчитанный на триста мест, и кивком головы подозвал отлынивающих школьников, столпившихся у выхода, чтобы те заняли передние ряды, на которых уже сидело около пятидесяти учеников. — Давайте, давайте, проходите! — Он захлопал в ладоши, потом снова помахал в воздухе руками и стал нетерпеливо топтаться на месте возле лесенки, ведущей на помост сцены.

Меган наблюдала за его манипуляциями со своего места во втором ряду в левом проходе. Она слышала, что когда-то мистер Липсман хотел стать актером, но его мать восстала против столь легкомысленного занятия, и он подчинился. И сейчас, глядя на его размашистые жесты и слушая чуть ли не оперные вздохи, Меган думала о том, что он явно упустил свое призвание. Ей даже было немножко жаль его (жалеть его всерьез было невозможно, потому что он непроходимый тупица). И все равно это ужасно — потратить свои лучшие годы на то, что в лучшем случае можно было бы назвать второсортной заменой, и смотреть, как другие, гораздо менее талантливые, занимаются тем, чем ты мог бы заниматься сам, если бы у тебя хватило мужества отстоять свое решение и хватило решимости осуществить свою мечту. А еще — смелости противостоять деспотичной матери, подумала она, решительным жестом откинув с плеча прядь своих длинных каштановых волос, и развернулась в кресле, глядя на группу нерадивых старшеклассников, лениво пробирающихся по проходу к передним рядам зрительного зала.

Грега Уотта среди них не было.

Меган подавила свой собственный вздох разочарования. Она-то надеялась, что Грег появится на прослушивании, хотя до нее дошли слухи о том, что его отец уперся и настоял на том, чтобы его сын не тратил драгоценного времени на всякую дребедень. По крайней мере она слышала, как Джой Бэлфор рассказывал об этом приятелям сегодня утром в коридоре. Почему родители вечно так поступают? Неужели они все такие безнадежные эгоисты? Кричат о том, что для них нет ничего дороже счастья своих детей, но, когда возникает необходимость сделать решительный шаг — а решительный шаг всегда делают они, загоняя детей в угол, — оказывается, что радеют они исключительно о собственном благополучии. Миссис Липсман не захотела, чтобы ее сын стал актером, и ему пришлось найти компромисс между своим талантом и амбициями и согласиться на роль школьного учителя актерского мастерства в забытом Богом месте. Мистер Уотт недоволен художественными талантами своего сына и потому настаивает, чтобы Грег посвящал больше времени семейному бизнесу. А ее собственная мать вознамерилась вернуться в Рочестер, преспокойно уверившись в том, что сын с дочерью безмолвно примирятся с ее желанием. Ну, уж нет, здесь Меган не станет ей уступать. За эти выходные она приняла решение не уезжать из Флориды. И не важно, что ей вовсе не хотелось сюда переезжать, не важно, что она скучает по своим друзьям на севере и что здесь убили Лиану Мартин.

— Здесь опасно оставаться, — возражала мать.

— Здесь гораздо безопаснее, чем в Нью-Йорке, — парировала она в ответ.

А тут еще пропала другая девушка, и мать вообще чуть с ума не сошла от страха. Лиану еще даже не похоронили, разглагольствовала она, как пропала вторая девушка. А если верить

слухам, то уже и третья. Правда, потом выяснилось, что Бренду Винтон никто не похищал и что безумные тирады матери о том, что в здешних местах разгулялся маньяк, который охотится на молодых девушек, оказались не более чем предположением. Согласно статистике, Лиану Мартин, скорее всего, убил человек из ее близкого окружения, а не какой-нибудь бродячий социопат.

Меган продолжала упорствовать в своем нежелании возвращаться в Рочестер еще и потому, что, наверное, лучше самой матери понимала, что истинная причина, по которой та решила уехать из Торранса, связана не с серийными убийцами, а с неверными мужьями. И разве можно ее в этом винить?

Меган взглянула в конец прохода, где на краешке красного плюшевого сиденья сидела эта большая и несуразная Далила Фрэнклин и внимательно слушала мистера Липсмана. Почему она вечно меня преследует? — думала Меган, понимая, что это несправедливо. Бедняжка имеет полное право ходить, куда ей вздумается; ей, очевидно, тоже охота поучаствовать в школьной пьесе.

Хотя совершенно очевидно, что никто не рад ее присутствию: несколько сидений по обеим сторонам и позади нее были раздражающе пусты. И если честно, Меган не представляла, какую роль ей можно было бы поручить. Впрочем, мистер Липсман наверняка и сам придет к такому решению, и Далиле достанется неблагодарная работа раскрашивать декорации и шить костюмы. Разве не тем же самым она занималась в прошлом году?

Глупая была идея, решила Меган, когда мистер Липсман начал раздавать экземпляры сценария. Ей не следовало приходить. Ей не слишком приятно здесь находиться и уж точно не хочется участвовать в школьной пьесе, даже если ей достанется главная роль.

Сначала говорили, что представление в этом году вообще не состоится. Его и так уже дважды откладывали — первый раз после того, как умерла мать мистера Липсмана, второй раз — после того, как нашли труп Лианы. Но мистер Липсман убедил директора не отменять спектакля, произнеся прочувствованную речь о том, как важно иметь надежду в затопившем тебя океане бедствий, уверял, что пьеса поможет ученикам отвлечься от тревоги и страха и прочее, и прочее. На самом деле за всем этим красноречием скрывалась одна-единственная фраза: «Шоу должно продолжаться».

— Пусть «Поцелуй меня, Кэт» будет нашей данью памяти Лианы Мартин, — объявил директор в громкоговоритель, поощряя всех учеников принять участие в постановке — хоть на сцене, хоть за кулисами. — Слышали также, будто мистер Липсман сказал, что постановка пьесы будет гораздо полезнее массовых консультаций у психолога, хотя не отменялось и это.

Меган не понимала, какое отношение имеет к памяти Лианы «Поцелуй меня, Кэт», и, несмотря на настояния матери, не пошла на консультацию к психологу, которого специально для этого пригласили в школу. Ей было совершенно неинтересно обсуждать смерть Лианы с незнакомым человеком. Ей вообще не хотелось говорить об этом убийстве с кем бы то ни было, и уж в первую очередь — с матерью, которая без конца спрашивала Меган, как она себя чувствует и все ли с ней в порядке, пока у нее не начинала кружиться голова и не хотелось кричать. «Если захочешь об этом поговорить, только намекни», — говорила мать.

Но Меган было гораздо удобнее молчать. В отличие от других девушек ее возраста, она предпочитала держать свои мысли при себе. Если никому не трепаться о своих переживаниях, то потом не придется в этом раскаиваться. Поэтому ей была гораздо больше

по душе анонимность, которую предлагал Интернет, позволявший безнаказанно делиться своими переживаниями с кем бы то ни было. Хотя в этом она не исключение. «Кошмар, правда? — написал кто-то на форуме. — Ужасно, что случилось с Лианой». — «Бедная девочка, — горевал второй. — Бедная, бедная девочка». Потом еще: «У меня разрывается сердце и кровоточит душа. Это — конец света». Хотя, конечно, были там и высказывания прямо противоположного сорта: «Она была стервой»... «Получила то, что заслужила».

Власти наверняка отслеживали авторов этих сообщений и вычисляли их. Хотя, по сути, что это может дать? — размышляла Меган. Если у кого-то хватило ловкости похитить человека среди бела дня, убить его и избавиться от тела, да еще столько времени гулять на свободе, то неужели он так легко подставится? Шериф Вебер и его помощники допросили весь город, некоторых даже по нескольку раз, и все равно не нашли никаких улик. Если, конечно, не считать тела Лианы, которого еще не вернул коронер. Говорили, впрочем, что на следующей неделе должны состояться если не похороны, то, во всяком случае, панихида. Меган не хотелось на нее идти, но как этого избежать?

Интересно, а что, если туда явится убийца Лианы? Чтобы вместе с остальными склонить голову в молитве и прошептать выражения соболезнования ее несчастной семье? Будет ли он стоять рядом с могилой, когда тело Лианы во второй раз зароят в холодную землю? А вдруг он будет стоять рядом с ее родителями и даже заденет их плечом?

Меган встряхнула головой, отгоняя от себя неприятные мысли. Она снова взглянула в конец актового зала, надеясь увидеть там незаметно проскользнувшего Грега Уотта, как он стоит, положив руки на бедра, и насмешливо смотрит на сцену. Но все три двери в зал были закрыты, и Грегa нигде не было видно. Кажется, все, кто собирался прийти на прослушивание, уже собрались. И она нехотя перевела взгляд на сцену.

В зале было относительно тихо, учитывая количество присутствующих. Все были как будто в транс. Джинджер Перчак с Таней Мак-Гаверн жались друг к дружке на первом ряду, склонившись над своими сценариями. Позади них сидела Эмбер Вебер и бормотала вполголоса какой-то диалог. Слева от нее, через несколько кресел, сидел Брайан Хенсен с вытянутой рукой, дожидаясь, когда мистер Липсман вложит в нее текст со сценарием. Еще дальше от сцены сидел Питер Арлингтон, скрестив руки на груди и решительно глядя в пол. Был здесь Виктор Драммонд и его омерзительная подружка Нэнси с черными кругами под глазами и жутким пирсингом. Были и другие, которых Меган знала в лицо, но не знала по именам. Бог мой, даже Джой Бэлфор приперся, хотя Джой ясно дал понять, что пришел единственно потому, что считает актрис — пусть даже школьниц — раскрепощенными и суперсексуальными и надеется не упустить свой шанс. «Разумеется, как дань Лиане», — сказал он, и все против воли рассмеялись. Может, он и прав, судя по тому, как стали посматривать на него девятиклассницы, думала про себя Меган. Интересно, а вдруг она точно так же смотрит на Грегa Уотта?

Вдруг ей на колени упал экземпляр.

— Просмотри, пожалуйста, роль Кэт, — прогудел у нее где-то над головой мрачный голос мистера Липсмана. И он развернул листки на нужной странице, коснувшись ее пальцев своими. Меган тут же отдернула руку и вытерла кончики пальцев о джинсы, будто надеясь стереть его прикосновение. Мистер Липсман не уходил. Пришлось на него посмотреть, и он ей немедленно подмигнул.

— Мистер Липсман, — послышался откуда-то из первого ряда голос Далилы. — Вы забыли про меня.

Мистер Липсман посмотрел на нее через плечо:

— Подожди. — И он снова подмигнул Меган, как бы в доказательство того, что разделяет ее отвращение к однокласснице и что он — свой.

В Меган неожиданно шевельнулось сочувствие к Далиле, когда неуклюжая девушка поднялась с места. Сочувствие переросло в острую жалость, когда та споткнулась о чью-то ногу, ловко выставленную в проход, и упала, распластавшись на коленках у нескольких перепуганных учеников.

— Что за черт?..

— Прошу прощения, — поспешно извинилась Далила.

— Как падается?

— Ну-ка, слезь с меня!

— Мне очень жаль.

— До новых падений.

— Пошла вон!

Далила с трудом поднялась на ноги, разглаживая на бедрах свою длинную черную крестьянскую юбку. Такая юбка прекрасно смотрелась бы на ком угодно. На Далиле она смотрелась как складная палатка.

— Я видел Англию, — скрипучим монотонным голосом пропел Джой Бэлфор. — Я видел Францию. Я видел трусы Биг Ди. Хотя, постойте, что это я такое говорю? На ней же нет никаких трусов.

— Фу! — сказал кто-то, и все расхохотались.

— Гадость какая, — послышался еще чей-то голос.

Меган ждала, когда мистер Липсман положит конец этим издевательствам, но тот, как ни в чем не бывало, продолжал раздавать сценарии.

— Вы так и не дали мне сценарий, — робко напомнила ему Далила своим детским голоском, когда он отдал кому-то последнюю копию.

— Боюсь, что они закончились. Попроси кого-нибудь поделиться. — И мистер Липсман оглядел ряды желающих.

Ни один человек не поднял руку.

— Я могу поделиться, — сказала, немного подумав, Меган, и лицо Далилы осветилось благодарностью.

В ту же самую секунду омрачились лица Джинджер Перчак и Тани Мак-Гаверн. «Что я делаю?» — думала Меган, когда Далила стала неуклюже пробираться к ней. Придется теперь пересаживаться, а ей здесь было так удобно. К тому же Джинджер с Таней перестанут с ней теперь общаться. Надо было сразу с ними садиться, а не сидеть в одиночестве, дожидаясь Грега.

А все мать, думала она, отодвигаясь, чтобы освободить место Далиле. Мать вечно твердит о том, что самое главное в жизни — это доброта. Золотое правило: «Всегда поступай с другими так же, как ты хотела бы, чтобы поступали с тобой». Убийца Лианы тоже знает это правило.

— Благодарю, — сказала Далила, втискиваясь на узкое сиденье, на котором не помещались ее мясистые бедра, так что она вплотную прижалась к Меган. — Какую роль мне посмотреть, мистер Липсман?

— Роль хора, — ответил мистер Липсман.

— Целого хора? — изумился Джой Бэлфор, снова вызвав всеобщий хохот.

Меган тоже едва не рассмеялась, но сдержалась, почувствовав, как напряглась Далила.

— Так, хватит, — запоздало выразил свое неодобрение мистер Липсман. — Кто-нибудь знаком с содержанием пьесы?

Меган подняла левую руку:

— Я смотрела ее на Бродвее несколько лет назад.

— Она смотрела ее на Бродвее! — передразнил Джой, и Меган заметила, как ухмыльнулась Джинджер.

«Что со мной такое? Неужели трудно было промолчать?»

— А я ни разу не видела представления на Бродвее, — прошептала Далила, улыбаясь Меган, будто они были лучшими подругами.

«Господи, поскорей бы отсюда убраться», — молила Меган.

— Надеюсь, все знают, что этот мюзикл создан по мотивам пьесы Уильяма Шекспира? — продолжал мистер Липсман. — Кто-нибудь мне скажет — какой? Меган?

Меган отрицательно покачала головой, хотя прекрасно знала ответ. «Укрощение строптивой», — произнесла она про себя одновременно с тем, как мистер Липсман произнес название вслух. Потом он стал пересказывать сюжет и объяснять разницу между мюзиклом и оригинальным текстом. Он заявил, что для начала прослушает всех, потом отберет подходящих претендентов на каждую роль, а позже на этой неделе состоится повторное прослушивание, уже с пением.

— Джинджер, — сказал он. — Давай начнем с тебя. Роль Кэт. — Джинджер встала и поднялась по ступенькам на сцену. — Брайан, может, прикинешь на себя роль Петручо?

— Кажется, это была моя роль, — послышался громкий голос сзади.

Все обернулись, кроме Меган, которая сидела наклонив голову и отчаянно всматриваясь в текст на коленках. Ей не нужно было оборачиваться, чтобы удостовериться в том, что это Грег, и потом, ее лицо выдало бы ее моментально. Она несколько раз глубоко вздохнула, чтобы успокоить бешено заколотившееся сердце.

— Ты в порядке? — спросила Далила, в точности, как ее мать.

— В порядке, — прошипела Меган. — А что?

— Просто ты так покраснела.

Она что, всегда так громко говорит?

— Я в порядке, — повторила Меган. Грег как раз прошел мимо, остановившись в переднем ряду, рядом с Таней.

— Здесь не занято?

— Заходи, гостем будешь. — Таня кокетливо улыбнулась, и Грег сел в пустое кресло Джинджер.

Меган напустила на себя равнодушный вид, когда Грег вытянул перед собой свои длинные мускулистые ноги. Если бы не Далила и, уж если на то пошло, не мать со своим дурацким золотым правилом, то Меган ни за что не предложила бы Далиле поделиться с ней своим сценарием. И тогда здесь сейчас никто бы не сидел, и, возможно, Грег захотел бы сесть рядом с ней.

Она почувствовала, как губы Далилы приблизились к ее уху, ощутила ее теплое дыхание — так проходит кошка, задевая шерстью голую ногу.

— Он такой подонок, — прошептала Далила. — Ненавижу его. А ты?

— Нет, почему я должна его ненавидеть? — спросила Меган чуть громче, чем следовало, и Грег тут же оглянулся, как будто догадавшись, что они говорят о нем. Меган

почувствовала, как у нее мгновенно вспыхнули щеки, а на лбу выступил пот.

— Ты в порядке? — снова спросила Далила.

Меган закрыла глаза. «Если она еще раз меня спросит, я ее убью», — подумала она, сосредоточив все внимание на сцене и слушая, как Джинджер с Брайаном монотонно читают свои тексты, потом прочитывают их снова после того, как мистер Липсман вносит поправки.

— Спасибо, — сказал мистер Липсман, когда они закончили, попросив их вернуться на свои места и никуда не уходить. — Таня и... — Он оглядел зал. «Только не Грег, — молила про себя Меган, хотя это противоречило всякой логике. Пожалуйста, только не Грег». — ... Питер, — решил мистер Липсман. — Давайте-ка мы вас послушаем, ага? Да, кстати, Грег, — неожиданно обратился он к нему, и Меган затаила дыхание, — через десять минут я позову вас с Меган, а у тебя, как я вижу, нет сценария. Может, вы уединитесь на время в конце зала, пока я вас не позову?

Грег немедленно поднялся.

— Ты идешь? — бросил он на ходу Меган, не остановившись и не оглянувшись.

Меган неловко обошла ноги Далилы.

— Бедняжка, — услышала она голос Далилы, пока догоняла его по проходу. — Мистер Липсман, у меня не осталось сценария.

Подходя к Грегу, Меган замедлила шаг. Он стоял к ней спиной, и у нее вдруг подкосились ноги и закружилась голова; казалось, малейшее дуновение — и она споткнется и упадет. «Не дури, — сказала она себе, вцепившись в спинку ближайшего кресла, чтобы не упасть. — Не такой уж он и красавец. Протри глаза, боже мой, это просто безмозглая гора мускулов». И тут же поняла, что ее совсем не интересуют его мозги, она глаз не может отвести от изгиба его туго обтянутых джинсами ягодиц.

— Может, сюда? — указал он на последний ряд и сел на место прежде, чем она успела что-то сказать.

— Хорошо, — все же ответила она, опускаясь на сиденье рядом с ним и открывая сценарий на нужной странице. Оба старались не смотреть друг на друга.

— Может, поднесешь листки чуть поближе? — попросил он.

Меган переложила их в другую руку.

— Кажется, этот отрывок.

— Да?

— Другие читали его.

Грег наклонился и стал изучать текст. Однако через несколько секунд она поняла, что смотрит он не в текст, а уже на нее. Точнее, разглядывает во все глаза. «Черт, надо было сесть с другой стороны. Слева я смотрюсь с профиль гораздо лучше, чем справа. Черт, черт, черт!»

— Так ты, значит, строптивая Кэт? — вкрадчиво проговорил он.

— Очевидно. — Слава богу, голос у нее не задрожал.

— Ага, очевидно, — повторил он голосом Дэвида Карузо^[31] из «Места преступления». ^[32] — А меня прислали, чтобы я тебя укрощал.

Меган почувствовала, как у нее мучительно зарделись щеки. Но вместо того, чтобы уткнуться в текст, она кокетливо склонила голову набок и посмотрела прямо в его темно-карие глаза.

— Вот как? — услышала она свой собственный голос. — А ты, значит, думаешь, что

тебе это по зубам?

В его карих глазах вспыхнула искра, он немного помолчал и ответил:

— Это мне всегда по зубам.

И что теперь отвечать? — думала Меган. Что она всего лишь процитировала строки из сценария? Что она профан в таких делах? Что не умеет импровизировать? Что она — о, ужас! — еще девственница? Что в Рочестере ей нравился один парень, но что они переехали прежде, чем их свидания на заднем сиденье его автомобиля успели зайти слишком далеко? Что Грег кажется ей невыносимо привлекательным и что у ее матери случится удар при одной мысли о том, что у них может завязаться роман, что, разумеется, делало его только еще более привлекательным в ее глазах? Что с ней такое творится?

— Какие у тебя планы в воскресенье вечером? — спросил он.

— Что? — Она, наверно, ослышалась.

— Мы тут подумываем собраться, устроить что-то вроде всенощной по Лиане.

— Всенощной?

— Ну, вроде того.

Он что, назначает ей свидание? «Что-то вроде всенощной» — синоним свидания?

— У меня нет особых планов.

— Отлично. — Он закрыл сценарий, который она держала в руках, потом взял ее руку в свою и задумчиво обхватил губами кончики ее пальцев.

Меган показалось, что ее пронзило током, будто от ладони до плеча проскочил электрический заряд, и она тут же отдернула ладонь.

— Ты не хочешь почитать текст?

— Не-а, — ответил он, прислонившись затылком к спинке кресла и закрывая глаза. — Дело в шляпе.

— Там, дальше, — говорила Рита. — За стойкой и направо, подле вывески с «Будвайзером».

— Ты уверена, что хочешь здесь остаться? — спросила Сэнди, посмотрев на часы и потихоньку выбираясь из узкой кабинки. — Они явно не собираются приходить.

— Что ты несешь!

— Уже десять минут прошло. Они явно не придут.

— Они опаздывают пока всего на пять минут. Придут. Ты же видела, какая пробка на I-95. К тому же вечер воскресенья, самый пик.

— На I-95 постоянно пробки. Надо было выезжать раньше — мы же успели вовремя.

— Они же не бойскауты. Давай, иди попудри свой носик. Вот увидишь, ты вернешься — а они уже будут здесь.

— А если нет?

— Тогда мы закажем себе что-нибудь выпить, поболтаемся здесь еще минут пятнадцать и поедem в Торранс, — пообещала Рита.

Сэнди кивнула:

— Закажи мне яблочный мартини.

И она пошла в туалет, располагавшийся в глубине шумного прибрежного бара для встреч, думая о том, как похожи друг на друга все подобные заведения. И не важно, где они расположены — в Рочестере, Торрансе или Форт-Лодердейле, на шумной центральной улице или неподалеку от белого песчаного пляжа. Перефразируя Гертруду Стайн, «бар есть бар».^[33] Громкая музыка, приглушенное освещение, неоновые вывески, море выпивки и целая толпа одиноких мужчин и женщин, которые делают вид, будто они вовсе не одиноки. Неугомонные мужчины, обманывающие своих обрыдших жен; скучающие жены, пришедшие поразвлечься на стороне; разведенные женщины, пришедшие на поиски будущих бывших супругов; подростки, притворяющиеся, будто им уже можно заказывать спиртное, и сорокалетние дамочки, ведущие себя как подростки. Мужчины ищут, с кем бы переспать, женщины — потенциальных обожателей. Как там говорится? Мужчины дают шанс на любовь, чтобы заполучить секс, женщины дают шанс на секс, чтобы заполучить любовь? Что-то вроде этого. Сэнди уже слишком устала и не помнила, как это точно звучит. И потом, какая разница? Все гораздо проще: кто-то сегодня уйдет домой счастливым, а кто-то нет. А некоторым и вовсе не следовало сюда приходить. В том числе и ей. Что она вообще здесь делает?

Разве она с самого начала не отказалась сопровождать Риту в Форт-Лодердейл? Разве не убеждала ее, что ей совершенно неинтересно встречаться с каким-то парнем, даже если он такой замечательный, как утверждала Рита, потому что она с ним познакомилась через интернетовскую службу знакомств и еще ни разу его в глаза не видела? Если он окажется сволочью, то и его приятель, скорее всего, тоже окажется сволочью, а еще одна сволочь нужна Сэнди как собаке пятая нога. Разве она не говорила Рите, что это не самая лучшая идея — ехать в Лодердейл (да, да, это не так уж и далеко!), — когда в округе разгуливает маньяк, что лучше остаться дома и присматривать за детьми?

Правда, в намерения детей не входило, чтобы за ними присматривали. Дети лично выставили их за порог. Хватит уже над ними кудахтать, это только еще больше всех

нервирует, сказали они. К тому же у них планы на сегодняшний вечер — они отправляются на всю ночь в честь Лианы, на которую родители, разумеется, приглашены не были. И слава богу, думала Сэнди. Ей и панихида в среду хватило с лихвой, уж не говоря о том, что бороться с тяжелыми эмоциональными последствиями кошмарной гибели Лианы приходится и в школе, и дома. Со всем этим притворством — с гневом, слезами, отчаянием. С беспомощностью, которую пытаются замаскировать под нервозность. С нервозностью, перерастающей в упрямство. С упрямством, перерастающим в крики. В бесконечные крики.

Сэнди понимала, что это эгоистично, но она уже сыта по горло их страхами. Достаточно того, что ей самой до смерти страшно. У нее нет ответов на их вопросы. Она не знает, отчего такое случается и случится ли вновь, и если случится, то когда? Она ничего не знает. Она знает только, что ей необходим покой, хоть на какое-то время отдохнуть от страха и горя, даже если ради этого придется ехать к океану.

И потом, они же с Ритой не планируют остаться здесь на всю ночь. Они вернутся в Торранс задолго до полуночи (Сэнди велела Меган и Тиму быть к этому времени дома). Так что волноваться не о чем и винить себя тоже не в чем.

Но Сэнди все равно волновалась и чувствовала себя ужасно виноватой. Сегодня в пять часов она позвонила Рите и сказала ей, что не поедет в Форт-Лодердейл. А потом позвонил Ян и предложил встретиться на следующей неделе и поговорить, и она-то подумала — ну, не дура, а?! — что он наконец-то одумался, понял, каким он был идиотом — это она, она идиотка! — и хочет попроситься назад. Она стала повторять про себя давно отрепетированный ответ — что он, мол, причинил ей очень сильную боль, что исправить все будет непросто, что им придется многое обсудить, — когда он заявил, что надеется, что они разведутся *по-доброму* (ну есть ли в целом свете такая идиотка?), и она молча повесила трубку. А потом перезвонила Рите и сказала, что передумала насчет сегодняшнего вечера и что она готова ехать. И вот она здесь, в самом современном и супермодном баре Форт-Лодердейла, где запахи пива и виски смешиваются с запахами песка и прибой. Они оказались не только самыми зрелыми женщинами в этом зале — минимум на десять лет старше самой старшей из других присутствующих здесь дам, — но и самыми разряженными. Ну кто сейчас надевает в бар шелковое выходное платье? — думала про себя Сэнди, обратив внимание, что на всех остальных женщинах были облегающие джинсы с заниженной талией, подчеркивающие их узкие обнаженные талии. Разумеется, всем им еще не было тридцати, никто из них не рожал и все они носили второй размер лифчика, уж не говоря про угрожающе высокие шпильки и полупрозрачные топы со скандально глубокими вырезами. Единственное, что есть скандального в ее собственном вырезе, думала Сэнди, застегивая верхнюю пуговицу своего красно-белого платья, так это что он вообще есть.

— Да ты просто ослепительна! — воскликнула Рита чуточку более восторженно, чем следовало, когда заехала за Сэнди.

Но Сэнди лишь отмахнулась. Может быть, она выглядит достаточно респектабельно, но не более того.

— Ты ослепительна, — упрямо повторила Рита, на что в общем-то и рассчитывала Сэнди.

— Ерунда! Я — безвкусно одетая безгрудая баба.

— Не слишком ли много слов на букву «б»?

— Хочешь услышать еще одно? — вкрадчиво спросила Сэнди.

Рита потрогала рукой свои свежезавитые коротко остриженные каштановые волосы и

несколько раз смигнула, как будто ресницы не выдерживали всей тяжести наложенной на них туши.

— Поехали. Нас ждут прекрасные принцы. Пора приниматься за дело.

Свою часть дела они проделали, а вот принцы явно схалтурили. И почему ее это так удивляет? Дойдя до стойки модного «Океанского гриль-бара мисс Молли», Сэнди распрямила плечи при виде компании мужчин приблизительно ее возраста. «Может, я все-таки и не так уж плохо выгляжу, — думала она. — Ну, не ослепительно, конечно, но, во всяком случае, респектабельно. Может быть». И она улыбнулась, пройдя мимо сидевшей за стойкой четверки. Никто из них, впрочем, даже не взглянул в ее сторону. «Да-да, я действительно кое-кого дожидаясь, раз уж вы спрашиваете, — с усмешкой пробормотала она, открывая бордовую дверь крошечной дамской комнаты. — Прекрасный принц будет здесь с минуты на минуту».

Она встала перед большим зеркалом в золоченой раме, висевшим сбоку от белой эмалевой раковины, приятно удивленная тем, что в нем увидела. Да, конечно, двадцати с небольшим ей не дашь, и она ничуть не ослепительна, как заявила Рита. Но у нее, несомненно, весьма респектабельный вид. И не просто респектабельный. «Ты чертовски хорошо выглядишь», — сказала она своему отражению в зеркале, поправила несколько выбившихся кудряшек и полезла в сумочку за помадой.

Пьяный смех за дверью возвестил о неминуемом приближении еще нескольких посетительниц, и едва Сэнди успела сделать шаг в сторону, как перед зеркалом столпились три молодые девицы, все под шесть футов ростом, все с длинными прямыми светлыми волосами, в майках с глубоким вырезом, голубых джинсах и на высоченных каблуках. На одну секунду Сэнди едва не подумала, что это тройняшки. И только при более пристальном взгляде она увидела, что у двух девушек глаза карие, тогда как у третьей они ярко-голубые, и что у одной до мяса обкусаны заусенцы, а у двух других роскошные длинные ногти и французский маникюр. Кроме того, у двух подружек грудь была явно силиконовой. А одна из них улыбалась чуть скромнее своих подруг, возможно из-за того, что у нее были не такие ослепительно-белые зубы, как у них. Сэнди решила про себя, что она нравится ей больше двух других.

Голубоглазая зашла в кабинку, а две кареглазых стали возиться со своими волосами.

— Что скажешь? — спрашивала одна другую. — Забрать или распустить?

— Мне больше нравятся распущенные. Симпатичная помада.

Сэнди не сразу поняла, что молодая женщина обращается к ней.

— А, спасибо.

— Как называется цвет?

Сэнди посмотрел на дно розового мерцающего колпачка:

— «Неистовый персиковый».

— Да? Мне нравится. Колечко тоже ничего, — добавила она, кивнув на обручальное кольцо с бриллиантом на левой руке Сэнди.

Это кольцо Ян подарил ей на десятую годовщину свадьбы взамен тонкого золотого — когда они только поженились, то не могли позволить себе чего-то большего.

— Спасибо, — снова ответила Сэнди, думая о том, что обручальное оно уже только по названию. «Надеюсь, мы разведемся по-доброму», — услышала она слова Яна. — Хотите взять его себе? — И она сняла кольцо с пальца.

— Что?

— Кольцо. Хотите?

Девушка рассмеялась:

— Вы о чем?

— Мой муж хочет со мной развестись «по-доброму», так что вряд ли оно мне уже понадобится. — Сэнди протянула его ей на ладони. — Правда, забирайте.

Теперь девушка уже явно занервничала.

— Нет, что вы, я не могу его взять. — И посмотрела на свою подругу. Потом обе они посмотрели на кабинку.

— Да. Вы правы, — сказала Сэнди, надевая кольцо обратно на палец. — Извините, я настоящая психопатка.

— Нет, ну что вы. Вовсе нет, — солгала девушка.

— Кольцо и вправду очень красивое, — сказала вторая. — Его наверняка можно будет продать через eBay.^[34]

— А, правда! Я читала, что одна девушка из «Холостяка»^[35] продала свое обручальное кольцо через eBay, когда ее бросил этот ублюдок.

— Вот как? — Сэнди понятия не имела, о чем говорит эта девушка, хотя у нее еще долго звенели в ушах слова «ублюдок» и «бросил», когда она торопливо выходила из туалета. Она слышала, как захихикали девицы, хотя она даже не успела до конца притворить дверь.

— Что это такое было? — спросила одна из них.

— Что это такое было? — громко повторила Сэнди, смущенно осматриваясь, не услышал ли кто. Но никто на нее не смотрел и даже не заметил, что она разговаривает сама с собой, а если и заметили, то им решительно на нее наплевать. Этот вечер — сплошная катастрофа, им с Ритой нужно встать и убраться отсюда подобру-поздорову. Сейчас она выпьет свой яблочный martini и уйдет, решила она, пробираясь сквозь толпу, мимо людей, которые проталкивались вперед, совершенно не замечая ее. Ну просто человек-невидимка. Плод своего собственного воображения.

И тут она увидела их, прекрасных принцев. Оба явно старше среднего возраста и с бледной кожей. Один уже начинает лысеть, на втором явно надет парик. В накладке был партнер Риты, во всяком случае, он был похож на более древнюю версию той фотографии в Интернете, которую показывала ей Рита. Настолько древнюю, что фактически годился своему приятелю в отцы. На нем была темно-зеленая тенниска, разрисованная белыми буквами Т, и он сидел, небрежно забросив руку на спинку бордового кожаного сиденья и касаясь пальцами Ритиногo плеча.

Он что-то оживленно рассказывал, и Рита смеялась, словно ей действительно было очень весело. Неужели и вправду? О господи! Я совершенно не готова.

Рита увидела ее и помахала рукой.

— Сэнди, — громко позвала она, так что кое-кто из посетителей оторвался от своих напитков и посмотрел на нее. — А я-то думала, куда ты запропастилась?

Сэнди подошла к кабинке, и оба мужчины нерешительно попытались привстать.

— Это — Эд, — представила Рита своего соседа. Сэнди показалось, что ростом он едва ли выше Риты. — А это — его друг Боб.

Боб повернул к ней свой лысеющий череп, и Сэнди увидела, что у него довольно приятное серьезное лицо. Лет сорок восемь-пятьдесят. Не красавец, конечно, но довольно привлекателен.

— Приятно познакомиться, — проговорила она, присаживаясь рядом.

— Ну, а это, как вы уже поняли, моя подруга Сэнди, — громко сказала Рита. — Разве я не говорила, что она ослепительна?

Боб согласно улыбнулся, и по его улыбке было видно, что он приятно удивлен.

— Рита сказала, что вы из Нью-Йорка, — произнес Эд.

— Точнее из Рочестера.

— А я сам родом из Нью-Джерси.

— Правда? Что же заставило вас переехать во Флориду?

— Просто я приехал сюда в отпуск с первой женой, провел со второй медовый месяц, с третьей познакомился в Майами, а потом решил практиковать здесь...

— Эд — зубной врач, — вставила Рита.

— Я указал это в своей анкете, — сказал Эд.

— Вы были женаты три раза? — спросила Сэнди, потягивая яблочный мартини.

— На самом деле, четыре, ну и что?

Сэнди развернулась к Бобу:

— А вы?

— Я был женат всего один раз. Развелся.

— Так же, как и ты, — сказала Рита, явно желая подчеркнуть их сходство.

— Вообще-то я еще не разведена, — напомнила ей Сэнди.

— Вы не поверите, но она до сих пор не переговорила с адвокатом. Боб, убеди ты ее, что ли. Боб — адвокат.

— Специализирующийся по бракоразводным процессам?

Он покачал головой:

— Нет, я веду корпоративные и коммерческие дела. Но если хотите, я могу порекомендовать вам того, кто вам нужен.

— Нет, спасибо, нет необходимости.

— Я уже говорила ей про одного хорошего адвоката. Это Маршалл Хичкок из Майами. Ты его знаешь?

— Боюсь, что нет.

— Говорят, он очень хороший адвокат.

— Давайте поговорим о чем-нибудь другом, — попросила Сэнди и отпила большой глоток мартини, надеясь, что от спиртного ей станет комфортнее.

— В точности как моя вторая жена, — сказал Эд. — Она постоянно так говорила. «Давай поговорим о чем-нибудь другом, давай поговорим о чем-нибудь другом!» — передразнил он. — Договорилась до того, что мы развелись. Господи боже мой, вы только посмотрите, какие коронки у этой девушки. — Сэнди обернулась и увидела проходивших мимо женщин, с которыми она была в туалете. Одна из них смеялась, и Сэнди не могла удержаться от мысли, что она смеется над ней. — Не знаю, кто трудился над ее челюстью, но сделано топорно.

Сэнди одним большим глотком прикончила свой мартини. И тут же ощутила панику, будто швырнули камень в воду. Так нельзя. Она не должна сидеть в тесной кабинке переполненного ресторана, пить мартини и вести светскую беседу с мужчинами, которых не знает и не желает знать, хотя Боб, кажется, довольно мил. Он спокойный и непритязательный, даже скромный. Она видела, как он покраснел от смущения, когда Рита сказала, что он адвокат. А может, ему тоже вовсе не хочется здесь оставаться. И, возможно, при других обстоятельствах было бы неплохо узнать его поближе. Но только не сейчас. Не

сейчас, когда она еще слишком ранима и не уверена в себе, когда при одной только мысли о свидании ее начинает тошнить, а мысль о близости с другим мужчиной, не с Яном — а были ли они по-настоящему когда-либо близки? — приводит ее в сильнейший ужас, тем более что другой мужчина может оказаться... серийным убийцей. Пожалуй, следует поскорее обратиться от всех этих людей, от Риты с ее аккуратным каштановым бобриком и сильно накрашенными, чрезмерно обнадеживающими глазами; от Эда с его четырьмя женами, дурным париком и коронками; от Боба с его милым серьезным лицом и застенчивой миной; от этих девиц-тройняшек. Сбежать из «Океанского гриль-бара мисс Молли», из Форт-Лодердейла, из Флориды. И... от самой себя.

— Сэнди? — послышался сверху мужской голос. — Это и вправду ты?

Сэнди обернулась и увидела перед собой красавца с серебристыми висками, который смотрел на нее, выжидательно улыбаясь. Высокий, стройный, в простых темных гофрированных брюках и шелковой голубой рубашке и с озорным огоньком в глазах, который она всегда находила неотразимо привлекательным. Сэнди подумала, что вряд ли смогла бы забыть такое приятное мужское лицо, пока пыталась вспомнить, кто он такой. Но она не только не могла вспомнить его имени, но даже не могла понять, где и когда могла его видеть. Стремительно, но безрезультатно восстановив в памяти годы обучения в Нью-Йоркском университете, она стала перебирать в уме одноклассников, в то же время попытавшись придать осмысленное выражение своему недоумевающему взгляду и ничего не выражающему лицу. Безрезультатно. Может, это один из коллег Яна? Может, они встречались с ним на одном из тех многочисленных медицинских конгрессов, на которых она за долгие годы побывала предостаточно? Или он — отец одного из ее учеников, здесь или в Рочестере? Нет. Но она бы ни за что не забыла такое лицо.

— Ты меня не помнишь? — спросил он с непринужденностью, от которой сделался еще привлекательнее.

— Разумеется, помню, — солгала Сэнди, выбралась из-за столика, и незнакомец принял ее в свои теплые объятия.

— Уилл Бейкер, — шепнул он ей на ухо.

— Уилл Бейкер, — произнесла она вслух, осторожно высвобождаясь из его цепких объятий и глядя в его светло-карие глаза с золотыми искорками. Она по-прежнему не имела ни малейшего понятия, кто перед ней. — Как поживаешь?

— Гораздо лучше после того, как увидел здесь тебя, — ответил он, поворачиваясь к Рите и к их спутникам. — Уилл Бейкер, — представился он, поочередно протягивая руку Бобу и Эду. — Мы жили по соседству в Рочестере, лет сто тому назад. Вы не будете возражать, если я украду ее всего на несколько минут? — И, не дождавшись ответа, он взял Сэнди за руку и ласково потащил ее к выходу.

Сэнди послушно пошла за ним, и как только они вышли на прохладный ночной воздух, ей в ноздри немедленно ударил запах океана. Какая красивая ночь, вдруг подумала она, глядя, как раскачиваются под звуки прибоя высокие пальмы на автостоянке. Но куда они идут? И кто он такой?

— Кто вы? — спросила она, резко остановившись рядом с ярко-красным «порше».

— А ты так меня и не вспомнила?

Сэнди снова мысленно вернулась на Гаррисон-стрит в Рочестере, где она выросла. С одной стороны жили Мейтленды, с другой — Дикинсоны.

У Дикинсонов был сын, но он уже был подростком, когда Сэнди была еще маленькой

девочкой, значит, это не он. И это — не сын Кэрейсов. Тот был маленький и плотный, но даже если б он стал таким высоким и сбросил свой детский жирок, то не смог бы превратиться в нечто, хоть отдаленно напоминающее Уилла Бейкера. И потом, он же Бейкер, а не Мейтленд и не Дикинсон. Насколько она помнит, никаких Бейкеров на Гаррисон-стрит не водилось. Равно как и на Уайтмор-авеню, куда они потом переехали.

— Мы никогда прежде не встречались, ведь так?

Его губы растянулись в лукавой усмешке.

— Так.

— Тогда я не совсем понимаю...

— У тебя на лице было написано, что тебя нужно срочно спасать.

— Что?

— Сознаюсь, я просто кое-что подслушал, поэтому и знаю, что тебя зовут Сэнди и что ты из Рочестера. Просто я увидел твое лицо, когда мистер Эд что-то там нес, и подумал, что не пристало такой красивой леди выслушивать всякую ахинею, и...

— Пришел мне на помощь.

— Ты простишь меня?

«Он назвал меня красивой, — с благодарностью подумала Сэнди. — Этот красавец, который мог бы снять себе любую женщину в баре, в том числе и этих цветущих тройняшек, пришел на помощь мне, женщине, которую отверг Ян».

— Что еще ты услышал?

— Что ты подыскиваешь хорошего адвоката по бракоразводным делам.

— Только не говори, что ты и есть такой адвокат.

— Нет-нет, — торопливо заверил он.

— Так чем же ты занимаешься, помимо того что спасаешь похищенных принцесс?

— Я — биржевой маклер. А ты — учительница.

— Кажется, об этом мы не говорили.

— Кажется, об этом было сказано еще до того, как ты вернулась за столик.

— Может, в мое отсутствие было сказано еще что-нибудь интересное?

— Поверь, пока ты не села за этот столик, ничего интересного там не происходило.

Сэнди улыбнулась. Он не только спас ее, но еще и пытается флиртовать. А она отвечает на флирт. Она, которую только несколько минут назад тошнило при одной мысли о свиданиях. И для этого потребовался один-единственный роковой мартини и красивое мужское лицо. А она, судя по всему, так же падка на красивую внешность, как и муж, с которым они скоро разведутся, причем не по-доброму.

Уилл похлопал по дверце красного «порше»:

— Не хочешь прокатиться?

«Если это сон, — думала Сэнди, — то самый лучший из всех, которые я видела за многие годы».

— Я не могу бросить своих друзей, — сказала она.

— Разумеется, можешь.

«Могу? — подумала Сэнди. — Неужели я и вправду могу вот так запросто сесть в машину к незнакомому человеку?» Сколько раз насчет этого предупреждала ее мать? Сколько раз предупреждала она своих собственных детей? Неужто ее как юную девчонку подкупил этот новенький сверкающий томатно-красный «порше»? Неужто она и вправду готова прокатиться с человеком, которого совершенно не знает, с человеком, с которым она,

черт возьми, познакомилась в баре, когда он может оказаться маньяком? (А разве серийные убийцы когда-нибудь разъезжали на «порше»? Вряд ли. У Теда Банди, к примеру, был «фольксваген-жук», и потом, она где-то читала, что серийные убийцы предпочитают фургоны.) Единственное, что ей известно об Уилле Бейкере, так это его имя и профессия — если конечно, это его настоящие имя и профессия — и что он самый сексуальный мужчина из всех, которых она когда-либо видела. «Получите, доктор Кросби со своей Барби-клоном! Я, оказывается, не менее легкомысленна, чем вы». Неужели она поедет? Неужели поедет? Неужели?

— Я должна предупредить друзей.

— Почему бы тебе не позвонить им из машины?

И он открыл перед ней дверцу. Сэнди оглянулась на бар и послушно забралась внутрь.

Джон Вебер расхаживал взад-вперед перед своей патрульной машиной. Машина стояла на подъездной дорожке возле его дома, и серые облачка гари, поднимавшиеся из выхлопной трубы, как кольца дыма от зажженной сигареты, загрязняли чистый вечерний воздух. Куда подевалась Эмбер, черт ее побери? Сказала же, что только на одну минуту. Он посмотрел на часы. Прошло уже больше десяти минут. Чем она там занимается, черт возьми? «Дай девочке собраться, — прокричала с порога Полин, когда он просигналил в первый раз. — Она уже почти готова». Сколько ж ей надо времени, чтобы подготовиться? Она же на поминки собирается, а не на вечеринку. Во всяком случае, они назвали это всеобщей. Якобы компания подростков хочет собраться, чтобы как-то по-своему почтить память Лианы — неужели целая неделя прошла, как обнаружили ее обезображенный труп? — петь песни под гитару, читать стихи и предаваться воспоминаниям. В общем, собраться в менее официальной и более интимной обстановке, чем была во время панихиды, устроенной ее родителями в среду.

Джону не хотелось отпускать Эмбер. Он говорил, что они не были с Лианой такими уж близкими подругами — ну да, играли вместе с прошлым году в «Скрипаче на крыше». Но Лиана была почти на два года старше, и они вращались в разных компаниях. И ведь вполне возможно, что ее убил кто-то из ее близкого окружения и что этот кто-то будет присутствовать там сегодня. Джон предпочел бы, чтобы Эмбер не ходила на эту проклятую всеобщую, которую он счел совершенно неуместной и не вполне нормальной затеей.

— Для детей это способ как-то справиться со своим горем, — спорила с ним Полин.

— Наоборот, они только сильнее себя разбередят, — возражал Джон.

— Ты ничего не понимаешь, — автоматически последовал ответ Полин. В последнее время она на все его слова отвечала именно так: «Ты ничего не понимаешь».

Может, она и права? Может, он действительно ничего не понимает. Лично он всю жизнь справлялся с проблемами иначе: прилагал все усилия, чтобы как-то их разрешить, и потом уже не вспоминал о них. Ему не хотелось изо дня в день толочь воду в ступе, по сотне раз задавать одни и те же вопросы и отстаивать очевидное. (Хотя разве не этим они с помощниками занимались уже целую неделю?) Проблему надо сначала выявить, потом найти наиболее подходящее решение, а потом уже истребить ее, так быстро, насколько это физически возможно.

И потом, он подозревал, что помимо песен, стихов и воспоминаний там будут еще алкоголь и марихуана. Он же прекрасно помнит себя в этом возрасте. Все, чего ему хотелось, — это выпить пива, покурить травки и кого-нибудь трахнуть. И если для этого надо было пробренчать несколько нестройных аккордов на старой обшарпанной гитаре или прочесть пару приторных стишков, которые ему или совершенно не нравились, или смысла которых он не понимал, — да ради бога, если только подобные проявления мужской «чувствительности» помогут уговорить маленькую Дженну или Сью выскочить из своих узеньких джинсов. Нынешние парни ничем не отличаются от тогдашних. Да они во много раз хуже, черт бы их побрал!

Эмбер там не место. Учитывая, сколько она весит — точнее, *не* весит, — ей хватит пары глотков, чтобы чаша весов перевесилась и здравый смысл уступил место безрассудству. Шестнадцатилетними девушками очень легко манипулировать, тем более когда они вечно

голодные и готовы с радостью повестись на то, ради чего они, собственно, и морят себя голодом. Джон уже видел, как его дочь уговаривают отпить у кого-нибудь пива или затянуться чьим-нибудь косяком. Вряд ли его дочь когда-либо употребляла наркотики, хотя сколько раз он сам лично слышал, как родители уверяли, что их дети в жизни не прикасались к наркотикам, а потом ловил этих же самых детей за раскуриванием марихуаны в парке или накачавшимися экстази в дискотеке.

Слава богу, она хотя бы еще девственница. Это уж точно, подумал он, просунувшись в открытое окно машины и снова посигналив. У нее нет бойфренда и никогда не было, и он очень этому рад, хотя Полин его радости не разделяет.

— У девушки в ее возрасте уже должен быть бойфренд, — уверенным тоном говорила она.

— Девушки в ее возрасте должны питаться, — парировал он.

Он уже не в первый раз размышлял над тем, каковы шансы, что на этой всеобщей будет присутствовать убийца Лианы. Знал, что убийцы часто приходят на похороны своих жертв, что это дает им ощущение собственной власти и даже извращенное сексуальное удовлетворение. Поэтому он очень пристально наблюдал за теми, кто был на панихиде по Лиане, но народу пришло столько, что толпа не уместилась в церкви и часть высыпала на улицу. И хотя незнакомых лиц было множество, ни одно из них не возбудило у Джона подозрений. Так что следует признать, что за эту неделю они ни на дюйм не приблизились к убийце Лианы.

Шон Уилсон стал названивать каждый день, а в последнее время — по два, а то и по три раза на дню. «Маленькому замечательному мэру» так не терпелось, чтобы дело поскорее раскрыли и «его» город вернулся к нормальной жизни, что он уже начал активно вмешиваться в проводимое Джоном расследование.

— Чего вы от меня хотите, Шон? — спросил его шериф вчера днем, когда тот поймал его на выходе из кабинета. Все, кто наблюдал за их столкновением — а Джон заметил, что кое-кто из офицеров и весь технический персонал время от времени поглядывали на них во все время их подчас пылкой беседы, — с трудом сдерживали улыбку, потому что они представляли собой совершенно комичный контраст. Шон Уилсон был лет на десять моложе, на добрых пятьдесят фунтов легче и на целый фут ниже Джона Вебера. У него была целая шапка темно-каштановых волос в противоположность редющей макушке Джона. На нем был опрятный модный оливковый костюм, на шерифе — старая помятая униформа. И если низкий от природы голос Джона почти полностью заглушал возбужденный фальцет мэра, то колкости, отпускаемые мэром, с треском разлетались в воздухе, как пули из пневматического пистолета. Джон изо всех сил пытался сохранить спокойствие и следил за руками, чтобы не придушить мэра за его звонкое, но тщедушное горло.

— Я хочу, чтобы вы как можно скорее расследовали убийство, — ответил мэр с таким видом, будто Джон с луны свалился, — и чтобы мой город наконец вернулся к нормальной жизни.

— Именно этим я и занимаюсь.

— Именно чем?

Джон впился пальцами в собственные бедра, чтобы не двинуть мэру по голове. Подумать только: он лично отдал за него свой голос.

— Ну, слушайте, — начал он. — Мы опросили, и во многих случаях даже по несколько раз, родных и друзей Лианы, ее бывших дружков, одноклассников, соседей, учителей,

директора школы, Кэла Гамильтона, Питера Арлингтона...

— Ну, и как насчет него?

— Что насчет него? — переспросил Джон. — Он был ее бойфрендом, и они постоянно ругались. Мне лично он кажется главным подозреваемым.

— Да, вот только отец Питера утверждает, что в день исчезновения Лианы он заехал за ним в школу и они поехали на бейсбольным матч в Майами, только не досидели до конца, потому что Питеру стало дурно. А его мать говорит, что на следующий день Питер не ходил в школу и что она несколько раз звонила с работы, чтобы справиться, как он себя чувствует. Говорит, что даже на обед пришла домой, но он в это время спал.

— Я надеюсь, вы проверили билеты и телефонные звонки?

— Разумеется. — Джон покачал головой. Сегодня все мнят себя знатоками криминалистики благодаря «Закону и порядку» и «Месту преступления». [\[36\]](#)

— А что насчет Грега Уотта и Джоя Бэлфора?

— Они утверждают, что в день исчезновения Лианы они были вместе.

— Весьма удобно. А у них есть доказательства?

— У нас нет доказательств обратного.

— А что Кэл Гамильтон?

— Говорит, что объезжал своих поставщиков.

— Это правда?

— Вот это мы пока проверяем.

— Наверное, нам стоит подключить ФБР. — Мэр уже не в первый раз выдвигал подобное предложение, и, если честно, Джон и сам несколько раз хотел позвонить в ФБР, но в конце концов отказался от этой мысли, решив, что еще слишком рано.

— Я думаю, еще рановато созывать войска.

Мэр опустил голову, как будто боялся смотреть Джону прямо в глаза.

— Может, стоит все-таки на время забыть про самолюбие...

— Самолюбие здесь совершенно ни при чем, — перебил его Джон. «Во всяком случае, мое», — едва не добавил он.

— Давайте посмотрим правде в глаза, — продолжал мэр. — Вы уже не так молоды и энергичны, как когда-то, к тому же у вас проблемы в семье.

— Проблемы... Что вы сказали? — Неужели всему городу известно про его стычки с Полин, про тревогу за Эмбер и роман с Кэрри Фрэнклин? Скорее всего, заключил он про себя. В таких городах, как Торранс, все знают чересчур много про всех. Но неужели они могли подумать, что его не совсем гладкая личная жизнь отражается на качестве выполняемой им работы?

— Вы работаете в полиции очень давно, — говорил мэр. — Возможно, даже слишком давно.

— Так что, как видите, опыта у меня предостаточно.

— Или вы попросту перегорели. — Шон Уилсон замолк, как будто ожидая услышать возражение, но не услышал и поэтому продолжил: — И потом, вы не привыкли вести дела подобного масштаба. Серийные убийцы немного выходят за рамки вашей компетенции.

— У нас пока нет никаких доказательств, что это серийный убийца, — твердо заявил Джон. Потому что в действительности, несмотря на исчезновение девушки из Хендри и на ложную тревогу с Брендой Винтон, пока они нашли один-единственный труп молодой женщины. Он, конечно, ничуть не преуменьшает значения страшного убийства Лианы

Мартин, но только то, что была убита молодая девушка, еще недостаточное основание для обращения к агентам федеральной службы. Хотя внутреннее чутье подсказывало, что это именно серийный убийца и что следующего убийства долго дожидаться не придется...

Может, оно произойдет уже сегодняшней ночью, подумал Джон, вернувшись мыслями к предстоящему сборищу, и снова потянулся через окно к автомобильной сирене, надеясь, что резкий звук прогонит большие сомнения маленького мэра по поводу его профессионализма. А вдруг он прав?

Открылась парадная дверь, и на пороге появилась Полин, положив руки на бедра.

— Ну, что такое? Я же сказала, что она идет.

— Пока не вижу.

Полин вернулась в дом, покачав головой.

— Эмбер, — услышал он. — Тебя отец совсем заждался!

Будто Эмбер об этом неизвестно. Будто он и не стоит здесь уже — он снова посмотрел на часы — почти пятнадцать минут. Будто у него вся ночь впереди. Хотя в общем так оно и есть, вдруг понял он. Куда ему спешить? Ведь, по словам мэра, он со своим расследованием все равно ни к чему не придет.

Рядом с матерью вдруг материализовалась Эмбер, и Джон изумленно на нее уставился. За прошедшие пятнадцать минут, что она «готовилась», в ее внешности не произошло абсолютно никаких изменений. Те же джинсы, тот же бирюзовый свитер, те же черно-белые кроссовки. А на что он, собственно, рассчитывал? Что она переоденется в платье? Переменит прическу или накрадется? Или волшебным образом поправится на десять фунтов?

Но когда она соскочила со ступенек, он заметил, что дочь все-таки намазала веки голубыми тенями, заколола волосы заколкой со стразами, и от нее слегка пахло лимонами — наверное, надушилась. От этого запаха у него тут же зацарапало в глотке. Он никогда не был поклонником духов, ему нравился естественный запах женского тела, и он просто не понимал, почему они так рьяно селятся его замаскировать.

— Ты уверена, что хочешь идти? — спросил Джон уже не в первый раз, когда они с дочерью залезли в машину. — Пока еще не слишком поздно передумать.

— Почему это я должна передумать? — Эмбер закрепила ремень безопасности и уставилась в ветровое стекло.

Джон выехал с аллеи и, проезжая мимо крыльца, помахал жене. Но Полин уже закрывала дверь и не видела, как он помахал.

— Захвати по пути какой-нибудь диск с фильмом, — заранее проинструктировала она его. — На свое усмотрение. — Зачем сказала? Все равно, что бы он ни выбрал, это окажется не то. Она и так уже злилась, что он отказался пойти в кино: «Ты вообще никуда не ходишь». — «Просто мы должны быть рядом, если Эмбер захочет, чтобы ее забрали пораньше». — «Не захочет». — «А вдруг захочет?»

Хотя, конечно, не захочет. Джон уже видел это по решительно выдвинутому подбородку дочери, на удивление крепкому. Она злилась, потому что он настоял на том, чтобы заехать за ней в одиннадцать часов — ей явно не хотелось казаться маленькой девочкой в глазах других ребят — но он сказал, что не отпустит ее, если она не согласится на такие условия, и сейчас она была в ярости, и Полин была в ярости, и вообще, сколько он себя помнит, женщины всегда были на него в ярости. Кроме, может быть, Кэрри Фрэнклин, подумал он, заметив Далилу, шедшую в одиночестве по противоположной стороне улицы. Он посигналил и

подъехал к ней.

— Что ты делаешь? — гневно спросила Эмбер. — Папа, ну что ты делаешь? Не останавливайся.

— Она ведь тоже наверняка идет на всенощную, почему бы ее не подвезти?

— Нет, ни в коем случае.

— Почему?

— Потому! — сказала Эмбер и в отчаянии закатила глаза, когда он надавил на тормоз и опустил окно со стороны пассажирского сиденья. Эмбер резко отстранилась, когда он перегнулся через нее, втянула свой и без того впавший живот и задержала дыхание, как делала это в детстве, когда ей не разрешали поступать по-своему.

— Далила, — позвал шериф.

— А, здравствуйте, шериф, — радостно произнесла Далила. — Привет, Эмбер, как дела?

Эмбер выпустила воздух из легких и что-то пробурчала, что можно было расшифровать как: «Прекрасно». И все.

— Тебя подвезти?

— Я иду в Пирсон-парк.

— И мы туда едем. Запрыгивай.

— Папа, нет, — тихо прошипела Эмбер.

— Здорово! Спасибо, а то я уже устала. — Далила открыла заднюю дверь полицейского автомобиля и влезла внутрь. — Мама сказала, что ей может понадобится машина, а бабушка считает, что мне нужно побольше ходить пешком. Но это все равно очень далеко, — добавила она извиняющимся тоном.

— Как бабушка? — спросил Джон, хотя на самом деле он хотел спросить про Кэрри. Скучает ли она? Говорит ли о нем?

— Вполне сносно для человека ее возраста и с таким больным сердцем.

— Она у вас крепкая старушка, — согласился Джон.

Далила рассмеялась. Джон наблюдал в зеркало заднего вида, как она вытирает пот под своим двойным подбородком.

— Да, кстати, Эмбер, прими мои поздравления, — сказала она.

Джон резко повернул голову к дочери:

— Поздравления? С чем?

— Она получила роль Бьянки в «Поцелуй меня, Кэт».

— Правда? А почему ты мне ничего не сообщила?

— Я маме сказала, — произнесла Эмбер сухо.

— Что ж, чудесно, — проговорил Джон, пытаясь скрыть обиду. — Правда?

— Нормально, — пожала Эмбер плечами.

— По-моему, это потрясающе, — восторженно продолжала Далила. — Я знала, что тебе дадут эту роль, как только ты начала читать, потому что ты оказалась самой лучшей Бьянкой.

— Как мило, — сказал Джон, когда дочь не сказала даже «спасибо». Что с ней творится? Неужели она всегда была такой грубой? Или растеряла свои манеры вместе с фунтами? — А ты, Далила? Ты будешь играть в пьесе?

— Меня оставили в хоре, — со смешком ответила Далила. — На главные роли я не подхожу. Но зато я буду помогать раскрашивать декорации и все такое, как в прошлом году.

Это тоже интересно... — Далила сделала еще несколько попыток завязать разговор, каждая из которых увенчалась односложным ответом со стороны Эмбер, а потом откинулась на сиденье и смирилась с молчанием.

Как только они подъехали к парку, Эмбер отстегнула ремень, распахнула переднюю дверцу и вышла.

— В одиннадцать будь на этом месте, — крикнул ей вслед Джон, когда дочь направилась к группе ребят, собравшихся неподалеку под баньяном. — Или позвони, если надумаешь уйти раньше.

— Спасибо большое, что подбросили, шериф Вебер, — сказала Далила.

— Ерунда, Далила, с удовольствием довезу тебя и обратно до дома.

— Спасибо, но я вряд ли задержусь до одиннадцати.

— Я бы не советовал тебе возвращаться домой одной.

Далила наклонилась к переднему сиденью и благодарно улыбнулась.

— Вряд ли вам стоит из-за меня переживать, шериф. — Потом открыла дверцу, вышла и поспешила догонять Эмбер.

Матт и Джефф,^[37] думал Джон, глядя на похожую на утку Далилу, семенящую вслед за Эмбер. Та немедленно ускорила шаг, очевидно стесняясь общества Далилы. Почему считается зазорным быть упитанным и престижно — костлявым? Эмбер уже смешалась с толпой подростков под раскидистыми ветвями баньяна, а Далила все еще стояла в сторонке. «О, нет! Это же Биг Ди!» — услышал он чей-то голос, недоумевая, что бы это могло значить. На противоположном конце большого парка собралась еще одна группа, и теперь они медленно направились друг другу навстречу. Интересно, где они расположатся? Может, показаться? Нет, пожалуй, не стоит. Он и так уже поручил одному из офицеров подежурить здесь и сообщить ему немедленно, если возникнет что-нибудь хотя бы в малейшей степени подозрительное.

Глядя вслед силуэту своей дочери, Джон думал о том, что скоро уже стемнеет. Он очень надеялся, что она не ослушается и придет сюда в одиннадцать часов. Ну почему нельзя поступить разумнее и уйти пораньше, как Далила? Хотя ему не нравилось, что Далиле придется одной возвращаться домой пешком ночью. Вряд ли ее можно рассматривать как потенциальную жертву нападения, но все равно она абсолютно беззащитна. Может, по пути в видеосалон заехать к Кэрри и сказать, что ему не нравится то, что ее дочь гуляет по ночам одна?

Но через десять минут, остановившись у крыльца ее дома и заглушив мотор, чтобы не передумать, он признался самому себе, что хотел заехать по совсем другой причине. Он понимал, что это глупо, что Кэрри он давно не интересен, что ее наверняка нет дома. Субботний вечер на дворе, как уже заметила ему Полин, Кэрри наверняка сейчас с Яном Кросби, и ему придется общаться с ее дрянной мамашей. Не следовало приезжать, думал он, подходя по дорожке к ее дому и громко постучав в дверь.

— Пришел, — услышал он за дверью крик Роуз. Она что, следила за ним из окна гостиной?

— Как раз вовремя, — со смехом сказала Кэрри, открывая дверь. На ней были черные капри и розовый свитер под цвет ярко-розовой помады. Светлые волосы были наполовину зачесаны наверх, наполовину распущены, и Джон так и не понял — это прическа такая, или она еще просто не решила, что делать с волосами. — Джон!

— Кэрри.

— Что-то случилось? С Далилой что-то случилось?

— С Далилой все в порядке, — торопливо заверил он ее.

— Разумеется, в порядке, — послышался с дивана в гостиной голос Роуз, матери Кэрри. — Что ей станется, этой толстухе? Я же говорила, что тебе не о чем беспокоиться. Заходите, шериф, посидите немного.

— Почему бы нет? — Джон вошел в гостиную и опустился в кожаное кресло напротив рыжего дивана, на котором прочно обосновалась Роуз. Со спинки кресла ему на плечо соскользнула кружевная салфетка, и он подпрыгнул, как будто это был паук.

— Нервничаете слегка, а, шериф? — спросила Роуз.

Джон снял с плеча сбежавшую салфетку и положил ее на стеклянный кофейный столик перед креслом.

— Да нет, Роуз, все нормально. А вы?

— Жива пока, — проговорила она умирающим голосом, как будто процесс выживания требовал от нее сверхчеловеческих усилий. Джон подумал про себя, что ее затянувшееся выживание давно тяготит ее близких, но вместо этого сказал, что рад слышать.

— Что вас привело к нам?

Джон перевел взгляд на Кэрри, которая так и осталась стоять, вопросительно на него глядя.

— Я видел недавно Далилу, — начал он, выдавая интонацией свои подлинные мысли: «Вечер субботы, но Кэрри дома». — Подвез ее до парка. — «И если в субботу вечером она дома, а не с Яном Кросби, то, возможно, добрый доктор вернулся к жене и, может быть, Кэрри снова свободна?». — Я предложил забрать ее в одиннадцать, когда заеду за Эмбер, но она ответила, что, наверное, уйдет пораньше. — «Ничего серьезного. Пара-тройка свиданий, пара-тройка ласковых слов с этих ненормально раздутых губ». — Просто хочу напомнить, что убийца еще на свободе, поэтому ни Далиле, ни тебе — уж если на то пошло — не следует гулять по ночам одной, пока мы не поймем этого типа.

— Как мило, — проговорила Кэрри, — что ты заботаешься о нас.

— А зачем вы на самом деле пришли? — спросила Роуз.

— Прошу прощения?

— Вы ведь заехали сюда не из-за Далилы. Что будет этому трактору? — повторила Роуз, откровенно наслаждаясь приведенным сравнением.

— Мама, я бы попросила тебя не говорить такие вещи.

— А почему вы до сих пор не поймали этого типа? — спросила Роуз, проигнорировав замечание дочери. — Пора вам в отставку. — И она подмигнула, будто давая понять, что имеет в виду не только его работу.

Джон удержался от ответной реплики, хотя у него и промелькнула мысль, уж не говорила ли эта мегера с мэром.

— А правда, у вас есть какие-нибудь зацепки? — спросила Кэрри, присаживаясь на подлокотник дивана.

— Нет, — признался Джон.

— А Кэл Гамильтон?

Джон уже начал уставать от чужой критики.

— А что такое? — спросил он. Вся его тоска уступила место профессиональному любопытству.

— Да то, что у него там творится что-то странное. На прошлой неделе мне пришлось

забежать к ним, когда Далила нянчилась с его женой...

— Что значит «нянчилась с его женой»?

— Он не любит оставлять ее одну, утверждает, что у нее всякие фобии, но я не верю во всю эту чушь. По-моему, там страшные дела творятся.

— Например?

— Ну, не знаю... Я знаю только, что мне пришлось мчаться туда, чтобы принести стакан из собственного буфета, потому что Далила нечаянно уронила стакан на пол...

— Я ж говорю, трактор, — вставила Роуз.

— ...и миссис Гамильтон впала в панику. Далила утверждает, что та просто перепугалась гнева мужа и что она не удивится, если у него под полом найдут кучу трупов. Я сказала, что не хочу, чтобы она туда ходила, но она говорит, что тогда за бедной миссис Гамильтон будет некому присматривать. Ты можешь что-нибудь с этим сделать, Джон? — Звук его имени с уст Кэрри прозвучал для него словно музыка.

— Ничего, если только Фиона Гамильтон сама не подаст жалобу.

— А ты можешь как-нибудь выбить ордер на обыск?

— На каком основании?

— На основании того, что он мог убить Лиану Мартин.

— Боюсь, то, что он «мог» это сделать, еще недостаточное основание.

В дверь позвонили.

Кэрри подскочила и засеменила к двери на своих трехдюймовых платформах.

— Пицца, — послышался чей-то голос.

— Вы опоздали, — заорала Роуз. — Я умираю с голоду.

— Мама, я тебя умоляю, — проговорила Кэрри, возвращаясь в гостиную с Яном Кросби, державшим в руках большую коробку с пиццей.

— Надеюсь, вы не забыли про двойной сыр?

— Разве я когда-нибудь про него забываю?

Роуз захихикала, как школьница.

— Вы ведь знакомы с шерифом, Ян? — игриво спросила она, когда Джон поднялся с места.

— Конечно. — Ян передал Кэрри коробку и пожал Джону руку. — Что-нибудь случилось?

— К счастью, нет, он просто заехал проведать знакомых.

— Он подвозил Далилу на всенощную, — объяснила Кэрри.

— А ваши дети туда поехали? — спросил Джон доктора.

— Насколько мне известно.

Ну и ответ! — удивился Джон. «Насколько мне известно», А почему не известно точно? Ты же их отец, черт бы тебя побрал. Отец должен знать, где его дети. Тем более теперь, когда в округе разгуливает убийца.

— Спасибо, что заехал, Джон, — сказала Кэрри, провожая его до двери.

— Будь осторожна, — попросил он.

По дороге домой он принял три решения: во-первых, никогда больше без надобности не наносить визитов Кэрри Фрэнклин; во-вторых, ему очень не нравится доктор Ян Кросби; и в-третьих, он лично разузнает во всех подробностях, чем занимался добрый доктор с самого момента своего приезда в Торранс.

— Как ты думаешь, что это мама сегодня задумала? — спросил Тим сестру, когда они торопливо шли через парк. Меган шла быстро, и ее хвост раскачивался взад-вперед, как маятник.

— Ты о чем? — нетерпеливо спросила та. — Ты же прекрасно знаешь, что они с Ритой поехали в Форт-Лодердейл. Ты можешь побыстрее идти?

— Не могу, нога болит.

— Отчего это она у тебя болит?

— Не знаю, просто болит, и все. А куда это ты так торопишься?

Меган замедлила шаги. Что происходит с ее братом? Одевался целую вечность, потом вышел в наглухо застегнутой бледно-голубой рубашке и модных тертых рваных джинсах, потом еще целых десять минут вертелся перед зеркалом — все это время поглядывая на нее, как бы ища знака одобрения, — и совершенно безрезультатно, потому что упрямые темно-русые кудри отказывались развиваться, как бы он их ни приглаживал. Сначала она решила, что он хочет кому-то понравиться на вечере — ее даже удивило, что он сразу же согласился пойти, — но по дороге из дому он стал ползти как черепаха. Они уже и так минут на двадцать опоздали, хотя, может, оно и к лучшему. Проще опоздать, чем прийти раньше, а то еще подумает, что ей нейдет его увидеть. «Чем хуже с ними обращаешься, тем лучше они себя ведут». Так, кажется, говорила ей Лиана? (Может, та плохо с кем-то обращалась, и за это ее убили?) А с другой стороны, если она слишком задержится, Грег может уйти или, что еще хуже, подкатит к какой-нибудь другой девчонке. Взаимоотношения мужчины и женщины — вещь очень неустойчивая, ей еще предстоит овладеть этим искусством. Мать так и не сумела, поняла она вдруг, постепенно снова ускоряя шаг. К слову об обучаемости — а вдруг это наследственное? А что, если материнская бездарность в этой области означает, что любой ее контакт с противоположным полом обречен с самого начала? Что, если она никогда не будет иметь успеха у парней? Вдруг она повторит судьбу своей матери и станет спотыкаться на каждом шагу? «Оставайся собой», — вечно советовала мать. Ну и поглядите, к чему привели ее эти советы. Нет, уж если Меган что и поняла, так это то, что «оставаться собой» — совершенно недостаточно.

— А с чего ты решил, что мама что-то задумала? — Меган быстро окинула взором свой наряд — джинсы бывшей «Спайс Герл» Виктории Бекхэм с голубой короной, кокетливо нашитой на заднем кармане, и облегающий желтый свитерок, провозглашающий свою хозяйку «сладкой девушкой». — Ты про этот ее жуткий красно-белый халат? Он у нее уже лет сто.

— Ты сказала ей, что она прекрасно выглядит.

— А что, по-твоему, я должна была ей сказать? Что она похожа на скатерть?

— По-моему, она выглядела очень даже красиво.

Меган пожала плечами. Каждому свое.

— Еще что?

— Она не очень-то пыталась удержать нас дома.

— Ты что, смеешься? Нам же строго-настрого запретили отходить друг от друга и велели к полуночи вернуться домой.

— Это не так уж и плохо.

— Ты что, смеешься? — повторила Меган. Да что происходит с ее братом? Он и впрямь думает, что торчать дома в субботний вечер — это здорово? Может, они правы? Может, он действительно гей? — Еще что?

— Не знаю. Просто мне показалось, что мама слегка нервничает.

— Ну и что? Она постоянно нервничает.

— Может быть. Просто... Ладно, забудь.

— Просто что?

— Как ты думаешь, она не на свидание поехала?

— На свидание? Ты шутишь.

— Почему шучу?

— Потому что она пока еще не развелась.

— Папа тоже, — напомнил Тим сестре.

— Да. Ты можешь побыстрее?

— А куда ты так спешишь? Лиана уже никуда не убежит.

Меган остановилась на месте как вкопанная.

— Что ты сказал?

— Что слышала.

— Я просто ушам своим не верю. А еще говорят, что ты очень впечатлительный, боже мой! Мама постоянно твердит, чтобы я тебя не обижала, потому что ты «чертовски впечатлительный».

— Никакой я не впечатлительный!

— Вот именно! Господи, как ты мог такое сказать?

— Шутка.

— Не смешно.

Тим нарочито медленно пожал плечами. Если бы он перестал горбиться, думала Меган. А то вечно такой вид, что он вот-вот сложится пополам.

— И с кем, по-твоему, у нее назначено свидание? — спросила она, когда вдали показался Пирсон-парк. — У нее нет знакомых в Форт-Лодердейле.

— Может, у Риты есть.

Меган снова застыла на месте. Неужели? Неужели мать и вправду отправилась на свидание? И если да, то почему об этом догадался Тим, а не она?

— Нет, — сказала она вслух. — Она бы мне сказала.

— А разве ты ей сказала про Грегга Уотта?

— От...

— Нет, Уотта. Забавная фамилия, конечно, только...

— От... Что ты несешь?

— Ты хочешь сказать, *от*... куда я знаю?

— Господи боже мой, Тим. Вот это уж совсем не смешно.

— Неужели?

— Откуда... Что ты там несешь про Грегга Уотта?

— Откуда? Что? Про Уотта? — И Тим громко рассмеялся. — Прости, не удержался.

— Черт возьми, Тим... Откуда ты знаешь?

— Ты смеешься, что ли? Да кто об это не знает?

У Меган упало сердце.

— Это есть в Сети?

— Мелькнуло на экране моего компьютера, когда я одевался. Просто глазам своим не поверил.

Так вот почему он одевался так долго. Вот почему так изучающе поглядывал на нее, пока приглаживал волосы.

— Поздравляю, ты стала знаменитой, — продолжал Тим. — Вы там целое шоу устроили в зале. Я не про то, что было на сцене.

— Я тебе не верю!

— Значит, это все-таки правда? Ты правда обжималась с этим накачанным недоумком?

— Конечно нет, это неправда. И он вовсе не недоумок.

— Да он самый главный недоумок среди всех недоумков на свете. Наверняка он сам и выложил это на сайт. Ты действительно позволила ему обсосать себе пальцы?

— Черт! — Меган стала топтаться на месте, не зная, что ей делать — идти в парк или развернуться и убежать домой. — Не смей ничего рассказывать маме.

— А что я должен ей сказать? Что ты уговорила меня пойти на это сборище в память девчонки, которую я терпеть не мог, для того чтобы побыть с этим подонком, от которого ты без ума?

— Я тебя не уговаривала, мы с ним не обжимались, и потом, что это значит — «ты терпеть не мог Лиану»? — попыталась сменить тему Меган.

Тим снова пожал плечами:

— Потому что она была плохим человеком.

— Ко мне она относилась очень хорошо.

— Ха, поверь, ты была в меньшинстве.

— Я тебе не верю, — упрямо повторила Меган, показав ему на большую толпу молодежи на противоположной стороне улицы. — Лиану все любили. Все эти люди пришли сюда почтить ее память.

— Они пришли сюда потусоваться, потому что это — единственное развлечение в городе. Куда им еще пойти? Это же такое событие, Меган! Ха-ха! Мы будем петь, танцевать и кайфовать...

— Может, ты сюда и для этого пришел, — запротестовала Меган, с трудом представлявшая себе Тима, занимающегося подобными вещами. Но тут же подумала, что в действительности она очень плохо знает своего младшего брата. Он сильно изменился за последнее время, с тех самых пор, как их бросил отец. — Но я здесь не поэтому.

— Нет, конечно, ты здесь исключительно из-за Грегга Уотта!

— Нет.

— Правда? Тогда скажи ему об этом сама.

— Что? — Меган развернулась на месте. Навстречу к ней через дорогу направлялся Грег в широкой оранжево-черной игровой футболке, и его массивные плечи двигались в такт движению узких бедер. На лице играла самодовольная ухмылка, и впрямь граничившая со слабоумием. Господи, ну что привлекательного она в нем нашла!

— А вот и моя Кэт, — проговорил он, сразу хватая ее на руки. — Привет, болван! — обратился он к Тиму, без всяких усилий перебрасывая Меган на плечо. — Пока, болван.

Меган завизжала от ужаса и восторга одновременно и стала шлепать Грегга ладонями по спине. Ее хвост свисал чуть ли не до земли.

— Я буду ждать тебя на этом месте без четверти двенадцать, — успела она крикнуть Тиму, когда Грег понес ее через дорогу в парк. — Грег, отпусти меня, — кричала она, сама

понимая, насколько неубедительно звучит ее просьба.

— Тише, там, наверху, — ответил он и рывкнул на собравшихся. — Дорогу сеньору Петручо и его женщине!

Меган перестала сопротивляться — какой смысл? Ее возмущение только подхлестывало пробудившийся в Грее артистический жар. И потом, как бы она ни хотела разочароваться — а вдруг это действительно он сам разместил в Сети информацию о них? — она находила это фиглярство очаровательным и даже потрясающим. Ее еще никто в мире не называл своей «женщиной» и не выставлял напоказ. На них все смотрели. И, судя по всему, никого не возмущало подобное поведение, которое при данных обстоятельствах можно было назвать не совсем уместным. Впрочем, это ведь не похороны. Они собрались, чтобы почтить память умершего, а не скорбеть по нему. Но все же стоит ли так уж в открытую веселиться?

Убита девушка. Девушка, которую она любила и которой восхищалась. Хотя уже ясно, что любили ее и восхищались ею далеко не все. Во всяком случае, ее брат терпеть не мог Лиану. А сколько еще народу? Сколько народу пришло сюда сегодня, чтобы петь, танцевать и кайфовать? Сколько пришло сюда только потому, что это — «единственное развлечение в городе»?

Меган приподняла голову и посмотрела на толпу из шестидесяти-семидесяти человек, образовавшую беспорядочный круг: кто-то разговаривал вполголоса, кто-то громко смеялся; кто-то дымил сигаретой; кто-то стоял с пока незажженными свечками; кто-то покачивался в такт беспорядочному перебору нескольких гитар; кто-то страстно обнимался... Она увидела жуткое перевернутое лицо Виктора Драммонда, затянувшегося косяком, который вынула из его ярко окрашенного рта его не менее жуткая подруга Нэнси. Она несколько раз глубоко затаилась и передала сигаретку Тане Мак-Гаверн.

Зря они в открытую курят траву, думала Меган, успев заметить несколько полицейских, патрулирующих по парку. Но Виктор уже сворачивал следующий косяк и, судя по всему, пребывал в блаженном равнодушии относительно цепких рук закона. Грег развернулся, и неожиданно в поле ее зрения оказался Брайан Хенсен. Он сидел в одиночестве и смотрел на Далилу Фрэнклин, пытавшуюся втянуть в разговор Джинджер Перчак. Неподалеку от главной аллеи стоял Питер Арлингтон. Питер пинал траву, бессмысленно глядя в пространство, будто боясь смотреть людям прямо в глаза. До него наверняка дошло то, о чем шептались у него за спиной, — что он притворился больным и убедил отца солгать. Меган плохо знала Питера, но она знала, что он обожал Лиану, и не могла представить, чтобы он мог причинить ей зло.

Интересно, каково это — когда тебе отстреливают пол-лица? И поймают ли когда-нибудь убийцу?

Краем глаза Меган заметила какое-то движение.

— Кто это? — спросила она и задрала подбородок, чтобы лучше рассмотреть большую ананасовую пальму справа. — Уж не мистер ли Питерсон? — Интересно, что это делает в парке ее учитель физики, почему скрывается за деревом? Он что, собрался следить за ними, чтобы потом доложить директору о возможных безобразиях? Но ее вопрос потонул в звуке гитар.

— Ты что-то сказала? — спросил Грег.

— Мне показалось, я видела мистера Питерсона.

— Питерсона? Где? — Он развернулся.

— Подожди. Отпусти меня, а то у меня голова кружится.

Грег осторожно поставил ее на землю, и в этот момент дрожащий мужской голос запел *Tears in Heaven*.^[38]

— Я его нигде не вижу.

Меган не сразу смогла сориентироваться и найти большую ананасовую пальму.

— Кажется, он стоял вон там.

— Нет там никого.

— Наверное, показалось, — ответила Меган, когда из-за дерева выглянули несколько парней, подталкивающих и подпихивающих друг друга.

— Эй, Петручо! — послышался вдруг из толпы зычный крик Джоя Бэлфора. — Я тут тебе место забил, старик.

— Я подойду попозже, — крикнул в ответ Грег, взял Меган за руку и вывел ее за круг.

— Мы не услышим, как будут произносить речи, — вяло запротестовала Меган.

— Думаешь, мы что-нибудь пропустим? — Он подвел ее к скамейке в дальнем конце парка, достал из кармана джинсов косяк и собрался прикурить.

— Ты вправду думаешь, что это хорошая затея? Здесь повсюду копы кишат, и если это действительно был мистер Питерсон...

— Он расскажет твоей матери?

— Или выложит это в Сети, — с нажимом ответила она.

Грег сунул косяк обратно в карман и откинулся за зеленую деревянную спинку.

— Я здесь ни при чем.

— А кто же тогда?

— Да кто угодно.

— Джой?

— Джой? Неа. Думаю, Джинджер.

— Джинджер? Но зачем?

— Я заметил, что она следила за нами. К тому же роль Кэт досталась тебе, а не ей.

— Ты клянешься, что это не ты?

Грег улыбнулся.

— Клянусь, — с легкостью ответил он. — Джентльмены никогда не рассказывают, с кем целовались.

— Ты не джентльмен, — напомнила она, хотя, как ни странно, он ее убедил. — К тому же мы не целовались.

— Ага, и я надеюсь это сейчас исправить.

Он наклонился к ней. Меган затаила дыхание, когда он придвинул к ней свое лицо и нежно прижался губами к ее рту. У нее задрожали губы, по телу пробежала чувственная дрожь, и она слегка отстранилась.

— Ты правда думаешь, что это Джинджер разболтала о нас в Интернете? — спросила она еле слышным голосом, отвернувшись и глядя на свои кроссовки.

Он взял ее за подбородок и снова повернул к себе ее лицо.

Меган закрыла глаза и откинула голову, но вместо того, чтобы протолкнуть ей в рот свой язык — он же качок, а что эти типы знают об искусстве поцелуев? — он стал нежно целовать ее веки, вновь вызвав дрожь во всем теле и ощущение восторга. Если он не поцелует меня снова, сию секунду, в губы, то я сама это сделаю, подумала она. Но он уже целовал ее, и Меган боролась с невыносимым желанием обнять его за шею и повалить на землю. Кто бы мог подумать, что он так здорово целуется? — подумала она, нехотя

отстраняясь от него, чтобы отдышаться.

— Не хочешь прилечь? — спросил он.

— Что? — Меган вдруг стала озираться из стороны в сторону.

— В чем дело?

— Брат... Мне показалось, я слышала его голос.

— Я ничего не слышал.

Меган вскочила на ноги:

— Пойду его поищу.

Грег поднялся, прижавшись к ней со спины.

— Твой брат — большой мальчик и сам о себе позаботится.

— Просто я обещала матери не отходить от него ни на шаг.

— А ты, значит, такая послушная дочка?

Черт возьми, так ее мать и сюда пролезла? И хочет ей все испортить?

— Не всегда. — Меган повернулась и потянулась губами к его губам. Он обхватил ее за талию и опустил на землю. Нет-нет, она не должна. Не здесь и не сейчас! Они слишком торопятся. И потом, она перепачкает травой свои новые джинсы от Виктории Бекхэм.

Эта мысль наконец-то привела ее в чувство и снова заставила подняться.

— Стой, подожди.

— В чем дело?

— Мы не должны это делать.

— Но почему?

— Это неправильно. Не здесь же. И не сейчас.

— Тогда где? — задал он логичный вопрос. — И когда?

— Нет, ты не понимаешь. Просто мы слишком торопимся. — Про испачканные джинсы она решила ничего не говорить.

— Я люблю скорость, — ответил он, рывком поднимаясь с земли. — Ну же, Кэт. В чем твоя проблема?

— Во-первых, меня зовут не Кэт, а Меган.

— Я знаю.

— Да, но просто ты не знаешь меня, — сказала Меган, думая, что если она будет говорить, то сможет позабыть ощущение его губ на своих губах. — И самое главное, хотя тебе, судя по всему, на это совершенно наплевать, я тебя совсем не знаю. — Она чувствовала, что готова сейчас согласиться на что угодно, лишь бы он снова ее поцеловал.

Но Грег плюхнулся на скамейку, прижав ладони к затылку.

— Что бы ты хотела обо мне знать?

— Не могу сказать, — призналась Меган, присаживаясь рядом с ним. Об этом она как-то не подумала. — Расскажи мне о себе.

— Да нечего рассказывать. Что видишь, как говорится, то и есть.

— Я так не думаю.

— Да?

— Я думаю, ты далеко не так прост, как хочешь казаться.

Он покачал головой:

— А тебе никогда не говорили, что ты слишком много думаешь?

— Мой отец все время говорил так моей матери.

— Да? Наверное, уже не говорит. Прости, — извинился он, прежде чем Меган успела

что-либо ответить. — Прости, глупо, что я это сказал.

— Да ладно, ни для кого ведь не секрет, что мои родители расстались.

— А мне нравится твоя мама.

— Правда?

— Да. Ей, конечно, несладко со мной приходится и все такое, но... Она у тебя супер!

— Правда?

— Да, и она хороший учитель.

Меган ощутила прилив гордости. И, представив мать в ее красно-белом платье, подумала: «Интересно, чем она сейчас занимается?»

— А твои родители? — Она вдруг почувствовала, как напряглось тело Грега.

— Отец — типичный фермер и мерзкий сукин сын. — Он улыбнулся, будто отвесил отцу лучший из комплиментов.

— А мать?

— Умерла два года назад. От рака.

— Прости.

— Да. Как там говорится? Чего только не бывает.

— Ты, наверное, ужасно по ней скучаешь.

— Уже не так, как раньше... Знаешь, по чему я скучаю? — вдруг неожиданно сказал он. — Я скучаю по тому, как она напевала, когда готовила на кухне. — И он рассмеялся.

— А у нее был хороший голос?

— Она во всем была хороша.

— Ты, вероятно, в нее такой талантливый.

— Возможно. — Настала его очередь встать. — Ну что, пойдём к остальным?

— Давай посидим еще немного, — предложила Меган, не желая уходить.

— Нет, надо идти. Ты права — здесь не время и не место.

Меган поднялась, думая, что он снова возьмет ее за руку. Но он уже пошел вперед, ни разу не оглянувшись и не замедлив шага.

Куда подевалась сестра? Тим шарил глазами по колышущейся толпе. Он посмотрел на часы, надавив на кнопку сбоку и осветив большой циферблат. Почти одиннадцать. Куда она на этот-то раз ушла?

Он всматривался в темноте в смутные силуэты. Несмотря на то что вокруг парка ярко горели высокие уличные фонари, а внутренние аллеи освещались декоративными фонарями поменьше, лица отдельных людей различить было сложно. Некоторые уже с полчаса как стали расходиться, очевидно, устав от двух с лишним часов плохого пения и однообразных скучных воспоминаний, оставшиеся же стали разбиваться на небольшие группки, и ему стало труднее следить за Меган.

Нельзя сказать, чтобы ему этого очень хотелось. Просто хоть кто-то в семье должен уже начинать вести себя ответственно. А разве не он теперь единственный мужчина в доме? И разве не он должен с этого момента следить, чтобы все было хорошо, чтобы жизнь и впредь протекала нормально? Хотя что теперь считать нормальным? Кто-нибудь знает? Он точно не знает.

Молодых девушек находят убитыми, а убийцы разгуливают на свободе, отцы уходят из дома и переезжают — правда, пока только *из*, а не *к* — из-за женщины, которой бредит по ночам каждый подросток. Хотя отец-то уже далеко не подросток, уныло подумал Тим, пнув острым носком своего черного кожаного ботинка камешек и глядя, как он запрыгал по сухой траве. Разве мужчине в его возрасте не положено быть умнее? А теперь еще мать укатила в Форт-Лодердейл со своей лучшей подругой, школьной медсестрой, которая, правда, была разодета совсем не как медсестра, когда заехала за матерью сегодня вечером. И сколько пройдет времени, прежде чем он сумеет прогнать из памяти ее рыхлые груди, вываливающиеся из лифа ее слишком короткого и чересчур облегающего платья? Господи, о чем эта Рита только думала? Что же люди видят в действительности, когда смотрят на себя в зеркало? Или они смотрят, но не видят?

— Следи за сестрой, — предупредила его мать, перед тем как уйти. Без сомнения, то же самое она сказала перед этим Меган. «Следи за братом», — слышал он ее шепот. Интересно, если мать действительно уехала на свидание, то ведет ли себя прилично? В отличие от его отца и сестры. Меган что, совсем не соображает, с кем связалась? С Грегом Уоттом, с ума сойти! Мало того что она позволила этому дылде схватить ее и закинуть на плечо, как мешок с картошкой, так она еще и обжималась с ним на виду у всех, в самый разгар так называемого чествования погибшей подруги! Неужели и вправду решила, что их никто не увидит? Если они с Грегом ушли в другой конец парка, это вовсе не значит, что они стали невидимыми! Да их все равно бы кто-нибудь застукал, даже если б они улетели на луну! У нее что, совсем нет чувства собственного достоинства?

Но потом что-то, слава богу, случилось. Он был слишком далеко, чтобы увидеть, что именно, и слишком далеко, чтобы что-то слышать, но что-то, определенно, произошло, кто-то что-то сказал, потому что Грег с сестрой вдруг перестали лнуть друг к другу, как две виноградные лозы. Грег ушел в одну сторону, а Меган в другую, и больше они так ни разу друг к другу и не подошли.

Но Меган и к нему не подошла, понял вдруг Тим, не зная даже, радоваться ему или тревожиться. А потом он увидел Грега с Джоем, которые в компании других таких же качков

играли в импровизированный тачбол. И не обращали ни малейшего внимания на компанию подростков, рассеявшихся в круг и слушающих классическую песню «Битлз» «Земляничные поляны» в отвратительном исполнении Виктора Драммонда. Может, Меган тоже там?

Нет, ее нет среди них, понял Тим, пристально разглядывая лица сидевших в тусклом свете. Но и среди тех, кто раскачивается в такт музыке и размахивает в душном воздухе обгоревшими свечками, ее тоже не было. Нет ей никакого дела до ваших земляничных полей, радостно подумал Тим (ему эта песня никогда не нравилась — глупая и бессмысленная). Хотя что вообще имеет смысл?

Ветерок донес до него сладковатый запах марихуаны, и он стал всматриваться в темноте в рассеявшихся под большой ананасовой пальмой молодых людей, которые по кругу передавали друг другу самодельную сигаретку. Копы, как ни странно, оставили их в покое, очевидно, решив, что если ребята накачаются, то проблем с ними будет меньше. А может, они совсем уж дураки и просто не видят, что творится у них под носом.

Тим увидел, что Джинджер Перчак, Таня Мак-Гаверн и еще несколько девушек тихонько плачут, дожидаясь своей очереди. Интересно, они Лиану оплакивают или себя? Любопытно, что даже сейчас, когда прошло уже больше недели с того дня, как нашли труп Лианы, девушки раздражаются слезами при малейшем подстрекательстве, а иногда и без. Иногда достаточно просто как-то не так на них посмотреть — а как на них смотреть? — и они начинают рыдать. Зато никто их ни в чем не обвиняет и не обзывается, никто не ставит под сомнение их сексуальную ориентацию. Почему девушкам можно — более того, это даже поощряется — выражать свои эмоции по всякому пустяковому случаю, а парней принуждают сдерживаться даже в самых серьезных ситуациях? Разве это справедливо?

В слезах нет ничего позорного, сказала ему мать после того, как отец их бросил, сама чуть не рыдая в голос. Неправда, это позорно. Он прекрасно это понимал, хотя слышал, как плакала Меган, закрывшись у себя в спальне. Его отец утратил нравственные ориентиры, и все в их мире пошло кувырком. Теперь он, Тим, должен быть бдительным, внимательным и даже осторожным. Если он будет слабым, если отвлечется хоть на миг, если допустит, чтобы его глаза заволкло слезами, как это часто бывало с матерью, когда она думала, что ее никто не видит, то как он сможет заново найти себя в этом мире? Как он сможет вывести их к свету?

Тим снова зажег циферблат, понимая, что прошло всего несколько минут с тех пор, как он посмотрел на часы в последний раз. Куда запропастилась Меган, черт побери? Рядом с Грегом ее не видно, рядом с Джинджер и Таней — тоже, а уже становится поздно, через час они должны быть дома. Не убежала же она куда-нибудь? Не такая уж она дура, в самом деле!

И вдруг ночной воздух наполнился прекраснейшими звуками. Звуками девического голоса, чистого и прозрачного, как холодный горный ручей. Она пела: «Спасешь ли ты меня утром?», и с каждым грустным рефреном ее голос набирал мощь и решительность.

Тим обернулся на голос. «Я сижу и мучаюсь жаждой. Брось мне спасательный круг, пока я не перешла черту».

Тим невольно затаил дыхание. Пела Далила Фрэнклин. Все вокруг зашевелились и стали прислушиваться, склонив головы набок, до него донесся недоверчивый шепот: «Это правда Далила Фрэнклин?» — «Должно быть, под фанеру поет», — сказал кто-то еще.

— Мать твою! — заорал Грег, бросив мяч и протолкавшись в круг. — Неужто это и вправду поет Биг Ди?

Далила немедленно замолчала и устала в землю, будто желая, чтобы она

разверзлась у нее под ногами.

— Что такое? — Подле Грега показался запыхавшийся Джой Бэлфор. — Похоже на поросичий визг.

— Заткнись, Бэлфор! — рявкнул Грег.

— Я решил, что тут курицу зарезали.

— Господи, да заткнись же, говорят тебе.

— Да пошел ты! — обозлился Джой.

— Так, хватит, — вмешался Виктор Драммонд. — Мы собрались, чтобы почтить память Лианы, так что уберите отсюда свои задницы.

— Ах, да, я и забыл, что ты у нас специалист по задницам! Точно, педик? — ответил Джой.

Все дружно затаили дыхание. Тим смотрел, как Виктор схватил свою гитару и медленно поднялся на ноги. На одно мгновение Тим решил, что Виктор сейчас хрястнет Джоя гитарой по голове, но Виктор повернулся к нему спиной и побрел прочь. «Опера окончена», — бросил он через плечо.

— Как это окончена? — крикнул ему вдогонку Джой. — Она не закончится, пока толстая дама не споет, ты разве не знаешь? Ой, — добавил он, — толстая дама уже пропела.

Сидящие рассмеялись.

— Значит, пора собираться домой, — продолжал Джой. — Ведь толстая дама спела.

Тим думал, что Грег сейчас снова попросит Джоя заткнуться, чтобы Далила допела песню. Одно его слово — и все насмешки прекратятся. Но вместо этого он захохотал вместе с остальными, а потом пожал своими широкими плечами, как будто говоря Далиле: «Извини, я попытался, но...» И снова пошел играть в футбол.

Далила сидела еще несколько минут, склонив голову. Интересно, думал Тим, о чем она думает. Затем она медленно поднялась на ноги и пошла прочь.

— Толстая дама пропела, — крикнул откуда-то сзади какой-то парень.

— Зануда, — крикнула Далиле какая-то девица.

И тут зазвучала другая песня, уже с другого конца стремительно распадающегося круга, которую подхватили по всему парку десятки разрозненных голосов: «На каждой вечеринке должен быть свой зануда. Поэтому мы тебя и пригласили. Зануда, зануда».^[39]

Они безжалостно преследовали Далилу до самого выхода из парка. Тим видел, как она пробежала по дороге и скрылась за углом, и невольно почувствовал жалость к ней, потому что он мог только презирать дочь женщины, разрушившей его семью. И покачал головой, пытаясь избавиться от столь неуместного сочувствия. Какое имеет значение, что у Далилы ангельский голос? Значение имеет лишь то, что она толстая и неуклюжая, а следовательно, представляет собой легкую мишень. И любой человек, находящийся рядом с ней, также становится легкой мишенью. Нет, Тим не может позволить себе такую роскошь, как сочувствие.

— Ну и ну! — послышался у него за спиной девичий голос. — Кто бы мог знать, что она так классно поет?

Тим обернулся и оказался лицом к лицу с Эмбер Вебер.

— Да, — ответил он, не зная, что еще сказать. Он всегда смущался в присутствии девушек, а Эмбер Вебер была не просто девушкой, она была дочерью шерифа, и, какой бы она ни была костлявой, она все-таки минимум на два дюйма выше его и к тому же довольно красивая, а он не знает, как разговаривать с высокими и красивыми девушками, у которых, к

тому же в отцах ходят шерифы, поэтому просто ответил: «Да».

— Даже жалко ее как-то, — продолжала Эмбер, как будто прочитав его мысли.

— Да.

— Плохо, что она такая толстая — из нее бы вышла прекрасная Кэт. Извини, — тут же спохватилась Эмбер. — Я знаю, Меган великолепно сыграет эту роль. Просто жду не дождусь, когда мы начнем вместе репетировать.

— Да. — Она что, пытается флиртовать с ним? До сего момента она с ним и парой лишних слов не обмолвилась. — А ты ее случайно не видела?

— Твою сестру? — Эмбер огляделась. — Нет. Но я видела ее... — И она запнулась, не докончив мысль.

«С Грегом», — мысленно закончил за нее Тим.

— Как так вышло, что ты не пришел на прослушивание? — спросила Эмбер.

Тим пожал плечами.

— Зря ты не пришел, это было так здорово. Может, тебе стоит поговорить с мистером Липсманом, пока еще не слишком поздно. Может, тебя в хор возьмут или еще куда-нибудь.

— Вряд ли, — ответил Тим.

— Не любишь мюзиклы?

Тим неопределенно пожал плечами. На что она намекает, интересно? На тот дурацкий список педиков?

— Ты не знаешь, который сейчас час? — спросила Эмбер.

«У нее что, часы испортились?» — подумал Тим, взглянув на запястье.

— Круто, — сказала Эмбер, показав на светящийся циферблат. — Почти одиннадцать.

— Черт, мне пора, — отец должен за мной заехать. — И она показала на противоположный конец парка. — Тебя не надо подвезти?

Тим с радостью принял бы это предложение, потому что больная нога беспокоила его весь день, а он за весь вечер ни разу не присел. Уж не говоря о том, что ему скучно, он устал и обозлился на Меган. Куда же она запропастилась?

— Я не могу. — Ему показалось, что в глазах Эмбер промелькнуло разочарование. Неужто? — Но я могу проводить тебя, — предложил он, произнеся самую длинную фразу за вечер.

— Отлично, а то я немного побаиваюсь. Ну, ты понимаешь.

— Да.

Они быстрым шагом пошли через парк, обходя группу подростков, еще сидевших в разорванном кругу, фактически уже превратившемся в полукруг, и стараясь не попасть под мяч, который со свистом летал над головами.

— Эй, ты, болван, — крикнул ему Грег. — Уходишь, не попрощавшись?

— Ты не видел мою сестру? — вопросом на вопрос ответил Тим.

Грег ничего не ответил. У Тима мелькнула мысль, что Грег его не расслышал, но он тут же ее отбросил, увидев насмешку, тронувшую углы его губ, и понял, что переспрашивать бессмысленно. Подумав, стоит ли показать Грегу палец, он решил, что лучше не стоит. У матери и без того достаточно проблем. Не хватало ей, чтобы он еще вернулся домой с переломанными ребрами. И вновь он обратился мыслями к матери: чем она занимается, едет ли уже домой? Форт-Лодердейл приблизительно в часе езды отсюда. Значит, они с Ритой уже должны выехать на магистраль, если хотят вернуться домой к полуночи.

— Это он болван, — прошептала Эмбер, тронув Тима за локоть.

Тим ощутил удар током, прошедший через локоть прямо ему в штаны, и даже остановился, чувствуя, что у него подкашиваются ноги.

— Ты в порядке? — спросила Эмбер, снова к нему прикоснувшись.

Тим подумал, что, если она не прекратит его касаться, то его парализует раньше, чем они выберутся к тротуару.

— Да, — пробурчал он.

— У тебя с ногой что-то?

— Поранил слегка, — выдавил он хриплым голосом.

— Да? Как это ты умудрился?

— Споткнулся, — солгал он. Не мог же он сказать, что пытался воспроизвести кое-какие приемы кунг-фу из фильма, который вчера ночью показывали по телевизору, отчего зацепился одной ногой за другую и рухнул на пол. На экране это выглядело так просто. Ему мог бы пригодиться этот прием в случае, если пришлось бы защищать мать или сестру от... От чего? И кого он хочет обмануть? Он на собственных ногах-то устоять не может, а собирается еще кого-то защищать.

— Надо быть осторожнее, — сказала Эмбер.

— Да.

На этот раз она не давала волю рукам, и остаток дороги они проделали в молчании, причем Тим все это время всматривался в темноту, надеясь увидеть где-нибудь Меган. Патрульная машина отца Эмбер стояла на улице, шериф был рядом.

— Привет, пап, — сказала Эмбер, подходя к машине. — Это Тим. Тим Кросби.

Тим видел, как прищурился шериф, протягивая ему руку.

— Сын Яна Кросби?

— Да, сэр. — Тим почувствовал, как этот здоровяк сдавил ему пальцы, отчего у него моментально онемела рука.

— Мама Тима преподает английский в школе, — сказала Эмбер. — На следующий год будет нас вести.

«Если мы не уедем из Флориды», — подумал Тим.

— Тебя подвезти, Тим? — спросил шериф.

— Нет, спасибо, сэр. Спасибо.

— Тим ждет свою сестру, — объяснила Эмбер. Но шериф уже сел за руль.

— А что Далила? — услышал Тим.

— Она уже ушла. — Эмбер открыла дверцу со стороны пассажирского места и без лишних слов села на переднее сиденье рядом с отцом. Потом повернулась и помахала Тиму, когда машина тронулась с места.

Тим стоял на тротуаре, глядя вслед исчезающему автомобилю и потирая локоть, к которому притронулась Эмбер, рукой, которую смял ее отец. Что все это значит, думал он. Этот ее внезапный интерес к нему — он действительно ей симпатичен или просто понадобился надежный спутник, человек, который безопасно проводил бы ее до противоположного конца парка?

— Кто знает? — произнес он вслух и пошел обратно. «Сам черт не разберет, что творится у женщин в головах», — услышал он бормотание своего отца.

Он уже почти добрал до середины парка, когда увидел одинокую фигуру, прислонившуюся к королевской пальме и с интересом разглядывающую близлежащие кусты.

— Что ты там интересного высмотрел? — спросил Тим, незаметно подкравшись.

— А что в твоём понимании интересное? — последовал взвешенный ответ.

Тим лишь пожал плечами. Не надо было спрашивать, знает же прекрасно, что этот Брайан Хенсен какой-то чудной.

— Наши матери, кажется, поехали сегодня вместе в город.

Брайан распрямил плечи, не изменив положения бедер и не переставив ног. Тиму показалось, что это, должно быть, очень сложно.

— Полагаю. Ну и что с того?

— А у твоей матери есть друзья в Форт-Лодердейле? — Тим постарался спросить это как можно небрежнее. Он тоже прислонился к пальме, надеясь что-нибудь разузнать и одновременно дать передышку больной ноге.

— Если и есть, то, во всяком случае, я про них не слышал. А что?

— Просто вот думаю: зачем это они туда отправились?

— Да? Мне она ничего не сказала. — Плечи Брайана вернулись в первоначальное положение, и он уставился куда-то вдаль. — По-моему, их там пригласили на свидание.

У Тима пересохло во рту.

— Почему ты так думаешь?

— Залез в ее электронную почту. Она недавно зарегистрировалась на каком-то сайте знакомств.

Тим был шокирован и наглостью Брайана, и тем, что Рита Хенсен знакомится с мужчинами через Интернет. Но гораздо сильнее его шокировало то, что в это оказалась замешанной его собственная мать. Он снова взглянул на часы, на этот раз не подсветив себе циферблат.

— К полуночи они должны вернуться домой. А ты мою сестру не видел?

Брайан отрицательно покачал головой:

— Во всяком случае, последние пару часов.

Тим оттолкнулся от ствола пальмы. Надо найти Меган. Куда она делась? И что это матери в голову взбрело — знакомиться с мужчинами через Интернет? Это что, изощренный способ отомстить отцу? Женщины и впрямь такие взбалмошные. Может, стоит переехать жить к отцу? Так, наверное, было бы гораздо проще. Только отцу он не нужен. Разве он недостаточно ясно дал это понять, когда ушел от них?

— Мама рассказывала, что твой отец покончил жизнь самоубийством, — сказал Тим и тут же пожалел об этом. Они же с Брайаном так и не стали друзьями, как бы ни старались обе их мамы. И еще ни разу так подолгу не разговаривали друг с другом.

— Она права.

— Она сказала, что это ты его первым обнаружил.

— Точно.

По голосу Брайана невозможно определить, сердится он или нет. Брайан всегда говорил одинаковым тоном, независимо от того, что он говорил, бесцветным, но на удивление глубоким для такого худенького паренька голосом. Хотя не такой уж он и худенький, как понял однажды Тим, заметив бугры мышц под серой облегающей футболкой Брайана. Несмотря на свою почти смертельную бледность, сообщавшую ему весьма хрупкий вид, он изрядно подкачался за прошедшие месяцы. Тиму очень хотелось узнать, какие упражнения он для этого выполняет. Но вместо этого он спросил:

— Каково это было? Ну, когда ты нашел его.

— Это было отвратительно, — сухо ответил Брайан. — Ну, ты же знаешь, что он

повесился, так вот, у него глаза вылезли из орбит, а изо рта высунулся язык. Примерно вот так. — И он резко, всем туловищем, развернулся к Тиму, криво склонил голову, высунул язык и выпучил глаза, так что в темноте блеснули белки.

Тим невольно отшатнулся.

— Я вот тоже думаю как-нибудь попробовать, — продолжал Брайан. — То есть я не собираюсь себя убивать, нет, конечно. Просто хочу на время отключиться. Я слышал, что кое-кто получает от этого по-настоящему сильный кайф.

Тим отпрянул. Хватит с него и того, что Эмбер Вебер прикоснулась к его руке.

— Мне пора, я должен найти Меган, — сказал он и, оступившись больной ногой, рухнул на траву.

Брайан протянул ему руку, чтобы помочь подняться.

— Это было очень круто, — проговорил он с каменным лицом.

Тут в кустах послышался какой-то шорох, из них показался какой-то человек и направился по аллее к ним навстречу, сверкнув в свете фонаря своим лысым черепом.

— Мистер Питерсон, — охнул Тим. — Что вы здесь делаете?

— Приглядываю за вами, — ответил учитель физики, лукаво улыбнувшись. — Чтобы чего не натворили. — И кивнул на руку Тима, которая все еще была в руке Брайана.

Тим тут же вырвал руку.

— Я упал, — промямлил он. — И Брайан помог мне встать.

Улыбка мистера Питерсона растянулась до ушей.

— Приятной ночи, мальчики. — И пошел дальше по аллее. Брайан за спиной Тима захохотал. Тим резко развернулся, едва снова не упав.

— Осторожнее, — предупредил его Брайан и снова захохотал.

— Что здесь такого смешного?

— Видел бы ты свое лицо.

— Ты понял, о чем он подумал?

— Какая разница, кто что думает?

— Черт, — пробормотал Тим. Может, Брайан и вправду гей, как поговаривают?

— Знаешь, что я думаю? — спросил Брайан.

— Не совсем.

— Я думаю, что тебе нужно идти и поискать свою сестру, — ответил Брайан. И снова рассмеялся.

Просто удивительно, до какой глупости может доходить человек, думала Сэнди. Тем более когда все считают тебя такой умной. Во всяком случае, достаточно умной, чтобы на твои плечи возложили судьбы сотен впечатлительных молодых умов, которые ты должна развивать, формировать и наставлять. Кто она такая, чтобы кого-то наставлять? О чем она только думала? Как можно было так вляпаться?

Она стала быстро перебирать в памяти события этого сумасшедшего вечера: в половине восьмого за ней заехала Рита; к половине девятого они уже подъезжали к автостоянке «Океанского гриль-бара мисс Молли» в Форт-Лодердейле; где-то около девяти подтянулись их кавалеры; потом еще несколько минут мучительного разговора и удивительное появление Уилла Бейкера; и уже меньше через пятнадцать минут они на полной скорости неслись по шоссе в его ярко-красном «порше», и она смеялась и украдкой бросала взгляды на обезоруживающе красивый профиль мужчины, про которого могла бы подумать, что он слишком хорош, чтобы быть таковым на самом деле, если бы вообще была в состоянии думать. Как там говорится? Если что-то слишком хорошо, чтобы быть правдой, то жди беды? Почему она не подумала об этом, когда согласилась сесть в его машину и звонила с его сотового Рите, объяснив, что не вернется, попросив извиниться за нее перед Эдом с Бобом и сказав, что они поговорят утром.

— Извини, связь очень плохая, — спокойно сказала Рита. Сэнди представила, как она в этот момент выбирается из-за столика. — Что значит, ты позвонишь утром? — требовательно спросила она через несколько секунд. — Где ты, черт побери?

— Я с Уиллом, — ответила Сэнди, и Уилл с улыбкой похлопал ее по руке. Его ладонь задержалась на ее ноге, и на одно мгновение Сэнди сильнейшим образом усомнилась в правильности своих действий, но тут же решила, что это глупости.

— Что ж, нельзя сказать, что я в сильном восторге, но и винить тебя тоже не могу. Он чертовски привлекателен.

— Согласна.

— Он довезет тебя обратно до Торранса?

— Полагаю, что да.

— Может, тебе лучше сразу узнать?

— Не беспокойся, я позвоню тебе утром. — И Сэнди разъединилась прежде, чем Рита успела что-либо добавить.

— Ну как, все нормально? Твоя подруга не злится на тебя за то, что ты оставила ее с этими мужланами?

— Они не такие уж и плохие! — Вообще-то Боб показался Сэнди довольно приятным мужчиной, и она ощутила приступ мучительного раскаяния за то, что так бесцеремонно его оставила. Он заслуживает гораздо лучшего отношения. — Ладно, Рита — классная женщина, она со всем разберется.

«Классная?» — повторила про себя Сэнди. С каких это пор она стала употреблять лексику своих учеников? Что с ней происходит? Сначала она бросает свою подругу ради прекрасного незнакомца. Теперь вдруг стала швыряться несвойственными ей словечками вроде «классный». «Качусь по наклонной плоскости», — подумала она, гадая, везет ли он ее в какое-то конкретное место или они просто катаются.

— Прекрасная ночь, — сказала она, вместо того чтобы задать этот вопрос, и откинулась на коричневое кожаное ковшеобразное сиденье. — Прекрасная машина.

— Прекрасная ночь, прекрасная машина, прекрасная девушка, — с непринужденной улыбкой проговорил Уилл.

Сэнди тоже улыбнулась. Сколько прошло времени, когда ее в последний раз называли «девушкой»? Если б к ней так обратились Эд или Боб, она бы встала на дыбы, но из уст Уилла это прозвучало райской музыкой. Она откинула голову на спинку сиденья, наслаждаясь собственной бездумностью. Она всегда была хорошей девочкой и строго следовала всяческим правилам. И чего она этим добилась? Того, что оказалась в Торрансе. Пора наконец что-то поменять.

— Так ты родом из Флориды? — спросила она, тут же пожалев, что не сумела сказать ничего пооригинальнее.

— А разве здесь кто-нибудь рождается?

— Практически все в Торрансе родились здесь.

— В Торрансе?

— Я там живу, — пояснила Сэнди. — Это примерно в часе езды отсюда.

— Это там, где на прошлой неделе убили какую-то девушку?

Снова укол сомнения.

— Да, а ты слышал про это?

— Читал в газетах. Нашли его?

— Пока нет.

Уилл помолчал.

— Так откуда ты родом? — спросила Сэнди.

— Из Чикаго.

— Устал от длинных зим?

— Устал от стычек со своей бывшей. Вот и решил перебраться куда-нибудь в другое место, во имя наших же интересов.

И снова Сэнди кольнуло сомнение. Глупо. Ну и что, что он был женат? А на что она рассчитывала? Что у него нет прошлого и никаких грехов? Да и потом, разве она сама не станет в ближайшее время «бывшей»?

— У тебя есть дети? — спросила она.

— Двое сыновей. Одному семь, другому девять.

Ого, возможно, он даже моложе ее. И Сэнди ощутила четвертый болезненный укол в сердце.

— У тебя? — спросил Уилл.

— Сын и дочь. Меган семнадцать лет, Тиму шестнадцать, — неохотно добавила она, думая, насколько же Уилл моложе ее. На пять лет? Или на все десять? И что это значит? Что ему нравятся женщины старше его самого? Или возраст не имеет для него никакого значения? Или он слеп, как крот, и без очков ничего не видит?

— Да ты что? Наверное, ты родила их очень молодой.

— В десять лет, — ответила Сэнди с усмешкой.

— Малолетняя мать, — рассмеялся Уилл.

— Фактически.

— И что потом произошло?

— Мы выросли.

— Ясно, такая участь постигает лучших, — кивнул Уилл.

— Видимо.

— А чем он занимается?

— Он врач.

— Что ж, тебе это только на руку.

— То есть? Ты о чем?

— Ты можешь выжать из него все до последнего цента.

За широченной улыбкой Уилла Сэнди послышалась нотка злости.

— Я не собираюсь его выжимать.

— Вначале все так говорят, а потом меняют решение.

— Все?

— Ты оплачивала его обучение в медицинском университете?

— Да, но потом он оплачивал мое обучение в педагогическом колледже.

— Все равно у тебя преимущество.

Сэнди вздохнула и уставилась в окно на проплывающий мимо пейзаж. Океан загораживал ряд высоких многоквартирных зданий. Она подумала о том, как там Рита сейчас объясняется с Эдом и Бобом. Может, купить ей в «Пабликсе» какой-нибудь цветок или коробку конфет? При одной мысли о конфетах у нее заурчало в желудке, и она смущенно прижала ладони к животу.

— Инициатива развода, я так понимаю, исходит не от тебя? — спросил Уилл.

Неужто это так очевидно?

— Нет.

Он участливо притронулся к ее руке.

Сэнди улыбнулась, почувствовав, как ее напряжение постепенно спадает.

— Куда мы едем? — спросила она, когда на следующем углу он свернул влево.

— Надо заехать куда-нибудь перекусить.

Хорошая идея, подумала Сэнди, и в желудке снова заурчало. Спортивный автомобиль набирал скорость. Через несколько минут океан скроется из вида.

— Что-то здесь не видно ресторанов, — заметила Сэнди, пробежав глазами тихие жилые улочки.

— А кто сказал, что мы едем в ресторан? — Он свернул вправо, потом влево, потом снова влево и въехал на автостоянку перед невыразительным многоэтажным зданием белого цвета. Встал на место под номером 602 и выключил мотор. — Приехали.

— Приехали?

— Скромновато, конечно. — Он выпрыгнул из машины, быстро обошел ее и открыл ей дверцу.

Сэнди заколебалась.

— Уилл...

— Что-то не так?

— Просто мне кажется, что это не самая лучшая идея.

— Что не самая лучшая идея?

— Это. — Ей что, продиктовать по буквам?

— Это?

Видимо, придется.

— Идти к тебе в номер.

— Ты боишься ездить на лифте?

Она рассмеялась:

— Нет, просто я подумала...

— Что ты подумала? — И он снова улыбнулся, очевидно, наслаждаясь самим собой. —

Подумала, что мы будем кататься всю ночь?

Сэнди вдруг поняла, что об этом она не думала, что она вообще не удосужилась подумать о чем-либо.

— Просто я не хочу, чтобы у тебя сложилось обо мне неверное мнение.

— Какое неверное мнение?

— Ты и сам знаешь. — Как глупо. Она ведет себя как подросток.

— Ты решила, что я хочу привести тебя к себе в номер, чтобы соблазнить?

— Нет, конечно нет. — Хотя, разумеется, да. А для чего же еще мужчине приводить женщину к себе в номер? Она двадцать лет не ходила на свидания, но, как бы мир ни переменялся за эти долгие годы, кое-что остается неизменным, и это, разумеется, тоже.

— Так, настал момент истины, — сказал Уилл. — А истина заключается в том, что я умираю с голоду. С утра ничего не ел, весь день пахал как лошадь, по пути домой заехал в «Мисс Молли» в надежде перекусить, потом подслушал ваш разговор, понял, как тебе неуютно с ними, и решил тебя похитить. Но сейчас я так голоден, что вот-вот потеряю сознание. К тому же не смогу сесть за руль, если чего-нибудь не съем, а в холодильнике у меня лежат остатки курицы, которую я сам себе приготовил по случаю. Я не говорил тебе, что прекрасно готовлю?

Сэнди покачала головой.

— Я прекрасно готовлю. Пойдем, Сэнди. В чем дело? Ты ведь доверилась мне настолько, чтобы сесть в мою машину. Теперь-то ты чего боишься?

— Я не боюсь.

— Я кажусь тебе опасным?

— Что? Нет.

— Тогда в чем твоя проблема?

«В чем моя проблема?» Она подалась к нему, но ноги отказывались слушаться.

— Слушай, знаешь, что? Мы зайдем всего на пару минут. Я проверю почту, съем кусок курицы, а потом отвезу тебя обратно в Торранс. О'кей? Как тебе такой вариант? По-моему, достаточно честное предложение. Если ты мне не доверяешь, можешь подождать в машине.

Сэнди почувствовала, как ее губы с облегчением дрогнули в улыбке. Какая она глупая! Уилл Бейкер — мудрый человек. А она — взрослая женщина, а не беспомощный подросток. «Тогда перестань вести себя как подросток», — приказала она себе, вылезая из машины.

— Я бы тоже не отказалась перекусить.

— Я знал, что ты согласишься.

Они зашли в увешанный зеркалами, белый с золотом вестибюль, где за высокой мраморной стойкой сидел пожилой охранник.

— Здравствуйте, мистер Бейкер, — кивнул он и помахал рукой.

И Сэнди почувствовала, что окончательно расслабилась. Ей нечего бояться: охранник знает Уилла в лицо и по имени. Она в полнейшей безопасности.

— Мистер Сэмюэлс, — проговорил Уилл, подводя Сэнди к лифтам в конце вестибюля. — Как тут у вас?

— Пока тихо. Вы слышали про миссис Аллен из номера 1412?

— Нет, а что случилось?

— Удар. В прошлый понедельник. — Мистер Сэмюэлс попытался прищелкнуть своими скрюченными от артрита пальцами. — Вот так.

— Печально. Как держится мистер Аллен?

— Молодцом! Ему дамы в номер уже целую грудку пирогов нанесли. За него не беспокойтесь, с ним все в порядке.

Уилл рассмеялся, и у него за спиной открылся лифт.

— Пока, мистер Сэмюэлс. — Уилл надавил кнопку шестого этажа.

— Как у вас все здесь просто, — сказала Сэнди, когда двери лифта закрылись.

— Ты о чем?

— О женщинах. Не успела бедная миссис Аллен из номера тысяча четыреста двенадцать умереть от удара, как женщины сломя голову несутся на кухню, чтобы приготовить мистеру Аллену ужин.

— Что же он, по-твоему, голодать должен? — рассмеялся Уилл.

Сэнди улыбнулась:

— Я просто хочу сказать, что все было бы совсем иначе, если бы удар случился у мистера Аллена. Миссис Аллен самой пришлось бы готовить себе ужин.

— Настоящие мужчины не пекут пирогов, — насмешливо ответил Уилл. Двери открылись на шестом этаже, и он отступил, чтобы пропустить вперед Сэнди.

— Зато готовят по случаю кур, — сказала Сэнди, идя с ним по узкому коридору, крытому золотистой ковровой дорожкой.

— Причем великолепных кур. — Уилл отпер дверь в свой номер, и Сэнди очутилась в крошечной прихожей с коричнево-зелеными полосатыми стенами. — Сюда. — Он провел ее мимо маленькой кухни в скудно обставленную гостиную с зеленым кожаным диваном, таким же креслом, наполовину пустым книжным шкафом и маленьким обеденным столом со стеклянной столешницей, за который были задвинуты два черных кожаных кресла с высокими спинками. Пол был покрыт бежевой керамической плиткой. Никаких ковриков, никаких картин на белесых стенах, никаких фотографий и безделушек. — Располагайся. Я сейчас вернусь.

Сэнди подошла к окну и посмотрела на противоположное высокое здание через улицу. Добро пожаловать в большой город, подумала она, ощутив внезапный приступ приятного возбуждения. Она уже забыла, как соскучилась по тесным комнаткам в высоких домах. И она засмеялась, услышав, как Уилл чем-то гремит на кухне.

— Тебе помочь?

— Ни в коем случае.

— Ты давно здесь живешь?

— Около года.

— Здесь очень мило, — сказал она, мысленно заменив зеленую кожаную мебель чем-то более мягким и раскрасив стены в более теплые и приятные тона. Хотя жилище мало чем отличается от того, которое снимали они с Яном до того, как она забеременела Меган. Примерно та же площадь и конфигурация, только окно было меньше, и на полах было дешевое деревянное покрытие вместо дорогой плитки. Но они были счастливы. То есть она думала, что они были счастливы вплоть до того момента, пока он не объявил, что уходит к другой женщине.

Кэрри Фрэнклин подмигнула ей из зеркала. Сэнди закрыла глаза и открыла их лишь

тогда, когда почувствовала у себя за спиной какое-то движение. Обернувшись, она увидела на пороге Уилла с бокалами в обеих руках.

— Яблочный мартини, правильно?

— Господи, нет, я не могу.

— Разумеется, можешь. Курица пока подогревается.

— Зачем ее подогревать? Она наверняка и холодная очень вкусная.

— Кто здесь повар? — напомнил он.

Сэнди тоже захотелось ему напомнить, что они должны были пробыть здесь всего пару минут, но смолчала. Побоялась показаться неблагодарной: он ведь так старался, чтобы порадовать ее. Разве Ян не пожаловался как-то, что она не умеет веселиться, что всегда первой уходит с вечеринки, что вечно портит всем веселье?

— Ну же, — настаивал Уилл. — Сделай пару глотков и попытайся расслабиться. Я сейчас проверю почту, и мы поедем.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

Сэнди кивнула, отхлебнув мартини в знак того, что она не собирается портить им веселье, и посмотрела ему вслед. И отхлебнула снова, решив про себя, что, если курицу он приготовил так же вкусно, как мартини, то ей предстоит настоящий пир. Она присела на диван, почувствовав, как немедленно прилипла к коже шелковая ткань, и скрестила ноги, пытаясь устроиться поудобнее. И снова отпила мартини: ей показалось, что яблочного сока в нем больше, чем водки, значит, вряд ли она опьянеет. Оглядевшись в поисках стола, на который можно было бы поставить бокал, и не найдя его, она сделала еще один глоток, потом еще один и еще, пока не осушила полбокала. «Какого черта?» — решила она, залпом допив остальное. Теперь-то ее никто не обвинит в том, что она не умеет веселиться.

— Эй, Сэнди, — крикнул из комнаты Уилл. — Иди сюда, ты должна на это взглянуть.

Сэнди поставила пустой бокал на пол и поднялась, чувствуя, что комната закружилась у нее перед глазами.

— Похоже, я перебрала, — пробормотала она, хватаясь за спинку дивана, чтобы остановить это кружение.

— Сэнди, — позвал он снова.

— Ты где?

— В спальне. Направо по коридору.

«В спальне», — повторила про себя Сэнди, повернув налево и оказавшись в кухне. «Проверю курицу», — решила она, открыв дверцу микроволновой печки и приняв ее.

В печке было пусто.

Сэнди отпрянула, так что в застоявшемся воздухе повеял ветерок. Наверное, я что-то перепутала, решила она, пытаясь прийти в чувство. Разве он не сказал, что курица подогревается?

— Сэнди, — снова послышался голос. — В чем дело?

— Иду. — Она прошла по коридору в спальню, хотя назойливый внутренний голос упорно твердил, чтобы она убиралась отсюда подобру-поздорову.

— Ты, кажется, сказал, что подогреваешь курицу, — сказала она с порога.

— Я сказал, что скоро подогрею ее, — поправил он. — Тебе никогда не говорили, что ты чересчур подозрительна?

— Извини. — Она стояла переминаясь с ноги на ногу, стараясь подавить в себе сильнейшее желание сесть на пол.

— Ты в порядке?

— По-моему, коктейль ударил мне в голову.

— Ты весь его выпила?

— Да, и, видимо, зря.

— Не хочешь присесть? — И он посмотрел на огромную кровать, занимавшую почти всю комнату.

Сэнди посмотрела на голубые атласные простыни и покачала головой. Не стоит, решила она, и комната вновь закружилась у нее перед глазами.

— Ты сказал, что хочешь мне что-то показать.

Уилл ткнул пальцем в компьютер, стоявший на узком столе с противоположной стороны кровати.

— Взгляни на это.

Сэнди подошла к большому монитору с плоским экраном, и ее глаза расширились, когда она поняла, что на нем изображено.

— О господи!

— Представляешь, что нам присылают по почте?

Сэнди с разинутым ртом уставилась на обнаженного мужчину с женщиной. Женщина стояла нагнувшись, а мужчина с огромным эрегированным членом нацеливался на ее зад, обхватив ее сзади за груди.

— Какая задница, а? — спросил Уилл.

Сэнди даже не поняла, что ее испугало больше — руки Уилла, внезапно обхватившие ее собственные груди, или так небрежно произнесенное слово «задница», — но она неожиданно оттолкнула его и бросилась к выходу.

— Что ты делаешь? Куда ты? — спросил он, схватив ее руку, притянув к себе и прижав ее раскрытую ладонь к своим брюкам.

Сэнди отдернула руку так, будто он положил ее на раскаленные угли.

— Я ухожу.

— Не дури. Для чего ты тогда пришла сюда?

— Я думала, что мы будем есть курицу, — выпалила Сэнди, прекрасно понимая, как смехотворно это звучит.

— Брось, — ответил он, обойдя вокруг нее и загородив ей выход. — Я не верю, что можно быть настолько наивной.

— Как видишь, можно. Послушай, мне очень жаль, что ты составил обо мне неверное представление. — Он выпустит ее или нет?

— Неверное представление? Да ты весь вечер меня завлекала.

— Что? Как ты можешь так говорить?

— Ты ведь села ко мне в машину?

— Да, — согласилась Сэнди, чувствуя, что помимо головокружения у нее еще начинает крутить желудок. — Согласна, это было не очень умно. Но сейчас я хочу домой.

— В Торранс?

— Да, в Торранс.

— Где была убита девушка. — На этот раз это был не вопрос, а утверждение. У Сэнди перехватило дыхание. — А вдруг она оказалась такой дурой, что села в чужую машину?

— О господи! — Сэнди казалось, что желудок ее сейчас вывернет наизнанку. Что он несет? Что это он убил Лиану Мартин и теперь собирается прикончить ее? А потом полиция

найдет ее разлагающийся труп с наполовину снесенной головой в каком-нибудь болоте? Эта мысль заставила ее действовать. Она оттолкнула его в сторону и бросилась к двери номера.

Но он опередил ее и снова загородил выход.

— Хочешь уйти? Ну и убирайся. — И он отворил дверь, протянув назад руку. Сэнди пулей выскочила в коридор и побежала к лифтам, слыша за спиной его голос:

— Ты хоть знаешь, какая ты жалкая? Хочешь знать, почему я тебя снял? Потому что решил, что ты только и ждешь, чтобы тебя трахнули. Немолодая, потасканная... Да ты должна мне быть благодарна...

«Как можно было быть такой идиоткой?» — думала Сэнди, заходя в лифт. Как можно было так вляпаться? До Торранса минимум час езды; у нее нет сотового телефона, чтобы вызвать такси, которое обойдется ей в недельное жалованье; она не может позвонить Рите и попросить ее заехать за ней, тем более после того, как она ее бросила; она пьяна, и ее тошнит, и дети придут в ужас, когда увидят ее в таком виде. «Господи, хоть бы они спали, когда я попаду домой, — молила она. — Только бы они меня не видели».

Она посмотрела на часы, но циферблат кружился перед глазами, и цифры никак не желали встать на место.

— Он прав, — произнесла она вслух, когда лифт открылся. — Ты такая жалкая!

— Вы что-то сказали? — спросил старый мистер Сэмюэлс из-за своей конторки.

— Я говорю, не могли бы вы вызвать мне такси? — спросила Сэнди, и ее моментально вырвало на мраморный пол с золотыми блестками.

Сегодня утром мне было не так жарко, поэтому захотелось побыть дома и отдохнуть. Не знаю, что это. Возможно, усталость. Или вирус. Кажется, здесь что-то такое появилось, и неудивительно — в мире постоянно что-нибудь появляется. Просто страшно становится, как подумаешь про всякие там микробы, бактерии, экзотические вирусы, какие-то жуткие смертельные штаммы гриппа, которые таятся и выжидают время, чтобы объявить о своем существовании в наиболее подходящий момент. В точности как я.

Болею я не так уж часто, поэтому знаю, что со мной что-то не так, едва встаю с постели. Ноги были ватные, и меня пошатывало, будто пол вдруг накренился под ногами. Меня тошнило, мутило, пропал аппетит. Мышцы ослабли и превратились в какую-то жеваную резину. «Я чувствую себя кем-то другим», — говорила моя тетушка, если заболела, и только сейчас мне стало понятно, что она имела в виду. Но раз уж сегодня воскресенье и у меня нет никаких срочных дел, можно и отдохнуть. Я, в конце концов, заслуживаю отдыха. Мне требуется время, чтобы зарядить свой внутренний аккумулятор и восстановить силы — у меня еще столько дел впереди!

Может, все этот вчерашний вечер — празднество в парке, обернувшееся прославлением смерти. Признаюсь, мне доставило несравненное удовольствие наблюдать за всем происходящим. Может, это и послужило причиной утреннего головокружения? Может, у меня попросту праздничное «смертельное похмелье»? Если так, то подобное состояние мне, надеюсь, придется испытывать еще не раз.

Вам любопытно, чем можно было заниматься, лежа в постели? Думать, строить планы, предвкушать события, предаваться воспоминаниям, предаваться самым необузданным и диким фантазиям. Да! Я — человек необычайно творческий, пусть это редко признают и никогда не поощряют. Люди думают, что достаточно навесить на тебя ярлык — и все. Думают, что хорошо тебя знают. О, с какой самоуверенностью они взирают на тебя, думая, будто знают, каков ты на самом деле! И не собираются ни на йоту менять своего представления о тебе и увидеть хоть что-то на миллиметр дальше собственного носа.

А в действительности ни черта они не знают. Возьмите, к примеру, мою тетушку — она-то думала, что хорошо меня знает. Она ошибалась. Как, вы разве еще не поняли, что мне пришлось помочь ей уйти в мир иной? Мое упущение. Прошу меня извинить, хотя, сказать по правде, ни малейшего сожаления и стыда я не ощущаю. Уже не ощущаю. Стыд терзал меня много лет, слишком много лет, как я понимаю сейчас. Нет, не за убийство. Ни в коем случае. Она получила то, что заслужила. Но как же мне было стыдно, пока она была жива. Господи, как же она меня третировала! Как любила внушить мне чувство вины, почувствовать себя человеком мерзким и никчемным! Она с абсолютной очевидностью заслуживала смерти. И она ее дождалась, став моей первой жертвой. Я после ее убийства будто девственности лишился.

Вы уже кое-что знаете про опыт моих взаимоотношений с тетей: про то, как она взяла меня на день рождения к соседям, где чуть не утопила, а потом во всем же меня и обвинила; про испорченный отдых; про насильственные уроки плавания, которые мне приходилось брать по ее инициативе; про катастрофу с водными лыжами, про ее насмешки и ее противный гиеноподобный хохот. «Ах ты, недотепа! Где ты там, трусишка? Вылезай, мокрая

курица».

Если вы решили, что по мере моего взросления ситуация улучшилась, значит, вы недооценили по достоинству мою тетю, ее неистребимое желание вмешиваться, ее способность всюду просачиваться и заражать умы окружающих. Даже моей собственной матери.

Все мои поступки расценивались отрицательно. Неудачи преувеличивались, успехи игнорировались. А над моими разочарованиями постоянно смеялись. Ну, и кто из нас теперь хохочет, хотелось бы мне знать?

Мне так часто приходилось прокручивать в памяти события того дня, что порой даже становилось страшно, что когда-нибудь мне это надоест, что однажды память поблекнет или начнет заедать, как бракованный диск, и тогда я ненароком пропущу какую-нибудь существенную деталь, какой-нибудь лакомый кусочек, которым мне особенно хотелось бы насладиться. Я не хочу ничего пропустить, не хочу позабыть хоть самую маленькую деталь. Поэтому постоянно и регистрирую их в памяти, высекаю, так сказать, в камне. В могильном камне.

Это было мое первое, но самое приятное убийство. Что там говорят про секс и любовь? Что секс доставляет гораздо большее наслаждение, если ты любишь человека? Разве то же самое не верно в отношении убийства? К тому же ненависть — штука не менее сильная, чем любовь. Я так думаю. Наверное, даже сильнее. Ведь убийство Лианы Мартин принесло мне гораздо больше удовлетворения, чем убийство Кэнди Эббот. Точно так же, как и следующее мое убийство принесет гораздо большее наслаждение, чем убийство Лианы Мартин.

И я жду не дождусь еще одного убийства. Ее время близится. С каждым днем я подбираюсь к ней все ближе.

Но что-то я забегаю вперед. Надо быть внимательнее, если я хочу извлечь максимум пользы из своих воспоминаний, и ни на что не отвлекаться. Мне необходимо вернуться в тот жаркий влажный июльский день трехлетней давности. Почти три года прошло? Господи, просто не верится. Как там говорится? За весельем время проходит незаметно?

Итак, дома никого нет, я сижу в кресле и читаю, наслаждаясь кондиционером и одиночеством. Как вдруг заявляется она и колотит в дверь, чтобы ее впустили. Я не обращаю на это никакого внимания, пытаюсь сосредоточиться на книге, которую держу в руках; через минуту все стихает, и я думаю, что она ушла. Помню, как моментально исчезает с моего лица хитрая улыбка, когда я слышу, что в замке поворачивается ключ. Открывается и закрывается парадная дверь, и вот уже ко мне приближаются ее шаги.

— А, ты дома, — говорит она, очевидно испугавшись. Ее короткие темные волосы курчавятся от влаги, а на подмышках голубого сарафана образовались маленькие полукружья пота.

— Да, — киваю я.

— А что, нельзя было открыть дверь, когда я стучалась?

— Здесь ничего не слышно.

— Как это не слышно?

— Как ты вошла?

Она машет у меня перед лицом ключом.

— Твоя мать оставила мне запасной ключ. На всякий пожарный случай.

— И он сейчас настал?

— Кто?

— Пожарный случай.

— Не умничай! — бросает она. Мне всегда казалось нелепым это выражение. Почему люди так говорят? Наверное, потому, что на твоём фоне выглядят полными дураками, не иначе.

— Что ты здесь делаешь?

— Твоя мать брала у меня мои лучшие черные туфли, а они мне сегодня понадобились.

— У тебя что, свидание?

— Вообще-то да.

— Бедняга, — смеюсь я.

— Что-то ты слишком много разговариваешь. — Сказать по правде, до сих пор не знаю, что она имела в виду, но не сомневаюсь, что она явно хотела меня как-то поддеть. — Что это ты читаешь? — Она выхватила у меня из рук книгу и стала грубо перелистывать страницы. — Не поздноато ли читать комиксы?

— Это графический роман.

— Это хваленые комиксы! Ну ты даешь, ей-богу! В твоём-то возрасте! Тебе что, больше нечем заняться?

— Ты разве не торопишься на свидание?

Она смотрит на часы. Это одна из тех подделок под «Ролекс», которые не обманут и теленка. На них даже смотреть не надо, чтобы почувствовать, что это подделка. Да они и выглядят как подделка, не лучше силиконовой груди, которой она тоже обзавелась.

— У меня еще куча времени.

— Прекрасно. Потому что мне показалось, что мать сама ушла в этих туфлях.

— Что?

— Да, точно, в них. — На самом деле я даже не помню, в каких туфлях ушла мать, просто мне очень хотелось подпортить ей настроение, что мне с легкостью и удалось.

— Куда она ушла? Когда вернется?

— Понятия не имею, она мне ничего не сказала.

— Это дорогие выходные туфли, а она в них по магазинам таскается! — возмутилась она.

В ответ я только пожал плечами и вновь уткнулся в книгу. Через несколько секунд тетя уже неслась вверх по лестнице в спальню матери. Я услышал, как у меня над головой стукнула дверца шкафа и на пол полетели вещи.

— Нашла, — сердито объявила тетушка, появившись у меня за спиной и зловеще помахивая в воздухе туфлями.

— Что ж, повезло, — отвечаю я.

— Ты же...

— Я говорю: *мне показалось*, что она ушла в них.

— Я прямо вся взмокла, и меня трясет, — говорит она, будто в этом моя вина.

— Принести тебе что-нибудь выпить? Колу или сок?

Она плюхнулась на диван:

— Диетическую колу.

И вот так всегда. Ни тебе спасибо, ни пожалуйста. Ни хотя бы: «Это было бы чудесно». Я поднялся с кресла и направился в кухню.

— Знаешь, а говорят, что диетическая кола вредная, — кричу ей я. — Вроде как оказывает отрицательное воздействие на сосуды мозга. Что приводит к тупоумию.

— Ну, тогда тебе не о чем волноваться, — отвечает она и снова издает свой жуткий гиеноподобный лай.

И именно в этот момент, в два часа двадцать две минуты пополудни, если верить электронным часам на микроволновой печке, я понял, что убью ее. Вообще-то эта мысль не раз приходила мне в голову в последние месяцы, а может, и годы. Как часто мне представлялось, как я буду убивать ее, если мне подвернется такая возможность, представлялись различные способы расправиться с ней с минимумом усилий и максимумом страданий. Мне очень хотелось, чтобы ее постигла мучительная смерть за ту мучительную жизнь, которую она мне устроила.

— У нас нет диетической колы, — вру я, задвинув банки подальше к стенке холодильника. — Как насчет джин-тоника?

Она, кстати, была алкоголичкой.

— Было бы неплохо, — отвечает она, и, пожалуй, это самое лучшее, что она сказала мне за много лет.

— Я сделаю, — отвечаю я, доставая из холодильника бутылку тоника, нахожу в шкафчике под раковиной джин и со знанием дела смешиваю напитки.

По дому были вечно разбросаны всевозможные таблетки. Порывшись в кухонных ящиках, я нахожу старый пузырек с перкоданом, разминаю шесть оставшихся таблеток и вытряхиваю их в джин-тоник. Для отрицательного воздействия на сосуды ее головного мозга. Потом возвращаюсь в гостиную и передаю ей стакан.

— Как долго, — говорит она. Ни тебе «спасибо», ни «очень мило с твоей стороны».

— Пожалуйста, — отвечаю я, глядя, как она залпом выпивает полстакана.

— Неплохо, — говорит она, делая еще один глоток. Потом откидывается на спинку дивана и замолкает, очевидно, о чем-то задумавшись. Сделав очередной глоток, она корчит гримасу и ставит стакан на пол.

— Что-то не так?

— Горький.

— А разве он не должен быть горьким?

— Тоника слишком много.

— Давай добавлю джина, — любезно предлагаю я.

Она смотрит на почти пустой стакан и вскакивает на ноги.

— Нет, не нужно. Мне пора идти.

— Может, посидишь еще немного? — предлагаю я самым своим смиренным тоном. — А то мы почти и не разговаривали в последние дни.

— А ты хочешь поговорить? — Она удивлена и даже, кажется, немного польщена.

— Как продвигаются твои дела? — спрашиваю я.

— Как у меня продвигаются дела? Это еще что за вопрос?

— Как твоя работа в банке?

Тут она издает какой-то кудахтающий звук и у нее опускаются уголки губ.

— Ужасно. Если б Эл не был таким идиотом и хоть что-то смыслил в финансах, я сейчас была бы на его месте. Так, мне пора наводить красоту.

— Ты и без того красивая, — с трудом произношу я, чуть не подавившись собственными словами.

Она улыбается и приглаживает свои влажные волосы.

— Спасибо, очень мило. — Она наклонилась, чтобы поцеловать меня в лоб. — Ой, —

говорит она, притронувшись к голове туфлями, которые держит в руках.

— Что такое?

— Что-то у меня сильно голова закружилась.

— Может, тебе присесть?

— Нет, все нормально. — Она сделала несколько шагов к выходу и остановилась. Ее шатало из стороны в сторону.

— Давай я тебя довезу, — предложил я.

— Не говори ерунды, я в полном порядке. Просто очень резко поднялась с дивана, только и всего. — И она потянулась к дверной ручке, промахнувшись на несколько дюймов.

Я уже стоял у нее за спиной.

— Слушай, у меня все равно через полчаса встреча. — Это была очередная ложь, потому что никакой встречи у меня не намечалось. — Давай ты подвезешь меня до своего дома. Я хоть тебя проконтролирую...

Она не соглашалась, но и не возражала, когда я открывал дверь и провожал ее к темно-зеленому «бьюику». И если уж придерживаться мельчайших подробностей, она скинула с локтя мою ладонь и не позволила мне открыть ей дверцу машины.

— Что это ты делаешь?

— Хочу тебе помочь.

— Тогда не мельтеши!

Всю дорогу до ее дома мы ехали в тишине, нарушаемой ее все более неровным дыханием. Я пристально следил за тетей и за дорогой, боясь, как бы она кого не сшибла — мне еще и поэтому захотелось ее проводить. Погибнуть должна она, а не невинные люди.

Но это было тогда. Сейчас — другое дело.

К тому моменту, когда она подъехала к своему маленькому деревянному домику с ярко-красной дверью и облупившейся краской, она окончательно раскисла и с благодарностью приняла приглашение проводить ее в дом. Даже разрешила донести ее туфли.

— Прямо не знаю, что это со мной такое, — бубнила она. И добавляла, уже в упрек мне: — Наверное, тоник был какой-то не такой.

Входная дверь сразу же вела в гостиную, обставленную ультрамодной дрянью с острыми углами и немислимой конфигурации. Главным образом красного цвета. Она любила все красное.

— Тебе лучше ненадолго прилечь, — сказал я, когда мы проходили через крошечную столовую к крутой лестнице возле кухни. Наверху располагались две маленькие спальни и ванная комната, и я знал, что если не там, то уж в кухне я наверняка найду все необходимое.

— Минуточку, — говорю я, когда мы доходим до верхней площадки.

— Что? — И в интонации, и в брошенном на меня взгляде читался одинаковый упрек.

— То самое, — просто ответил я и изо всех сил толкнул ее.

Все произошло слишком быстро, я даже почти ничего не успел рассмотреть. Поэтому мне пришлось натренироваться, чтобы замедлить падение. Я нажимаю у себя в голове кнопку замедленного просмотра и наслаждаюсь тем, как она отлетает назад, задрав ноги и раскинув руки, как крылья, как плюхается спиной на тонкую красную дорожку, доходящую до середины жесткой деревянной лестницы, и как ее туловище отскакивает от стены и ступенек, пока она не приземляется на пол, запрокинув над головой руки и некрасиво раскинув ноги, так что из-под голубого льняного сарафана показались белые трусики.

Когда я спустился к ней, она стонала находясь в полубессознательном состоянии. Из

левого ее уха сочилась кровь, а глаза бешено вращались в орбитах. Я понимал, что действовать надо быстро, потому что в любой момент она могла очухаться, поэтому торопливо снял с ее ног бежевые сандалии и надел ей на одну ступню ее черную туфлю на шпильке.

— Не следует носить такие высокие каблуки, — язвительно заметил я. — Ты разве не знала, что это — верная смерть?

Другую туфлю я швырнул об стену. Оставив царапину на белой краске, она отскочила, запрыгала по лестнице и приземлилась на пятой ступеньке от пола. После этого я помчался наверх и поставил ее сандалии в шкаф. И здесь нашел именно то, что мне было нужно, — большой полиэтиленовый пакет. Пакет, где лежала пара черных шелковых брюк, которые она недавно забрала из химчистки и, видимо, собиралась надеть на свидание. Сорвав пакет с вешалки и убедившись, что он не порвался и нигде не валяются кусочки полиэтилена, я вместе с ним вернулся к тете. Она лежала с закрытыми глазами, когда я поднял ей голову и начал осторожно просовывать ее в пакет.

И вдруг она широко распахнула глаза.

— Что ты?.. — лопотала она, но уже в следующую секунду пакет закрыл ей нос и рот. Она уже ослабела и была фактически при смерти. Думаю, она все равно бы умерла и без пакета, но нельзя было оставлять ей шанса выжить до приезда кавалера. А вдруг он успел бы отвезти ее в больницу и тем самым спас бы ей жизнь. И разрушил бы мою.

Поэтому я крепко держал ее за голову, чувствуя, как она дергалась, и глядя, как медленно сдавались ее легкие и с каждым мучительном вдохом все больше округлялись глаза. Во всяком случае, мне очень хочется надеяться, что она испытывала мучения. Фактически остановив ее сердце, я все же выждал еще пять минут, и только потом осторожно снял пакет и собственноручно закрыл ей глаза. Я знал, что все решат, будто она споткнулась на лестнице на своих нелепых шпильках и погибла в результате падения. Все ведь знали, что она любила пропустить днем рюмочку-другую, поэтому никто не стал бы копаться в причинах падения.

Все тайное стало явным — так, кажется, говорят?

Да, копаться никто и не стал. Смерть быстренько классифицировали как несчастный случай, а шериф, из уважения к моей семье, решил не производить вскрытия. Какой смысл ее резать? Всем и так ясно, что произошло. Зачем еще больше всех растравлять? Таковы радости жизни в мелких городишках. И радости смерти.

Мы похоронили ее рядом с дядей. Все горевали, включая, разумеется, и меня. По-моему, мне даже удалось выдавить из себя несколько скупых слезинок.

Вот так. Один-ноль. А теперь я нажимаю на ускоренную перемотку и возвращаюсь в настоящее, к еще двум убитым мною девушкам. Три-ноль.

По-моему, мне уже лучше.

Меган чувствовала тошноту. Не потому, что съела что-то несвежее (ничего такого она не ела); не потому, что у нее совершенно не было аппетита и она всерьез подумывала о том, чтобы вообще больше никогда не есть; не потому, что напилась (ей не нравился вкус спиртного, и она никогда не испытывала ни малейшей потребности напиться); и даже не потому, что перекурила (она и сделала-то всего несколько затяжек, к тому же все знают, что марихуана не вызывает расстройства желудка). Нет, ей было дурно потому, что на вчерашнем поминальном вечере в парке она выставила себя полной дурой на глазах у всей школы, когда Грег бросил ее — опять же на глазах у всех, — а она даже не поняла, что такого она сказала и сделала. Только что они мило говорили о его матери, как вдруг он уходит — и все. И потом весь вечер к ней не подходит, по крайней мере в течение всего следующего часа, потому что потом у нее сдали нервы и она ушла домой, ничего никому не сказав, даже Тиму, от которого обещала не отходить ни на шаг, — незаметно выбралась из парка и пошла домой. Одна, ночью, по темноте, когда вокруг бродит убийца, как без устали разглагольствовала потом мать, подъехавшая к дому на такси в тот самый момент, когда из-за угла показался Тим. И теперь Меган на целый месяц заперли дома. Разрешили ходить только в школу и на репетиции (мать настояла, якобы пожалев бедного мистера Липсмана, который не должен не по своей вине лишиться исполнительницы главной роли, а на самом деле, как подозревала Меган, потому, что ей совсем не хотелось на них ходить). А теперь еще у нее конфисковали сотовый телефон и отключили компьютер. Нет худа без добра, думала Меган, зная, что, скорее всего, уже в эту самую секунду про нее сплетничают в чатах по всей Америке. Именно от этой мысли Меган больше всего и тошнило. И еще оттого, что скажет мать, если узнает про Грегга Уотта.

Хотя уж чья бы корова мычала, решила про себя Меган. Вид у матери был весьма потрепанный, когда за несколько минут до полуночи она подъехала к дому. Меган смотрела, как Сэнди медленно выбирается из такси и идет, пошатываясь, к входной двери, будто боясь наступить на битое стекло. Не успела она подумать, куда подевалась Рита, как тут, к ее ужасу, из-за угла показался Тим.

— Мама? — позвал он. — А Меган дома?

— Что? Что значит «дома»? А разве она не с тобой? — затем хлопнула входная дверь, и началось такое! Досталось всем. — Что значит не знаешь? Что значит не нашел? Ты ее искал? Ты хорошо ее искал? Да как ты мог?!

А она-то какая дура. Надо же было быть такой дурой — решить, что мать так обрадуется тому, что она жива и здорова и не попала в лапы кровожадного маньяка, что будет готова простить ей все.

Ничего она не простила. После того как прошел первый приступ эйфории, после того как Сэнди осыпала щеки Меган безумными поцелуями и с хозяйским видом ощупала ее дрожащими руками, она вдруг помрачнела и обозлилась: «Что значит ушла, ничего не сказав брату? Вы должны были все время находиться вместе. Почему ты ушла? Где ты была? С кем? Что значит, ушла домой одна? Ты что, ничего не слышала про убийцу? Просто поверить не могу в такую дурость. Ты чего-то недоговариваешь? — И, не дожидаясь никаких объяснений: — Все! Теперь ты сидишь дома».

Меган, разумеется, пыталась разжалобить мать, но совершенно бесполезно. Хоть Сэнди

и была слегка не в себе — даже целая пригоршня «алтойдса» не смогла заглушить запах перегара — все же она не настолько утратила чувствительность, чтобы не увидеть, что дочь что-то скрывает. Поэтому ее нельзя было ни смягчить, ни подластиться к ней, ни сбить ее с толку. И Меган, в конце концов, в слезах убежала к себе.

Когда через пятнадцать минут Сэнди к ней постучалась, Меган решила, что она смягчилась и пришла извиниться. Но мать выдернула из сети компьютер, отключила телефон и вынула из сумочки мобильный, а вместо извинения сказала: «Я в тебе очень, очень разочарована, Меган». Похоже, она ждала объяснений ее поступку.

«Но как, как я ей объясню?» — думала Меган, представляя себя в на удивление нежных объятиях Грега, чувствуя его руки в своих волосах и его дразнящий язык у себя во рту. Она до сих пор чувствовала вкус пива и табака на его губах, слышала боль в его словах, когда он говорил о матери. Они стали вдруг так близки. Может, в этом все дело? Может, она непрошено влезла к нему в душу?

— Какая же я идиотка, — простонала она, рухнув на кровать и разглядывая медленно вращающийся под потолком вентилятор.

— Давай, мой родной. Повеселись как следует. И будь осторожен, — услышала она голос матери, провожавшей Тима. Дверь открылась и снова закрылась.

Надо выйти и извиниться, решила Меган. Может, тогда мать сжалится над ней и по крайней мере вернет ей хоть сотовый телефон. Сэнди обязательно ее о чем-нибудь спросит, что ее совершенно не касается, и Меган польстит ей ложным раскаянием: «Да, мама, ты была права. Я не должна была ходить на эти поминки. Я даже не представляла, как это будет грустно. Конечно, я должна была предупредить Тима, но он в этот момент разговаривал с одноклассниками, а я ведь знаю, как ты беспокоишься из-за того, что у него нет друзей, вот и решила не отвлекать их... Ну, ты же знаешь, что он бы сразу смутился и пошел провожать меня до дома, хотя ему этого совершенно и не хотелось. Да, теперь я понимаю, что повела себя глупо, и, поверь, мне очень жаль. Я обещаю, что впредь буду умнее. Ты простишь меня? Да, кстати, а чем ты сама занималась вчера вечером? Почему приехала домой на такси, почему от тебя пахло спиртным и куда подевалась Рита? Ответь мне на это прежде, чем попытаешься выпытать из меня что-нибудь еще».

Ну, может, не совсем такими словами, подумала Меган, когда зазвонил телефон. Потом раздался еще один звонок, и Сэнди взяла трубку. Меган стояла не дыша, слушая, что скажет мать.

— Привет, Рита, — говорила мать. Судя по голосу, она была не очень рада звонку своей подруги. — Я тут весь день собиралась тебе позвонить... Да, все нормально. Прости, что заставила тебя волноваться.

Значит, мать заставила Риту волноваться? И каким же образом?

— Я бы позвонила тебе еще вчера вечером, когда приехала домой, просто было уже поздно и... Нет, все прошло не совсем так, как я рассчитывала. — Сэнди замолчала. Меган буквально почувствовала, как она оглядывается украдкой через плечо, чтобы убедиться, что ее никто не подслушивает. — Оказалось, что он вовсе не мой знакомый, — продолжала мать, понизив голос и усилив тем самым любопытство Меган. Меган на цыпочках прокралась в коридор. — Да, я помню, что говорила я и что говорил он, но потом выяснилось, что никакой он не сосед. Я вообще его никогда до этого не видела.

Кого она не видела? О ком это ее мать говорит?

— Да, знаю, это было безрассудно. Поверь, я знаю. Я всю ночь себя изводила.

Что такого натворила ее мать?

— Знаю, знаю.

Что она знает?

— Лучше тебе не знать, — сказала мать своей подруге.

Нет уж, мы хотим знать, возразила про себя Меган. Очень даже хотим.

— Сначала мы немного покатались, — сдалась, наконец, Сэнди. — Я не говорила, что он приехал на «порше»?

Ее мать каталась с каким-то неизвестным владельцем «порше»? Вот так-так!

— Да, я понимаю, что это ничего не значит, но что мне еще сказать? Значит, я недалекий человек, которому можно запросто пустить пыль в глаза...

«Я тоже», — решила Меган, подкрадываясь еще ближе и пытаюсь представить себе Сэнди в ее красно-белом платье на пассажирском сиденье «порше».

— Потом он сказал, что хочет есть, и я так поняла, что мы сейчас заедем в ресторан, но он сказал, что у него в номере есть курица... Я знаю, что это старая песня, просто я ее слишком давно не слышала. К тому же он был очень любезен и произвел на меня впечатление абсолютно порядочного человека. Ну я и подумала, что... ну, я не знаю... что если не решусь подняться к нему в номер, то, значит, у меня точно с головой не все в порядке.

Меган глубоко вздохнула. Только сейчас до нее начал доходить смысл слов ее матери.

— Да, пошла, — продолжала Сэнди. — Никакой курицы, конечно, не оказалось. Я ее, во всяком случае, не увидела. Нет-нет, ничего такого не было. То есть он попытался, я отказала, он разозлился и немного задел меня, точнее, даже оскорбил. Кажется, слово «жалкая» было одним из самых мягких эпитетов...

Меган охнула, тут же прижав руки ко рту. Какой ужас, думала она. Мать едва ли можно назвать «жалкой».

— Он вышвырнул меня из своего номера, а потом меня стошнило в вестибюле... Да, пожалуй, действительно справедливое возмездие, но в тот момент я так не думала. Это было просто ужасно. Я вызвала такси... Разумеется, я не стала бы тебе звонить. После того, как я тебя бросила? Ни в коем случае. Может, я недалекая и глупая, но не совсем уж бестактная. И потом, я представления не имела, где нахожусь. Кстати, чем закончился вечер?

Так, давайте-ка все по порядку, думала про себя Меган. Значит, ее мать бросила свою лучшую подругу и укатила в «порше» с незнакомым мужчиной, потом рисковала жизнью из-за куриной ножки, потом ее вырвало в вестибюле в каких-то номерах, а потом она уехала на такси с еще одним незнакомым мужчиной? Ее мать?! Та самая, которая отчитывала ее за то, что она одна ушла домой из парка, когда в округе объявился убийца? Та самая, которая забрала у нее телефон с компьютером и на целый месяц посадила под замок? Это правда ее мать? Ну и ну!

— Я очень рада, что все хорошо прошло. Боб очень сильно расстроился, когда я не вернулась? Он симпатичный...

Боб? Какой еще Боб? Там был еще какой-то Боб?

— Надо, наверно, позвонить ему и извиниться. У тебя есть его телефон?.. Прекрасно... Нет, больше никаких двойных свиданий. До свиданий, как видно, я еще не доросла. Меня, наверное, вообще нельзя выпускать из дома.

«Но тем не менее заперла она меня, а не себя», — подумала Меган.

— Да-да. Давай потом созвонимся. Извини еще раз за вчерашнее. — Сэнди повесила

трубку. — Меган, — позвала она. — Мне кажется, здесь тебе будет гораздо удобнее.

Меган закатила глаза, возмущенная и восхищенная одновременно.

— И как давно ты догадалась, что я стою здесь? — спросила она, заходя в гостиную и плюхаясь на диван.

— Не так давно. И много ты слышала?

— Да практически все.

Сэнди кивнула. На ней были джинсы и розовая футболка с красными контурами большого сердца на груди. Свежевымытые волосы падали на плечи свободными мокрыми кудряшками.

— Значит, теперь я окончательно унижена.

— Он правда назвал тебя жалкой?

— Помимо всего прочего.

— По-моему, он просто сволочь.

— Так оно и есть.

— Он красивый?

— Очень.

— Как папа?

Мать откинулась в кресле.

— У него другой тип красоты, — ответила она, немного помолчав. — К тому же он моложе.

— Надо же, — проговорила Меган, не зная даже, злиться ей или восхищаться. — Что ж, значит, винить тебя не в чем.

— Это сарказм?

— А ты как думаешь?

— Я сейчас не настроена на сарказм.

— По-моему, нечестно наказывать меня, когда ты сама натворила еще и не таких дел.

— Вот как, нечестно?

— Да, нечестно.

Сэнди поднялась с кресла:

— Снова-здорово. Так, я пить хочу. Тебе принести что-нибудь? — И она пошла на кухню. Меган помчалась за ней вслед.

— Что?!

Но Сэнди уже склонилась над холодильником.

— Так, что тут у нас? Кола, имбирный эль и апельсиновый сок.

— Что значит «снова-здорово?»

— Разве это нуждается в объяснении?

— Ты хочешь сказать, что я по-прежнему наказана?

— Угу.

— «Угу»? С каких это пор ты стала говорить «угу»?

— Прости, дорогая, — извинилась Сэнди, наливая себе соку. — Но мне казалось, что я выразилась достаточно ясно. Тебе было велено не отходить от брата. И ты поступила очень глупо и эгоистично, уйдя домой в одиночку, учитывая все обстоятельства.

— Не настолько глупо, чтобы сесть в машину к незнакомому мужчине, а потом подняться к нему в номер, — отпарировала Меган.

— Совершенно верно.

— Тогда почему я должна расплачиваться?

— Расплачиваешься не только ты.

— Но наказана-то я!

— Да...

— «Снова-здорово?» — повторила Меган. — Какая же ты лицемерка.

— Нет, — мягко возразила Сэнди, отказываясь поднять перчатку. — Я — твоя мать, я гораздо старше тебя, и я люблю тебя больше всего на свете. Поэтому правила устанавливаю я, кажется тебе это честным или нет. — И она вернулась в гостиную, потягивая сок. Меган шла за ней по пятам.

— А что, если мне переехать жить к папе?

«Неужели она и вправду так сделает?» В усталых глазах матери промелькнуло страдание.

— Тогда я очень надеюсь, что ты как следует обдумаешь свое решение.

— Он бы не стал держать меня под замком.

— Может быть.

— И он не такой лицемер, как ты.

Мать промолчала, но на сей раз страдание отразилось в опустившихся уголках губ. Она села в ближайшее кресло.

— Интересно, что скажет папа, если я расскажу ему про твои вчерашние похождения?

— Представляю, как он будет хохотать.

— Он бы тоже назвал тебя жалкой, — многозначительно сказала Меган. — И Кэрри. — Она расправила плечи и вздернула подбородок. — Я и сама так считаю.

Стакан задрожал в руке матери, и она поставила его на пол.

— Неудивительно, что он тебя бросил, — прибавила Меган, взбешенная тем, что та не поддается на провокацию.

— Так, Меган, по-моему, ты уже достаточно много сказала.

— Я так не думаю.

Мать кивнула, прямо посмотрев Меган в глаза:

— Тогда самое время наносить последний удар. Давай!

Глаза Меган мгновенно наполнились слезами.

— Черт! Неужели по-другому не бывает? — всхлипнула она. — Неужели всегда будет так плохо? Хочется, чтобы было лучше и проще... Неужели все мужчины такие сволочи? — Она уронила лицо в ладони и зарыдала злыми слезами.

Сэнди тут же поднялась с кресла и притянула ее к себе. Меган зарылась матери в плечо, вдыхая свежий запах лаванды, исходивший от еще влажных волос.

— Иногда что-то меняется и к лучшему, — сказала Сэнди, целуя ее в лоб. — И далеко не все мужчины сволочи.

— Отец — сволочь!

— Нет.

— Да! Почему ты его защищаешь?

— Ладно, хорошо, он сволочь.

Меган рассмеялась сквозь слезы.

— Но он не всегда был сволочью, — уточнила мать, подвела Меган к дивану и села рядом, поглаживая ее по волосам.

— А папа был твоим первым мужчиной? — неожиданно спросила Меган.

Рука матери замерла в воздухе.

— О господи! Кажется, я не готова к этому разговору.

— Первым?

Сэнди откинулась на спинку дивана:

— Поцелуи, я так полагаю, не в счет?

— Мама, — четко и отдельно произнесла Меган.

— Да, он был моим первым мужчиной.

— И, получается, единственным?

— Боже мой, я действительно жалкое существо.

— Нет, неправда! Джессика Симпсон тоже вышла замуж девственницей.

— Кто это?

— Джессика Симпсон, певица. «Дейзи Дьюк», «Молодожены»? Она вышла замуж за

Ника Лаше и до первой брачной ночи была девственницей.

— А, понятно.

— Они, правда, расстались с Ником, но все равно...

— Меган, ты занимаешься сексом?

— Что?

— Ты поэтому и ушла из парка раньше, чтобы побыть с каким-то парнем?

— Нет. Ты что, шутишь? Нет, конечно.

Плечи матери расслабились.

— Слава богу. Нет, я, конечно, понимаю, что когда-нибудь ты будешь заниматься сексом. Секс — это прекрасно, особенно когда люди любят друг друга. Но ты еще слишком молода, у тебя еще много времени впереди.

Меган закатила глаза:

— Я не готова к этому разговору, — повторила Меган.

Сэнди рассмеялась, и Меган подумала, что ее мать очень красивая, когда смеется.

— Прости меня, — сказала Меган. — За все гадости, которые я тебе наговорила. Просто я очень разозлилась.

— Знаю.

— Я люблю тебя.

— Я тоже тебя люблю.

— Можно мне забрать свой сотовый?

— Ни в коем случае.

— Врешь.

— Дай мне тебя подразнить, — ответила мать, и в этот момент позвонили в дверь. —

Ты кого-то ждешь?

Меган встала, отрицательно покачав головой.

— Я открою. — Она подошла к двери и посмотрела в глазок. — Глазам своим не верю, — сказала она, открывая дверь. Как странно, что во Флориде двери открываются не внутрь, а наружу. Так ведь можно и по лбу человеку заехать. Отец говорил, что это из-за ураганов, и объяснение звучало довольно разумно, но она его уже не помнила.

— Кто там? — крикнула Сэнди.

— Привет, Меган, — сказала Далила Фрэнклин, входя в маленькую прихожую. — Здравствуйте, миссис Кросби. Извините, что побеспокоила вас.

Сэнди выбралась из кресла.

— Далила, — поздоровалась она, озабоченно нахмутив лоб. — Что-нибудь случилось?

Меган поняла, что мать подумала про Яна — вдруг у него сердечный приступ или его сбила машина?

— Что-то с моим отцом? — спросила вместо нее Меган.

— Да нет, насколько мне известно.

Сэнди облегченно вздохнула:

— Что мы можем для тебя сделать?

— Я просто хотела узнать, не видели ли вы сегодня мистера или миссис Гамильтон?

Меган с Сэнди одновременно кинули взгляд в сторону соседского дома.

— Нет, — ответили они в один голос. — А что?

— Просто я должна была нянч... прийти к миссис Гамильтон, чтобы на несколько часов составить ей компанию, но я звонила минут десять, и никто мне не открыл.

Сэнди пожала плечами:

— Может, они куда-нибудь вышли?

— Наверное. — Далила переминалась с ноги на ногу, видимо, надеясь, что ее пригласят войти и дожидаться, когда они вернуться.

«Только бы она не пригласила ее подождать», — молила про себя Меган.

— Я тогда попозже загляну.

— Может, тебе позвонить им? — предложила Сэнди.

— Да. Знаете, это очень странно. — Далила уже повернулась, чтобы уходить, и остановилась в тот самый момент, когда Меган собиралась закрыть дверь. — Вообще-то я не должна была туда больше ходить. Там очень страшно, но мне просто жалко бедную миссис Гамильтон. Вам с ней доводилось когда-нибудь общаться?

— Ни разу.

Далила слегка замешкалась.

— Ну, что ж... Увидимся в школе.

— Увидимся в школе, — повторила Сэнди, и Меган закрыла дверь.

— Я могу ему сказать, по какому вопросу вы пришли? — спросила девушка.

Джон Вебер навалился всем своим могучим весом на высокую стойку регистрации, внимательно осматривая ряд закрытых дверей, расположенных в хорошо освещенном внутреннем помещении.

— Просто скажи ему, что шериф хотел бы отнять несколько минут его времени. Да, Бекки, — обратился он к девушке, которую знал еще с двухлетнего возраста и чье пухлое веснушчатое лицо за прошедшие двадцать лет едва изменилось, — скажи ему, что я не имею возможности дожидаться приема весь день. — Он обернулся и посмотрел на переполненную приемную. Был понедельник, половина девятого утра, а здесь уже толпилось с полдюжины пациентов.

— Доктор Кросби, — прошептала Бекки во внутреннюю связь. — Вас хочет видеть шериф Вебер... Я не знаю, он не говорит. — И она с робкой улыбкой посмотрела на шерифа. — Доктор Кросби просит вас присесть, он выйдет к вам, как только закончит с пациентом.

— Спасибо. — Джон посмотрел на единственное пустое сиденье у серой стены, между пожилой женщиной, которая была явно не в себе и сидела раскачиваясь взад-вперед, и мужчиной, который сморкался, не переставая, с самого того момента, как Джон вошел в дверь. Если поднапрячься, то, может быть, он и вспомнит этих людей по именам, но вряд ли их знакомство идет дальше шапочного. То же самое касается и тех трех немолодых женщин и мужчины с несчастными напряженными лицами, которые зарылись в глянцево-журналы. А ведь было время, и не такое давнее, когда Джон знал буквально всех в городе. Теперь все кажется ему на одно лицо. Джон вдруг понял, что не ощущает ни с кем из них ни малейшей связи. Интересно, в чем истинная причина этого разобщения — время? Или просто это лишний раз доказывает то, что с возрастом он стал слишком самодовольным и безразличным, а потому не может как следует выполнять свою работу? Он подошел к окну, выходящему на улицу, стараясь отогнать от себя укоризненное лицо мэра, будто отразившееся в тонированном стекле.

Приемная Яна Кросби располагалась на третьем этаже относительно нового трехэтажного здания на Чарч-стрит,^[40] названной так из-за находившихся там нескольких церквей.

Джон попытался припомнить, когда он последний раз был в церкви, если не считать свадеб и похорон. Панихиду по Лиане Мартин отслужили здесь, буквально за углом. Пришло столько народу, что часть толпы высыпала на улицу. Он занял место справа от входа, чтобы иметь возможность наблюдать за теми, кто приходил отдать ей свой последний долг. Или позлорадствовать. Ничего особенного он так и не увидел. Если среди скорбящих и находился убийца Лианы, то он ничем себя не выдал. И вообще, если кто и пробудил в тот день сильнейший интерес Джона, так это люди, которых здесь не было. К примеру, Ян Кросби.

— Шериф Вебер? — обратилась к нему миниатюрная блондинка с соседнего места. Она оттолкнулась от жемчужно-серой стены и поглядела на него своим распухшим красным глазом.

— Миссис Маршалл, — поздоровался он, мысленно похлопав себя по плечу за то, что вспомнил, как ее зовут.

— Вы здоровы, шериф?

— Вполне, благодарю вас.

— Очень хорошо, а то не хотелось бы, чтобы наш шериф заболел.

— Благодарю, мадам.

— Тем более теперь.

— Понимаю.

— Мы рассчитываем на вас, шериф.

Эти слова не нуждались в объяснении: Джон прекрасно понял, на что она рассчитывает: что он отыщет убийцу Лианы Мартин и город вернется к спокойному существованию.

— Я делаю все возможное.

— Не сомневаюсь в этом.

— Есть какие-нибудь зацепки? — Женщина, сидевшая рядом с миссис Маршалл, наклонилась вперед на своем васильковом кресле, заправляя за ухо прядь волос мышинного цвета.

Как Джон ни пытался, но так и не смог вспомнить ее имени.

— Расследование продолжается, — ответил он сухо, что, по сути, можно было перевести как: «Нет, никаких», и оба это прекрасно понимали.

Непрестанно сморкающийся мужчина неожиданно чихнул, и все едва ли не хором пожелали ему здоровья.

— Вообще-то если у человека простуда, то ему нельзя говорить «Будь здоров», — заявил он, снова высморкавшись.

— Почему это? — спросила миссис Маршалл удивленно.

— Мать мне так говорила.

— Первый раз слышу, — заявила миссис Маршалл и снова уткнулась в последний номер журнала «Стайл».

Джон знал, что это последний номер, потому что у жены валялся дома точно такой же: Полин всегда первой появлялась у газетного киоска, когда появлялись новые журналы. Считала своей обязанностью быть в курсе последних модных тенденций, а также читать про Анджелину с Брэдом, Дженнифер с Пэрис и про всех этих знаменитых спичек, Николь, Линдсей и как там их еще? Может, по стране бродит какой-нибудь непонятный вирус, поразивший всю нацию и его в том числе? *Знаменитотит*. И он прокашлялся, чтобы не рассмеяться вслух. Интересно, поможет ли ему в этом добрый доктор?

— Благодарю вас, доктор Кросби. Пока, Бекки, — прощebetал из открывшейся двери знакомый голос, и из кабинета выпорхнула Таня Мак-Гаверн.

— Шериф Вебер. — Она улыбнулась. — Что вы здесь делаете? Вы не заболели?

— Нет, Таня, спасибо. А ты?

— Я плохо сплю в последнее время.

— Что ж, это вполне понятно.

— Мать решила, что мне необходимо попить снотворное, вот доктор Кросби и выписал мне рецепт.

— Мы будем нормально спать, только когда поймают этого маньяка, — высказалась миссис Маршалл.

— Есть какие-нибудь зацепки? — спросила Таня.

— Расследование продолжается, — ответила соседка миссис Маршалл, прежде чем Джон успел раскрыть рот.

— Ну, я в школу, — уже по пути к выходу сказала Таня.

— Будь осторожнее. — Шериф снова подошел к окну, глядя, как Таня выходит из здания и залезает в поджидавший ее фургон. «А кто за рулем? Уж не Грег ли Уотт?» — подумал он, прижавшись лбом к холодному стеклу. Но машина завернула за угол прежде, чем он успел разобрать лицо водителя.

— Джон? — произнес у него за спиной мужской голос. Не «шериф Вебер», как следовало бы обратиться, учитывая их отношения, а точнее, отсутствие таковых, а подчеркнутое «Джон».

— Ян. — Шериф обернулся, улыбнувшись при виде невольной гримасы, на один момент исказившей красивое лицо доброго доктора. Под запахнутым белым халатом на Яне Кросби была рубашка в синюю и черную клетку и тщательно отутюженные черные брюки, подчеркивающие его узкие стройные бедра.

— Что-то случилось? — спросил доктор. — Вам плохо?

Не «заболели», а «вам плохо», заметил про себя Джон.

— Нет-нет. Мне не плохо, дело не в том. Боюсь, мне придется задать вам несколько вопросов.

Врач был явно раздосадован.

— А это не может подождать? Вы же видите, сколько у меня больных.

— Боюсь, не может. Я и без того уже несколько раз пытался с вами связаться.

— Да, извините, но...

— ...вы были очень заняты. Я все понимаю, это не займет много времени.

Ян Кросби со вздохом вскинул руки, будто сдаваясь: «Ну, что, мол, с вами поделаешь?»

— Прошу прощения, мы всего на несколько минут, — извинился он перед пациентами, провожая Джона в свою святая святых.

— Прекрасно выглядишь, Бекки, — бросил Джон регистраторше, проходя вслед за доктором по узкому коридору мимо двух комнат, в которых уже дожидались пациенты, в третью, в самом конце помещения. Ян Кросби сразу же уселся в большое коричневое кожаное кресло за излишне опрятным дубовым столом и кивнул Джону на стоявшее перед столом кресло поменьше. Ну уж нет, подумал Джон, и не стал садиться. Он еще в начале своей карьеры понял, что, если смотреть на своего оппонента сверху вниз, тот испытывает от этого сильнейший психологический дискомфорт.

— Чем могу вам помочь, шериф? — Ян выхватил из деревянного стакана красную шариковую ручку и стал нервно постукивать ею о краешек стола.

Ага, теперь, значит, шериф!

— Я хочу знать, чем вы занимались в день исчезновения Лианы Мартин.

Ручка выпала из руки Яна на стол, прокатилась между фотографиями его детей в рамках и упала на серое ковровое покрытие.

— Прошу прощения?

— В понедельник...

— Я знаю, какой был день.

— Тогда вы, может быть, скажете мне, чем в этот день занимались?

— Это что, шутка? Меня уже допрашивали по этому поводу.

— Нет, доктор Кросби. Уверяю вас, это не шутка. — Джон смотрел, как постепенно бледнеет загорелое лицо Яна, и изо всех сил сдерживал улыбку. Он не должен показаться непрофессионалом и выдать свою радость при виде столь очевидного смущения доброго

доктора.

— Я... Я был здесь. Я же уже говорил это вашему помощнику.

— Да, насколько я помню, это был помощник Трент, и он разговаривал с вами на прошлой неделе, — сказал Джон, вынимая из кармана рубашки маленький блокнот и пробежав глазами записи. — Вы сказали ему, что днем ваша приемная была закрыта.

Ян разнервничался еще сильнее.

— Она и была закрыта. Мне нужно было проверить кое-какие бумаги. И вообще, на что вы намекаете?

— Так много бумаг, что вы даже отменили визиты пациентов?

— У меня не было записей на тот день.

— Неужели? — Джон перевернул несколько страничек. — По словам вашей регистраторши, с которой пару дней назад разговаривал другой мой помощник, вы попросили ее отменить на тот день все назначенные приемы, сказав, что у вас семейный кризис. — После того, как Джон столкнулся с Яном у Кэрри, он отрядил одного офицера допросить Бекки.

— Ну, это был не совсем кризис. Просто моя жена расстроилась из-за сына...

— Ваша жена? Сэнди Кросби?

— Да, мы расстались, но...

— А она вот не помнит, чтобы была чем-то расстроена. — С Сэнди он вообще-то не разговаривал, но чувствовал, что в данном случае интуиция его не подводит.

— Да потому что она вечно чем-нибудь расстроена. Послушайте, шериф, я не понимаю, куда вы клоните. У меня уже такое чувство, что вы меня подозреваете.

— О-о-о! Сбавьте-ка газу, Ян. Разве кто-то сказал, что вас подозревают?

— Тогда зачем этот допрос с пристрастием?

— Я просто выполняю свою работу. То есть пытаюсь взглянуть на это дело со своей точки зрения. — Джон мельком оглядел уставленный справочниками кабинет. — Судя по всему, дела у вас идут неплохо. Однако в тот день вы отменили все приемы и отправили регистраторшу домой. Почему?

— Я же сказал, что мне нужно было проверить кое-какие бумаги.

Джон улыбнулся.

— Может, подумаете еще раз? — медленно проговорил он.

Наступило молчание, во время которого один покачивал головой, а другой в конце концов обреченно кивнул.

— Ладно, хорошо. Вы ведь тоже мужчина и должны понимать такие вещи.

— Какие вещи?

Снова молчание. Потом Ян Кросби слегка скривил губы.

— Я был здесь не один...

«Нельзя сказать, чтобы я этого не ожидал», — подумал Джон.

— С Кэрри Фрэнклин?

Снова молчание. Потом доктор закатил глаза:

— Нет.

А вот этого уж никак нельзя было ожидать. Джон покачал головой, не зная даже, негодовать ему или восхищаться. Он пришел сюда в надежде его на чем-нибудь словить, хотя и не надеялся, что у него это получится.

— С Лианой Мартин? — спросил он, в страхе дожидаясь ответа доктора.

— С Лианой Мартин? Нет! Господи, нет, конечно! Я вас умоляю, она же была ребенком!

— Ей было восемнадцать лет, — напомнил Джон.

— Я даже не был знаком с Лианой Мартин.

— Тогда с кем? — Джон протянул руку и вытащил из стакана еще одну ручку. — Мне нужно имя.

— Послушайте, ситуация щепетильная...

— И станет еще щепетильнее, если вы не назовете мне имя. У меня уже есть свидетель, который видел вас на улице, где живет Лиана Мартин, примерно в то время, когда она исчезла.

— Что? Что за бред!

— Думаете, бред?

— Да я даже не знаю, где она жила, черт побери, и вообще я не мог там находиться.

— Если вы не знаете, где она жила, то откуда вам знать, что вы не могли там находиться?

— Да потому что я был здесь. — Доктор Кросби понял, что он уже сорвался на крик, и тут же понизил голос: — Я был здесь.

— С кем вы были, Ян? С пациенткой?

— С пациенткой? Нет, разумеется, нет. Вы что, думаете, что я совсем идиот — трахаться с пациентками, чтобы потерять лицензию?

Теперь уже настала очередь Джона поморщиться. Он терпеть не мог излишней грубости, хотя и понимал, что сам грубит не меньше остальных.

— Тогда с кем?

— Вы ее не знаете.

— Мне нужно ее имя, чтобы проверить вашу историю.

Ян Кросби снова помолчал, прижав пальцы правой руки к виску, будто у него разыгралась чудовищная мигрень.

Может, действительно голова разболелась, думал Джон, решив, наконец, сесть и устроиться поудобнее. Он откинулся на спинку кресла, вытянув в проход свои длинные ноги.

— Имя?

— Марси. Марси Гренн. Послушайте, вы что...

Джон быстро записал незнакомое имя.

— Адрес?

— Она живет в Боке. И она замужем, — робко признался Ян. — У меня есть только электронный адрес.

«Еще лучше», — подумал Джон.

— Так вы говорите, что познакомились с ней в Интернете?

— Мне не нравится ваш тон, шериф!

— Простите, я и не думал, что говорю каким-то не таким тоном.

— Моя личная жизнь вас не касается.

— Я расследую убийство, доктор Кросби.

— К которому я не имею абсолютно никакого отношения, что бы там ни говорили, будто видели меня на улице Лианы Мартин в день ее исчезновения.

Джон сделал вид, будто что-то записал в блокноте. На самом деле никто не говорил ему, что видел в тот день доброго доктора на улице Лианы Мартин. Он просто решил

спровоцировать Яна на откровенность, посмотреть, а вдруг это что-нибудь даст? И кто бы мог подумать? Это навело его на замужнюю женщину по имени Марси Гренн. «Порой у меня все-таки очень интересная работа», — подумал он, ощутив внезапный прилив энергии.

— Мне нужен этот адрес.

Ян Кросби моментально нацарапал на какой-то бумажке адрес и передал его через стол.

— Надеюсь, вы не станете об этом распространяться.

— По-моему, это не имеет ничего общего с врачебной тайной, — ответил Джон, засовывая листок вместе с блокнотом в карман и возвращая на место авторучку.

— Послушайте, я просто прошу вас не болтать, — сказал Ян. — Другим вовсе не обязательно об этом знать, вы не согласны?

— Приятно было побеседовать с вами, Ян, — попрощался Джон, поднимаясь с кресла. — Буду держать с вами связь. — И он вышел из кабинета, мило распрощавшись с Бекки и с людьми в приемной, зная, что скоро уже весь город будет шептаться о том, что он приходил без записи к Яну Кросби и что это явно неспроста. Садясь в машину, он думал о том, что непременно свяжется с этой Марси Гренн из Боки, хотя был совершенно уверен, что Ян не врет. А рассказывать об этом Кэрри бессмысленно, решил он, отъехав от обочины и направляясь к шоссе. Она попросту обвинит его в ревности и мстительности и скажет, что он действовал не столько из добрых побуждений, сколько из-за уязвленного самолюбия. И в конце концов поверит в то, во что ей захочется верить. Люди всегда так поступают.

— Мистер Питерсон, — обратился Джон к лысоватому физику, садясь за столиком напротив него. — Не возражаете, если я к вам присоединюсь?

— Шериф, — поздоровался тот в ответ, глядя поверх головы Джона в сторону туалета. Был вечер понедельника, но «Честерс» был забит до отказа. Эйвери Питерсон потягивал джин-тоник. Посреди лакированного деревянного столика стояла нетронутая кока-кола, и с краешка высокого стакана свешивался ломтик лимона, грозя вот-вот плюхнуться в стакан. — Вообще-то я не один. Просто она вышла «попудрить носик».

— Ничего, я не задержусь. Мне лишь нужно задать вам несколько вопросов, если не возражаете.

Эйвери Питерсон пожал плечами:

— По-моему, я еще на прошлой неделе ответил на все ваши вопросы.

— Я хочу задать вам *другие* вопросы, мистер Питерсон...

— Эйвери, — перебил его учитель физики.

Джон кивнул. У него не было ни малейшего желания переходить на более дружеский тон с этим престарелым Ромео. А «ее» он уже видел. Эту девушку звали Элли Фрайсингер, два года назад она окончила школу и работала теперь в магазине, торгующем одеждой по сниженным ценам. Что нашла в этом невзрачном лысеющем ловеласе молодая и красивая женщина, было выше понимания Джона. Однако, по слухам, после скандального развода, состоявшегося пять лет назад, у него были романы не с одной жадной до его внимания девицей.

— Я слышала, что он у него здоровенный, как у коня, — поведала ему на днях Полин за ужином.

— Очень полезная информация, — раздраженно ответил Джон, швырнув на тарелку нетронутую куриную ножку. Неужели женщины и впрямь озабочены такими вещами? Он всегда считал, что они не столь поверхностны, как мужчины, но в последнее время начинал

в этом разубеждаться. Принадлежность к прекрасному полу еще не означает, что ты лучше, потому что уязвимость и чуткость далеко не всегда одно и то же.

И теперь Джон не мог смотреть на учителя физики — учителя его дочери, черт бы его побрал! — без мысли о «коне». Меньше всего ему хотелось бы думать об этом сейчас, после утомительной поездки в Боку и обратно, хотя Марси Гренн оказалась приятной дамой и с легкостью согласилась сотрудничать. Она подтвердила слова Яна и даже показала шерифу письма, которыми влюбленные голубки обменивались после того, как несколько недель назад познакомились на сайте знакомств. Она призналась, что ее муж вечно занят, поэтому она не прочь время от времени вносить разнообразие в свою личную жизнь. И с кривой улыбкой попросила его не потерять ее электронный адрес. Джон, хотя и готов был поддаться искушению, все же поехал домой, решив, что хватит им с доктором Кросби и одной женщины на двоих.

На шоссе произошла авария, и он больше часа проторчал в пробке; потом он вдрызг поругался с Полин из-за какого-то пустяка, после чего отправился в «Честерс», чтобы заново допросить Кэла Гамильтона. В конце концов, его спонтанный визит к Яну Кросби открыл перед ним целый клад информации, правда, оказавшейся в конечном счете бесполезной в плане расследования убийства Лианы Мартин. Но, может, он все-таки сумеет развязать язык Кэлу Гамильтону?..

Правда, когда он пришел, выяснилось, что Кэл Гамильтон уже ушел. Бармен сказал, что где-то с час назад он, не сказав никому ни слова, умчался из «Честерса» прочь и так до сих пор и не вернулся. Джон сидел за столиком, стоявшим по другую сторону стойки, цедил пиво и дожидался, когда он придет. Было почти девять часов. Полин звонила уже дважды и визгливым голосом интересовалась, когда он собирается домой, и он уже собрался уходить, когда вдруг увидел Эйвери Питерсона, который вошел вместе с Элли Фрайсингер.

— Нам известно, что в ночь поминок по Лиане Мартин вы были в Пирсон-парке, — начал шериф.

Эйвери Питерсон даже не моргнул.

— Ну да, был.

— Может, расскажете, что вы там делали?

Физик пожал плечами:

— Мне было интересно.

— Интересно?

— Ну, кто там что будет петь или читать, что они там вообще собираются делать.

— А вы что, не знали, что взрослых туда не приглашали?

— Я просто следил за своими учениками. Чтобы никто там ничего не натворил.

— А вас что, просили?

— Это было наше с Ленни решение.

— Вы имеете в виду Леонарда Фромма?

— Да, нашего уважаемого школьного директора. Я имел в виду именно его.

— А он подтвердит ваши слова, если прямо сейчас я позвоню и спрошу?

Эйвери Питерсон достал из кармана куртки сотовый телефон и протянул шерифу.

— Пожалуйста.

— Несколько человек видели, как вы прятались в кустах, — сказал Джон, не обращая внимания на телефон.

Эйвери Питерсон положил телефон в карман и как-то странно улыбнулся.

— А я-то так старался, чтобы меня не заметили.

— Каковы были ваши взаимоотношения с Лианой Мартин? — веско спросил Джон.

— Прощу прощения?

— Пожалуйста, Эйвери, ответьте на вопрос.

— Она была моей ученицей.

— И все?

— То есть?

— Ни для кого не секрет, что вы большой ценитель молоденьких девушек...

— А это что, преступление?

— Нет, зато убийство — это преступление.

Эйвери Питерсон нервно рассмеялся:

— Мне, наверное, слышалось?

И тут раздался приглушенный звук полицейской сирены. Джон пожал плечами.

— Извините, это мой сотовый, — сказал он, вынимая его из заднего кармана брюк. —

Насчет сирены дочь придумала. — Он нажал на нужную кнопку и поднес телефон к уху.

— Джон, — прокричал женский голос прежде, чем он успел сказать «слушаю». — Ты должен немедленно приехать! — Потом слышался стук и крики.

— Кэрри?

Но, прежде чем она успела что-либо ответить, связь прервалась и на линии слышались короткие гудки.

— Что ты надумала, черт бы тебя подрал?! — злобно прорычал Кэл Гамильтон, яростно вышибая телефон из руки Кэрри.

Кэрри ощутила мгновенную острую боль в пальцах, а телефон, пролетев по комнате, плюхнулся на пол, причем у него отвалилась пластиковая задвижка, и из трубки выскочили батарейки. Они покатались по розовому ковровому покрытию и закатились под белую гофрированную оборку покрывала, свисающую с ее широкой двуспальной кровати.

— Я позвонила шерифу Веберу, — ответила она, прикрывая лицо на случай, если ему надоест замахиваться на неодушевленные предметы и он решит сорвать злость на ней. Она вложила в свое лицо слишком много времени и денег, чтобы его вот так запросто изуродовал какой-то придурок, который взбесился из-за того, что не может найти своей жены. — Он уже едет.

Гамильтон усмехнулся:

— Я видел, как работает шериф. Поверь, он не торопится.

«Для тебя, мерзавец, он, может, и не станет торопиться», — подумала Кэрри, но вслух сказала только:

— По-моему, тебе лучше уйти.

— Я уйду только после того, как заберу то, за чем пришел. — И он сложил на груди свои мускулистые руки и расставил ноги на ширину плеч.

«Чистюля патлатый», — подумала Кэрри, хотя его белая футболка была заляпана грязью и даже на расстоянии нескольких футов от него разило спиртным.

— Я же сказала, что ее здесь нет.

— Тогда где она?

— Откуда мне знать, черт возьми? — раздраженно спросила Кэрри. — Я с ней ни разу в жизни и парой слов не перемолвилась.

— Зато твоя дочь перемолвилась!

— Она уже сказала тебе, что понятия не имеет, где твоя жена.

— Эта маленькая хрюшка врет, и ты тоже. — Кэл отшвырнул ногой стул, преграждавший ему путь, и подступил ближе.

Кэрри невольно попятилась, обозленная на самое себя за то, что позволяет этому пьяному громиле угрожать ей в ее же собственном доме. То же самое пытались делать все ее трое мужей. И всех троих она выгнала из дома. И зачем только Далила открыла дверь! У Кэрри до сих пор стоял в ушах детский голосок дочери, открывшей дверь и опасно возвестившей о приходе мистера Гамильтона. А потом начался кошмар.

Кэл Гамильтон, всегда казавшийся Кэрри красивым какой-то бандитской красотой, и Далила, казавшаяся особенно толстой в своих джинсах с заниженной талией, стали с жаром в чем-то обвинять друг друга и пробудили, в конце концов, спящую мегеру, ее мать. Роуз стала орать из своей спальни наверху, требуя, чтобы все там немедленно заткнулись, черт подери. И Кэрри подумала не без оттенка уважения, что не родился еще такой мужчина, который сумел бы запугать ее мать.

Далила с Кэрри умчались наверх, а Кэл бушевал в нижних комнатах, без малейших усилий расшвыривая тяжелую мебель, потом разбросал все на кухне, пошвырял вещи из стоявшего в прихожей шкафа, примчался наверх и ворвался в комнату Кэрри. Она едва

успела прокричать шерифу несколько слов, как Кэл с бешенством вышиб телефон из ее рук. Но слава богу, Джон уже едет. И, если повезет, будет здесь до того, как Кэл совершит что-нибудь действительно непоправимое.

Дочь заперлась в комнате Роуз, но Кэлу достаточно пару раз пнуть дверь ногой в черном кожаном ботинке, и она разлетелась бы в щепки. Если только Далила не догадается и не сумеет передвинуть тяжелый комод ее матери, стоявший у стены напротив постели Роуз, и забаррикадировать им дверь. Что вполне ей по плечу. Девочку никак нельзя назвать хрупкой фиалкой. В конце концов, должна же быть хоть какая-то польза от ее лишнего веса. Кэрри тут же почувствовала себя виноватой. Нельзя так плохо думать о собственной плоти и крови. Хотя ничего удивительного: она — дочь своей матери.

— В последний раз, Кэрри, спрашиваю, — прорычал Кэл. — Где она, мать твою?

— В последний раз отвечаю, придурок, — решительно заявила Кэрри. — Не знаю я ни хрена!

Вот тут-то он ее и ударил. От сильнейшей затрешины Кэрри упала навзничь, распластавшись на своем пышном белом покрывале. Она лежала не шевелясь и думала о том, что должна была это предвидеть. Она уже оказывалась в подобных ситуациях с пьяными мужланами, которые опускались до того, что отстаивали свою правоту кулаками. Первый муж так сильно избил ее, когда она была беременна Далилой, что она угодила в больницу с двумя сломанными ребрами и трещиной в запястье. Через шесть месяцев после рождения их дочери он снова избил Кэрри, на этот раз сломав ей нос.

Это была первая пластическая операция, вспомнила она теперь, притронувшись к носу, чтобы удостовериться, что Кэл ничего не испортил. Почему Джон так долго? И почему Далила не идет к ней на помощь? Она что, не понимает, что здесь происходит? Должна же она догадаться, что ее мать могут убить с минуты на минуту.

И тут Кэрри услышала высокий детский голосок своей дочери, приказывающий Кэлу отойти, и он волшебным образом подчинился.

— Эй, девочка потише, — услышала она. — Только не делай глупостей. — И когда она повернула голову и посмотрела на порог, то увидела, что там стоит Далила, вытянув вперед руки и держа в своих дрожащих пальцах пистолет.

— Подними руки вверх, — приказала Далила, и Кэл снова сделал то, что ему велели. — С тобой все в порядке? — обратилась Далила к матери.

Кэрри кивнула:

— Шериф Вебер уже едет. — Откуда у Далилы пистолет, черт возьми?

— Слушайте, я просто хочу узнать, где моя жена, и после этого перестану вам докучать. — Кэл говорил так, будто его вторжение было не более чем докучливым соседским визитом.

— Сколько раз тебе говорить, что мы не имеем ни малейшего представления, где она? — сказала Кэрри.

— Она знает, — упрямо повторил Кэл, уставившись на пистолет в руках Далилы. — Она была там сегодня, ее видела соседка.

— Что ты несешь? — И Кэрри снова перевела взгляд на дочь.

— Да, я там была, — подтвердила Далила. — И вчера была, как мы и договаривались. Я стучала и звонила, но мне никто не открыл.

— Ты лживая сука!

— Что ты с ней сделал? — спросила Далила так тихо, что едва можно было разобрать

слова.

— Что я с ней сделал? — недоуменно повторил Кэл, переминаясь с ноги на ногу. — Ничего я ей не сделал, глупая корова. Во всяком случае, пока.

— Не двигайся, — предупредила Далила. — Сделаешь еще шаг, и я тебя пристрелю. — И у нее по щеке покатались слезы.

«Неужели Далила и вправду это сделает?» — думала Кэрри. Неужели ее дочь и вправду выстрелит в человека?

Ответом ей послужил отрывистый смех Кэла.

— Кого ты дурачишь, дура толстозадая? Никого ты не пристрелишь. — И, оттолкнув Далилу, он побежал по лестнице вниз, раньше чем дрожащая от нервного возбуждения девушка сумела догадаться, как снять пистолет с предохранителя. Внизу хлопнула входная дверь.

— О господи! — запричитала Кэрри, услышав, как его автомобиль с визгом выехал со двора. — Дай его мне, пока ты кого-нибудь не убила. — Она выхватила пистолет из трясущихся рук дочери. — Где ты его взяла?

— Это мой пистолет, — объявила внезапно появившаяся на пороге Роуз, комкая на груди складки своего зеленого синелевого халата. — Дай сюда!

У ее матери есть пистолет? Что здесь такое творится?

— С каких это пор у тебя завелось оружие?

— Он принадлежал твоему отцу.

— А на него есть лицензия?

— Откуда мне знать? — раздраженно ответила Роуз.

Кэрри вложила пистолет в протянутую ладонь матери. Ну и ночка! Сначала Ян без всяких объяснений отменяет свидание, потом заявляется Кэл Гамильтон и устраивает здесь погром, потом ее дочь превращается в Джона Диллинджера, а теперь еще и мать ведет себя как Ма Баркер.

— Спрячь его, пока шериф не увидел.

— Какая разница? — презрительно ответила Роуз. — Он все равно не заряжен.

— Не заряжен? — спросила Далила.

— Разумеется, нет. Не будь идиоткой.

— Все равно убери его куда-нибудь подальше, к чертям собачьим.

Роуз зашаркала обратно к себе. Просто поразительно, что по прошествии стольких лет мать не утратила способности изумлять ее.

— Ты цела? — спросила Далила. — Он тебя не покалечил?

— Нет, он далеко не такой зверь, каким был твой папаша. — Кэрри протянула руки, и Далила бросилась в ее объятия, едва не сбив ее с ног. — Спасибо, детка. Ты очень храбрая. — И она поцеловала дочь в лоб, почувствовав, как от волнения он покрылся испариной. Далила без устали обнимала ее, с каждым вздохом сжимая все крепче. Кэрри постаралась поскорее высвободиться из неистовых объятий дочери и стала приглаживать свои крашенные волосы, перепутавшиеся во время потасовки.

— Он убил ее, — зашептала Далила. — Я знаю.

— Но это же бессмысленно, — возразила Кэрри. — Зачем тогда ему было врываться и искать ее, если он ее убил?

— Чтобы сбить нас с толку. Чтобы всех сбить с толку...

— Господи боже, ну и фантазия у тебя. Может, и Лиану он убил? — пошутила Кэрри.

Но смех замер у нее на губах, когда она увидела лицо дочери. — По-моему, ты телевизор пересмотрела. Ты и вправду считаешь, что Кэл Гамильтон — серийный убийца?

— Возможно. А может, он убил Лиану, чтобы это выглядело как серийное убийство.

Тут раздался звонок в дверь.

— Прибыл твой рыцарь в сияющих доспехах, — крикнула из коридора Роуз.

— Ты спрятала пистолет? — спросила Кэрри, проходя в гостиную.

— Какой еще пистолет? — спросила Роуз из своей постели.

— По-моему, мне нужно выпить, — пробормотала Кэрри.

— А может, ты мне что-то недоговариваешь? — спросил Джон, когда сорок минут спустя Кэрри провожала его к машине. За эти сорок минут они несколько раз перебрали события минувшего вечера, и он допросил ее мать с дочерью. Про пистолет никто и словом не обмолвился. Может, он это имеет в виду?

— По-моему, мы рассказали все.

Он кивнул, хотя по его лицу было видно, что он не вполне ей верит.

— С тобой точно все в порядке?

— Все отлично. — Даже в темноте Кэрри чувствовала взгляд шерифа на своей фигуре, и поэтому сильнее обычного виляла бедрами. Она знала, что испытывает к ней Джон Вебер, знала, что он хотел ее еще с шестого класса, тогда, когда у нее и в помине не было бедер. «И уж во всяком случае, до того, как у меня появилась грудь», — подумала она, распрямив плечи и выставив вперед свой увеличенный вдвое бюст.

Она уже не помнила, как выглядела ее грудь изначально. Помнила только обидные до слез комментарии матери по поводу ее несовершенства. «Плоская, как блин, — без устали талдычила она. — Так что поищи себе парня, который любит блины». Она ее постоянно оскорбляла и сравнивала с сестрами, что не могло не поспособствовать их дальнейшему отчуждению: «У Рути такая красивая грудь, — часто говорила мать. — Это от меня. А вы с Лоррейн, к несчастью, пошли по отцовской линии, но у Лоррейн хотя бы ноги красивые».

Кэрри провела ладонями по своим когда-то толстым ляжкам. Усиленная гимнастика и немного липосакции довольно сильно уравнили правила игры, хотя главные игроки к тому времени уже покинули поле. Обеим сестрам Кэрри удалось улизнуть от матери: Рути десять лет назад переехала в Калифорнию и звонила, только если ей нужны были деньги на очередное прохождение курса лечения в реабилитационном центре. Лоррейн избрала более легкий путь и сбежала в мир иной.

Оглянувшись на дом, Кэрри увидела свою мать, которая наблюдала за ними из окна своей спальни. Только и ждет, чтобы мы все поскорее умерли, чтобы она могла спокойно уйти вслед за нами, подумала Кэрри недобро.

— Я могу поставить здесь охрану для твоего спокойствия, Кэрри, — предложил Джон, когда они подошли к полицейскому автомобилю. — А потом уже произведу задержание Кэла.

— Как мило. — Кэрри слушала, как Джон разговаривает по телефону с помощником. «Он всегда так заботился обо мне», — подумала она, когда он положил свой сотовый обратно в карман брюк. Она действительно нравилась ему во всех своих многочисленных воплощениях: плоской и грудастой, с тонкими и полными губами, с крутыми и рельефными бедрами. И он был хорошим и на удивление деликатным и изобретательным любовником. Как жаль, что они столько упустили: она трижды была замужем за неудачниками, двоих из

которых звали Дэнни, а он женился на этой ведьме Полин. И если она, рано или поздно, вышвыривала всех своих мужей, то у Джона Вебера, несмотря на всю его показную браваду, так и не хватило мужества бросить жену.

Почему она вообще об этом думает? Прошло уже немало времени, как закончился их роман. Она даже и не думала о нем как о потенциальном любовнике с той самой ночи, как, зарегистрировавшись на сайте знакомств, увлеклась остроумной перепиской с успешным, хотя и слегка разочарованным врачом из северного района Нью-Йорка. Довольно скоро они обменялись фотографиями и телефонами, а потом даже встретились в Майами — это было одно из первых их свиданий. Уже во время второго свидания он признался ей в том, о чем ее мать давно подозревала: он женат. Но, вместо того чтобы пилить ее за бесплодный и заранее обреченный на провал роман с очередным женатым мужчиной, мать вдруг стала советовать, как ей покрепче вцепиться своими накладными ногтями в податливого доктора. «Сделай ему минет его мечты», — заявила она в совершенно неподобающих для матери выражениях. И по окончании очередного страстного свидания добрый доктор объявил о своем намерении переехать жить в Торранс. Через пять месяцев после того, как он открыл здесь практику, Роуз посоветовала дочери на время заморозить их отношения. «Еще один минет — и тебя нет», — сказала она стихами, с холодной улыбкой Джонни Кокрана,^[41] выступающую перед присяжными на процессе О. Дж. Симпсона. «Если перчатка не налезает...»^[42] Распухшие губы Кэрри совершили еще одно чудо, а потом она скрепя сердце и со слезами отправила мужчину мечты своей матери восвояси. И стала ждать. Через шесть недель Ян Кросби бросил семью, и Роуз заверила ее, что теперь предложение руки и сердца с его стороны — лишь вопрос времени.

— Ты сегодня не встречаешься с доктором Кросби? — спросил Джон, как будто прочитав часть ее мыслей.

— Сегодня — нет, — ответила Кэрри, которой померещился какой-то подвох в усталом взгляде Джона, как будто он знал что-то, чего не знала она. — Мы же не сиамские близнецы. — А действительно, где тогда Ян проводит этот вечер? Он даже не объяснил толком, почему отменяет свидание, сказал только, что у него был тяжелый день и он хочет пораньше лечь. Кэрри подумывала сделать ему сюрприз и нанести неожиданный визит, но она сама терпеть не могла сюрпризов. Они обладают безобразным свойством обращаться против тебя же самого. — Что дальше? — спросила она, изо всех сил приписывая свою возрастающую тревогу инциденту с Кэлом.

— Навещу Кэла Гамильтона.

— А ты думаешь, он поехал домой?

— Где бы он ни был, я найду его, — сказал Джон с уверенностью.

— Как ты думаешь, что случилось с его женой?

— Пока еще слишком рано строить предположения.

— Ты думаешь, она сбежала?

— Возможно.

Кэрри покачала головой, чувствуя, как возрастает ее отчаяние. С каких это пор Джон Вебер стал таким осторожным? Ей всегда нравилась его простота и прямота.

— Как ты считаешь, Далила была права насчет него? — рискнула она задать еще вопрос, не желая его отпускать.

— Ты хочешь спросить, считаю ли я Кэла серийным убийцей?

— А ты считаешь?

— Это я еще должен выяснить. — Он открыл дверь машины, влез на переднее сиденье и включил зажигание.

— Джон...

Он опустил окно нажатием кнопки.

— Офицер будет здесь с минуты на минуту, Кэрри. Ты точно не хочешь, чтобы я отвез тебя в больницу?

— Да нет, все нормально. Я знаю одного очень хорошего врача.

Джон включил передачу.

— Иди в дом и запри дверь, — проинструктировал он. — И никому не отпирай, пока я не позвоню.

— А если ты его не найдешь?

— Иди в дом, — повторил Джон, показав на окна спальни на втором этаже. — А то у твоей матери случится сердечный приступ.

Кэрри издала вздох, явно говоривший: «Даже и не надейся», и Джон улыбнулся, отчего Кэрри тут же захотелось нагнуться и поцеловать его. Но она этого не сделала. Роуз наверняка следит за каждым их жестом, а Кэрри сейчас меньше всего на свете хотелось бы испытать на себе всю силу материнского яда. Роуз стала критиковать ее гораздо меньше с тех пор, как она стала встречаться с Яном. Правда, теперь она вымещала свой яд на Далиле, но Далила умудрялась отвечать на ее злобные замечания так, как ей самой не удавалось никогда. И потом, может, язвительные комментарии матери — как раз то, что ей нужно, чтобы как-то подстегнуть ее, заставить задуматься о собственном теле, о прическе, обо всем, думала Кэрри, возвращаясь в дом. Неужели девочке ни разу не хотелось пойти на свидание? Завести бойфренда? Заняться сексом? Кэрри тут же содрогнулась. Не хватало еще думать сейчас о том, как ее дочь будет заниматься сексом.

— Что сказал шериф? — спросила Далила, как только Кэрри переступила через порог.

— Он поставит во дворе охрану, а сам пока отыщет Кэла. — Кэрри закрыла дверь и заперла ее на замок. — Принеси, пожалуйста, стул из кухни, — велела она дочери, которая не замедлила выполнить приказание. Кэрри подперла дверную ручку спинкой стула. — Просто на всякий случай, — объяснила она, хотя сильно сомневалась, что подобная жалкая предосторожность помешает разъяренному Кэлу Гамильтону снова ворваться в дом, если он того пожелает.

— Мне нравится шериф Вебер, а тебе? — спросила Далила.

— Конечно, нравится.

— Но дочь у него такая противная.

— Вся в мать. — Кэрри прошла в гостиную и стала подбирать салфетки, которые Кэл побросал на пол.

— Я все уберу, ты садись. — Далила быстро собрала оставшиеся салфетки и стала раскладывать их по местам. — Ты не позвонишь доктору Кросби?

Кэрри опустилась на диван и взглянула на часы.

— Уже поздно, мне не хотелось бы его будить.

— Не так уж поздно, и потом, он бы наверняка хотел знать, что здесь случилось.

— Ну, я не знаю... Он сказал, что рано ляжет спать.

— Мама, ради бога. Он же любит тебя! Или нет?

«Любит или нет?» — думала Кэрри.

— Я думаю, ты должна позвонить и сказать, что здесь произошло. — И Далила всунула

матери в руку свой сотовый.

Кэрри замешкалась. Чего она, собственно, боится?

— Ты что, будешь стоять здесь и слушать?

— А... Нет-нет, конечно. — И Далила торопливо ушла на кухню. Кэрри глубоко вздохнула и набрала номер Яна. Конечно, ей следует поделиться с ним тем, что с ней произошло. Он наверняка испугается, немедленно сядет за руль и сразу же приедет, убеждала она себя, когда послышался сначала один гудок, потом второй, третий, а потом сняли трубку.

«С вами говорит Ян Кросби, — услышала она знакомое записанное сообщение. — Сейчас я не могу подойти к телефону, но, если вы сообразоволяете оставить мне свое имя, телефон и короткое сообщение, то я постараюсь как можно скорее с вами связаться».

Кэрри нажала на кнопку до того, как послышался звуковой сигнал, и положила телефон на диванную подушку, убеждая себя, что, если Ян не подходит к телефону, это вовсе не означает, что его нет дома. Просто он рано лег спать, как и говорил. Тогда почему она так волнуется? Откуда эта неуверенность?

— Кэрри, — послышался сверху голос матери. — Кэрри, что происходит?

Кэрри откинула прядь крашенных платинового цвета волос со своего безукоризненно гладкого лба, прикрыла веки, вздохнула вдвое увеличенной против нормы грудью и выдохнула сквозь свои полные полуоткрытые губы.

— Представления не имею.

Джон погнал из дома Кэрри, превышая скорость миль на двадцать. За пешеходов он не боялся: после того как был обнаружен труп Лианы, люди перестали выходить на прогулку с наступлением темноты. И потом, он должен был как можно скорее и как можно дальше оставить позади Кэрри, чтобы не натворить глупостей. Он сходил с ума от одного лишь ее запаха. А уж когда она нагнулась, чтобы просунуться в окно, и когда обнажились ее груди, будто горшки с яркими цветами на подоконнике, будто соблазнительные причудливые канале на серебряном блюде... Всего на долю секунду он решил, что она пытается его соблазнить, но она тут же заговорила про этого придурка, доктора Кросби, будто облив его холодной водой из ушата. «Я знаю одного очень хорошего врача».

В тот момент он едва не поддался соблазну рассказать ей все, что ему известно про «хорошего врача», но вместо этого он надавил на педаль газа и умчался в ночь. Любовь всей его жизни Кэрри Фрэнклин — не его дело. Его дело — задерживать нарушителей, а сегодняшнее поведение Кэла Гамильтона было не просто оскорбительным, а уже откровенно криминальным. Никто не давал ему права, даже если он пьян, врывать в дом к женщине и терроризировать ее семью, бить ее по лицу и требовать от нее то, что она не может тебе дать, только потому, что твоя жена наконец-то вышла из ступора, пришла в себя и сбежала к чертям собачьим прочь. Во всяком случае, он думает, что именно так и поступила Фиона Гамильтон.

И сейчас, когда до дома Гамильтона оставались считанные минуты, он молил, чтобы Кэл оказался дома и чтобы ему не пришлось заставлять своих помощников разъезжать всю ночь по окрестностям, чтобы разыскать его. Он также надеялся, что Кэл уже достаточно успокоился, чтобы трезво оценить ситуацию и быть готовым без лишнего шума сам прийти с повинной. Ночь, проведенная в каталажке, поможет ему как следует протрезветь. И, как бы ни была взбешена Кэрри, очень возможно, что она не станет писать заявление, если Кэл извинится и пообещает впредь никогда так не делать.

Хотя вдруг Далила права и Кэл Гамильтон действительно прирезал не только жену, но и Лиану Мартин, и — кто знает? — Кэнди Эббот. Так думал Джон, и перед глазами его уже замаячил призрак головной боли, потому что это означает, что либо он маньяк-психопат, либо холодный расчетливый убийца. Хотя ни одно из этих определений к нему не подходит. Может, Кэл и много возомнившая о себе сволочь, но уж он точно не сумасшедший. Равно как он недостаточно умен и хитер. Джон допускал, что Кэл вполне мог пришить жену, перебрав выпивки или здорово обозлившись (или и то и другое вместе), но вряд ли у Кэла хватило бы мозгов попытаться оградить себя от подозрений, ввалившись после этого к Кэрри с требованием выдать ему супругу. И даже если допустить, что он был настолько безжалостен, чтобы убить несколько молодых женщины с целью оградить себя от подозрений в убийстве жены, то он уж точно недостаточно умен, чтобы придумать такую хитроумную схему. Для этого требуется живое воображение, которого у Кэла Гамильтона и в помине нет.

Джон давно имел дело с преступниками, и если ему лично и не приходилось заниматься серийными убийствами, две вещи он знал точно: во-первых, большинство преступников не очень умны; во-вторых, все они свято убеждены в том, что их никогда не поймают.

Он также знал, что маньяки славятся тем, что умеют тщательно скрывать от окружающих свои нездоровые желания. Сколько сводок ему приходилось читать и сколько

расследовать преступлений, сколько он видел передач, в которых совершенно ошарашенные друзья и соседи говорили о том, как они потрясены и ошеломлены тем, что среди них, оказывается, постоянно жил психопат. И все они говорили полиции и прессе одно и то же: «Он был всегда таким тихим, таким скромным. Нам и в голову не могло прийти, что он на такое способен».

Кэл Гамильтон далеко не тихий и не скромный. Более того, у него на лице написано, что ему есть что скрывать, так что волей-неволей будешь подозревать его во всех тяжких. Да, в большинстве случаев убийцей оказывается первый подозреваемый, но Джон просто не мог поверить, что этот вариант окажется верным в отношении жестокого убийства Лианы Мартин. Слишком уж казалось просто, а в жизни Джона никогда ничего не было просто. Именно об этом думал он, сворачивая за угол Олд-Кантри-роуд и останавливаясь перед бунгалом Кэла Гамильтона.

Его всегда темный дом сейчас светился, как рождественская елка. Свет горел во всем доме, хотя жалюзи были по-прежнему опущены, на подъездной аллее стояли две машины и на улице еще несколько. Джон сразу же узнал белый фургон, в котором уехала от врача Тая Мак-Гаверн, старый голубой «понтиак» Джоя Бэлфора и красный «шевроле» Рэя Саттера, на котором тот не так давно слетел в кювет совсем неподалеку от того места, где была зарыта Лиана Мартин. Что это они все здесь делают?

— Шериф, — услышал он негромкий женский голос, когда приблизился к дому.

Первой его мыслью было, что это Фиона Гамильтон. Вернулась домой, увидела, что во всех окнах горит свет, в доме полно чужих людей, и спряталась в кустах, решив дождаться, когда они уйдут. Но, обернувшись, он увидел не пропавшую жену Кэла, а его соседку Сэнди Кросби, которая босиком кралась к нему на цыпочках и босая.

— Что здесь происходит? — спросила она, заправляя за уши свои короткие волосы. Из-под длинного розового хлопчатобумажного халата выглядывали желтые пижамные брюки. — Вы нашли Фиону?

Джон покачал головой:

— Я могу узнать, откуда вам известно про то, что она пропала?

— Вы что, шутите? Да Кэл с час назад ввалился к нам с вопросом, не видели ли мы ее. Я сказала, что то же самое спрашивала вчера Далила Фрэнклин, и он развернулся и ушел. Дети, естественно, тут же полезли в Интернет. Вот здесь и собралась толпа — они хотят организовать поисковую группу. Все только и говорят, что о серийном убийце.

Господи, подумал Джон. Поисковая группа — среди ночи!

— Послушайте, то, что Фиона пропала, еще не означает, что ее нет в живых. Вполне возможно, что она попросту ушла из дома.

— Неужели вы и вправду в это верите? Она же такая боязливая... — Тут вдалеке послышался телефонный звонок, и Сэнди обернулась на звук. — О господи! Опять у нас телефон звонит. Мне всю ночь звонят — все желают знать, что произошло.

— Пожалуйста, скажите им, что пока любые выводы преждевременны и могут только повредить делу. А теперь прошу меня извинить... — И Джон подошел к двери Кэла. Позвонив несколько раз, он стал громко стучаться.

— Что здесь происходит, черт побери? — рявкнул он, когда ему открыл Грег Уотт.

Грег Уотт, весь в черном, посторонился и дал Джону войти.

— Шериф пришел, — крикнул он, обойдя молчанием вопрос.

— Как раз вовремя, — пролаял из гостиной Кэл. — Тащите сюда свою задницу, шериф,

и расскажите, что вы собираетесь делать, чтобы найти мою жену.

— Мы ничего не собираемся делать, — спокойно ответил Джон, хотя ему тут же захотелось закричать при виде Грега Уотта, Джоя Бэлфора, Питера Арлингтона и Рэя Саттера, неприступным кольцом столпившихся вокруг Кэла Гамильтона. Что эти ребята здесь делают? Он знал, что все они — постоянные клиенты «Честерса» и что Кэл с Джоем и Греггом входили в поисковую команду, отыскивавшую труп Лианы, поэтому, может, и неудивительно, что Кэл обратился за помощью к ним. Но неужто это Гордон Липсман сидит в одиночку в углу? — А вы какого черта здесь делаете? — спросил он руководителя драмкружка, который посещала его дочь.

— Мы втроем, с Греггом и Питером, репетировали школьную пьесу, когда позвонил Джой и сказал, что пропала Фиона Гамильтон, — объяснил учитель, выпрямившись. — Он сказал, что будет ждать их здесь, вот я и решил пойти с ними вместе на случай, если понадобится моя помощь.

— А ты? — обратился Джон к Рэю Саттеру. — Только не говори, что ты снова сел за руль пьяным.

Рэй Саттер, сильно заросший человек около сорока, мрачно посмотрел на шерифа. У него было вытянутое испитое лицо, а вид вечно такой, будто он только проснулся или, наоборот, того и гляди заснет.

— Я узнал про Фиону, — сказал он заплетающимся языком, не одолев тем самым добросовестной попытки обидеться на замечание шерифа. — Вот и заглянул сюда, чтобы предложить свои услуги...

Джон перевел взгляд на Питера Арлингтона.

— Если исчезновение миссис Гамильтон как-то связано с убийством Лианы, то я тоже хотел бы помочь, — сказал парень, не дожидаясь, когда его спросят.

«А говорят еще, слепой ведет слепого», — подумал Джон и повернулся к Кэлу Гамильтону.

— Так, ладно. Поедете со мной в участок.

— Зачем? Можно вполне поговорить и здесь, — пробурчал Кэл.

— Ты арестован, Кэл.

— Что?

— Что вы такое говорите? — Джой Бэлфор откинул со лба прядь темных жирных волос, и Джон сразу же увидел ссадину над левым глазом и небольшой синяк на подбородке. — Вы что, собираетесь арестовать человека из-за того, что у него пропала жена? На каком таком основании?

Еще несколько дней назад Джона бы сильно разозлила наглость этого сопляка, который вздумал разговаривать с ним в таком тоне. Но сейчас этот подростковый наскок показался ему забавным и даже в какой-то степени комичным.

— За оскорбление словом и действием, — рявкнул он, и Джой невольно отступил на шаг назад. — Кстати, что у тебя с лицом?

Джой прикрыл подбородок рукой.

— Стукнулся об дверь, — ответил он сквозь зубы.

— Эта сука сказала, что я ее избил? — вмешался Кэл.

— Какая сука? — встрепнулся Гордон Липсман, мгновенно побледнев.

— Вы нашли ее? — спросил Рэй Саттер.

Джон проигнорировал их вопросы.

— Значит, вы отрицаете, что ворвались в дом Кэрри Фрэнклин и ударили ее? — спросил он Кэла.

— Да я ее едва пальцем тронул, черт бы ее побрал! А она не рассказала вам, как ее психованная дочка грозилась меня пристрелить?

Грег расхохотался. Джон покачал головой. Нелепость этого вечера постепенно перерастала в сюрреальность.

— Поговорим об этом в участке, хорошо?

— «Хорошо? Хорошо?» — передразнил Кэл. — Вы что, спятили, шериф? У меня жена пропала, а в городе завелся убийца!

— Об этом мы поговорим в участке, — повторил Джон.

— Не поеду я никуда, пока вы не скажете, как собираетесь искать мою жену.

— Когда именно пропала ваша жена? — спросил Джон официальным тоном, пытаясь хоть как-то прояснить ситуацию, прежде чем забирать Кэла в участок.

— Я позвонил с работы — она не подошла к телефону. Я поехал домой — дома ее не оказалось.

— Значит, когда вы уходили на работу, она была дома, — повторил Джон. — Значит, ее нет всего несколько часов. Может, она в кино пошла?

— Она не в кино.

— Почему это вы так в этом уверены?

— Уверен. — Кэл Гамильтон стал сердито мерить шагами небольшую комнату. — Она не любит кино. К тому же у нее нет денег. И она не любит большое скопление народа.

— Может, она просто вас не любит?

— Что вы предлагаете?

— Я предлагаю продолжить дискуссию в участке.

— Я никуда не поеду.

— Боюсь, у вас нет выбора. — И Джон грозно положил руку на кобуру пистолета.

— Черт! — выругался Кэл. — Снова пистолетом угрожают.

— Да бросьте вы, шериф, — вмешался Рэй Саттер. — Парень расстроен, вы же должны это понимать.

Джон помнил, как был расстроен Рэй Саттер в ту ночь, когда влетел в канаву неподалеку от могилы Лианы. И здесь от него житья нет!

— Прекрасно понимаю. Мне только одно непонятно: почему вы до сих пор здесь? Не арестовать ли вас всех скопом, а?

— Мы просто пытаемся помочь, — вставил Гордон Липсман.

— Послушайте, ночью вы все равно ничего не найдете, — продолжал Джон. Он явно не желал усугублять ситуацию и тащить в участок ни этого городского пьяницу, ни этих малолетних бандитов, ни этого дрянного учителяшку. Где его помощники, черт побери? Он же вызвал машину еще по пути сюда. Почему они так долго? — Так что отправляйтесь-ка по домам, и приятных вам сновидений. А если вам так уж приспичило исполнить свой гражданский долг, то по пути домой наведайтесь в торговый центр.

— Нет моей жены в этом чертовом торговом центре! Послушайте, вы...

— Нет, это вы послушайте. Вы арестованы, так что повернитесь и заведите руки за спину, — приказал Джон, снимая с ремня наручники, чтобы показать, что он не шутит. Он очень надеялся, что до этого не дойдет, но, судя по всему, все же придется применить силу. — Поживее, Кэл. Не усложняйте, это совершенно бесполезно.

— Да пошел ты! — выругался Кэл, развернувшись и вытянув за спиной руки.

Слава богу, думал Джон, застегивая на мощных запястьях Кэла наручники. И мысленно поставил себе на заметку не забыть про царапины на руках Кэла. Интересно, это он у Кэрри так разбушевался или причина их возникновения гораздо серьезнее?

— А это правда необходимо, шериф? — спросил Гордон Липсман, не сводя глаз со своих ботинок.

— Идите домой, — с нажимом повторил Джон.

Дождавшись, когда они выйдут, он вывел из дома Кэла. Патрульная машина подъехала как раз в тот момент, когда разъехались последние из его гостей. «Как раз вовремя, мать вашу», — подумал Джон, подводя Кэла к обочине. Но вслух сказал только:

— Зачитайте мистеру Гамильтону его права и отвезите в участок. Он обвиняется в оскорблении словом и действием.

— А вы не поедете? — спросил Кэл Джона, когда второй офицер затолкал его на заднее сиденье машины.

— По-моему, нам всем нужно слегка остыть и успокоиться, — ответил Джон. — Увидимся утром. Может, к тому времени миссис Гамильтон вернется и согласится взять вас на поруки.

— А если нет?

— Тогда мы заведем дело о пропавшем человеке и приступим к поискам.

— Готов поспорить, что вы бы не так рассуждали, будь это ваша жена, — проговорил с заднего сиденья Кэл. — Или дочь, — добавил он зловеще.

— Что вы хотите этим сказать?

— Ничего. Просто размышляю вслух. — Кэл Гамильтон откинулся на сиденье и отвернулся от шерифа, уставившись в ветровое стекло.

Джон еще несколько минут стоял на тротуаре и смотрел вслед полицейской машине, не зная, как ему поступить — ехать ли в участок прямо сейчас или допросить Кэла потом. Хотя понимал, что вряд ли он сейчас от него чего-нибудь добьется и что лучше сейчас ехать домой и попробовать выспаться. Потому что, если Фиона Гамильтон и вправду пропала, то завтра ему предстоит тяжелый день. Еще чуть-чуть, и об ее исчезновении пронюхает пресса. Ну а тогда на него со всех соседних графств слетятся журналисты, потом на него снова насядет мэр и будет насмехаться над его интуицией, над его преданностью делу и над его профессиональными способностями. Джон почти двадцать лет проработал в полиции, но до сих пор находились кретины вроде Шона Уилсона, которые ставили под сомнение его профессионализм. «Может, потому, что я и сам в нем сомневаюсь?» — думал Джон, прекрасно понимая, что если в городе и впрямь завелся серийный убийца и если он его поймает, то на него больше не посмеют взирать как на разжиревшего бездельника, который только проедает деньги рядовых налогоплательщиков. Неужели на него и впрямь так смотрят? И хватит ли у него сил изменить сложившееся о себе мнение?

Ночной воздух прорезал женский голос:

— Мистер Вебер!

Он обернулся:

— Миссис Кросби.

— Называйте меня просто Сэнди.

Он попытался выдавить улыбку:

— Я могу вам чем-нибудь помочь, Сэнди?

— Все в порядке?

— Пока да. Возможно, завтра мне нужно будет с вами поговорить.

— Конечно. Помогу, чем смогу. Шериф, — снова обратилась она к нему, пока он не ушел.

— Да?

— Мне позвонила Рита Хенсен...

Школьная медсестра, вспомнил Джон, представляя себе эту миниатюрную женщину. Это Джон три года назад распутал шнур на шее ее мужа, и вряд ли он когда-нибудь сможет забыть ужасное синее лицо висельника со стеклянными глазами и вывалившимся изо рта языком.

— Не знаю, должна ли я вам говорить...

— Что говорить?

— Просто мне бы не хотелось, чтобы у Брайана возникли неприятности. Он милый мальчик, очень ранимый, и я знаю, что он ничего плохого не сделал, просто, учитывая последние события...

— Миссис Кросби... Сэнди, — спохватился Джон. — Что вы хотите мне рассказать?

— Мне звонила Рита, и она очень расстроена.

— Брайан что-то натворил? — Прямо клещами приходится тянуть.

— В том-то все и дело — она сама не знает. А он не хочет говорить.

— Тогда почему она так волнуется?

Сэнди снова замолчала. И вдруг слова и фразы полились сами собой, как вода из крана:

— Он стал совсем уж неразговорчивым после той всеобщей. Его, очевидно, что-то сильно беспокоило, но он отказывался говорить, что именно. Сначала Рита решила, что эти поминки обострили воспоминания о гибели отца. Он стал плохо спать, вообще почти не спит. А иногда среди ночи уходит из дома.

— А сегодня что случилось? — спросил Джон, чувствуя, что Рита звонила Сэнди не только поэтому.

— Брайан ушел из дома, не сказав куда. Его не было больше часа, а когда он вернулся, то сразу же проскользнул в ванную. Рита говорит, что там долго шумела вода, а когда он вышел, то она увидела, что он постирал рубашку, и...

— И?

— Ей это показалось очень странным, потому что он никогда сам не стирает. А потом она увидела на полу красные капельки и поняла, что это кровь.

— Она уверена, что это кровь?

— Я тоже ее спросила. Но она сказала, что она медсестра, а потому способна отличить кровь от клюквенного сока. А еще она сказала, что у Брайана ладони были содраны и лицо поцарапано.

— Может, он просто упал. Или подрался. Или налетел на дверь, — предположил Джон, вспомнив Джоя Бэлфора. Ну и ночка ему предстоит! Джон говорил, а сам уже мысленно прикидывал: возможно ли, что Брайан Хенсен как-то связан с исчезновением Фионы Гамильтон? Возможно ли, что он выманил ее из дома и, может быть, убил и что этот ранимый семнадцатилетний мальчик, чей отец три года назад покончил жизнь самоубийством, убил также Лиану Мартин и Кэнди Эббот? Неужели такое возможно?

— Я пыталась ее в этом убедить, — ответила Сэнди.

— Что?

— Ну, о чем вы только что говорили... Ведь есть масса вполне разумных объяснений, и не надо торопиться с выводами.

— А Брайан как это объяснил?

— Никак. Когда Рита стала его спрашивать, он обругал ее и убежал из дома.

— Она хоть знает, куда он мог убежать?

Сэнди покачала головой:

— Он уехал на машине. И теперь она сама не своя, потому что ей показалось, что он был пьян.

— Черт! — выругался Джон. Интересно, сколько раз за ночь он это уже произнес?

— Я даже не знала, стоит ли вам говорить...

— Вы правильно поступили.

— Я не хочу, чтобы у Брайана были неприятности.

— Боюсь, он уже на них нарвался.

— Что вы намерены делать?

— Отыскать его, — просто ответил Джон.

— А потом?

Джон покачал головой. Он терпеть не мог, когда разговор заканчивался этим нелепым вопросом.

Битый час он колесил по запутанному лабиринту, который представлял собой Торранс. Того, кто спроектировал этот город, надо застрелить, думал Джон, хотя прекрасно знал, что никакого проекта никогда не существовало, что Торранс, первоначально состоявший из тройки хаотично раскиданных усадеб и разросшийся по мере прироста населения, сам себя спроектировал. Он развивался бессистемно, занимая по мере роста первое попавшееся пустующее место.

Заехав в очередной тупик, Джон снова выполнил безупречный разворот в три приема и притормозил, не зная, куда ехать дальше. Не то чтобы он плохо знал дороги. Знал. Но сейчас уже поздно, он устал, фонари не горят, а беззвездное небо такое темное, что глаз до сих пор к нему не привык. Как он здесь кого-нибудь отыщет?

Ирония судьбы, думал он. Началось с поисков одного человека, закончилось поисками другого. На одном конце — Кэл Гамильтон, безмозглый хам и грубиян. На другом — Брайан Хенсен, умный, застенчивый и ранимый паренек. Казалось бы, двое таких разных людей. Есть ли между ними какая-то связь? Неужели Брайан Хенсен каким-либо образом причастен к исчезновению Фионы Гамильтон, и если дальше развивать эту мысль, то и к убийству Лианы Мартин? Господи, только бы не это. Его семья и без того испытала достаточно горя.

И он снова вспомнил тот день три года назад, когда услышал в телефонную трубку бесцветный голос четырнадцатилетнего мальчика, который просил его подъехать к скромному зданию на Черри-драйв. «Шериф Вебер, — произнес голос без малейших интонаций. — Это Брайан Хенсен. Вы не могли бы приехать? Мой отец умер, а я не могу перерезать веревку».

Лицо Брайана-старшего по форме и костной структуре чрезвычайно напоминало лицо сына, только у Брайана черты были изящнее (у отца грубее), волосы светлее, кожа — бледнее и глаза более светлого голубого оттенка. Ни того ни другого нельзя было бы назвать красивым — слишком широкий нос, слишком узкий подбородок — но все-таки и то и другое лицо вызывали несомненную симпатию и даже уважение. Чего-то в них, правда, не хватало — возможно, сосредоточенности, которую полностью выместила рассеянность, перешедшая от отца к сыну.

Брайан Хенсен-старший всю жизнь маялся депрессией и три года назад пал жертвой ее обострения, как другой становится жертвой смертельного заболевания. Некоторые называли его трусом, говорили, что он выбрал самый легкий путь убежать от жизненных проблем. Как будто психическое заболевание оставило Брайану Хенсену выбор. Интересно, они бы точно так же осуждали всякого, кто умер бы от пневмонии? Или не выдержал бы постоянной мучительной боли, которой сопровождаются раковые заболевания? Боль — это боль, причем душевную боль сносить порой тяжелее, чем физическую, думал он, обшаривая взглядом пустынные улицы в тщетной попытке увидеть черный «сивик» Брайана.

Он переживал за Брайана с тех самых пор, как нашел его в ванной, где он прилип к трупу отца, обхватив его своими тощими руками за мускулистые ноги и пытаясь приподнять, чтобы уменьшить давление на сломанную шею. «Я не смог перерезать веревку», — твердил он. На белом кафельном полу валялись бесполезные ножницы.

Но даже Джону и его помощнику было непросто разрезать скрученную простыню, которую использовал в качестве удавки Хенсен, а еще труднее было извлечь эту удавку из

распухших складок плоти. Кожа уже приобрела голубоватый оттенок, и губы побагровели. И если даже у него до сих пор стоял перед глазами этот душ, на котором болталось безжизненное тело Брайана Хенсена, у него, привыкшего к трупным пятнам и запахам, то каково это должно быть для ранимого мальчика, несформировавшегося подростка, еще не уверенного в себе, еще не разобравшегося в своей душе и в том, что он хочет от жизни? А хочет ли он вообще жить? Или он, помимо всего прочего, унаследовал и суицидальный ген своего отца? Джон знал, что депрессия часто является семейной чертой, так же, как, например, длинные ноги или карие глаза, и что депрессия так же заразна, как ветряная оспа. Он боялся, что Брайан может лишиться жизни себя, но даже представить себе не мог, что он способен покуситься на чью-то другую.

Джон свернул направо, и тут фары его автомобиля выхватили что-то подозрительное под большим баньяном, росшим у обочины. Немедленно затормозив, он вытащил из бардачка электрический фонарь и выпрыгнул из машины. Воздух был тяжелый и душный, несмотря на усиливавшуюся прохладу, но он все равно немедленно учуял сладковатый запах марихуаны. Он с благодарностью его вдохнул. Вот уже лет двадцать прошло, как он в последний раз сам курил травку. И, подогретый приятными воспоминаниями, он расслабленно опустил руки по бокам. Стрелять не придется, думал он, подходя к молодому человеку, который сидел в высокой траве под деревом. По своему опыту он знал, что курильщики марихуаны весьма сговорчивы и совершенно неагрессивны в отличие от пьяных.

— Виктор, — сказал он, глядя на юношу, чье смертельно бледное лицо не нуждалось в освещении.

— Шериф, — поздоровался Виктор, даже не пытаясь скрыть, чем он занят. Он снова затянулся самокруткой и уставился в темноту.

— Что ты здесь делаешь, Виктор? Помимо очевидного.

Виктор медленно покачал головой из стороны в сторону.

— Только это очевидное и делаю, — ответил он, немного помолчав.

— Тебе прекрасно известно, что это противозаконно, — сказал Джон, чувствуя себя последним ханжой. Он бы и сам сейчас с удовольствием покурил травки.

— Я, кажется, никому не навредил.

— Кроме самого себя.

Виктор рассмеялся:

— Бросьте, шериф! Вы сами-то в это верите?

— Это противозаконно.

— И что, вы меня арестуете?

Джон посветил вокруг фонарем и снова перевел луч света на дорогу.

— Где твоя машина?

— Я не на машине.

— Ты сюда пешком пришел?

— Это не так уж и далеко.

— Мили две, не меньше.

— Полезная физическая нагрузка на сердце. — И Виктор лукаво улыбнулся. — Вам тоже не помешало бы.

Он снова затянулся. Джон хотел сказать ему, чтобы он бросил, но сигарета догорела уже до пальцев, и еехватило на одну-единственную затяжку. Виктор затянулся изо всех сил и сделал выдох только тогда, когда уже не мог больше держать дым в легких.

— Классная трава, — прохрипел он.

— Что ты здесь делаешь совсем один? — снова спросил Джон.

— Ничего, — последовал ожидаемый ответ. — Просто думаю.

— О чем?

— Да обо всем.

— Твои родители знают, где ты?

Виктор рассмеялся, и Джон понимающе кивнул. Насколько ему было известно, родители Виктора Драммонда не особенно беспокоились о том, где находится их сын — чем дальше от дома, тем лучше.

— Ты не видел сегодня Брайана Хенсена?

Виктор покачал головой. На пудренный белый лоб упала прядь черных как смоль волос.

— Брайана? Нет. А что?

— А Фиону Гамильтон?

— Кого?

Джон вздохнул: допрашивать парня сейчас было бесполезно.

— Так, ладно. Сейчас я отвезу тебя домой.

— Круто. — Виктор оттолкнулся от земли, вытирая черные джинсы, обтягивавшие его костлявый зад, и проследовал за Джоном к машине, сев на переднее сиденье. — Ни разу еще не ездил на полицейской тачке.

— Поверь, это довольно сомнительное удовольствие.

— Не надо себя недооценивать, шериф. — Виктор откинулся на спинку сиденья и закрыл глаза. — Не надо недооценивать, — повторил он, хихикнув, как девчонка. — А это аллитерация?

— А черт его знает.

— Надо будет спросить завтра у миссис Кросби.

Джон отъехал от обочины, развернулся в обратную сторону и поехал к разлапистому разноуровневому строению, находящемуся неподалеку от торгового центра. Именно здесь и находился дом Виктора. Поговаривали, будто Уэйн Драммонд сорвал куш на бирже, когда все остальные продулись в пух и прах. Поговаривали даже о том, будто он незаконно сливает информацию, однако формального обвинения ему так и не предъявили. Джон никогда не интересовался подобными делами, поскольку они не входили в его юрисдикцию и были выше его понимания. Но он никогда не любил ни Уэйна, ни его чванливую жену Уэнди.

«Уэйн и Уэнди, — повторил он про себя. — Интересно, а это аллитерация?»

— Насколько я понимаю, вы с Лианой Мартин были достаточно близки, — заметил Джон, когда подвез Виктора к дому.

Виктор открыл глаза и скосил их на шерифа, не поворачивая головы.

— Мы с ней были друзьями, я уже говорил вам.

— Да, но ты не говорил, что вы были *близкими* друзьями.

— Потому что мы не были близкими друзьями.

— А я слышал обратное.

— Ерунда.

— А ты, кажется, был от нее без ума? — нажимал Джон.

— Без ума можно быть от какой-нибудь музыки.

— Вот как? А она, говорят, с ума по тебе сходила.

Виктор выпрямился в кресле и посмотрел на Джона.

— Правда?

— Ее мать так считает.

Еле заметная улыбка тронула губы Виктора и тут же исчезла.

— Ее мать ошибается. У Лианы был бойфренд.

— А что ты о нем думаешь?

— О Питере? Да ничего, в общем-то. А вы что, подозреваете его?

— Мы всех подозреваем.

— Вот как? Я слышал, что у него железное алиби.

— А Брайан Хенсен? — спросил Джон, решив ковать железо, пока горячо.

— При чем здесь Брайан Хенсен? Почему вы все про него спрашиваете?

Они как раз проезжали мимо торгового центра, как вдруг Джону показалось, будто он заметил черную «хонду сивик», стоящую в одиночестве на большой автостоянке. Он резко затормозил. Дом Виктора был буквально на следующей улице. — Ну что, дальше сам доберешься? — спросил он юношу.

— Конечно, шериф. — Виктор выскочил из машины и наклонился к окну. Его бледное лицо светилось в темноте как полная луна. — Спасибо, что подбросили.

— Иди спать, — сказал Джон и посмотрел вслед свернувшему за угол Виктору, потом развернулся и подъехал ко входу в торговый центр.

Площадь перед ним освещали высокие яркие фонари, расставленные на стоянке на равном расстоянии друг от друга. Обычно здесь было не протолкнуться, ведь тут находилось главное городское место сборов. Но час назад торговый центр закрылся, и единственные оставшиеся автомобили стояли припаркованными с другой стороны, возле кинотеатра. Кроме одной машины, которая стояла отдельно и до которой не доходил яркий свет высокого фонаря. Он едва ее не проглядел и заметил лишь краем глаза, когда проезжал мимо. А теперь ее вообще было не видно. Может, ему померещилось? Он подъезжал медленно, уже собираясь на все плюнуть, как вдруг снова увидел машину. В ней, как ему показалось, было пусто. Джон припарковался на достаточном расстоянии от автомобиля, вышел и осторожно подобрался к нему, держа руку на кобуре. На этот раз сладковатого запаха марихуаны не ощущалось.

Подойдя ближе, он убедился, что за рулем никого нет. На заднем сиденье тоже никто не предавался плотским утехам. И только приблизив лицо вплотную к тонированному стеклу, Джон увидел распростертое на переднем сиденье мальчишеское тело.

— Господи Иисусе, — пробормотал он, хватаясь за ручку и пытаясь ее открыть.

Тело подскочило и завизжало.

Джон тоже закричал от неожиданности, выхватил из кобуры пистолет и нацелился в окно.

— А ну, открывай эту чертову дверь, — приказал он.

— Не стреляйте, — произнес мальчик, подвинувшись на сиденье и отпирая замок.

Джон в ту же секунду открыл дверь, вытащил парня из машины и развернул его лицом к себе.

— Ты какого черта тут делаешь? — рявкнул он, засовывая пистолет обратно в кобуру.

— Я спал, — ответил Брайан Хенсен неуверенным тоном, будто уже ни в чем не мог быть уверен. Несколько слезинок скатились по щеке и упали на подбородок. Судя по исходявшему от него резкому запаху мочи, он описался.

— Тебе что, дома не спится?

Брайан вытер слезы и пригладил свои жидкие светлые волосы.

— Вас мать прислала? — робко спросил он.

— Она волнуется, — сказал вместо ответа Джон.

— Со мной все в порядке. — И он посмотрел на перед своих брюк. — Было в порядке, — уточнил он, — пока вы не напугали меня до полусмерти.

— Ты сам меня напугал: я решил, что ты мертвый.

Тут Брайан повернулся к свету, и Джон заметил ссадину на лбу и синяк на подбородке, в точности как описывала Сэнди Кросби.

— Что с тобой случилось?

— Ничего.

— Для меня это не ответ! Я же прекрасно вижу, что ты подрался.

— Пустяки.

— С кем?

— Ни с кем.

— Так, Брайан, мне это надоело. Я не твоя мать, я — шериф, черт возьми. И поверь мне, шерифу лучше не лгать. А теперь рассказывай, что с тобой случилось, а не то мне придется засадить тебя в каталажку.

— На каком основании?

— На том основании, что я считаю это необходимым. — И Джон улыбнулся.

— Чему это вы улыбаетесь?

— Просто думаю вот, что я с тобой сейчас сделаю, если ты и дальше будешь молчать. — И он помолчал, чтобы Брайан полностью переварил его слова. — Твоя мать сказала, что застала тебя за стиркой окровавленной рубашки.

— Мая мать вечно сует нос не в свои дела.

— Ты — ее дело.

— Я не ребенок.

— Тогда не веди себя как ребенок.

— Я порезался, и у меня шла кровь. Мать считает, что если сразу не застирать пятна крови, то потом уже не отстираешь.

— Чья это была кровь, Брайан?

— Что значит чья? Моя, конечно, чья же еще?

— И как же тебя угораздило порезаться?

— Напоролся на сук.

— Ну надо же! А Джой Бэлфор налетел на стену, — усмехнулся Джон. — Вы ведь наверняка подрались с Джоем, а?

Брайан промолчал. По щеке скатилась еще одна слеза, и он утер нос тыльной стороной ладони. Джон заметил, что костяшки пальцев у него распухшие и посиневшие.

— Из-за чего вы с Джоем подрались?

— Он — мудака.

— Так-то оно так, но мне нужно знать место действия, — сказал Джон.

— То есть?

— Где вы подрались?

— Рядом с Пирсон-парком.

— Что ты там делал?

— Гулял.

— Один?

— Я болтал там с двумя ребятами.

— Как их зовут?

— Какая разница? Оба из школы.

— Доставь мне удовольствие, — попросил Джон, — назови их имена.

Брайан замешкался.

— Перри Фалько. Мы вместе ходим почти на все занятия.

— Другие?

— Другие? — повторил Брайан.

— Ты сказал, что болтал там с двумя ребятами из школы.

— В школе полно народу учиться. Я всех по именам не знаю.

Джон видел, что Брайан лжет, но не мог понять почему. Поэтому решил действовать по-другому и вернулся к исходному пункту.

— Итак, ты гуляешь с Перри Фалько и еще двумя ребятами, и вдруг мимо проходит Джой...

Брайан кивнул.

— Он был один?

— Да.

— С ним случайно не было Грега Уотта?

— Нет.

— Откуда он шел?

Брайан пожал плечами:

— Почему мне знать?

— Ладно. Что случилось потом?

— Ну, он на меня наехал.

— То есть? Ударил?

— Обозвал.

— Как? — Хотя Джон уже догадался как: он иногда заглядывал в компьютер дочери и слышал кое-какие сплетни.

— Он сказал, что я педик, — подтвердил его догадки Брайан.

— Что еще?

— Ничего. Он сказал, что я педик, и я его ударил. Тогда он и набросился на меня...

— А что же в это время делали Перри Фалько и другие ребята?

— Ничего.

— То есть они просто стояли и смотрели, как тебя избивают?

— Они убежали, я же сам был виноват, — торопливо добавил Брайан. — Я первый начал, зачем было вовлекать в это других?

— Трое против одного. По-моему, если кому и должно было влететь, так это Джою Бэлфору.

— Можно я пойду домой?

— Брайан, почему ты врешь?

— Я не вру.

— Вы ведь были вдвоем с Перри, да? — мягко спросил Джон. — Вы были в парке вдвоем, когда вас увидел Джой.

Брайан глубоко вздохнул, смиряясь с неизбежным.

— Мы просто разговаривали, — тихо ответил он. — А Джой все твердил, будто видел, как мы целовались. Я пытался его урезонить, но только зря потерял время. Потом он сказал, что неудивительно, что мой отец повесился, что лучше умереть, чем знать, что твой сын гомик. — Брайан со свистом вдохнул в себя ночной воздух, будто пил воду через соломинку. И вздохнул еще раз, будто не мог надышаться. — И тогда я его ударил.

— А Перри убежал?

— Я не виню его в этом, Джой потом и за него бы принялся.

Джон тяжело вздохнул:

— Ты сегодня вечером больше никого не видел?

— Например?

— Например, Фиону Гамильтон?

— Кого?

— Не важно.

— Теперь мне можно идти?

— Если только ты пообещаешь, что отправишься прямиком домой.

— Обещаю.

— И больше никуда не выйдешь.

Брайан кивнул, не сходя с места.

— Вы ведь не станете никому рассказывать? Ну, про то, что мы с Перри были в парке?

Мы всего лишь разговаривали, но...

— Не волнуйся.

— Просто одно дело, если Джой всем растреплет, — продолжал Брайан, — ему все равно никто не поверит.

— Я никому ничего не скажу, — заверил его Джон. — А теперь езжай домой и поспи. И не ходи больше в этот парк.

Джон посмотрел, как Брайан сел за руль и уехал. Потом тоже сел в машину и поехал домой.

— Так, народ, успокойтесь! — Гордон Липсман обращался к актерскому составу «Поцелуй меня, Кэт», суча в воздухе своими беспокойными руками и тыча в потолок указательными пальцами.

«Интересно, — думала Меган, — он на что-то показывает или просто так тычет?» Но она не удосужилась посмотреть: скорее всего, это был очередной малопонятный выверт из коллекции околосценических ужимок мистера Липсмана. То он расхаживал кругами на месте, постепенно уменьшая диаметр каждого нового круга; то расхаживал перед сценой, туда и обратно, будто раненый зверь, а потом с глубоким вздохом падал в какое-нибудь кресло в зрительном зале. Вчера Меган было еще интересно, что означают все эти вздохи и кружения. Сегодня ей было все равно. Ей просто хотелось поскорее отрепетировать и уйти домой.

— А никто случайно не видел Грега Уотта? — спросил мистер Липсман, резко повернувшись на каблуках, будто Грег украдкой вошел в зал и подкрадывался к нему со спины.

— Его нет, — сказала Далила со своего места в углу первого ряда, будто это и без того не было ясно.

— Что значит нет? — Гордон Липсман посмотрел на часы. Было уже почти четыре часа. — Он что, не был сегодня в школе?

— По-моему, нет, — сказал кто-то.

— Я его не видел, — произнес кто-то еще.

— Он звонил мне сегодня утром, — отважилась сказать Таня Мак-Гаверн. — Сообщил, что нужен на сегодня отцу дома. — И она самодовольно улыбнулась, посмотрев на Меган, словно давая той понять, что знает что-то, чего не знает она.

Меган нарочито зевнула, будто ей совершенно безразлично, где находится Грег и почему. Хотя на самом деле ей это было далеко не безразлично, и она подозревала, что все об этом догадываются. Понедельник начался ужасно. Это были первые занятия после всенощной по Лиане, и все, похоже, только о ней, о Меган, и говорили. Она слышала, как шептались в коридорах, видела, как ее провожали взглядами и неодобрительно качали головами. Она знала, что все прочитали электронное сообщение Тани Мак-Гаверн и теперь обсуждали, как Меган выставила себя на посмешище, как предала память подруги, обжимаясь с бойфрендом другой своей подруги, хотя Таня ни разу ни словом не обмолвилась с ней о том, что ей нравится Грег, да и Грег подтвердил, что к Тане так просто не подступишься. В итоге за одну ночь она потеряла все: потенциального бойфренда, так называемых подруг, свою репутацию и самоуважение. Но так и не могла понять почему. Она просто не понимала, что произошло.

Только что они с Грегом страстно целовались, а в следующую минуту он встал и ушел. Неужели она так плохо целуется? Или его оттолкнула ее очевидная неопытность? Может, ему не хотелось, чтобы она так быстро сдалась? Или он просто играл с ней? Хотел лишний раз убедиться, что нравится ей, и, убедившись, тут же потерял к ней интерес? Что, что заставило его передумать, причем так внезапно?

Он игнорировал ее весь понедельник и вчера во время первоначальной читки пьесы сидел с другой стороны прохода. Сегодня они должны были репетировать первую большую совместную сцену, и она рассчитывала, что все недоразумения разъяснятся. Она не

собирается на него напираться, но он должен объяснить. Если он ждет от нее извинений, она извинится, хотя все равно не понимает, за что ей извиняться. Что такого ужасного она сделала? Да, может, поминки были не самым подходящим моментом, чтобы начинать новый роман, но ведь остальные ребята тоже целовались и обжимались всю ночь напролет, а их между тем никто не бойкотирует.

Вчера ночью Меган стояла у окна своей спальни, когда на их улицу въехал белый фургон Грега, и всего на один момент, во время которого у нее едва не остановилось сердце, она решила, что он приехал к ней. Но он вылез из машины вместе с Гордоном Липсманом, с заднего сиденья выбрался Питер Арлингтон, и они все втроем помчались по дорожке, ведущей к дому Кэла Гамильтона, и через несколько секунд уже скрылись из виду. Машина Джоя Бэлфора уже стояла на подъездной аллее рядом со спортивным автомобилем Кэла. Потом подъехал покореженный красный «шевроле», а потом появился шериф. А спустя полчаса все разошлись. Грег вышел из дома и сел в автомобиль, даже не взглянув в сторону ее дома.

Два часа — с двенадцати до двух ночи — Меган безуспешно пыталась прогнать его из своих мыслей. Потом с двух до четырех придумывала, как будет его увещевать, и рассматривала различные способы вновь пробудить его интерес. Представляла себе, как он будет отвечать на ее попытку примириться — порой мило и дружелюбно, порой равнодушно или даже враждебно. И пыталась предвидеть все возможные пути развития событий. Не предвидела она только одного: что ничего вообще не случится.

Что он просто возьмет и вообще не явится на репетицию. А она еще вымыла голову и надела новый черный свитер с глубоким вырезом. «Не слишком ли он открытый для школы?» — прокомментировала мать.

Но почему же Грега нет? Только ли потому, что отцу действительно понадобилась его помощь по дому? Или он вообще решил не играть в пьесе, потому что не хочет больше быть самодовольным Петручо при несговорчивой Кэт? Черт! Она ведь только из-за него и согласилась играть в пьесе. И в итоге торчит в этом зале, где все обращаются с ней как с прокаженной, за исключением разве что Далилы Фрэнклин, но это только усугубляет ситуацию. Может, мать действительно права и им следует вернуться в Рочестер? Торранс — не для нее. А что тогда для нее?

Мистер Липсман водрузил указательный палец правой руки на переносицу и поправил невидимые очки.

— Ну что же, придется продолжить без него. — Он махнул Эмбер и еще кому-то, чтобы те шли на сцену. — А ты, Таня, может, пока попытаешься с ним связаться? Вдруг отец все же отпустит его на пару часов?

— Я попробую дозвониться ему на мобильный, — ответила Таня, переходя в конец зала вместе с Джинджер Перчак. И Меган подумала с сожалением, что еще неделю назад она шла бы сейчас вместе с ними.

— Как ты думаешь, отец обозлился на него за то, что он согласился играть в пьесе? — спросила Далила, проскальзывая на сиденье рядом с Меган.

— Откуда мне знать? — отрезала Меган, не поворачивая головы.

— Прости, я думала, что вы...

— Что мы, что?

— Ну, ты понимаешь.

— Нет, не понимаю. Тем более что это не так.

— Прости, — снова извинилась Далила и заерзала в кресле так, что оно заскрипело. — Я просто подумала...

— А ты не думай, что не нужно!

— Извини, — снова сказала Далила. — А ты слышала про Брайана Хенсена и Перри Фалько?

— А что с ними случилось?

— Джой вчера ночью застукал их целующимися в парке.

Меган уже прочла эти сенсационные сообщения на школьном сайте.

— Джой — сволочь. Он соврет, недорого возьмет!

— Можешь не говорить мне об этом.

— Тогда почему же ты разносишь такие злостные сплетни? — спросила Меган, прекрасно понимая, что несправедлива к Далиле. Та такой же человек, как и все, и не меньше других любит посплетничать, тем более что сейчас жертвой сплетен стала не она, а кто-то другой. Ведь куда как приятнее отождествлять себя с победителем, а не с побежденным.

— Извини.

— Я тебя умоляю, перестань извиняться.

— Прости, — пробормотала Далила. И только Меган решила, что та исчерпала свой запас извинений и теперь вернется на место, как Далила снова открыла рот: — Как потвоему, что случилось с Фионой Гамильтон? — В городе вот уже второй день все только и говорили, что об исчезновении Фионы.

— Понятия не имею.

— А ты ее хорошо знала?

Меган покачала головой:

— Я ее вообще не знала.

— Она ведь живет с вами по соседству.

— Ну и что? Я ее даже и не видела толком.

— Как ты думаешь, ее убил тот же человек, что и Лиану?

Меган отрицательно покачала головой. Ночью у них с матерью состоялся примерно такой же разговор, только все те же самые вопросы задавала она. И теперь Меган ответила Далиле то, что ответила ей мать:

— Я думаю, что она просто сбежала.

— Надеюсь, что это так, — сказала Далила.

Был уже вторник, четыре часа пополудни, а Фиона Гамильтон так и не появилась. Поговаривали о том, что следует обратиться в ФБР, раз местная полиция не способна расследовать ни одно дело.

— Я не могу до него дозвониться, — неожиданно объявила Таня, простучав каблучками по проходу. Джинджер, как собачка, семенила за ней следом. — Он не отвечает. — И они уселись напротив Меган, с противоположного края прохода. — Я отправила ему сообщение.

Мистер Липсман вздохнул и издал какой-то фыркающий звук.

— Ладно, тогда я приглашаю на сцену хор!

Далила тут же поднялась на ноги.

— Господи, взгляните только на эту корову, — прошептала Таня, когда та стала взбираться на сцену, причем прошептала достаточно громко, чтобы все услышали.

— Уж скорее это слониха, — поддакнула Джинджер.

И обе выжидательно посмотрели на Меган, будто предлагая ей перейти на их сторону и на деле доказать свою солидарность с ними. Она вдруг поняла, что всего пара гнусных комментариев с ее стороны — и она вернет их благорасположение, поняла, что Таня дает ей шанс вернуться в их узкий круг. Еще не поздно все исправить, думала она. То, что отняла у Тани с Джинджер роль Кэт. Что целовалась с Грегом. Это же так просто. Достаточно лишь сравнить Далилу с каким-нибудь особо неуклюжим животным, сказать, например: «Ну и моржиха!» Она ведь не должна чувствовать себя обязанной только потому, что Далила с ней мило разговаривала? Или потому, что обе отверженных, возможно, когда-нибудь станут сводными сестрами? Она уже открыла было рот, чтобы сказать какую-нибудь гадость в адрес Далилы, как вдруг услышала голос своей матери. «Если не можешь сказать о человеке ничего хорошего, то лучше молчи». А вслед за этим последовала еще одна излюбленная ею банальность: «Во всем поступай с другими так, как ты хотела бы, чтобы поступали с тобой». Поэтому Меган закрыла рот, Таня с Джинджер разочарованно отвернулись, и шанс выйти из опалы испарился с такой же быстротой, с какой и возник. Меган встала и бросилась в конец зала.

— Дешевка! — услышала она за спиной голос Тани.

— Меган, далеко не уходи, — крикнул ей мистер Липсман, когда она уже выходила в коридор.

— А что, репетиция уже закончилась? — послышалось вдруг рядом.

Меган не нужно было оборачиваться, чтобы понять, кому принадлежит этот голос. Она застыла на месте, досчитала про себя до десяти и только потом ответила:

— Нет, только началась.

— Ну и куда ты идешь? — спросил Грег.

Но Меган все равно не стала оборачиваться. Она так обрадовалась его приходу, тому, что он заговорил с ней, что чуть не заплакала от радости.

— Мистер Липсман сейчас репетирует с хором, и я решила выйти на пару минут, подышать свежим воздухом, — ответила она тихо.

— Неплохая идея, — сказал Грег и пошел за ней следом.

Меган старалась изо всех сил сосредоточиться на том, чтобы ровно дышать. Пыталась припомнить все то, что собиралась ему сказать, все свои умные замечания и достойные ответы, но разум онемел и отказывался ей повиноваться. Поэтому она решила вообще ничего не говорить, пусть Грег сам берет на себя инициативу. Они вышли во двор, и только тут она на него взглянула, да и то потому только, что он обошел ее и встал перед ней. Солнце нещадно слепило глаза, но она все равно увидела, что лицо его покрывали ссадины, а один глаз распух так, что почти не открывался и был обведен багровым кольцом. А когда он улыбнулся, разбитая губа неестественно зловеще оттопырилась.

— Господи, что с тобой? — Полшколы пришло в синяках. Что такое с ними со всеми творится?

— Мы повздорили кое о чем с отцом.

— О чем?

— Просто он не в восторге от моих внеклассных занятий.

— Он ударил тебя, потому что не хочет, чтобы ты играл в спектакле?

— Школьные мюзиклы не входят в список его ценностей.

— И только поэтому он тебя избил?

— Попытался.

— По-моему, ему это удалось. Ты ходил к врачу?

Грег только пожал плечами:

— Пустяки!

Меган сдерживалась изо всех сил. Больше всего ей хотелось бы сейчас коснуться ладонью его лица, покрыть нежными поцелуями щеку.

— Я просто не могу поверить, что он так с тобой поступил. Разве так можно?..

— Это уже не в первый раз.

— А ты кому-нибудь говорил об этом?

— Вот говорю сейчас тебе.

Меган почувствовала себя странно польщенной, хотя невольно задумалась: а что было бы, натолкнись он не на нее, а на кого-нибудь еще? Поделится бы он своими проблемами с Таней?

— Я имела в виду шерифа Вебера, например.

— У шерифа и без меня дел полно, ты не согласна?

— Давай я позвоню отцу? Наверняка он не откажется тебя принять.

— Давай ты сядешь рядом и мы поговорим. Поверь, это лучшее лекарство от моих ран. — Грег взял ее под локоть и повел к королевской пальме посреди маленького треугольного газона, метрах в тридцати от школы. Они опустились на влажную почву, Грег по-прежнему не выпускал ее руки.

— И о чем ты хочешь поговорить? — опасливо поинтересовалась Меган. Хотя на самом деле ей хотелось спросить: «Что с тобой творится, черт бы тебя побрал? Откуда вдруг это неожиданное желание поговорить? Почему ты бросил меня тогда, в парке?»

— Не знаю, — признался он, улыбаясь.

— Я видела тебя вчера вечером. Ты приезжал к мистеру Гамильтону.

Он кивнул:

— Просто он здорово переволновался, когда у него жена пропала.

Меган вовсе не хотелось говорить про Фиону Гамильтон.

— А как вы с Питером оказались вместе с мистером Липсманом?

— Мы просто репетировали одну песенку у него дома.

— Вот как? И как там у него?

— Жутковато. Он живет в большом старом доме, в котором раньше жил вместе с матерью, и этот дом битком набит всяким хламом, уж не говоря про кошек.

— Их так много?

— Штук десять минимум. — Грег улыбнулся и подмигнул.

— Тебе не больно улыбаться?

— У старика крепкий кулак.

— Давай я все-таки попрошу моего отца тебя осмотреть.

— У меня есть гораздо лучшая идея.

— И какая же?

— Давай ты меня поцелуешь, и все пройдет.

У Меган перехватило дыхание.

— Мама так делала в детстве, — добавил он смущенно.

Меган промолчала. Что он задумал? Они что, на пару с Таней решили поиздеваться над ней? Поцеловать ее, потом бросить, целыми днями не разговаривать, чтобы потом снова выпросить поцелуй? Чтобы убедиться, какая она дура? И потом, разве они в прошлый раз не

о его умершей матери разговаривали, когда он вдруг бросил ее посреди парка одну?

— Что происходит? — невольно выпалила Меган.

— Ты о чем?

— Ты прекрасно знаешь о чем, — ответила Меган, уже не в состоянии сдержать внезапно прорвавшийся поток слов. — Ты и двух слов мне не сказал после Лианиных поминок, а сейчас тебе вдруг захотелось разыграть из себя этакого милашечку! — «Милашечку, — повторила она про себя. — Милашечку?!» Откуда она набралась таких поросших мохом выражений?

— Милашечку? — тоже повторил он и улыбнулся, хотя ему явно было больно улыбаться.

— Ты ведь тогда бросил меня одну в парке, я стояла там и чувствовала себя полной идиоткой.

— Я знаю, — подтвердил он, немного помолчав.

— Почему ты так поступил?

— Не знаю.

— Что значит, «не знаю»? Сначала все было прекрасно, и вдруг ты перестал со мной разговаривать. Почему?

— Потому что я полный идиот. Наверное, отец прав.

Меган покачала головой:

— Нет, таким объяснением ты от меня не отделаешься. — Наступило долгое молчание, во время которого Меган терзалась подозрениями, что опять все испортила, что Грег сейчас встанет и снова уйдет. И что ей тогда останется делать? Бежать за ним собачонкой? Или позволить ему уйти, решив, что ей повезло?

— Ты меня испугала.

— Не понимаю.

— Я тоже не понимаю.

— Чем я тебя испугала? Что я такого сделала?

— Точнее, *не* сделала.

— И чего же я не сделала?

— Не стала вести себя со мной как со здоровенным тупым громилой, который не отличит дыру в унитазе от собственной задницы.

— Потому что это не так.

— Вот об этом я и говорю.

— Ты снова теряешь нить разговора.

— Именно этого я боялся.

— Чего?

— Потерять тебя.

У Меган закружилась голова.

— Чего ты несешь? Это же ты меня бросил!

— Решил сделать упреждающий удар. Кажется, это так называется?

— Ты боялся меня потерять, поэтому бросил? Так что ли?

— Глупо, согласен.

— И трусливо. Ты даже не оставил мне выбора.

— Считай, что тебе повезло.

— Почему?

— Потому что я собирался тебя соблазнить.

— Что? — Меган еще никто ни разу не говорил о соблазнении, и поэтому она внезапно почувствовала себя взрослой.

— Ты прекрасно слышала что. Я думал об этом с того самого дня на прослушивании. Решил, что ты уже достаточно созрела.

Как Меган ни пыталась оскорбиться, она не могла не почувствовать себя польщенной. И возбужденной.

— И что же тебя остановило?

— Ты. Ты стала наседать на меня, сказала, чтобы я сбавил обороты, что сначала мы должны узнать друг друга поближе. И я вдруг ни с того ни с сего рассказал тебе про мать и про то, что я вообще никому не рассказываю. Это заставило меня задуматься. — И он ухмыльнулся. — А я не люблю думать. Не привык.

Меган тоже улыбнулась, но тут же постаралась поскорее нахмуриться.

— Поэтому ты решил поухаживать за Таней?

— За Таней? Ни в коем случае. Там все давно кончено, мы просто друзья.

— А ей об этом известно?

— Известно. Она третирует тебя потому, что роль Кэт дали тебе.

«И что теперь?» — думала Меган, незаметно подвигаясь к Грегу поближе.

— Ты правда хотел меня соблазнить?

— Уж ты мне поверь. Ты была обречена.

— И как же ты собирался это сделать?

Рот Грега растянулся в лукавой улыбке, отчего едва не лопнула трещина на нижней губе.

— Ну, для начала я собирался прикоснуться сюда. — И он погладил ее шею кончиками пальцев. Меган будто пронзило зарядом тока, спустившимся по позвоночнику к пояснице. — Потом я бы поцеловал тебя в уголок губ, вот так. — Он приблизил к ней свое лицо, и его губы нежно коснулись ее губ. Электрический заряд ударил Меган в грудь. — Потом сюда, — продолжал он, поочередно целуя ее веки. — А потом сюда, — сказал он, снова целуя ее в губы, но на этот раз уже гораздо настойчивее.

— Осторожнее, — сказала она, задев своими губами острый край трещинки у него на губах. — У тебя ранка.

— Да мне уже гораздо лучше.

Меган чувствовала, что начинает задыхаться.

— А что бы мы делали потом?

Грег отстранился от нее, проведя кончиком пальца от подбородка до выреза на свитере.

— А потом я заглянул бы в эти большие доверчивые глаза и предложил бы обратиться оттуда к чертовой матери.

— И ты думаешь, я бы ушла?

— А ты бы не ушла?

— Меган! — послышался громкий голос. — Что это ты здесь делаешь?

Меган подскочила, услышав голос матери. Нехотя оглянувшись, она увидела мать, которая шла по тротуару из своего пристроенного класса, и быстро встала на ноги.

— Привет, мам. Я думала, ты уже ушла.

— Привет, миссис Кросби, — поздоровался Грег, рывком вставая с земли и стряхивая налипшие на джинсы травинки. — Задержались на работе?

— Мне нужно было кое-что приготовить на завтра. А вы?

— А мы повторяли текст, — сказала Меган.

— Из пьесы, — поддакнул Грег.

— Что у тебя с лицом? — спросила Сэнди.

— Ничего страшного, — ответил он.

— Нам нужно вернуться в зал, — сказала Меган.

Мать перевела свой усталый взгляд с Меган на Грега и обратно.

— Да, наверное, вам лучше вернуться, — сказала она.

«Совсем за идиотку меня считают», — думала Сэнди, глядя вслед Меган и Грегу, которые скрылись за тяжелой боковой дверью школы. «Мы просто повторяли текст. Из пьесы». Да уж, текст. Из пьесы. Как бы не так, черт бы их побрал! С Грегом Уоттом! О чем только думает ее дочь? Если она вообще о чем-либо думает. Что маловероятно.

Хотя какое она имеет право сомневаться в здравом смысле своей дочери и в ее вкусе относительно выбора парней, если учесть ее собственное недавнее, и весьма сомнительное, поведение. Она размышляла о своем фиаско с Уиллом Бейкером, содрогаясь при одном лишь воспоминании о той ужасной ночи! Господи боже, она ведь села в машину к совершенно незнакомому человеку! Поднялась к нему в номер! У Меган есть хотя бы разумное оправдание ее безрассудству: ей всего семнадцать лет, а подростки только и делают, что совершают глупости. Жизнь усложняется с каждым прожитым годом, когда еще она сможет позволить себе такую роскошь? Уж не говоря о том, что убийство школьной подруги поколебало подсознательную веру Меган, да и всех ее сверстников, в собственное бессмертие. Так что вполне естественно ждать от нее подобных поступков.

Но сама Сэнди уже приближается к сорокалетию, когда неопытность и простодушие юности уже давно должны остаться позади. Наивность ей совсем не к лицу. И если учесть ее собственные «достижения» во взаимоотношениях с мужчинами, то кто она такая, чтобы что-то кому-то указывать? Так что сейчас, пожалуй, не самое лучшее время для ее разговора с дочерью. Тем более Меган уже заверила ее, что не занимается сексом. Так что лучше прикусить язык и ни о чем ее не спрашивать, а собственное мнение о Грегге Уотте держать при себе. Известно, что ничто так не обостряет желания непокорного подростка, как материнское неодобрение.

Хотя нельзя сказать, что она активно не одобряет Грега. Да, он не интеллектualan, но, во всяком случае, и не дурак. За этой грубоватой маской явно скрывается живое активное воображение и подлинно творческое начало. И потом, ум не обязательно означает благопристойность; было бы ошибочно смешивать два этих понятия. Ян Кросби — человек, несомненно, умный. И взгляните, с чем он ее в итоге оставил.

Сэнди выждала еще минуту и только потом вошла в главное здание. Она прошла вдоль ряда закрытых дверей, размышляя над тем, как давно ее дочь флиртует с Грегом Уоттом и не из-за него ли Меган тогда ушла раньше с поминок по Лиане.

Мысли о Лиане навели ее на мысли о смерти, а потом вновь — на Грегга Уотта. Грег с Лианой были в одной компании, никому бы и в голову не пришло удивиться, увидев их вместе. Плюс ко всему он входил в поисковую группу, которая обнаружила ее труп. Уж не говоря о том, что вчера вечером он приезжал к Кэлу Гамильтону, уже после предположительного исчезновения Фионы. И он достаточно сильный, чтобы справиться с двумя ничего не подозревающими женщинами, даже если они попытаются сопротивляться. Кстати, откуда у него эти ссадины и синяки? И Сэнди застыла на месте как вкопанная. Что за бред? Неужели она и вправду считает, что Грег Уотт способен на убийство?

— Бред! — пробормотала она чуть слышно. — Не смейся людей.

— Моя мама всегда так говорила, когда ей хотелось поговорить с умным человеком и она начинала разговаривать сама с собой, — послышался сзади чей-то голос.

Сэнди медленно обернулась.

— Мистер Фромм, — поздоровалась она с долговязым директором школы. Ему было лет пятьдесят, он был более шести футов ростом и при ходьбе переносил весь свой вес на носки, так что ощущение возникало такое, будто он вот-вот упадет на вас. Сэнди думала, что это результат многолетнего занятия серфингом в молодости, когда он избородил на своей доске все океаны в поисках идеальной волны. Взлохмаченные выгоревшие волосы только способствовали созданию имиджа вдрызг пьяного «дуда»^[43] — серфингиста, так же как страсть к мешковатым гавайским рубашкам вроде той, которая была на нем сегодня, с сумасшедшей оранжево-красной расцветкой. Сэнди не могла припомнить, чтобы хоть раз видела его в пиджаке и галстук.

— Как дела?

— Прекрасно, а у вас?

— Отлично, благодарю вас.

— Отлично? — переспросил он недоверчиво? — Я слышал, что вам несладко пришлось в последнее время.

— Нам всем не очень сладко в последнее время.

— Совершенно верно. Это просто кошмар какой-то, — прибавил он, поглядывая по сторонам, будто его сейчас поглотит коварно набежавшая откуда-то волна. — Если вам что-нибудь понадобится...

— Спасибо. — От Сэнди не укрылся испуг, промелькнувший в сонных серых глазах директора, будто до него внезапно дошло, что она может и впрямь воспользоваться его предложением.

— Ну, тогда ладно... — пробормотал он уже на ходу.

Сэнди пошла дальше по коридору к кабинету Риты. Она хотела справиться про Брайана, который не пришел сегодня на английский. Но дверь оказалась запертой, и в кабинете не горел свет. Значит, Рита уже ушла. Сэнди было непривычно, что они за день так ни разу и не пообщались, тем более после вчерашнего Ритиногo истеричного звонка. Может, Рите просто неловко? Или она узнала, что Сэнди рассказала шерифу о Брайане, и рассердилась на нее за это? А может, она все еще дует за то, что Сэнди бросила ее тогда в субботу? Надо будет позвонить ей ближе к вечеру или даже заглянуть к ней домой.

Она пошла дальше по коридору, задержавшись взглядом на двери, ведущей в актoвый зал, и уже почти подошла к выходу, когда дверь у нее за спиной открылась и послышались чьи-то торопливые шаги. Обернувшись, она увидела Далилу Фрэнклин, которая бежала вслед за ней с удивительной скоростью и грацией.

— Привет, миссис Кросби.

— Далила! — окликнула Сэнди, когда девушка поравнялась с ней. — Что-то стряслось?

— Нет-нет, просто мистер Липсман, как оказалось, забыл дома кое-какие ноты, а они срочно понадобились. Вот я и предложила сходить и принести. — Она протянула ключ от его дома.

— А он недалеко живет?

— Где-то на Адмирал-роуд.

— На Адмирал-роуд? — Сэнди безуспешно пыталась припомнить, где находится такая улица. — Это, наверное, далекоовато отсюда?

— Наверное.

— Ты на машине?

Далила отрицательно покрутила головой.

— Машина есть только у мамы, а она ей всегда нужна. — Сэнди постаралась не измениться в лице, когда Далила упомянула мать. Уже неплохо получается, подумала она, чувствуя, что у нее лишь слегка дернулся уголок губ. — К тому же бабушка все время твердит, что мне необходимы физические нагрузки.

— Давай я тебя подвезу? — предложила Сэнди, сама себе удивляясь. Что это с ней? Вежливость — одно, а вот глупость — уже совсем другое. Да, она ее учительница и в какой-то степени за нее отвечает. Но зачем же из кожи вон лезть? Для того чтобы угодить женщине, которая украла у нее мужа? Или она рассчитывает, что рассказы о ее благородстве дойдут до Яна и он посмотрит на нее в другом, более лестном для нее свете, передумает и вернется? Или ей просто не хочется возвращаться в пустой дом?

Дом, конечно, не пустой. Дома сидит Тим, хотя он наверняка сейчас заперся у себя в комнате с компьютером и видеоиграми, так что пообщаться с ним не удастся. Меган тоже постарается не попасться ей на глаза, когда вернется с репетиции, чтобы ненароком не навести разговор на Грега Уотта. Сэнди чувствовала, что даже Рита ей не особенно обрадуется, если она к ней неожиданно заглянет. Так почему бы не побыть вне дома лишних полчаса и не свозить Далилу туда и обратно — это спасет ее от лишних минут одиночества.

— Вот здорово, — с энтузиазмом отозвалась Далила. — А вы никуда не спешите?

Сэнди неопределенно пожала плечами и повела Далилу к своей белой «кэмри» на учительской автостоянке.

— Красивая машина! — по-детски восторженно протянула Далила, перетягивая через грудь ремень безопасности.

— Да она уже старая, — ответила Сэнди. Серебристый «ягуар» Ян забрал, когда ушел от нее. Она не стала возражать — все равно этот проклятый «ягуар» провел больше времени на автостоянке, чем на дороге. — Но пока бегаёт прекрасно.

— На углу поверните направо, — распорядилась Далила. — Потом езжайте прямо до Цитрусовой рощи. Дальше — снова направо.

Сэнди сделала в точности, как ей сказали, и, когда они поехали на запад по Нью-Скул-роуд, достала из сумочки огромные солнечные очки. Официально был час пик, но на дороге почти не попадалось машин.

— Жарко сегодня, — обронила она, решив, что лучше всего говорить о погоде.

— Да, — согласилась Далила. — Жарко и душно. Лично я предпочитаю прохладу.

— Правда? Я тоже. — Сэнди не нужно было поворачивать головы, чтобы увидеть широкую улыбку, расплывшуюся на круглом лице Далилы, будто ей только что отвесили чудный комплимент. — Ты сегодня очень хорошо выглядишь, Ди, — заметила она, глядя, как улыбка девушки доползает до ушей. Не совсем правда, но в общем-то и не вранье. Далила выглядела респектабельно. Ни больше ни меньше: белая рубашка, свободные джинсы, волосы аккуратно зачесаны и заколоты на висках. Кроме того, она была ненакрашенная, с чистой кожей и сияющими глазами.

— А хотите, я вам кое в чем признаюсь? — спросила Далила, договорив прежде, чем Сэнди успела рот раскрыть. — Я на диете. — И она закатила глаза, будто подчеркивая всю важность своего признания. — Мама купила мне новый свитер. Он такой красивый, но немного мне маловат, вот я и решила сбросить вес, чтобы влезть в него.

— Что ж, похвально. Только не спеши: говорят, нужно сбрасывать не больше одного-двух фунтов в неделю.

— Правда? Но это же очень мало.

— Да, но ведь это будет постоянно. Если сбрасывать по два фунта в неделю, то меньше чем за год можно похудеть на добрую сотню. Хотя столько тебе сбрасывать не нужно, — спохватилась она.

— Я думаю сбросить хотя бы фунтов двадцать пять. Езжайте прямо, — сказала Далила, когда Сэнди остановилась на светофоре.

— Не слишком ли много?

— Два фунта в неделю... Нормально. Получается, это займет у меня около трех месяцев.

— Точно.

— А у вас никогда не было проблем с весом?

— Нет, — подтвердила Сэнди. — Хотя я всегда была недовольна своей внешностью. Подростком я была такой тощей, к тому же мне всегда хотелось иметь грудь побольше.

— Ее можно купить. — Далила произнесла это с такой непосредственностью, что Сэнди невольно рассмеялась. — Кажется, на следующем перекрестке будет Цитрусовая роща.

— А после поворота? — спросила Сэнди, на всякий случай взглянув на спидометр.

— Потом еще полмили прямо и налево.

— Пешком пришлось бы идти очень долго.

— Бабушка говорит, что мне полезна физическая нагрузка, — опять повторила Далила бесстрастным голосом.

— А ты, видно, хорошо знаешь этот район.

— Я ведь прожила здесь всю свою жизнь, — напомнила Далила.

— Ты любишь свой город?

— Здесь неплохо, хотя я подумываю о том, чтобы перебраться в Калифорнию.

— А что хорошего в Калифорнии?

— Кинозвезды. — И Далила захихикала.

— Ты любишь кино?

— Да. Мы с мамой раньше часто ходили. Теперь уже реже. Сверните налево.

Сэнди крепче вцепилась в руль, выезжая на магистраль. Понятно, что у Кэрри больше нет времени водить дочь в кино, думала она, проезжая мимо апельсиновых деревьев, росших по обеим сторонам неасфальтированной дороги. Как быстро, однако, город перетек в настоящую сельскую местность.

— Теперь поверните налево, а потом снова направо. Вон, кажется, и дом мистера Липсмана. — Далила показала на опрятный белый домик посреди ухоженного газона. Соседнее жилище располагалось минимум в двухстах метрах.

— Ты бы сюда и за час пешком не добралась, — сказала Сэнди, въезжая на узкую подъездную аллею.

— Да, он дальше, чем я предполагала, — согласилась Далила. — Обрато, наверное, пришлось бы добираться автостопом.

— И это было бы безрассудно: разве можно садиться в машину к незнакомым людям? — Сэнди тут же прикусила язык. Кто она такая, чтобы еще об этом говорить?

— Да я знаю почти всех в городе. И потом, — Далила самокритично оглядела себя, — вряд ли мне стоит опасаться. Ладно, я сбегаю и отыщу ноты.

— А ты знаешь, где их искать?

— Мистер Липсман сказал, что они должны лежать где-то в прихожей. — Тут Далила

замешкалась.

— Ты хочешь, чтобы я пошла с тобой?

— А вы были бы не против? — не задумываясь, попросила Далила.

Сэнди открыла дверцу и вышла из машины. Они подошли к белому двухэтажному строению, обшито гонтом, с поблекшими черными ставнями. За окном нижнего этажа, на фоне задернутых кружевных занавесок, сидела большая серая кошка.

— Милый домик, — неуверенно произнесла Далила.

— Кажется, здесь мистер Липсман жил вместе со своей матерью?

— Я слышала, что она похоронена где-то здесь.

— Что? Кто? Его мать?

Далила кивнула.

— Она, кажется, пожелала, чтобы ее похоронили под ее любимым лимонным деревом на заднем дворе.

— Но людей нельзя хоронить во дворах. — Даже здесь, во Флориде, — прибавила Сэнди еле слышно.

— Все так говорят.

Сэнди перевела взгляд на торец дома, когда они приблизились к парадной двери. Неужели?

— Я не верю, — сказала она, когда Далила вставила ключ в замок и отперла входную дверь. К ним тут же подскочило несколько кошек, а одна из них, жирная, черно-белая, стала нежно тереться о голые ноги Сэнди.

— Осторожнее, смотрите, чтобы они не убежали, — испуганно сказала Далила.

Сэнди осторожно затолкала кошек в переднюю, и Далила закрыла дверь. На Сэнди немедленно дохнуло затхлым воздухом и «Китти Литтером».^[44]

— Мистер Липсман не любит кондиционеров, — заметила Далила. — Он полагает, что ничто так не вредит легким, как табакокурение и кондиционеры.

— Видимо, дышать кошачьей шерстью гораздо полезнее.

— Мистер Липсман немного чудаковатый. Зато он очень милый, — торопливо добавила Далила.

— Чудаковатый, это точно, — подтвердила Сэнди.

— Что-то я не вижу никаких нот. А вы?

Сэнди оглядела прихожую. В лучике света, лившегося из бокового оконца с распахивающимися створками, как конфетти, кружились пылинки. Но кроме откормленной рыжей кошки, развалившейся на старом кресле в стиле королевы Анны, она не увидела ничего. Еще одна полосатая разбойница точила когти о ножки старинного журнального столика, который стоял рядом. На столике была фотография в серебряной рамке: суровая женщина в черном платье с жестким воротничком, со стянутыми на затылке в узел седыми волосами.

— Его мать, должно быть, — прошептала Далила.

— Что-то она не слишком улыбчива.

Далила захихикала.

— Как вы думаете, куда мистер Липсман задевал эти ноты?

— Может, ты посмотришь на кухне? А я в гостиной, — предложила Сэнди.

Кошки потянулись вслед за Сэнди в гостиную, а там было еще несколько кошек. Кроме той, что сидела на подоконнике, Сэнди насчитала еще двух, лежавших на темно-зеленом

бархатном диване, а потом заметила еще одну — на громоздком кресле, обтянутом золотой парчой. Все остальное пространство занимал кабинетный рояль, на опущенной крышке которого были расставлены многочисленные фотографии, в основном Гордона Липсмана с матерью, начиная еще с его детских лет. Даже в слабом свете послеполуденного солнца, просачивавшегося сквозь пыльное кружево занавесок, было видно, что его лицо почти не изменилось за многие годы. Даже ребенком он был скорее похож на немолодого мужчину.

С матерью дело обстояло несколько иначе. Эта женщина, которая в молодости была если и не красавицей, то, во всяком случае, дамой очень симпатичной, с годами становилась все суровее, улыбка постепенно теряла свою живость, глаза тускнели. На одной из старых фотографий она была изображена в шикарном голубом платье и со счастливой улыбкой обнимала такую же хорошенькую девушку, вероятно, свою сестру. Рядом стояла еще одна фотография, на которой обе они танцевали на какой-то вечеринке.

Сэнди переводила взгляд с одной фотографии на другую. Здесь была фотография молодой миссис Липсман с младенцем Гордоном на руках, был здесь и Гордон-карапуз, сидящий между матерью и тетей, были фотографии уже пожилой матери Гордона в окружении всех своих кошек. По мере старения персонажей улыбки на их лицах становились все мрачнее, а потом и вовсе исчезли.

Были здесь и невинные фото с изображением учеников средней школы Торранса: вот Джинджер Перчак о чем-то секретничает с Таней Мак-Гаверн; вот глядящий куда-то вдаль Виктор Драммонд; вот радостно скачущая по сцене Лиана Мартин. Очевидно, все они были сняты во время прошлогодних репетиций «Скрипача на крыше». Тем не менее по спине Сэнди поползли мурашки.

— Далила? — позвала она. Ей вдруг захотелось поскорее отсюда убраться. — Далила?

Тишина. Сэнди торопливо вышла из гостиной и прошла по узкому коридору в кухню. Далила стояла у кухонного окна и смотрела во двор.

— Далила! — воскликнула Сэнди. — Что-то случилось?

Голос Далилы прозвучал будто из другой комнаты:

— Как вы думаете, под каким из них?

Сэнди подошла к Далиле, перешагнув через коробку с «Китти Литтером», и посмотрела на пустой задний двор дома Липсмана.

— Ты о чем?

— Я насчитала четыре лимонных дерева. Мне кажется, вон под тем, в конце. Оно самое раскидистое. А вы как думаете?

До Сэнди не сразу дошел смысл ее слов.

— Далила, уверяю тебя, что миссис Липсман похоронена не здесь, а на кладбище, — сказала она, хотя совершенно не была в этом уверена. — Давай-ка побыстрее отыщем ноты и уйдем отсюда.

— А, да я нашла. — И Далила обернулась, помахав в воздухе листками. — Они лежали на столе.

— Хорошо. Тогда давай отсюда поскорее уедем...

Они проехали по дороге уже минут десять, когда до Сэнди вдруг дошло, что они едут не в ту сторону. Когда они свернули, вечернее солнце стало бить прямо в глаза, а это значило, что они едут напрямиком на запад, когда должны ехать на восток.

— Кажется, свернуть надо было налево, — почти в тот же самый момент подала голос

Далила. — А не направо.

— Ты ведь сказала, чтобы я свернула направо.

— Нет, я сказала — налево, а потом — направо. Кажется.

Сэнди быстро развернула машину и поехала к последнему перекрестку. Ян всегда говорил, что она совершенно не умеет ориентироваться на местности и беспомощно блуждает в трех соснах. К тому же ее обеспокоил визит в дом Гордона Липсмана. Лиана Мартин на той фотографии была прямо как живая.

— Ладно, я сдаюсь, — сказала она, покружив еще немного по местности и не видя конца и краю плантации апельсиновых деревьев. И съехала к обочине. Других машин вблизи не было. — Куда мы, черт возьми, заехали?

— Кажется, на следующем перекрестке надо повернуть налево, — робко сказала Далила.

— Ты уверена?

— Нет.

— Замечательно.

— Давайте подождем, когда кто-нибудь проедет.

— Ты видела, чтобы за последние пять минут здесь проехала хоть одна машина? — вспылила Сэнди. — Я была уверена, что тебе прекрасно известно, куда мы едем.

— Простите, миссис Кросби, я все напутала.

— Нет, это ты меня прости, — торопливо извинилась Сэнди, увидев, как задрожала у Далилы нижняя губа. — Это не твоя вина — за рулем же я. — И она сделала глубокий вдох. — Значит, ты считаешь, налево?

— Я не уверена.

— Ну что ж, хотя бы попытаемся. — И Сэнди свернула налево, минуя бесконечные фруктовые рощи. Едва она решила снова свернуть, как Далила внезапно вцепилась ей в руку.

— Остановите машину, — прошептала девушка.

— Зачем? Ты поняла, где мы? — Сэнди надавила на тормоз и повернулась к Далиле. — В чем дело? — спросила он, увидев ее растерянное лицо. Далила не отрываясь смотрела в ветровое стекло, с округлившимися глазами и бледная как полотно. — Далила, что случилось?

— По-моему, я что-то увидела...

Сэнди оглянулась через плечо.

— Что ты увидела?

— Похожее на руку.

— Что?

— Это было похоже на человеческую руку, — всхлипнула Далила. — О господи! Это была рука. — И полными слез глазами она посмотрела на Сэнди.

— Так, успокойся. Успокойся, — сказала Сэнди, хотя у нее самой уже бешено колотилось сердце, готовое вот-вот выскочить из груди. — Где ты это видела?

— Футов пятьдесят назад.

Сэнди включила заднюю скорость и медленно проехала пятьдесят футов.

— Дальше, — сквозь зубы проговорила Далила. — Вон! — Ее рука метнулась вправо, пальцы стукнулись о стекло. Она зарыдала, закрыв лицо ладонями. — Это труп? — спросила она, когда Сэнди остановила машину и открыла дверцу. — Нет. Не ходите туда!

Сэнди молча обошла машину сзади, испуганно обшаривая глазами высокие заросли

травы у обочины, со страхом представляя, что она там сейчас увидит. Сначала она не заметила ничего необычного. Трава, земля, недоеденные и выброшенные кем-то апельсины, мухи. Очень много мух. Как вдруг на солнце что-то вспыхнуло. Обручальное кольцо, догадалась она, увидев руку, на которую оно было надето.

Сэнди тут же зажала рот рукой, чтобы не закричать, и, пошатываясь, вернулась к машине.

— У тебя при себе мобильный телефон?

Далила быстро протянула Сэнди свой телефон.

— Что там? Что вы нашли?

Сэнди набрала 911.

— На обочине дороги лежит труп женщины, — сообщила она оператору, и щеки Далилы побелели. — Нет, я понятия не имею, где нахожусь. Где-то неподалеку от Цитрусовой рощи. — Она обещала никуда не уезжать до приезда полиции. Потом медленно положила телефон на колени и обняла обезумевшую от страха Далилу.

— Это миссис Гамильтон? — прошептала та чуть слышно.

— Не знаю.

— Может, скажете, что вы тут делали? — спросил Джон Вебер, когда полиция стала устанавливать оцепление. Разум упорно отказывался осознать тот факт, что он разговаривает с женщиной, которая обнимает дочь своей соперницы, ради которой ее бросил муж. Это повергло его в такой же шок, как и труп, который они обнаружили в высокой траве. Предположительно — труп Фионы Гамильтон, хотя у него не было стопроцентной вероятности, что муж сумеет ее опознать. У этой женщины, так же как и у Лианы Мартин, от лица почти ничего не осталось. Однако цвет волос был тот же, и тело было относительно неповрежденным, так что в принципе опознать его можно.

— Простите, — выговорила Сэнди Кросби. — Что вы сказали?

Джон наклонился к переднему сиденью, оперевшись рукой на открытую дверцу автомобиля.

— Я говорю, что вы тут делали?

Заплаканная Сэнди сидела за рулем автомобиля, а Далила уткнулась ей в плечо. Сэнди посмотрела бессмысленным взором в ветровое окно и ответила:

— Мы ездили домой к Гордону Липсману.

— А там вы что делали?

— Мистер Липсман забыл дома ноты, — сказала Далила, приподняв голову, но все еще прижимаясь к плечу Сэнди. — Я предложила за ними сходить, а миссис Кросби сказала, что это слишком далеко... — Она замолкла на полуслове, посмотрев в окно и увидев, как полицейские ходят возле трупа. — Что они там делают?

— Ищут улики, — ответил Джон, хотя, сказать по правде, он сомневался, что они что-либо найдут.

— Это миссис Гамильтон?

— Мы пока не знаем.

— Господи, — вскрикнула Далила, как будто догадавшись, что подразумевает этот ответ.

— Значит, мистер Липсман попросил тебя сходить за нотами, а миссис Кросби любезно предложила подвезти. Так?

— Она сказала, что туда слишком далеко идти, — повторила Далила.

— Но вы находитесь довольно далеко от дома Липсмана, — заметил Джон.

— Мы свернули не туда, — ответила Далила.

— Мы заблудились, — одновременно с ней сказала Сэнди.

Поняв, что обе женщины в шоке, Джон решил отложить дальнейшие расспросы.

— Так, ладно. Сейчас офицер Трент отвезет вас домой. — И он махнул одному из помощников. — А вашу машину я позже пригоню сам.

— А как же ноты мистера Липсмана? — спросила Далила. В ее голосе слышалась паника, и Джон заметил, что листки, которые она держала в правой руке, все скомканы.

— Не переживай. — Джон наклонился ближе и вырвал из ее сжатого кулака ноты. — Я передам.

— А вы знали, что у Гордона Липсмана в доме есть фотография Лианы Мартин? — спросила Сэнди, когда он повел ее в другую машину.

— Нет, — ответил Джон. Какая еще фотография? Надо будет позже проверить. — С

вами точно все будет в порядке, миссис Кросби?

Сэнди кивнула, хотя ее вид свидетельствовал об обратном.

— Ладно. Я подъеду чуть позже, а пока я попросил бы вас никому ничего не рассказывать. По крайней мере, до тех пор, пока мы не отыщем Кэла Гамильтона. — Кэл был сегодня утром выпущен под залог: за него заплатил его босс, старый Честер Кэлхон. Ему приказали никуда не уезжать из города и держаться подальше от Кэрри Фрэнклин и ее семьи.

— Вы думаете, это он?

— Я думаю, что труп надо для начала опознать, — сухо ответил Джон. Через несколько секунд его помощник Трент усадил обеих женщин на заднее сиденье патрульной машины, и они уехали. — Ну, что-нибудь есть? — спросил он, подходя к офицеру, который склонился над трупом, прикрыв нос и рот.

Молодой помощник поднялся:

— Вроде бы огнестрельное в голову. Как и с Лианой Мартин.

— Есть какие-нибудь особые приметы?

— На левой щиколотке небольшая татуировка. Что-то вроде «Собственность...». Остальное я не разобрал.

Интересно, имелась ли на теле Фионы Гамильтон татуировка? Что-то не вяжется с ее образом, хотя слово «собственность» звучит довольно зловеще. Интересно, а была ли татуировка на теле Кэнди Эббот? Но Кэнди Эббот пропала несколько месяцев назад, и если это ее труп, то либо она погибла несколько дней назад, либо ее все это время держали в морозильной камере. Оба варианта возможны, но вряд ли это так.

— Еще что-нибудь?

— Нет, сэр. Ни гильз, ни случайных пуль.

Значит, ее, скорее всего, застрелили где-то в другом месте, а труп бросили здесь, чтобы на него кто-нибудь наткнулся. На этот раз убийца даже не стал зарывать труп в землю. А это значит, что ему либо помешали это сделать, либо он совсем обнаглел, либо ему хотелось, чтобы труп как можно скорее нашли. И тут возникает еще один интересный вопрос: для чего?

Через час Джон подкатил на машине Сэнди к ее дому; за ним ехал еще один офицер, который затормозил у дома Кэла Гамильтона, рядом с ярко-красным «корветом» Кэла. Сэнди встретила Джона в дверях.

— По-моему, он дома, — сказала она вместо приветствия, скосив глаза на соседний дом. — Музыка орет уже минут двадцать.

Джон махнул второму офицеру, чтобы тот подошел к нему.

— Оставайтесь внутри и не подходите к окнам, — приказал он Сэнди.

— Вы думаете, что могут возникнуть проблемы?

— Надеюсь, что нет.

— Мама? — За спиной Сэнди показался ее сын, Тим. — Что здесь происходит?

— Я пригнал машину твоей матери, — сказал Джон.

— Тебя дотащили на буксире? — недоверчиво спросил Тим.

— Не совсем.

— Мать потом тебе объяснит. Прошу меня извинить... — Джон услышал, как Сэнди у него за спиной закрыла дверь, когда уже подошел по газону к дому Кэла Гамильтона. Чем

ближе он подходил, тем громче и настойчивее гремела музыка. «Прости меня, мама, — завывал Эминем. «Какое подходящее слово — “завывал”», — подумал Джон, громко постучавшись в дверь. Потому что назвать это пением можно было с большой натяжкой. Хотя в душе он и испытывал чувство завистливого восхищения к таланту молодого человека. Сумел ведь этот сопляк сублимировать свою злость в нечто созидательное, да еще заработать на этом кучу денег. Как было бы хорошо, если б все поступали так же. Управлять слепой яростью гораздо проще, чем развитым воображением, думал он, ощущая, как в нем самом закипает гнев, когда он снова, на этот раз громче, постучал в дверь.

— Кэл! Кэл Гамильтон! Это шериф. Открывайте.

— Ну что, ломаем? — спросил помощник.

— Ищешь неприятностей на свою задницу? — спросил Джон чересчур усердного молодого человека с короткими темными волосами и пухлыми губами. — Это визит вежливости, забыл? Мы пришли, чтобы попросить этого типа опознать труп, по всей вероятности, труп его жены. А не для того, чтобы его арестовывать. — «Пока», — прибавил он про себя, постучавшись в третий раз.

Музыка снова перешла в монотонный ритм.

— Эй, попридержите коней, — послышался голос за дверью. — Что там такое творится?

Еще до того, как Кэл, одетый только в обтягивающие черные джинсы и с кривой ухмылкой на губах, открыл дверь, Джон понял, что он чем-то накачался.

— А, шериф Вебер, приятно вас снова видеть, да еще так скоро. Чем обязан такой чести?

— Обуйтесь, — сказал Джон. — И наденьте рубашку. Вы должны поехать со мной.

— Вы снова собрались меня арестовать? Это не я сделал, что бы там у вас ни случилось. Я из дома весь день не вылезал, слушал музыку и занимался своими делами.

— Нет, не арестовать.

— Ну тогда до свидания! — И Кэл захлопнул дверь перед носом шерифа.

Джон заколотил в дверь, за которой снова в полную силу заголосил Эминем. Он уже стал подумывать, не зайти ли попозже, когда этот кошачий концерт вдруг прекратился, и дверь снова открылась.

— У меня есть звонок, — сказал Кэл, глядя на шерифа бессмысленными стеклянными глазами. — Вот здесь. — Он показал пальцем. — Все, что нужно сделать, это всего лишь нажать на кнопку. — Он тут же продемонстрировал, и дом наполнила мелодия песни «Ты — мое солнце».^[45] — Круто, правда?

— Вы должны поехать со мной, — повторил Джон.

— Это еще зачем?

— Мы обнаружили труп, — нарочито ровным голосом ответил Джон. — Возможно, это Фиона.

Реакция Кэла была потрясающей и совершенно неожиданной. Он, шатаясь, попятился задом в гостиную, будто его ударили.

— Что?

— У вашей жены имелись на теле какие-нибудь татуировки? — спросил Джон, проходя в холл вслед за ним и сразу же почувствовав знакомый запах гашиша. Повсюду были разбросаны пустые пивные бутылки.

— У нее есть небольшая татуировка на щиколотке, — ответил Кэл после долгой

паузы. — А что?

— Вы не могли бы ее описать?

— Конечно, я могу ее описать. Я знаю каждый дюйм на теле этой женщины. Это надпись: «Собственность Кэла Гамильтона».

Джон наклонил голову и тяжело вздохнул.

— Вам придется поучаствовать в опознании.

— Вы утверждаете, что это она?

— На щиколотке найденного нами трупа имеется татуировка, похожая на ту, которую вы только что описали.

— Что значит «похожая»?

— Нужно провести подтверждающее опознание.

— Я ничего не понимаю. Вы нашли мою жену, но не знаете, она ли это. Вы что хотите сказать? — Кэл снова попятился, пока не наткнулся на стул и не рухнул на него. — Вы хотите сказать, что у нее нет лица? Что его отстрелил какой-то псих, как у Лианы Мартин?

— Если вы можете дать нам образец волос вашей жены, может быть, из расчески...

— Нет. — Кэл вскочил со стула и потряс головой, чтобы прийти в себя. — Я хочу ее увидеть. Я хочу ее увидеть.

Джон стоял и ждал, глядя, как Кэл натягивает на себя белую футболку и сует ноги в черные кроссовки, стоявшие на пороге.

— Я уже говорил вам, что еще вчера утром, когда уходил на работу, она была жива и здорова. — Кэл сидел в маленькой комнате без окон, в которой обычно допрашивали подозреваемых. В комнате не было почти никакой мебели, если не считать четырехугольного дубового стола и двух маленьких стульев, поставленных по обеим его сторонам. Два таких же стула стояли возле голой стены. Кондиционеры работали не на полную мощность: Джон рассудил, что чем больший дискомфорт будет испытывать подозреваемый, тем быстрее развяжется у него язык. Кэл вспотел почти сразу же, как только его завели сюда.

Всю верхнюю половину стены напротив двери занимало двустороннее зеркало. Джон знал, что по ту сторону стоит Ричард Стайл, шериф всего графства Брауард, и наблюдает за ним. Мэр позвонил сразу же, как только узнал про Фиону Гамильтон, и предложил ему приехать и проследить за тем, как Джон будет вести расследование.

Еще неделю назад Джона испугала бы подобная инициатива мэра, а еще больше — незапланированное появление вышестоящего. Но сегодня его переполнял странный оптимизм и он не боялся осуждения. Если мэра он всегда недолюбливал, считая его заносчивым ослом с комплексом Наполеона, то шерифа графства Брауард он очень даже уважал. И потом, если Ричард Стайл готов поделиться с ним свежими идеями, он его с удовольствием выслушает.

Обычно он подождал бы часа два, а то и больше, прежде чем начинать допрос человека, только что опознавшего труп собственной жены. Но Кэл Гамильтон — не просто человек. Это неуравновешенный тип, которого уже арестовывали за то, что он ударил женщину и который, вероятнее всего, еще и регулярно избивал свою жену. И если он был искренне потрясен при виде безжизненного тела своей жены, то и пришел он в себя с поразительной быстротой.

— Ее видел кто-нибудь еще?

— Насколько мне известно — нет.

— Вы с ней ссорились?

— Все ссорятся.

— Но не все пускают в ход кулаки.

— Вы меня в чем-то обвиняете?

— Ее тело покрыто синяками, Кэл. Причем давними синяками. И я не сомневаюсь, что, когда за нее примется судмедэксперт, он найдет не один старый шрам, а может, и следы переломов.

— Ну, может, я ее и ударил пару раз. Но она тоже в долгу не оставалась, уж можете мне поверить.

— Вы хотите сказать, что это она васбила?

— Я хочу сказать, что она была далеко не святая и порой мне приходилось защищаться.

— Да вы весите на добрых восемьдесят фунтов больше, — заметил Джон.

Кэл издал какой-то презрительный звук, то ли фыркнул, то ли хрюкнул.

— Она если злилась, то становилась совершенно неуправляемой.

— А на что она злилась, Кэл?

— Да обычное дело: думала, что я интрижки кручу. Изменяю ей, короче.

— А вы ей изменяли?

— Для меня это ничего не значило. — И Кэл перевел взгляд на флуоресцентные лампы, закрепленные в нишах на потолке. — Ну и что с того, шериф? Уж не хотите ли вы сказать, что сами не обманывали жену?

Джон едва не дернулся:

— Я хочу сказать, что надо быть последним трусом, чтобы избивать женщину.

Тот же презрительный звук.

— Можете называть меня кем угодно. Трусом, садистом, потаскуном. Это еще не значит, что я убил свою жену. Я любил эту женщину.

— Довольно своеобразно вы выражали свою любовь.

— Каждому свое.

— Так что же все-таки произошло, Кэл? — спросил Джон, решив попробовать иначе. — Она устала от плохого обращения? Сказала, что хочет уйти? Пригрозила вас бросить?

— Никуда она не собиралась уходить.

— Если только вы ей не запретили.

— Ничего я ей не запрещал.

— Нет. Вам просто пришлось ее остановить.

— Я точно знаю, что это не я ее застрелил, — сказал Кэл.

— У вас ведь есть оружие?

— Есть, и что? Я имею полное право владеть оружием, в соответствии с конституцией.

— Оно зарегистрировано?

— Разумеется, оно зарегистрировано, я законопослушный гражданин.

— Какое у вас оружие?

— Магнум сорок четвертого калибра.

— Мощный пистолет.

— Достаточно мощный, чтобы отстрелить человеку голову, — перефразировал Кэл слова Клинта Иствуда из «Грязного Гарри», глядя Джону прямо в глаза. — Поверьте, шериф, если бы Фиону застрелили из сорок четвертого калибра, у нее бы вообще ничего от лица не

осталось.

— Довольно хладнокровное утверждение для человека, который только что потерял жену.

— А вы ждали, что я буду рыдать, как баба?

— Где вы храните пистолет, Кэл?

— В ночной тумбочке рядом со своей кроватью.

— Вы не будете возражать, если мы взглянем на него?

— Да я не сомневаюсь, что вы уже выбрали ордер на обыск, — ответил Кэл, пожимая плечами. — Вы сами прекрасно знаете, что впустую теряете время. И знаете также, что мы имеем дело с серийным убийцей.

— Почему вы думаете, что это серийный убийца?

— Да для этого не надо быть семи пядей во лбу. Он уже убил двух женщин, если не больше.

Джон наклонился над столом, оперевшись на локти и переплетя пальцы рук.

— А почему вы думаете, что он убил еще кого-то?

— Я сказал: «Если не больше». Это же психопат, шериф. Вы действительно считаете, что он остановится на двух жертвах?

— Почему вы думаете, что Лиану Мартин и вашу жену убил один и тот же человек?

— Да не знаю я, а предполагаю. Обе женщины пропали, а через несколько дней их находят с изуродованными лицами. Можете называть меня сумасшедшим, но мне почему-то не кажется, что это простое совпадение.

— Мне тоже. Хотя это может быть и имитацией.

— Может быть.

— Всегда жалел имитаторов, — сказал Джон, надеясь спровоцировать подозреваемого. — По-моему, это говорит о полном отсутствии воображения, вам так не кажется?

— Хватит мне очки втирать, шериф! Мы оба знаем, что вы думаете, будто это я убил жену. Вы же хотите спросить, не представил ли я все так, чтобы это выглядело, будто ее убил тот же парень, который уколошил девчонку Мартин? Так?

— Так не представили?

— Я не убивал ее, придурок.

Джон почувствовал, как напряглось его тело. Он крепко сжал кулаки, боясь сорваться. И инстинктивно почувствовал, как то же самое сделал Ричард Стайл по ту сторону зеркала.

— Черт! Я всех на уши поднял, как только Фиона пропала, — продолжал Кэл. — Под арест попал, мать твою! Надо уж быть совсем дураком...

— Или слишком умным, — вставил Джон.

— Вы слишком высокого обо мне мнения, шериф. Вы считаете, что я все это подстроил?

— Возможно.

— Значит, либо я начисто лишен воображения, либо у меня его куры не клюют, — рассмеялся Кэл. — Вы уж определитесь как-нибудь.

— Всем будет проще, если вы расскажете мне, что произошло между вами.

— Вы хотите, чтобы я делал за вас вашу работу?

— Я хочу, чтобы вы наконец-то рассказали правду.

— Да-а? Правда заключается в том, что моя жена убита. Правда заключается в том, что,

если бы вы не были таким самоуверенным ослom, не возомнили, что она сбежала от меня, и еще вчера прочесали бы район, чего я и хотел сделать, если бы вы не посадили меня в тюрьму, то, возможно, мы отыскали бы ее прежде, чем она оказалась лежащей в поле с изуродованным лицом. Вот это — правда, шериф. А теперь либо арестовывайте меня, либо отпустите домой.

Джон встал и посмотрел через двойное зеркало на людей, которые, как он знал, точно так же на него сейчас смотрят. Интересно, они тоже пытаются принять решение?

— Арестовать, — приказал он.

Пистолет лежал в тумбочке рядом с кроватью, как и говорил Кэл.

— Не похоже, чтобы из него недавно стреляли, — сказал помощник Трент, поднеся пистолет к своему длинному крючковатому носу.

— Фиону Гамильтон застрелили не из сорок четвертого, — ответил Джон, оглядывая комнату. И Лиану Мартин тоже, добавил он про себя, глядя на голые бледно-голубые стены и на удивление маленькую медную кровать. Размер кровати удивил его, потому что Кэлу Гамильтону, по его мнению, требовалось больше места, чтобы вытянуться. И он представил себе синюю татуировку на щиколотке Фионы. «Собственность Кэла Гамильтона». Двойная кровать неминуемо привела бы к физической близости, Фиона всегда была бы под рукой. Кровать была не заправлена, простые белые простыни были сбиты в груды в ногах, голубое хлопчатобумажное одеяло небрежно свисало до пола. Насчет одного Кэл был прав: сорок четвертый нанес бы значительно больший урон.

— Ищите. Кто сказал, что у него нет другого пистолета?

Напротив кровати стоял высокий деревянный комод, верхние ящики которого были буквально набиты женским сексуальным бельем: бюстгальтерами, поднимающими грудь, стрингами, трусиками и колготками с вырезанной промежностью, короткими и полупрозрачными ночными сорочками, бархатными корсетами, а также всевозможными эротическими игрушками. Когда Джон взял в руки шариковую авторучку и вдруг понял, что на самом деле это малюсенький вибратор, он швырнул его обратно в ящик, будто прикоснулся к змее. Вот тебе и многофункциональность, думал он, открывая нижний ящик. В нем лежали белые хлопковые трусики и простые хлопковые бюстгальтеры. Джон проверил размеры: те же самые, что и у более пикантного белья. Один комплект — на день, другой — на ночь, думал Джон, отгоняя от себя образ Фионы Гамильтон в том или ином из них.

— Взгляните-ка, — сказал помощник Трент, показав ему несколько пар наручников и помещая их в полиэтиленовый пакет.

Джон открыл шкаф, перебрал одежду, висевшую на белых пластмассовых вешалках, но не обнаружил ничего интересного. Они искали уже больше часа, и пока поиски ничем интересным не увенчались. Да, они нашли пистолет, точно такой, о каком говорил Кэл, но это точно не орудие убийства. Да, они нашли наручники и всякие эротические игрушки, но все это можно купить в «Уолл-Март»: ^[46] он сам видел, когда отоваривался там в последний раз. И если ему трудно представить себе, что Фиона могла пользоваться ручкой-вибратором и носить трусики без промежности, то это еще ничего не значит. Что он знает о ней, вообще о женщинах?..

— Джон, — позвал его из коридора другой помощник. — По-моему, мы что-то нашли. — Молодой человек появился на пороге с горящими от возбуждения щеками и лихорадочным блеском в шоколадно-карих глазах.

— Что там?

— Я нашел это в дальнем углу ящика кухонного стола. Похоже на коллекцию трофеев. — В его левой руке позвякивал браслет с брелоками. — Дешевая вещичка, но все брелоки в форме конфет. Черт его знает, что бы это значило.

У Джона мурашки поползли по спине. Кэнди Эббот, думал он, с трудом произнес следующие слова:

— Что еще?

Помощник поднял правую руку. Между его обтянутыми перчаткой пальцами свисало изящное золотое ожерелье.

— Но вот это уже определенно что-то значит.

Джон внимательно посмотрел на ожерелье, посередине которого расположились золотые буквы: «ЛИАНА».

Мне тут пришла в голову одна забава: придумываю интересные названия для магазинов.

Ну, чтобы они привлекали внимание, заставляли раскошелиться и, таким образом, стимулировали развитие экономики. Или хотя бы вызывали радостный смех, скрашивали серые будни. Вроде того, как вызывает улыбку симпатичный щенок, которого вы встретили по пути на работу, или какой-нибудь парень, споткнувшийся на ухабе, и как потом при одном воспоминании о его оплошности губы сами собой растягиваются в улыбке. Вот об этом я и размышляю. О том, как заставить людей улыбаться. На днях в торговом центре до меня вдруг дошло, что ни один магазин не привлек моего внимания, потому что все они называются как-то скучно и неоригинально. Вот и подумалось: неужто нельзя подключить хоть чуточку фантазии? И ума? Возьмите, к примеру, Уильяма Шекспира. Он чрезвычайно любил игру слов, всегда придумывал что-нибудь остроумное и забавное.

Как, например, можно было бы назвать винную лавку? Почему бы не «Виноцианский купец»? А магазин, торгующий джинсовой одеждой, — «Ромео и Джинсовка». Ссудный и сберегательный банк — «Все хорошо, что хорошо ссужается». А магазин красок — «Как это вам покрасится». Бигмак можно переименовать в «Биг-Макбет». Прекрасное название для магазина, торгующего музыкальными инструментами, — «Король Лир»! Я понимаю, что все это несколько притянуто за уши, но думаю, вы поняли мою мысль.

Не обязательно притягивать за уши Шекспира. Можно просто дать название, достаточно оригинальное для того, чтобы его одобрил Поэт. Предлагаю, помимо вышеприведенных строк, следующие названия: салон собачьей красоты — «Бау-Вау»; магазин, торгующий сантехникой, — «Титаник»; а те учреждения, где люди получают страховку по безработице, — «Бесплодные усилия труда». Хотя это, разумеется, снова Шекспир. Забавно, как все возвращается к гениальному Уильяму. А что бы он, интересно, предложил по поводу «Укрощения строптивой»? Да, да, знаю: «Поцелуй меня, Кэт».

Признаюсь, это было забавно — подставить Кэла Гамильтона. Это в некотором роде компенсировало предыдущие события, которые, уверяю вас, не доставили мне желаемого удовольствия. Любопытно, правда, как жизнь расходится с твоими планами? То есть у тебя в голове имеется четкая схема. Ты знаешь, что все тщательно продумано, до последней детали. Ты буквально уже видишь, как твой план осуществляется — мне ведь уже приходилось это делать, — а жизнь возьми да и подбрось тебе сюрприз!

Смерть, правда, тоже подбрасывает сюрпризы. Ладно, начнем с конца, как это принято у кого-то говорить. Опять у кого-то. Эти кто-то говорят без устали и не могут просто взять и заткнуться, в чем и заключалась проблема Фионы Гамильтон. Господи, кто бы мог подумать, что эта пигалица столько расскажет! Она ведь всегда казалась такой скромницей и тихоней. Но стоило ей открыть рот — и тут началось такое! Она словно годами ждала, чтобы кому-нибудь поведать свою историю, и болтала, болтала без передышки. Ее невозможно было остановить. То есть не совсем так. Мне ведь удалось.

Ладно, начнем с главного. Изначально Фиона Гамильтон не входила в мои планы и в принципе войти не могла. Эта женщина была мне неинтересна. У меня был свой список, в котором она даже и не значилась, уж вы мне поверьте.

Почему принято так говорить? «Уж вы мне поверьте»? Вам не кажется, что людям,

которые говорят: «Уж вы мне поверьте», совершенно нельзя доверять? И вообще, почему кто-то кому-то должен доверять? Разве доверие не нужно сначала заслужить? Хотя то и дело слышишь: «Доверяю вашей интуиции» или «Уповаем на Бога».^[47] У меня есть гораздо лучшее изречение: «Никому нельзя доверять». Это стоит запомнить, уж вы мне поверьте.

Вы знаете, а до меня только сейчас дошло, что и в имени Лиана и в имени Фиона по пять букв и оба заканчиваются на «на». Мало того, и в том, и другом по три слога — Фи-о-на, Ли-а-на — к тому же вторая буква каждого имени — «и». Как вам это нравится? Нет, конечно, это никак не повлияло на мой выбор, хотя теперь не могу не признать, что подобная симметрия пришлась мне чрезвычайно по нраву. В общем, Фиона стала, что называется, отвлекающим маневром, чтобы сбить всех со следа. Да, несчастная маленькая Фиона Гамильтон всего лишь послужила средством для достижения цели, дала мне возможность выждать время и насладиться всем процессом. А кто станет спорить, что Кэл Гамильтон вполне заслуживал справедливого возмездия? И потом, надо же было добрым жителям Торранса слегка расслабиться. Люди вздыхают свободно, когда думают, что убийца упрятан за решетку, и ведут себя уже не так осторожно. Они испытывают настолько сильное облегчение, что становятся беспечными, а порой и совершенно глупеют. А глупцы — весьма легкая мишень. Вы, надеюсь, уже поняли, что у меня намечена следующая жертва?

Но вернемся к Фионе. Да, сказать вам по правде, это было не смешно. И не интересно. В общем, сплошное разочарование: слишком уж все просто получилось. В ней начисто отсутствовал дух борьбы, даже в тот момент, когда нужно было бороться за свою жизнь. По моему, годы дурного отношения совершенно ее надломил.

— Меня прислал за тобой Кэл. — Она не особенно удивилась при виде меня. Просто стояла и бессмысленно таращилась, будто никак не могла сообразить, кто перед ней. Хотя она, наверное, давным-давно разучилась задавать лишние вопросы. Впрочем, не знаю. Знаю только, что не прошло и нескольких минут, а мне уже удалось протащить ее через кухонную дверь в бессознательном состоянии. Меня никто не видел: полезная штука эти крытые гаражи. (Кстати, хотелось бы мне знать, когда, наконец, отделение естественных наук средней школы города Торранса обнаружит, что их запасами хлороформа, если можно так сказать, злоупотребили? Вероятно, не раньше будущего года, когда там соберутся препарировать своих дурацких лягушек и когда мне он уже не понадобится).

В доме для нее уже все было подготовлено. Она, конечно, еще спала, так что не смогла оценить по достоинству мои усилия, но я на нее не сержусь. И надо сказать, она была очень красивая под наркозом. Такая умиротворенная. У нее была гладкая кожа, она была не окрашена, а от свежесмытых волос исходил приятный запах персиков или абрикосов. На ней была легкая короткая голубая сорочка — это середь бела дня-то! — и если всмотреться, то можно было разглядеть соски. Грудь у нее оказалась настоящая и больше, чем мне представлялось.

Потом она лежала на кушетке, накрытая одеялом (помню, где-то в какой-то книге было написано, что, если ты собираешься вздремнуть, нужно накрыться одеялом, а то рискуешь здорово простудиться, а этого никак нельзя было допустить. Несчастливая ароматная Фиона не должна была умереть столь банальной смертью).

Рядом с кушеткой стояло чистое пластмассовое ведро и даже лежал рулон туалетной бумаги, чтобы у нее не возникло сомнений по поводу того, для чего это ведро предназначено. А в ногах лежало несколько пластиковых бутылок с водой, если она захочет пить, как проснется. После этого можно было спокойно удалиться в свою комнату наверх,

чтобы ждать и наблюдать, как она будет просыпаться. Господи, какое меня ждало разочарование! То есть реакции не было вообще никакой. Ноль. Нуль. Nada. ^[48] Ничего. Это было просто поразительно. Она открыла глаза и села с таким видом, будто всю свою жизнь здесь просыпалась. Даже не удосужилась осмотреться. Просто сидела, слегка сгорбившись, не доставая босыми пятками до пола, и болтала ногами, будто на пирсе сидит. И только через двадцать — двадцать! — минут стала осматриваться. Медленно-медленно, будто спешить ей совершенно некуда, она поворачивала голову из стороны в сторону — сначала вправо, потом влево, потом посмотрела на потолок, потом снова устала на свои босые ступни. Заметила ведро и бутылки с водой — ноль реакции! Просто сидела и изучала свою тюрьму. А потом, вместо того, чтобы, вскочив с постели, начать кричать и носиться кругами, как пойманная мышь, знаете, что она сделала? Легла и снова закрыла глаза! И уснула! Вы можете в это поверить?

Сначала мне показалось, что это такой ловкий трюк, что она на самом деле значительно умнее, чем казалась. Разве человек, проснувшись в незнакомом месте, не должен впасть в панику или хотя бы попробовать открыть дверь, позвать на помощь? Кто в такой ситуации закроет глаза и покорно отдастся в руки судьбы? Я скажу вам кто: Фиона Гамильтон, вот кто.

Представьте только: я сижу в своем потаенном убежище и наблюдаю за ней, и когда до меня дошло, что она действительно уснула, то это мне самому захотелось закричать! Потому что мне неизвестно ведь, сколько времени она будет спать. Но что мне оставалось делать? Пришлось сидеть и ждать, когда она соизволит проснуться. Правда, поначалу я был обеспокоен. Может, у нее передозировка хлороформом? И она умерла? Раньше времени?!

Но наконец, примерно через час, у нее задрожали веки, и она снова села. На сей раз даже поднялась с кушетки. Подошла к двери... И только мне стало по-настоящему интересно, как... В общем, она просто стояла и смотрела на дверь, даже не предприняв попытки ее открыть. Постояла, посмотрела, вернулась на свою кушетку и снова села. Это, знаете ли, была игра не по правилам! Ситуация из ряда вон! Да я и до сих пор с трудом в это верю.

Потом она открыла одну из бутылок, сделала пару больших глотков воды, а после этого воспользовалась ведром. И туалетной бумагой. Потом огляделась в поисках емкости, куда бы ее можно было выбросить (взять себе на заметку: купить небольшую пластмассовую мусорную корзину), и, не найдя ничего, швырнула ее в угол. Потом снова уселась и стала ждать. Интересно, она хоть представляла, чего она ждет?

Как оказалось потом, ждала она своего любимого мужа. Решила, что все это — его рук дело. Представляете? Будто у Кэла Гамильтона хватило бы на такое воображения. Но во всяком случае так она мне сказала. Сказала, что решила, будто чем-то вызвала его недовольство, и что это какой-то новый способ наказания. Но я забегаю вперед.

Когда стало до боли ясно, что она не собирается вступать в игру, то меня, следует признать, объяла настоящая паника. У меня и без того слишком плотный график, мне нельзя вызывать подозрений. Чрезмерная самонадеянность ни к чему: уж и без того пришлось испытать судьбу дважды. Потому что если у Фионы неисчерпаемый запас терпения, то такого нельзя сказать про этого придурка, ее мужа, который начнет рыскать по всему городу, как только узнает, что она пропала. Хотя мне, разумеется, и в голову не могло прийти, что он будет врываться к кому-то в дом и угрожать. Но это послужило дополнительным поощрением.

Поэтому мне пришла мысль съездить пока домой на несколько часов, чтобы Фиона успела проголодаться и впасть в отчаяние. Мне, например, уже здорово хотелось есть, к тому же у меня имелись и другие дела. По моем возвращении меня ждал сюрприз: Фиона спала! Верите, нет? Эта женщина едва меня всерьез не деморализовала.

Так что планы пришлось менять: какой смысл слепо следовать курсу действий, которые заранее обречены на провал? Она вынудила меня пропустить следующую стадию — когда я начинаю буквально светиться от счастья — и сразу же перейти к финальной: спуститься вниз и отпереть дверь.

Если она и услышала, что в комнату вошли, то не обратила на это ни малейшего внимания и не шелохнулась. Лежала и продолжала спать. Интересно, видела ли она сны, и если видела, то о чем?

Я вижу сны постоянно, что бы там некоторые ни говорили, что им никогда ничего не снится. Они ошибаются. Сны видят все, просто многие их не помнят. Но это вовсе не означает, что им ничего не снится. Проведенные исследования выявили периоды глубокого сна, когда мы фактически находимся в бессознательном состоянии, и периоды, когда наше подсознание пробуждается и начинает общаться с нами с помощью всевозможных символов, которые мы очень часто не понимаем, а еще чаще забываем. Подобные периоды называются парадоксальным сном. И если даже мы их не помним, это вовсе не означает, что они бессмысленны. Мало того, что они помогают избавляться от накопленных за день стрессов, наши сны о многом могут нам рассказать. А порой — и решить за нас наши проблемы. Вот почему некоторым людям может постоянно сниться один и тот же сон. Это называется повторяющимся сном. Человек будет видеть его до тех пор, пока не поймет, что он означает, и не справится с проблемой.

И, кстати, раз уж мы заговорили о снах, мне сегодня приснился очень странный сон, который здорово меня расстроил. Будто стою я на большой сцене и обращаюсь к полному залу. Не помню, что говорю, но помню, что довольно плавно выстраиваю свою речь. А ее то и дело прерывает гром аплодисментов. Время от времени зал освещает прожектор, и я вижу улыбающиеся лица зрителей. И вдруг вместо аплодисментов раздается смех, и все начинают показывать пальцами. На меня. Я опускаю взгляд и вижу, что на мне нет одежды, то есть я стою и сверкаю здесь голой задницей. И тут в меня начинают лететь конфетные обертки и куски жевательной резинки. Дети достают свои сотовые и фотографируют меня. И я никак не могу их остановить. Это было чудовищное унижение.

На этом месте сон, как водится, и оборвался. Раньше, чем мне удалось вернуть себе доброе имя и отомстить им. Мне нравится думать, что только ради этого мы и живем: ради искупления и мщения. И если придется выбирать первое или второе, то я выберу второе. Это куда как интереснее.

Когда Фиона минут через десять наконец-то проснулась, то взглянула на меня и сказала:

— Привет.

— Привет, — отвечаю я и обнимаю ее за плечи.

И тут она склоняет голову мне на плечо, и мы сидим так еще несколько минут, пока я не начинаю бояться, что она сейчас снова заснет. Тут-то меня и осеняет мысль: уж не страдает ли она нарколепсией, когда люди совершенно неожиданно засыпают, чем бы ни были в этот момент заняты. Не потому, что устали, а просто потому, что у них там что-то в мозгах не сошлось. То есть с ней было явно что-то не в порядке, как ни крути. Спрашиваю, не хочет ли

она есть, — мотает головой. Спрашиваю почему, она отвечает: когда придет Кэл. Я отвечаю, что он не придет и вообще понятия не имеет, где она находится. Тут-то она и уставилась на меня и смотрела где-то с полминуты. И, кажется, в этот самый момент все встало на свои места и она начала понимать, что происходит. И спросила, не я ли убийца Лианы Мартин. Да, отвечаю, я. И знаете, что она сделала? Ни за что не поверите! Улыбнулась и положила голову мне на плечо.

Вот этого уж никак нельзя было ожидать, это окончательно выбило меня из колеи! Ну, представьте, что вы находитесь в переполненном продуктовом магазине и вдруг вас проталкивают в начало очереди, где на месте кассира восседает ангел смерти, а вы кричите при этом: «Чур, я первый! Чур, я первый!»

— Ты не боишься? — спрашиваю.

Отрицательно крутит головой, и мне на лицо падает несколько прядей ее волос, от которых пахнет абрикосом.

— Почему?

Пожимает плечами, будто сама не знает.

— Расскажи мне о себе, — требую я. Отчего-то мне вдруг захотелось познакомиться с ней поближе.

— Да нечего рассказывать.

— Как это нечего? Про семью, про родителей.

— Они уже умерли.

— Как?

— От рака. Сначала мать, потом отец. Два года назад.

— А у тебя есть братья или сестры?

— Есть брат, но я его уже пять лет не видела.

— Почему?

— Он живет во Фресно. — Будто это все объясняет.

Мне всегда казалось, что Фресно — дурацкое название для города, и я говорю ей об этом. Она хихикает и поддакивает.

— А ты тоже родом из Фресно? — спрашиваю.

— Да, оттуда.

— Ты там познакомилась с Кэлом?

Снова положительный ответ.

И только я начинаю думать, что ответы из нее придется клещами тянуть, как она снова меня дурачит и прямо на глазах превращается из немой в Говорящую Кэти.^[49]

— Я познакомилась с Кэлом шесть лет назад, отец тогда уже болел. Он работал санитаром в больнице и показался мне очень красивым. Я понимаю, что уже поэтому меня можно назвать человеком очень недалеким, — извиняется она, будто она единственная на свете, кто может запасть черт знает на кого лишь из-за его прекрасных глаз, будто мир устроен как-то иначе. — Пялилась на него во все глаза, когда он приносил отцу обед. Однажды он перехватил меня и предложил прийти снова, когда у него закончится смена. Ну, мы и стали жить вместе. Потом отец умер, и он переехал к нам с братом. Но они с Рэнди постоянно ругались, и Кэл съехал. Я ушла с ним. Мы сняли квартиру в подвальном помещении, но Кэл умудрился поругаться и с хозяином, так что пришлось съехать и оттуда.

— Что-то Кэл со всеми ругается, — вставляю я.

— У него тот еще характер! Он любит, чтобы все было по его, и не принимает никаких

отговорок.

— А когда вы переехали во Флориду?

— Года два назад. Кэл сказал, что это штат больших возможностей.

— А ты что сказала?

Пожимает плечами.

— Мне было все равно, где жить.

— И тебе не жаль было оставлять друзей?

— Да у меня их и не было, — с сожалением отвечает Фиона. — У меня было две подруги с работы, в парикмахерской, но мы перестали видеться, когда я ушла оттуда.

— А почему ты бросила работу?

— Кэлу не хотелось, чтобы я работала. У меня отец был такой же, запрещал матери работать, говорил, что так у нее не будет времени заботиться о нем.

— А Кэл правда тебя бил?

— Только если я этого заслуживала, — быстро отвечает Фиона.

— Например?

— Когда я не слушала его, делала что-то не так, досаждала ему.

— То есть?

Она вспыхнула:

— Ну, ты понимаешь...

— Ты имеешь в виду секс?

— Иногда у меня что-то не получалось, он делал мне больно, и я начинала плакать. А он этого не любил, говорил, что это губит весь настрой.

— А что он с тобой делал?

— Ну, иногда он брал меня сзади, — отвечает она монотонным голосом, будто зачитывает список продуктов, которые нужно купить. — Иногда привязывал и тыкал в меня всякими штуками. Или хлестал ремнем. Иногда кусался.

Омерзительно.

— Да он просто животное!

— Я все это заслужила: надо было лучше стараться.

— Куда уж еще лучше?

— Я не всегда проходила осмотр.

— Что?

— Мы каждый день проходили осмотр.

— Не понимаю.

— Кэл говорил, что это — единственный способ убедиться...

— В чем?

— Что я ему не изменяю.

— Что ты несешь? Какой еще осмотр?

— Он заставлял меня раздеваться догола и ложиться. — По глазам Фионы потекли слезы стыда. — Потом осматривал уши, зубы. — Она глубоко вздыхает. — И там, между ногами.

Да уж! Надо вам сказать, меня тогда чуть не вырвало. Какая уж там сексуальная озабоченность! Это что-то похлеще! Просто поразительно, что творится у людей в головах! Знаю, знаю, сейчас вы скажете, что его, наверное, в детстве изнасиловали, вот он и ведет себя так, как ему кажется естественным. И все равно таких людей нужно как-то

останавливать, пресекать. Это опасный человек, представляющий угрозу для общества, и он заслуживает того, чтобы гнить в тюрьме.

Поэтому мне приятно сознавать, что во многом это произойдет благодаря моей скромной персоне.

Хотя, сказать по правде, не только Кэл вызвал у меня отвращение, но и сама его женушка. Как можно мириться со всякими нездоровыми требованиями и позволять «осматривать» себя, как какой-нибудь кусок мяса! Мне сразу стало противно. И она, видимо, заметила это по моему взгляду, потому что грустно улыбнулась и спросила:

— Ты меня сейчас застрелишь? — И тут же: — Не переживай, все нормально. — Будто я нуждался в ее разрешении! Будто она все понимает и не имеет возражений.

Какая нелепость!

Тем не менее это едва не заставило меня передумать. Ну, то есть едва не «сгубило настрой». Но что мне оставалось делать? Отпускать же ее было нельзя. Пришлось застрелить, хотя это и не доставило мне почти никакой радости, кроме мысли о том, чем это грозит Кэлу. Потому что кое-какие из трофеев, снятых мною с Лианы и с Кэнди, уже лежали у него дома в ящичке. А шериф рано или поздно учинил бы обыск, и они бы непременно нашлись.

И вот теперь Кэл Гамильтон сидит в тюрьме по обвинению в убийстве двух женщин, равно как и в причастности к исчезновению третьей. Он, конечно, вопит, что невиновен, что и слыхом не слыхивал про Кэнди Эббот, что с Лианой его подставили и что он любил свою жену. По-моему, про него уже написали все газеты — кое-что даже мелькнуло на CNN. В общем, ему все равно никто не верит. Его можно было бы даже пожалеть, только почему-то никому его не жалко. Мне-то уж, во всяком случае, точно.

Да, мне доставляет чрезвычайную радость сознание того, что по моей милости Кэл Гамильтон еще как минимум месяц проторчит в тюрьме. Пусть город сбросит с себя оковы страха, который сковывал его последние недели, и прекратятся всякие глупые разговоры о том, чтобы обратиться в ФБР. Нет, господа, теперь в этом нет необходимости. Хладнокровный убийца сидит за решеткой, а наш шериф — герой.

Теперь, во всяком случае, у меня появилась куча времени, чтобы перегруппироваться и тщательно спланировать следующие шаги. Учебный год подходит к концу и приблизительно через шесть недель официально наступит лето. А пока можно столько всего предвкушать: теплую погоду, каникулы, свободу. Или удовольствие от грядущей музыкальной фантазии, которую подготавливает средняя школа города Торранса. Она состоится через три недели и будет продолжаться три дня. Молодые, исполненные надежд актеры рвутся в бой, так что на исполнительницу главной женской роли в моей следующей постановке я выберу одну из этих цветущих девиц. Можете считать, что она ее уже получила.

Поцелуй меня, Кэт!

Месяц спустя Сэнди сидела в темном актовом зале школы, между взбудораженной Ритой Хенсен и сонным Ленни Фроммом, и с нетерпением ждала, когда начнется спектакль. Прямо у нее за спиной сидел Эйвери Питерсон, который пришел один, а через два ряда позади него — муж Сэнди, Ян, пришедший не один. Кэрри Фрэнклин, которая с хозяйским видом держала его под руку и не отходила ни на шаг как приклеенная, была ослепительна в своем ярко-розовом комбинезоне и грубоватом ожерелье из ярко окрашенных бусин, которое исчезало в недрах ее глубокого треугольного выреза. «Титьки и цапки», — сказала Рита, когда Кэрри с победоносным видом прошествовала по центральному проходу вместе со своей матерью, Роуз, с ног до головы облаченной в черное, как на похоронах. Роуз, которой предстоящее действо, очевидно, не доставляло удовольствия, ворчала не переставая, как только заняла свое место:

— Она всего лишь в хоре, черт побери, — громко бубнила старая женщина. — Стоило ли приходить специально из-за этого?

— Мы сюда пришли не только из-за Далилы, — напомнила ей Кэрри достаточно громко, чтобы это было слышно в других рядах. — Дочь Яна исполняет главную роль, и мы решили, что это прекрасная возможность познакомиться вас друг с другом.

Сэнди показалось, что последнюю фразу Кэрри произнесла чуть более выразительно, чем следовало, сделав ненужный акцент на слове «мы». Информация, очевидно, предназначалась не столько для ушей Роуз, сколько для ее собственных.

— Стерва! — прошептала Рита, повторяя вслед за подумавшей это Сэнди. — Только не говори, что ты так до сих пор и не связалась с тем адвокатом.

— Все никак не могу решиться, — ответила Сэнди тихо.

— Сколько можно тянуть!

— Я уже хотела с ним связаться.

— Тогда почему до сих пор не связалась? Ты что, не видишь, что он полный мудака?

— Он не... — Сэнди запнулась, не в состоянии произнести это вслух. Но почему же он все-таки пришел?

Сначала Ян попросил билеты на премьеру, поэтому Сэнди решила, что будет лучше — и, несомненно, безопаснее — прийти на одно из двух других представлений. Поэтому было решено, что Ян пойдет на представление в четверг, Тим — в пятницу, а Сэнди — в субботу. Таким образом Меган увидит в числе зрителей всех членов своей семьи, и все будут довольны.

Как бы не так!

Однако, как это часто в жизни случается, все пошло не по плану. За час до поднятия занавеса в четверг Роуз стала жаловаться на режущие боли в сердце, и Яну с Кэрри пришлось везти ее в больницу в Форт-Лодердейле, где ее осмотрели и отпустили. Сегодня ей, очевидно, уже лучше, думала Сэнди, хотя было не менее очевидно, что она решительно настроена помучить остальных.

— Видит Бог, хватило с нас и дома этих диких воплей, — ворчала она.

— Прекрати, мама, — вяло огрызалась Кэрри. — У Далилы прекрасный голос, и тебе об этом известно.

— Тогда почему она вечно в хоре? Почему ей не дают главной роли?

Вопрос, сопровождаемый громким фырканьем, остался безответным, хотя все, кто сидел вблизи, тут же дали про себя правильный ответ. Проще говоря, Далила в принципе не способна играть главные роли. И дело даже не в ее габаритах, поняла Сэнди. Тут есть кое-что еще. Девушка слишком уязвима и слишком бесхитростна. Слишком стремится угождать, как большой бестолковый щенок. Ей никогда не стать звездой экрана, будь у нее хоть самый распрекрасный голос на свете. Участь закадычной приятельницы, с которой можно вдосталь над кем-нибудь поязвить, — самое лучшее, что ей светит. Миром правят такие, как Меган — холодноватые длинноногие красавицы, чьи хорошенькие личики вроде бы таят в себе тайну, которой на деле вовсе и нет, чьи голоса можно назвать в лучшем случае приятными, но которым всегда будут поручать главные роли. Как на сцене, так и в жизни. Несправедливо, конечно, но что вообще в этой жизни справедливо? Разве справедливо, что ее бросил муж ради грудастой дурехи, что приволок эту силиконовую секс-бомбу на спектакль в школу, в которой она преподает, черт побери, и где соберутся главным образом ее ученики и коллеги и у всех будет возможность насладиться ее унижением? Почему Ян решил вывести в свет Кэрри Фрэнклин именно в последний день представления, в котором участвует его дочь? Про них и так все всё знают. Неужели обязательно нужно ткнуть ее носом?

— Оглянись-ка и посмотри как следует, — говорила в этот момент Рита. — И скажи мне честно: неужели ты действительно хочешь, чтобы он вернулся?

Сэнди медленно обернулась, быстро пробежав глазами зрительный зал, будто ища взглядом кого-то конкретного. Мак-Гаверны, Перчаки, Арлингтоны, Фалько... Джон Вебер со своей женой Полин. И Ян, удобно расположившийся через три ряда от нее, с невероятно глупой улыбкой на красивом лице: Кэрри как раз наклонилась и что-то шептала ему на ухо. Она видела, как он рассмеялся и протянул руку, чтобы ущипнуть Кэрри за коленку. А потом поднял взгляд, увидел, что она смотрит, и помахал ей свободной рукой, непринужденно кивнув.

Помахал! Будто она не более чем обычная знакомая или пациентка, с которой он случайно столкнулся на улице. У него даже не хватило совести убрать руку с колена Кэрри. Да он действительно... тот еще тип, мысленно спохватилась Сэнди.

— Ну? — спросила Рита, будто прочитав ее мысли.

Сэнди молча закрыла глаза, понимая, что теперь она растоптана окончательно. Потому что да, ей действительно хочется, чтобы он вернулся.

— Начнут они когда-нибудь или нет? — внезапно рявкнула Роуз. — В чем дело-то?

Сэнди посмотрела на часы. Почти десять минут девятого. Действительно, в чем дело? Но тут она вспомнила: Меган говорила, что мистер Липсман любит начинать на несколько минут позже, потому что именно так делают на Бродвее. И что во время спектакля их прославленный режиссер бродит по коридорам возле зрительного зала, если его в этот момент не тошнит в туалете. Сэнди почувствовала соблазн присоединиться к нему.

Вдруг откуда-то сзади послышался пронзительный свист. Сэнди даже оборачиваться не нужно было: она знала, что это Джой Бэлфор.

— Успокойся, Бэлфор, или отправишься в камеру, — рявкнул шериф, и зрители дружно зааплодировали. Аплодисменты продолжались до тех пор, пока Джон не встал и не раскланялся, в то время как его жена сидела с невозмутимым видом и купалась в лучах его славы. Что ни говори, но это ведь ее муж избавил от кошмара целый город, посадив за решетку хладнокровного убийцу.

«В отличие от моего мужа, — думала Сэнди, — который только взбудоражил весь

город, переслав с этой Силиконовой Долиной».

— Молодец, Джонни, — сказал Ленни Фромм, внезапно очнувшись от своей дремоты и вскочив на ноги. Все зрители тотчас же последовали его примеру. Единственными, кто упорно не вставал, были Роуз и Ян Кросби.

Представление окончилось, зажгли свет, и Сэнди, которую все это время мутило, смогла наконец-то встать и глубоко вздохнуть.

— По-моему, очень даже неплохо получилось. Правда?

— Потрясающе, — согласилась Рита. — Твоя Меган — настоящая актриса.

— Брайан тоже хорош, — сказала Сэнди, краем глаза глядя на Яна, который как раз в этот момент помогал встать матери своей любовницы.

— Да, он тоже играл здорово.

— Вы обе можете гордиться своими детками, — вставил Ленни Фромм, растворяясь в толпе, чтобы принять поздравления. Он проспал почти весь второй акт.

— Я так боялась, что в самый последний момент Брайан откажется, — сказала Рита. — Или у него вдруг возникнет страх перед публикой, или он будет думать, что в зрительном зале недостаточно кислорода.

— Все в порядке, — ответила Сэнди. — Все уже закончилось.

— Да, действительно, закончилось. О господи, я была так напугана.

— Напугана? — Сэнди тоже немного нервничала из-за Меган, но... «напугана»?

— Я не про пьесу.

— Я не понимаю.

Рита покачала головой, будто хотела сказать: «Не здесь».

— Давай забежим ко мне в кабинет на минутку, а потом пойдем к детям?

— Конечно, а что случилось? — Они двинулись по проходу к выходу, продираясь сквозь толпу. Ян и Кэрри уже вели Роуз в гримуборную. Если повезет, то они уже поздравят Меган к тому моменту, как она вернется. — Что такое? — снова спросила Сэнди, когда Рита отперла свой кабинет и они закрыли за собой дверь.

Рита щелкнула выключателем, заперла дверь на ключ и разрыдалась.

— Рита, что случилось?

— Какая же я дура!

— Ты вовсе не дура.

Рита выхватила из ближайшей коробки бумажную салфетку, высморкалась, потом промокнула глаза с густо накрашенными ресницами.

— Ты наверняка заметила, что в последнее время я держалась чуточку враждебно?

Сэнди поморщилась, как бы говоря: «Ничего подобного», Рита поморщилась в ответ, будто желая сказать: «Да-да, и не спорь».

— Ну, может, совсем чуть-чуть, — сдалась Сэнди. — Я понимаю, ты имела полное право злиться на меня...

— Я злилась не на тебя, а на себя. — Она на секунду замялась. — Я думала, что... это он. — Слова прозвенели в воздухе, как камешки по стеклу.

— Кто он и что?

— Брайан. — И Рита перешла почти на шепот. — Я решила, что он как-то связан с исчезновением Фионы Гамильтон. О господи! Я так себя винила. Я ведь вбила себе в голову, что это, возможно, мой сын убил Лиану Мартин.

— Что? — повторила Сэнди, хотя, честно говоря, она и сама порой ловила себя на этой мысли.

— Я просто чудовище.

— Ничего подобного.

— Что я за мать, если считаю, что мой родной сын способен на убийство?

— У тебя были причины для беспокойства, — напомнила ей Сэнди, вспомнив тот вечер, когда Рита позвонила ей в истерике. — Он ведь вел себя довольно странно, к тому же ты видела, как он замывает кровь на рубашке.

— Да, я понимаю, что это вполне серьезная причина для беспокойства. Но даже после того, как шериф рассказал мне, что он подрался с Джоем Бэлфором, какая-то часть меня все равно не могла успокоиться. Даже после того, как они нашли у Кэла все эти вещи и арестовали его за убийство, все равно...

— Это было трудное время для всех нас.

— С того самого дня, как умер отец Брайана, — начала было Рита и запнулась. — С того самого дня, как его отец убил себя, — с горечью сказал она, — и Брайан увидел его на веревке...

— Рита...

Но она уже снова рыдала в полную мощь.

— Эгоистичный сукин сын! Если уж так тебе приспичило повеситься, почему нельзя было найти какое-нибудь большое дерево в Эверглейдс? Обязательно надо было вешаться в нашей ванной? Там, где его непременно обнаружил бы сын?

— Он ведь не мог думать здраво.

— Да он вообще никогда ни о чем не думал, черт бы его побрал!

— Наверное, он испытывал страшные мучения.

— Да пошел он! — воскликнула Рита с ненавистью. — Пошел он вместе со своими мучениями! А как же сын? Его собственный сын, который увидел его в ванной, на веревке, с высунутым языком и посиневшей рожей? Неудивительно, что бедному мальчику теперь кажется, что везде не хватает кислорода! — И она рухнула в заранее раскрытые объятия Сэнди. — Он должен, должен был быть сегодня здесь! Он должен был прийти сюда ради своего сына.

Так они стояли в ее маленьком кабинете, и миниатюрная Рита рыдала в объятиях Сэнди. Через несколько секунд прерывистые рыдания стихли, Рита распрямила плечи и улыбнулась Сэнди.

— Слава богу, теперь все нормально, этот кошмар окончился. Кэл Гамильтон в тюрьме, убийства прекратились. А мой сын — мой красивый сумасшедший мальчик — был сегодня великолепен на сцене.

— Это точно.

— Ну и что с того, что он слегка долбанутый? Зато не убийца. Правильно?

Сэнди снова обняла подругу:

— Подростки все слегка долбанутые, это их кредо.

— Ты играл фантастически, — изливалась Рита, проталкиваясь сквозь шумную толпу доброхотов, заполонившую длинный узкий коридор, чтобы обнять сына. Брайан позволил заключить себя в объятия и поцеловать.

— Благодарю.

— Ах, как мило, — послышался откуда-то голос Джоя Бэлфора.

— Ты был великолепен, Брайан, — сказала Сэнди, грозно покосившись на Джоя. —

Прими мои поздравления.

— Спасибо. — Брайан стер с щеки материны поцелуи и посмотрел на Перри Фалько, который стоял в углу и наблюдал за ним. Подумав немного, Брайан махнул Перри рукой. — Мама, я хочу тебя кое с кем познакомить.

Сэнди извинилась и отправилась искать дочь. Повсюду толпились гордые родители юных актеров и прочие, желавшие кого-нибудь поздравить. Участники постановки, еще в костюмах и гриме, метались между четырьмя маленькими гримуборными, принимая похвальные отзывы и сияя от сознания своего успеха. Сэнди стала искать взглядом Гордона Липсмана, чтобы поздравить его с хорошо проделанной работой. Она была несправедлива и недооценивала его. Может, он слишком жеманный и претенциозный, но еще и несомненно талантливый. И вполне заслуживает того, чтобы его похлопали по плечу и обняли. И какая разница, сколько еще фотографий появится в Интернете?

— Никто не видел мистера Липсмана? — спросила она.

— По-моему, он уехал домой, — сказал Виктор Драммонд, выходя из ближайшей костюмерной. — Сказал, что плохо себя чувствует.

Сэнди почти не узнала Виктора без белой пудры, так он был непохож на самого себя. Все мы выглядим иначе без масок, подумала она.

— Ты прекрасно играл, — искренне похвалила она его, испытывая неподдельную гордость за всех своих учеников.

Он застенчиво кивнул:

— Меган дальше по коридору, во второй уборной с конца.

— Спасибо.

В коридоре было не протолкнуться, и Сэнди добиралась до двери целую минуту, по пути обменявшись восторженными отзывами с Джоном и Полин Вебер, с родителями Тани Мак-Гаверн и Джинджер Перчак. Все соглашались, что их отпрыски просто молодцы. Все родители были здесь, кроме отца Грега Уотта, чье отсутствие бросалось в глаза.

— Грег, — позвала Сэнди, заглянув в среднюю уборную, где в одиночестве сидел Грег, снимая грим. — Я просто хочу тебе сказать, что ты великолепно играл. Можешь собой гордиться.

Он улыбнулся.

— Извините, что пришлось поцеловать вашу дочь, — ответил он с лукавой ухмылкой. — Мистер Липсман меня заставил.

— Да, я заметила, как вам это было неприятно.

За спиной Сэнди неожиданно возник Джой Бэлфор.

— Ну ты прямо как педик! — заорал он на друга.

Сэнди хотела было урезонить его, но решила, что лучше не надо.

— Поздравляю, Грег, — сказала она, протискиваясь мимо Джоя дальше по коридору.

— Так где будет вечеринка? — услышала она Джоя, но уже не расслышав, что ответил Грег.

Сэнди дошла до последней уборной, в которой народу было не меньше, чем в коридоре. И глубоко вздохнула, молясь про себя, чтобы Ян уже ушел.

— Мама!

Сэнди обернулась на голос.

— Тим, что ты тут делаешь?

Он кивнул на Эмбер, которая уже переделалась в свитер и джинсы, но еще не смыла грим. Грим, наверное, тяжелее ее самой, подумала Сэнди, глядя, как Тим неуверенно переминается с ноги на ногу.

— Эмбер пригласила меня на вечеринку, — глухо ответил он, потупившись.

— Что ж, очень мило, — заметила Сэнди, пытаясь не выдать своего удивления. — А где будет вечеринка?

Тим пожал плечами:

— У кого-то дома.

— Ладно. — Легкий сарказм, прозвучавший в ее ответе, потонул во всеобщем гуле.

— Я тебя подожду на улице, — сказал Тим Эмбер, которая улыбнулась, кокетливо помахав в воздухе пальчиками.

Господи боже, подумала Сэнди.

— Пока, мам!

— Постарайся не слишком задерживаться. — Сэнди с трудом удержалась от того, чтобы попросить его приглядывать за сестрой.

— Привет, мам! — крикнула Меган, проталкиваясь к Сэнди сквозь толпу.

Сэнди обняла дочь, крепко притиснув к себе:

— Меган! Ты играла потрясающе.

— Осторожнее, я тебя гримом испачкаю.

— Плевать! Я так горжусь тобой.

— Здорово было, правда?

— Здорово, — согласилась Сэнди. — Я была просто поражена. Я, конечно, знала, что все будет хорошо, но даже не представляла себе, что настолько.

— Правда, Грег играл классно?

— Классно, — поддакнула Сэнди.

— Плохо только, что его отец не пришел. Какая он все-таки... сволочь.

— Я так понимаю, вы собираетесь устроить вечеринку?

— Ну да, как бы в честь закрытия сезона.

— Где?

Меган неопределенно пожала плечами:

— У кого-то дома.

— Здорово.

— Мама, давно пора перестать волноваться. Кэл Гамильтон под надежной охраной.

— Я волнуюсь не из-за Кэла Гамильтона, — внушительно произнесла Сэнди.

Меган отвернулась, заметно надувшись.

— Просто я знаю, как легко можно потерять контроль, — спокойно продолжала Сэнди.

— Я не потеряю контроль, — ответила Меган.

— Обещаешь?

— Эй, Меган! Молодчина, — крикнул кто-то с порога.

— Благодарю. — Меган уже снова улыбалась. — Не волнуйся, — сказала она Сэнди. — Я уже большая девочка и смогу о себе позаботиться.

Сэнди кивнула, погладив дочь по длинным шелковистым волосам.

— Я знаю.

— Мам? — позвала Меган, когда Сэнди уже повернулась, чтобы идти. — Ты сегодня

прекрасно выглядишь.

Сэнди застенчиво потрогала прическу. Она целых полчаса распрямляла волосы керамическим выпрямителем Меган, но, стоило выйти на влажный воздух, как снова появились локоны и кудряшки. А то, что осталось от ее новой персиковой помады, она дожевала во время прощальных объятий Меган и Грега.

— Спасибо, солнышко.

— Мам...

Сэнди остановилась.

— Я не задержусь.

Сэнди с улыбкой пошла по коридору, оставив Меган в гримуборной. Какие у нее все-таки прекрасные дети: дочь — умница и талантливая актриса, сын — милый впечатлительный мальчик. Оба уже становятся взрослыми. Обоих ждет яркое будущее. У нее есть все основания гордиться ими.

Ее вывел из задумчивости знакомый голос:

— Так нечестно, — бушевала в последней уборной Далила. — Миссис Кросби, скажите им, что так нечестно, — сказала она, заметив Сэнди.

Сэнди нехотя остановилась и обернулась.

— Что нечестно, Далила? — Тут в поле Сэнди возникла Кэрри Фрэнклин и двинулась ей навстречу.

— Бабушка плохо себя чувствует, и они хотят, чтобы я отвезла ее домой и уложила спать.

— Далила, это никого кроме нас не касается, — резко сказала ей Кэрри, и тут на пороге уборной возник Ян.

— Я хочу пойти на вечеринку, — упорствовала Далила.

— Сначала ты отвезешь бабушку домой.

— А почему бы вам самим ее не отвезти?

— Потому что у нас с Яном другие планы. — Это было заявлено уже напрямую Сэнди. — И не спорь! Отвезешь бабушку и можешь отправляться на свою вечеринку.

— Прекрасно. — Далила не пошелохнулась.

— Чем быстрее ты переоденешься и отвезешь домой бабушку, — нехотя посоветовала Сэнди, — тем раньше придешь на вечеринку. — Она подняла глаза и увидела, что Ян ей всю улыбаются.

— Выглядишь потрясающе, — сказал он одними губами.

И, прежде чем Сэнди успела переварить сказанное, они с Кэрри вышли из уборной.

— Мы тут с компанией собрались в «Честерс», чтобы отметить это дело, — говорила Рита по пути к учительской автостоянке. — Ты как?

Сэнди покачала головой.

— Наверное, нет.

— Да брось ты! Пошли.

— Я устала.

— Ничего ты не устала. Просто ты расстроилась из-за того, что Ян...

— Ничего я не расстроилась, — раздраженно перебила ее Сэнди, снова и снова повторяя про себя неожиданный комплимент Яна, как слова любимой песни. Что бы это значило? И значило ли что-то вообще? — Прости, но я не в настроении.

Рита сокрушенно взмахнула руками:

— Ладно, хорошо. Если передумаешь, ты знаешь, где нас можно найти.

— Желаю хорошо повеселиться! — Сэнди стояла и смотрела, как Рита садится в свою машину. Вокруг нее говорили, смеялись, хлопали двери, включались моторы.

— Спокойной ночи, — крикнул кто-то, и Сэнди обернулась на голос. Но, кто бы это ни сказал, он уже исчез в толпе, а когда Сэнди снова обернулась, Рита уже вырुливалась со стоянки. Подруга посигналила ей, выехав на дорогу, и Сэнди помахала в ответ рукой.

— Ты знаешь, где мы!

— Знаю, знаю, — спокойно повторила Сэнди, и ее слова прозвенели эхом во внезапно притихшей ночи. — Наконец-то одна, — пробормотала она, направляясь к своей машине. До нее не сразу дошло, что ее машина осталась не единственной на автостоянке, зато она сразу узнала старый черный «Меркурий». Но ведь Виктор Драммонд сказал, что мистер Липсман уже уехал, потому что плохо себя чувствовал. Что же здесь делает его машина?

— Гордон? — позвала она, медленно подходя к машине и осторожно озираясь по сторонам. — Гордон?

Тишина. Где-то вдали взвизгнули шины и раздался смех школьников. Она очень надеялась, что они будут следить за дорогой и не натворят глупостей, и молча возблагодарила звездное небо за то, что Кэл Гамильтон уже за решеткой и Торранс избавлен от кошмара. Хоть об этом теперь можно не волноваться.

Гордона, скорее всего, кто-нибудь подвез, решила она, подойдя к его машине и мельком взглянув в салон. Вполне разумно. Вряд ли он сам сел за руль, если ему было нехорошо. Плохо, конечно. Он слишком много и тяжело работал и имеет полное право сорваться. Время от времени всем необходимо срывать.

— Сэнди? — послышался вдруг чей-то шепот, такой тихий, что сперва Сэнди решила, что ей померещилось, но голос позвал снова. — Сэнди?

Сэнди резко повернула голову в направлении голоса. Кажется, он долетел из ярко-красных кустов гибискуса, окаймлявших противоположную сторону стоянки.

— Кто это? — спросила Сэнди, опасливо приближаясь.

— Помоги мне, — потребовал голос, долетевший к ней со слабым дуновением ветерка.

Сэнди обернулась и посмотрела на пустынную стоянку.

— Черт, — испуганно пробормотала она, борясь с искушением развернуться и убежать. Вот она, эта ситуация, когда глупая героиня фильма лезет, куда не надо, в то время как

зрители кричат ей, чтобы она не ходила. Но она все равно упрямо идет и вытягивает шею, и в это время сумасшедший маньяк в хоккейной маске отрубает ей голову одним ударом мачете. «Не ходи, не ходи», — слышала она крик невидимых зрителей, подходя к кустам и раздвигая кроваво-красные бутоны.

— Сэнди, — слышалось снова.

— Мистер Липсман! — вскрикнула она при виде режиссера, валявшегося на земле.

— Помоги мне, пожалуйста. — И он попытался протянуть к ней руки, которые безрезультатно мельтешили в воздухе.

— Господи боже мой, Гордон. Что ты здесь делаешь? — Сэнди наклонилась, схватила его за руки и попыталась поднять, но потные ладони выскальзывали из ее рук, и Липсман все время падал обратно. Наконец он кое-как поднялся на ноги и пошел, пошатываясь, на цыпочках и взметнув руки в стороны, будто по канату. Неожиданно его качнуло, и он рухнул на Сэнди. Та уперлась каблуками в тротуар, одним усилием воли удержавшись на земле.

— Извини, — сказал Гордон, пытаясь расправить свой галстук в красную и золотую полоску.

— Ты в порядке?

— Не совсем. — И он ухватился за ветки гибискуса, чтобы не упасть. — Я тут решил немного прилечь, а потом не смог подняться. — И он рыгнул.

Воздух наполнил едкий запах виски.

— Да ты пьян! — Сэнди попятилась, чтобы не чувствовать неприятного запаха, но это было уже бесполезно.

— Ты говоришь в точности как моя мать.

— Боже мой. — Сэнди снова оглянулась на пустую стоянку, надеясь хоть кого-нибудь увидеть, но тщетно. — Осторожнее, — сказала она, когда Гордон заковылял прямо на нее, с размаху опустив ей на плечо ладонь.

— Ты видела «Кэт»? — спросил он.

Сэнди не сразу сообразила, что он имеет в виду пьесу, а не кого-то из знакомых.

— Видела, это было потрясающе.

— Сногшибательно. Просто сногшибательно, — произнес он со своим поддельным британским акцентом. — А тебе так не кажется?

«Кто здесь сногшибателен, так это ты», — подумала Сэнди.

— Ты сможешь устоять на ногах? — спросила она, желая как можно скорее избавиться от его руки на своем плече, пока она не придавила ее к земле.

— Конечно, разумеется. — Он убрал ладонь и покачнулся, сперва назад, потом вперед, как метроном. — Твоя дочь — просто открытие.

— Да, она играла здорово.

— Не просто здорово, — поправил Гордон. — Она — открытие!

— Да-да, открытие, согласна. — Сэнди беспомощно смотрела на пустынную улицу. — Ну и что мы будем с тобой делать, Гордон? — Ну почему она всегда во что-нибудь вляпывается? Почему не пошла с Ритой и остальными в «Честерс»? Почему должна теперь отвечать за пьяного школьного режиссера?

— Это было непросто, — говорил Гордон. — Талантливые детишки, только ленивые. Не хотят работать. Хотят быть звездами. Все хотят быть звездами.

— Может, отвезти тебя домой?

Гордон взглянул на нее слегка озадаченно. Во всяком случае, Сэнди так показалось.

Глаза у него были так скошены к переносице, что сказать наверняка было невозможно.

— Я и сам на машине, — сказал он, махнув куда-то в сторону и чуть при этом не упав.

— Да, только тебе нельзя сейчас за руль. Пошли. — Она взяла его за локоть и повела, как слепого. — Придется, видно, тебя подвезти.

— Правда? Как мило с твоей стороны.

«А что мне еще остается», — думала Сэнди, медленно подводя его к своей машине и помогая забраться на переднее сиденье.

— Сказать по правде, я действительно неважно себя чувствую, — произнес он, будто поведал ей какую-то страшную непристойную тайну.

— Только не говори, что тебя сейчас стошнит.

— Очень надеюсь, что нет. Мама была бы в ярости. — И он визгливо, по-бабьи, загоготал, разбрызгав в воздухе невидимые капли виски. — Хотя мамы уже нет. — И снова загоготал.

О господи, думала Сэнди, садясь за руль и включая зажигание.

— Если почувствуешь, что тебя тошнит, дай мне знать — я приторможу.

— Мама всегда советовала мне в таких случаях глубоко дышать.

— Хороший совет.

— А еще вытирать ноги и прилично себя вести.

— Конечно, нужно вытирать ноги и прилично себя вести, — согласилась Сэнди, как с маленьким, выводя со стоянки свою белую «кэмри» и пытаюсь припомнить, как лучше всего добраться до дома Гордона Липсмана.

«На углу поверните направо. Потом прямо до Цитрусовой рощи», — вспомнила она слова Далилы.

— Как ты там? — спросила она через минуту, заметив, что голова Гордона склонилась набок.

— Пытаюсь глубоко дышать, — сказал он откровенную ложь.

Господи, только бы его не стошнило в моей машине, думала Сэнди, на углу свернув вправо. Они доехали без происшествий до Цитрусовой рощи, пока она снова не повернула направо. Если ей не изменяет память, то где-то через полмили нужно повернуть налево.

— Куда это мы едем? — внезапно спросил Гордон, резко выпрямляясь и осматриваясь, хотя было слишком темно, чтобы что-то разглядеть.

— Я везу тебя домой, — напомнила ему Сэнди.

— Может, ты меня к себе домой отвезешь? — предложил он, отвратительно осклабившись.

— Нет, этого я не могу сделать.

— Почему? Я разве не нравлюсь тебе, Сэнди?

Сэнди решила, что лучше всего не вступать в этот разговор.

— Сейчас направо, Гордон? — Меньше всего — помимо того, чтобы флиртовать с мужчиной, который внушал ей отвращение, — ей хотелось бы сейчас заблудиться. Она вспомнила, как они ехали здесь с Далилой в прошлый раз, и содрогнулась при одном воспоминании об их ужасной находке.

— Тебе холодно? — спросил Гордон.

— Что? Нет, не холодно. Я правильно еду?

— Не знаю. Какая-то незнакомая местность.

— Гордон, сосредоточься.

— Я и сосредотачиваюсь. — Он внимательно рассматривал своими косыми глазами ее профиль. — Ты очень красивая женщина, ты знаешь об этом?

— Сейчас налево?

— Налево, направо, какая, в сущности, разница?

— Хватит, Гордон! Будь серьезнее. Сейчас надо повернуть налево, правильно?

— Да.

— Отлично.

— Но направо будет короче.

— Что?

— Там объезд.

— Точно? Ты уверен?

— Конечно, я уверен.

Сэнди показалось, что он даже оскорбился.

— Ладно. Тогда руководи.

— Да, дорогая, — ответил он со своей дурацкой ухмылкой. — Именно этим я и занимаюсь. Руководжу. — И в третий раз за ночь раздался его визгливый смех. — Подумываю вот поставить на будущий год «Ренту».^[50] Что скажешь?

— Довольно амбициозная затея, — рассеянно произнесла Сэнди. Она изо всех сил пыталась сосредоточиться на незнакомой дороге.

— В амбициях нет ничего плохого, — ледяным голосом ответил Гордон.

— Конечно нет. — Куда они едут? Надо было добираться знакомым маршрутом. А, что если они сейчас заедут черт-те куда и не доберутся до дома и к утру? Зачем она вообще вызвалась отвезти его домой? Почему не предложила проспать до утра в машине? Почему в Торрансе нет такси? Почему куда-то фонари пропали? Что, если машина сломается или у нее спустит шина? Почему у нее нет сотового телефона, чтобы в крайнем случае можно было позвонить и попросить помощи? Что с ней творится такое?

— Ты видела?

— Что? — Она что, пропустила поворот на Адмирал-роуд?

— «Ренту».

— А! Да, видела.

— На Бродвее?

— Да.

— В первом составе?

— Кажется. Наверное.

— А у меня есть альбом с первым составом.

— Что ж, хорошо.

— Это, конечно, не совсем то же самое, что посмотреть пьесу.

— Наверное.

— Я так хотел ее посмотреть, — мрачно сказал Гордон. — Но мать заявила, что не поедет за тридевять земель, чтобы посмотреть ублюдочную версию «Богемы». Это она ее так назвала. Ублюдочная версия! Представляешь? — Он покачал головой. — Да, не следовало ей так говорить...

— Попробуй глубоко дышать, — напомнила Сэнди.

— Да, мама.

— Теперь прямо?

— Прямо и честно.

— Гордон...

— К тому же кошек нельзя было бросить.

— Что?

— Нельзя куда-то уехать и бросить кошек.

— Ты мог бы поехать без нее, — осмелилась вставить Сэнди, тут же об этом пожалев.

Зачем она ввязывается в этот разговор?

— О нет, этого я сделать не мог.

— Ты был хорошим сыном.

— Что я мог поделаться? За ней больше некому было ухаживать.

— У вас больше нет родственников? — Сэнди вспомнила те фотографии в доме Гордона с изображением двух молоденьких хорошеньких девушек.

— У мамы была сестра, но уже давно умерла. Погибла в автокатастрофе. Кстати, ты на какой скорости едешь?

Сэнди вдруг поняла, что начинает разгоняться, и быстро сбавила скорость ниже предельных тридцати миль в час.

— А у тебя? — спросила она. — У тебя нет братьев и сестер?

— Нет, я единственный ребенок. В своем роде, — добавил он, снова улыбнувшись своей противной улыбочкой. — А у тебя?

— У меня есть брат в Калифорнии.

— Он кино занимается?

Сэнди невольно рассмеялась.

— Почему кино? Нет. Работает в каком-то крупном интернет-магазине.

— Да? А у его сестры даже сотового нет. Забавно.

Сэнди ощутила смутное беспокойство.

— Откуда ты знаешь, что у меня нет сотового?

— О! Я много чего про вас знаю, миссис Кросби.

— Например?

— Я знаю, что ты очень красивая.

Сэнди чуть слышно застонала.

— Откуда ты знаешь, что у меня нет сотового?

— Я знаю, что твой муж от тебя ушел к матери Далилы.

— Откуда ты знаешь, что у меня нет сотового?

— И знаю, что ты до сих пор не подала на развод. На следующем перекрестке направо, — произнес он, не переводя дыхания. — Я знаю, что ты одинока.

— Откуда ты знаешь, что у меня нет сотового?

Он засмеялся:

— Прости, что ты сказала?

— Гордон...

— Ах, да, да. Откуда я знаю, что у тебя нет сотового? — Он усмехнулся. — Кажется, Далила что-то такое упомянула, когда вещала трупке о том, как вы напоролась на труп миссис Гамильтон в тот самый день, когда я послал ее за нотами. Которые эта корова, кстати, все измяла. Сейчас направо.

— Уверен?

— Абсолютно, — произнес он неожиданно трезвым и четким голосом.

«Вещала», — повторила про себя Сэнди, свернув направо. Высокопарный осел! Интересно, хоть на этой дороге появится хоть какая-то жизнь? Она всматривалась в темноте в проплывавшее справа голое поле. Даже апельсиновых деревьев нет. И вдруг в конце поля показалась старая заброшенная ферма. Что-то она не припомнит, чтобы видела ее раньше. Да и сейчас бы, наверное, не заметила, если б обрушившаяся крыша не светилась в ярком свете луны.

— Что это за место? — спросила она, глядя мимо Гордона.

Все произошло так быстро, что она даже ничего не успела сообразить. Только что она всматривалась в боковое окно, как вдруг перед ней возникло похотливое лицо, перекошенные глаза и нос картошкой, а мягкие и слюнявые губы Гордона Липсмана прижались к ее собственным. Она треснулась затылком о боковое окно, выпустила руль, и машину резко занесло влево. Сэнди инстинктивно нажала на тормоз, машина накренилась над обочиной, немного покружилась и, наконец, встала.

— Ты что творишь, черт побери! — закричала она, ударив Гордона по рукам и пытаясь отстраниться.

— Ай! — вскрикнул он, оттолкнув ее руки и снова прилипнув к ее губам, будто приклеившись.

— Гордон, ради бога, слезь с меня.

— Сиди спокойно! Все нормально.

— Нет, не нормально. Ты что, спятил? — Ей все же удалось оттолкнуть его от себя на расстояние вытянутой руки. Он упал на пассажирское окно, громко и тяжело дыша. Потом быстро сделал несколько глубоких вдохов, так что Сэнди перепугалась, что его сейчас вырвет прямо на нее.

Но он только крикнул:

— Поцелуй меня, Кэт! — и снова на нее набросился.

Это было бы смешно, если б не было так омерзительно.

— Да что ж это такое, — гневно крикнула Сэнди, едва успев увернуться от его скользких, но цепких, как пиявки, губ. — Прекрати! Прекрати сейчас же. — И только когда она вlepила ему пощечину, он оставил настойчивые попытки целоваться.

— В чем дело? — спросил он, пытаясь сконцентрировать взгляд.

— Это ты скажи: в чем дело?

— Откуда мне знать? — злобно огрызнулся он. — Ты только что говорила, как тебе одиноко, а сейчас...

— Ничего такого я тебе не говорила, это ты сказал, что мне одиноко.

— Ты поделилась со мной насчет развода, рассказала про свою семью...

— Ничего подобного.

— А кто рассказывал мне про брата в Калифорнии?

— Боже мой! Я всего лишь поддерживала разговор.

— Ты предложила довезти меня до дома.

— Хотела помочь.

— Я тебе нравлюсь.

— Нисколько, идиот!

— Я видел, как ты посматривала на меня.

— Что? — Она, наверное, сходит с ума. — Что ты несешь?

— Ты делала двусмысленные намеки.

— Я делала тебе двусмысленные намеки? Какая нелепость!

Сэнди попыталась осмыслить только что услышанное. Неужели она и вправду сбила его с толку и ее действия можно было истолковать подобным образом? Неужели она и вправду надеется вразумить человека, который буквально пятнадцать минут назад валялся пьяным в кустах гибискуса?

— Послушай, если это действительно так...

— Так.

— Значит, ты составил обо мне неверное представление. Извини. — Господи, неужели она действительно извиняется, как извинялась месяц назад перед Уиллом Бейкером? Уиллу Бейкеру хотя бы было чем оправдать свое возмутительное поведение, а Гордону Липсману? Она что, действительно недостаточно ясно изъясняется?

— Может, поедем все-таки? — спросил Гордон.

Сэнди молча включила зажигание и задом выехала на дорогу.

— На следующем перекрестке налево, — холодно проинструктировал Гордон.

Сэнди включила поворотники, хотя на дороге было совершенно пустынно. Она смотрела в зеркало заднего вида, как исчезает в ночи старая ферма с обвалившейся крышей.

— Привет, народ, Джой пришел! — заорал Джой Бэлфор, пытаясь перекричать музыку, грохотавшую из новой аудиосистемы с объемным звуком. Он с важностью вошел в дверь, держа в руках большую коробку с пивом. Теперь можно было считать вечеринку официально открытой.

Раздались нестройные рукоплескания, сопровождаемые восторженным свистом. Кое-кто, правда, застонал и неодобрительно зашикал.

— Вот такие соседи!^[51] — крикнул кто-то.

— Говнюк, — послышалось вполголоса.

Вечеринку устроили в доме Лонни Рейнолдса. Лонни, правда, досталась незначительная роль в «Поцелуй меня, Кэт», но зато у него был большой дом и, самое главное, родители уехали на выходные. Из гостиной пришлось вынести всю мебель, хотя весь актерский состав «Поцелуй меня, Кэт» заверил Лонни, что в воскресенье они вернутся и все расставят по своим местам, так что родители ни о чем и не догадаются.

— Прочь с дороги, педики! — захохотал Джой, грубо проталкиваясь сквозь толпу гостей, танцующих в центре переполненной гостиной. Он протолкался мимо небольшой компании парней, оживленно обсуждающих вечерний баскетбольный матч по ТВ, который они не смогли посмотреть, и по дороге на кухню, находившуюся в глубине дома, заговорщически подмигнул Грегу.

Меган от этого подмигивания сразу стало как-то неудобно. Что еще за секреты и планы? Она подняла взгляд на Грега, который стоял рядом, одной рукой небрежно обнимая ее за плечи, а другой прижимая к шее почти уже опустевшую бутылку «Миллера». Это была четвертая бутылка за вечер, а они еще и часу здесь не пробыли. Он был уже прилично пьян, судя по тому, что с каждой минутой его рука тяжелела все больше.

— Что это значит?

— Что?

— Ваше перемигивание.

Грег рассмеялся:

— Какое еще перемигивание?

— Джой тебе только что подмигнул.

Грег покачал головой, отпив пива:

— Я ничего такого не заметил.

«Как это можно было не заметить? — едва не сорвалось у Меган. — Он же в открытую тебе подмигнул!» Но она смолчала, вспомнив, что мать с отцом всегда говорила точно так же.

— Зачем он со всеми так по-хамски разговаривает?

— Кто со всеми по-хамски разговаривает?

— Джой. Всех обзывает педиками.

Грег только отмахнулся бутылкой. Тонкая струйка пива расплескалась в воздухе, и несколько капель упало в опасной близости от новых коричневых замшевых ботинок Меган.

— Он же просто дурачится, не желая никого обидеть.

— Тогда почему он так говорит?

Вместо ответа Грег наклонился и поцеловал ее. От прикосновения его губ раздражение

Меган мгновенно улетучилось. От него пахло пивом, и она думала, можно ли таким образом опьянеть, вроде как трависься никотином, когда рядом кто-нибудь курит. А курение смертельно опасно, вспомнила она, когда он поцеловал ее снова, на этот раз дольше и настойчивее.

— Спальни наверху, — бросил, проходя мимо, Виктор Драммонд, за которым тянулся шейф марихуаны.

Меган тут же вырвалась из объятий Грега и уставилась в бежевый мраморный пол. Грег рассмеялся:

— Теперь-то что случилось?

В этом «теперь-то» прозвучал едва заметный укор.

— Ничего.

— Тебе никогда не говорили, что тебя слишком заботит чужое мнение?

Вопрос ударил ей по нервам, как нож под ребра.

— Меня несколько не волнует чужое мнение, — ответила Меган, озираясь по сторонам, чтобы убедиться, что их никто не подслушивает.

— Ты уверена?

— Да.

— Правда? Тогда пошли со мной наверх. — И он попятился задом, поставив пустую бутылку на ближайший столик и протянув ей руку. Джой Бэлфор немедленно всунул в нее новую бутылку.

— Холодное пиво лучше всякого секса, уж ты мне поверь, — с усмешкой сказал он.

— Это если заниматься им с самим собой, — отозвался Грег. — Пошли, — сказал он, увидев, как омрачилось лицо Меган. Сделал большой глоток и протянул ей бутылку. — На, глотни. Расслабишься немного.

— Нет, спасибо. Я не люблю пиво.

— Эта девочка вообще хоть что-нибудь любит? — многозначительно спросил Джой.

Меган почувствовала, что у нее вспыхнули щеки и стало трудно дышать. Вместо грохочущей рок-музыки вдруг на миг воцарилась зловещая тишина, и дергающиеся в танце парни и девицы выжидательно к ней повернулись, с любопытством наблюдая, что она сейчас сделает.

Так, во всяком случае, казалось Меган, хотя на самом деле музыка играла, все продолжали танцевать, а смотрели на нее всего-то два-три человека. А еще ей казалось, что отрываются по полной все, кроме нее, и только она одна упорно сдерживается, отказываясь расслабиться и насладиться вечеринкой. Это же вечеринка, черт возьми! Банкет. А она — звезда спектакля, которой завидуют все присутствующие здесь девушки. И не только потому, что ей дали роль Кэт, которую она, по всеобщим отзывам, сыграла блестяще, но и потому, что у нее необыкновенно сексуальный партнер, о котором мечтает каждая из присутствующих.

И он ее хочет. Правда, заметно начинает нервничать, и она это чувствует. Спектакль окончен, игра, в которую они играли целый месяц, уже безнадежно устарела. Кэт и Петручо остались на сцене, но Меган с Грегом сейчас здесь. Сколько еще Меган сможет заставлять Грега ждать? Почему она это делает? Потому что ее мать не готова? «Просто я знаю, как легко можно потерять контроль», — предупредила ее Сэнди. — «Я не потеряю контроль. — Обещаешь?»

И вдруг Меган выхватила у Грега пиво и одним залпом выпила полбутылки. Она ничего

не обещала своей матери.

— Классно! Вы усекли?! — воскликнул Джой. — Да она профессионал!

«Не волнуйся, я уже большая девочка и смогу о себе позаботиться». Меган едва не поперхнулась под внезапный шквал аплодисментов. Вскоре уже никто на нее не пялился и снова все танцевали, растворившись в навязчивом ритме бас-гитары. Она посмотрела на своего брата, который наблюдал за ней из угла, увидела его обеспокоенно склоненную набок голову и нарочно сделала еще один глоток. Пиво выплеснулось из бутылки и потекло по подбородку. Грег тут же приник языком к ее шее, слизав капли.

— Мег, — предупредил Тим, подходя к ней через минуту вместе с Эмбер, — поосторожнее, хорошо?

— А если она не хочет поосторожнее, а, педик? — спросил Джой.

— Пошел ты на... — сказал Тим совершенно спокойно.

У Меган испуганно округлились глаза. Неужели ее брат только что послал Джоя Бэлфора?

Джой попятился, спотыкаясь и прижав руку к сердцу, будто в него выстрелили.

— Прошу прощения? Что ты сказал, педик?

— Он сказал: все танцуем! — вмешалась Эмбер и потащила Тима на середину комнаты, где их тут же окружили и скрыли из виду другие танцующие.

— Это дочь шерифа, приятель, — напомнил Грег Джою, который, казалось, уже собрался разнести дом. — Ты же не хочешь, чтобы она позвонила своему папаше?

В тусклом взгляде Джоя не сразу отразилось понимание сказанных слов.

— Слишком длинный язык у твоего братца, — сказал он Меган.

— Он просто дурачится, — ответила ему Меган словами Грега. — Не желая никого обидеть.

Грег улыбнулся.

— Чего это ты щерись? — набычился Джой, уже явно собираясь пустить в ход кулаки.

— Полегче, парень, — ответил Грег. — Ты начинаешь бредить.

— Да-а? А ты начинаешь меня раздражать вместе со своей маленькой принцессой.

Тут открылась входная дверь, и в гостиную вошла Далила Фрэнклин.

— Боже мой, что за вонь! — воскликнул Джой, решительно направляясь к ней. — Эй, Дели, ты что, потереться забыла?

Далила проигнорировала Джоя так же, как ее игнорировали остальные.

— Привет, ребята, — сказала она, хотя ей улыбнулись только Брайан Хенсен и Перри Фалько, да и то как-то не слишком уверенно. — Привет, Меган, — бросила, заметив ее, Далила.

У Меган упало сердце, когда Далила стала пробираться к ней через гостиную. Она что, совсем с ума сошла? Зачем нарочно самой себе портить жизнь? Неужели она не чувствует, что ей здесь не рады? Мало того, что Меган ежедневно приходилось мириться с ее присутствием на репетициях. Так теперь и здесь будет то же самое? «Не обижай людей», — услышала Меган голос матери, и, поскольку уже и так почувствовала себя виноватой, сочла нужным поддержать разговор:

— Я думала, ты повезла домой бабушку.

— Отвезла уже. Она даже заставила меня дожидаться, пока не уснет. Причем, только я собралась выскользнуть, как она открывает глаза и требует, чтобы я не уходила...

— Бабушка, бабушка, какие у тебя большие уши! — протянул нараспев Джой, снова подлетая к ним.

— Джой... — неодобрительно сказала Меган.

— Да ничего, у нее и вправду большие уши, — неуверенно засмеялась Далила.

— А что с ней случилось-то? — спросил Грег.

— Застойная сердечная недостаточность.

— А что это такое?

— Сердце застоялось... недостаточно, — ответила Далила, улыбнувшись, и Меган с Грегом рассмеялись.

— Надо же, как смешно! — вставил Джой. — Дели шутить умеет!

— Спасибо, что поинтересовался, — сказала Далила Грегу и посмотрела на него с благодарностью.

— Слушайте, дышать уже совершенно нечем, — продолжал Джой, размахивая перед носом руками, будто отгоняя неприятный запах. — Внушенька, внушенька, какая у тебя большая задница! — И он шлепнул Далилу по ягодицам.

— Ай, — вскрикнула Далила, пытаясь увернуться от следующего шлепка, но Джой уже успел опустить ладонь на туго натянутые джинсы. Меган показалось, будто ей самой отвесили болезненный удар, и ее передернуло.

— Советую тебе вымыть руки, — со смехом предупредила его Джинджер. Они с Таней как раз проходили мимо.

— По-моему, я сломал запястье об эту бетонную задницу! — продолжал паясничать Джой, согнувшись пополам и вцепившись в ладонь другой рукой.

Глаза Далилы наполнились слезами. Она смотрела в потолок, будто молила, чтобы он на нее не рухнул.

— Ладно, хватит, — сказал Грег.

— Что это с тобой сегодня, а? — вспыхнул в ответ Джой. — Твоя принцессочка уже что, под каблуком тебя держит?

— Ты ведешь себя как последний мудака.

— Да-а? Это все же лучше, чем быть подкаблучником.

— Так, парни. Остыньте, — послышался чей-то голос. — Мы здесь на вечеринке, забыли?

— Даже на вечеринке нельзя забывать, кто тебе друг, а кто нет, — немедленно парировал Джой.

— Я ухожу, — сказал Грег. Он взял Меган за руку и повел ее из комнаты.

— До скорого, педик, — крикнул ему вслед Джой.

— Куда мы идем? — спросила Меган.

— Увидишь.

Меган молча позволила довести себя до входной двери, пытаясь решить, что ей делать. С одной стороны, ей выпала отличная возможность побыть с Грегом наедине. С другой — Грегу выпала отличная возможность побыть наедине с ней. И, как бы ее ни восхищало первое, она не знала точно, готова ли ко второму. Грег, конечно, само обаяние. Но он может оказаться и последним... мерзавцем. Впрочем, одно другому не мешает...

Почувствовав, что Грег тащит ее за руку, Меган оглянулась на гостиную, пытаясь отыскать взглядом среди танцующих своего брата. Надо по крайней мере сообщить ему, что она уходит, думала она, вспомнив свое фиаско на поминках по Лиане. Но она понимала, что

он взглянул бы на нее в точности как мать, и стал бы умолять никуда не уходить. И в таком случае вечер был бы испорчен у обоих, а ночь превратилась бы черт знает во что. «Позвоню ему потом на мобильный и скажу, что со мной все в порядке», — думала она, решив уйти с Грегом.

Но, вместо того чтобы потихоньку выпроводить ее за порог, Грег повел ее по лестнице на второй этаж. Затаив дыхание, Меган позволила провести себя мимо обшитого дубом кабинета, голубой мраморной ванной и еще одной комнаты справа, из-под двери которой просачивался терпкий запах марихуаны.

— Может, нам нельзя сюда? — прошептала Меган, чувствуя, как слова болезненно царапнули ей горло.

— Тс-с.

Они попали из коридора в большую комнату, посреди которой стояла огромная кровать с пологом на четырех столбиках. Спальня хозяев?

— Грег, я не думаю...

— Именно: не думай. — Он затащил ее в комнату и закрыл за собой дверь.

— Что ты делаешь?

— Вот что. — Он обнял и поцеловал ее. У Меган подкосились коленки. Потом она услышала позади щелчок и догадалась, что он запер дверь.

— Грег, не...

— «Не» что? — Он потащил ее к кровати.

— Мы должны уйти отсюда.

— Почему?

— Потому что мы не у себя дома. — Меган оглядела освещенную нижним светом спальню, вскользь замечая детали: семейные фотографии на кремовых стенах; гольфовые и рыболовные трофеи, расставленные на резном комод; десяток подушек в бежевую и золотую полоску на плотном кремовом покрывале; роскошный атласный балдахин, свисающий со столбиков; два бежевых стула, задвинутых за маленький круглый столик у большого окна спальни, выходящего на задний двор.

— А ты знаешь старую поговорку: «Чувствуйте себя как дома»?

— По-моему, она подразумевает несколько другое, — ответила Меган, но Грег уже притянул ее к себе. Жесткий матрас заскрипел под мягким покрывалом.

— Кто она? — спросил Грег, целуя ее в шею.

Она задела рукой атласную подушку, слегка ее передвинув. А вдруг они разложены в особом порядке, думала она, стараясь не паниковать. И хозяева сразу заметят, что их перекладывали?

— Может, там посидим? — предложила она, приподняв голову и кивнув на два стула у окна.

Грег воспользовался этим, чтобы осыпать нежными поцелуями четкую линию ее подбородка.

— Может, ты помолчишь немного? — мягко сказал он. И тут же поцеловал ее в уголок рта, а потом прямо в губы, в точности как собирался сделать тогда, под деревом на школьном дворе, когда сказал, что намерен ее соблазнить. Именно этим он сейчас и занимался — соблазняет ее, и если она не будет осмотрительной, очень осмотрительной, то он добьется своего. И если одна часть ее сознания — большая его часть! — хочет, чтобы он добился своего и всячески желает ему удачи, то другая его часть, пусть малюсенькая, но не

менее важная, потому что именно эта ее часть обещала матери не потерять в какой-то момент контроль над собой — хотя она, разумеется, ничего не обещала, — эта ее часть твердит ей, что она поступает неправильно, что сейчас неподходящий момент, что для первого секса можно было бы выбрать место и получше, чем спальня родителей Лонни Рейнолдса с кремовым покрывалом, которое наверняка мгновенно перепачкается, и с целой оравой незнакомых людей, которые глазят на нее со стен. Уж не говоря о том, как на нее все будут смотреть, когда они с Грегом вернутся в гостиную. Наверняка кто-нибудь видел, как они поднялись наверх, и теперь уже, скорее всего, всем известно, чем они здесь занимаются. Вполне возможно, самые ретивые даже стоят за дверью и подсматривают за ними в замочную скважину.

«Просто я знаю, как легко можно потерять контроль». — «Я не потеряю контроль». — «Обещаешь?» Она попыталась заглушить голос матери и свой собственный внутренний голос, но все было бесполезно. Она не может.

Рука Грега скользнула ей под блузку. О, какое блаженство! Надо это прекратить, надо его на что-то отвлечь. И самой отвлечься. Подумать о чем-нибудь неприятном, о чем-нибудь таком, что нейтрализует чудесные ощущения, вызываемые прикосновением его пальцев к ее груди.

— Как ты думаешь, у них есть термиты? — брякнула она первое, что пришло ей в голову.

Его рука застыла на ее груди.

— Что?

— Я вот думаю, есть ли у них термиты?

— Чего ты несешь?

— Просто у моих дяди с тетей был дом, очень похожий на этот, — это когда мы еще жили в Рочестере, — и у них водились термиты. Просто кошмар какой-то: им пришлось весь дом дезинфицировать и на время переехать к родственникам, то есть к нам. Я помню, как они целую неделю жили у нас, и мне пришлось спать в одной комнате с моей кухней, Сашей, а она ужасная неряха...

— Меган...

— Они переехали в Калифорнию лет десять назад, когда начался бум интернет-магазинов. Дядя у меня — большой талант и прекрасно разбирается во всех этих вещах. Это брат моей матери.

— Меган... — Рука Грега нащупала застежку спереди на лифчике, и уже в следующий момент его пальцы раздвигали тонкое кружево, лаская ее обнаженные груди.

— Но им все равно пришлось затянуть весь дом таким большим голубым тентом. То есть не тентом, конечно. Скорее это напоминало огромный кусок синего целлофана, ну, то есть не целлофана, а такой плотный пластик, вроде того, который устанавливают над бассейнами. Здесь этого делать не нужно, потому что во Флориде не бывает холодно. О, как хорошо! — прошептала она, когда его пальцы стали терзать сосок ее правой груди. Просто восхитительно. — Так вот, — продолжила она, чувствуя, что его поцелуи становятся все более настойчивыми, — от термитов они избавились, но тетя больше никогда не чувствовала себя в этом доме так, как прежде. Она говорила, что знает, что термиты ушли, но ей все равно кажется, что они ползают, где попало, и грызут всю ночь ножки их деревянной кровати. Это буквально выводило ее из себя, поэтому им пришлось переехать. Не в Калифорнию. Во всяком случае, еще не в Калифорнию.

— Тс-с, — проговорил Грег, отпуская ее грудь. «Нет, — думала она. — Не уходи. Вернись, вернись!»

Но он вовсе и не собирался убирать руку, просто переложил ее ей на бедро, провел пальцами между ног. Она чуть не задохнулась от прилива желания и тут же попыталась встать.

— Грег, я правда...

— Тс-с. — И его пальцы стали теребить молнию на ее джинсах.

— Нет, остановись. Я не хочу...

— Тс-с.

Это его последнее «Тс-с» окончательно ее и добило. Одно дело — самой игнорировать свой внутренний голос; совсем другое — когда он игнорирует ее голос, тем более когда тот громко и отчетливо требует его остановиться. Она оттолкнула его руку, вскочила и застегнула джинсы.

— Перестань говорить мне «Тс-с»! Я не хочу, чтобы меня затыкали!

— Тогда чего же ты хочешь, черт побери? — Он схватил подушку и со злости швырнул в нее.

Меган посмотрела, как подушка просвистела у ее виска и плюхнулась на ковер.

— Я хочу спуститься вниз. Хочу танцевать и развлекаться.

— А мы, по-твоему, чем занимаемся? Я думал, я тебе нравлюсь.

— Нравишься, Грег. Очень нравишься. Но я еще не готова...

— Динамистка!

Меган будто вlepили пощечину; она почувствовала, как у нее покраснели щеки.

— Я не... Это не так.

— Значит, ты еще лучшая актриса, чем я полагал.

Меган глубоко вздохнула, поправила волосы, проверила молнию на джинсах. Он ляпнул это, не подумав. Он рассержен, расстроен и немного пьян. Он обязательно потом извинится, и она примет его извинение. Летом они постараются узнать друг друга получше. Все будет хорошо, просто не надо торопиться.

— Я спускаюсь вниз.

— Ну и иди. Чего ты ждешь?

— А ты разве не пойдешь?

Грег по-прежнему сидел на кровати, не глядя в ее сторону.

— Позови, кто там следующий на очереди!

У Меган внутри все перевернулось, и ее немедленно затошнило. Так вот что ежедневно чувствует Далила, подумала она, проглотив готовый было сорваться у нее с губ ответ. Она отперла дверь, щелкнув замком, как затвором пистолета, и выскочила из спальни.

Она спустилась вниз по лестнице и выбежала из дому, ни разу не оглянувшись. Ей показалось, что кто-то крикнул ей вслед: «Меган! Что случилось? Подожди!»

Но она не стала ждать. Она бежала, не останавливаясь, по пустынной дороге, оставляя позади гул вечеринки, который преследовал ее до следующего квартала. Здесь, наконец, этот гул перестал терзать ее слух.

И только когда она остановилась, чтобы перевести дыхание и вытереть слезы, то поняла, что за спиной у нее кто-то стоит.

— Меган, — произнес голос. Это было последнее, что она услышала.

— Сэнди, мы здесь!

Сэнди внимательно осматривалась в тускло освещенном зале, пытаясь определить, откуда послышался Ритин голос. Наконец она увидела ее за большим круглым столом справа от стойки. Она сидела между угрюмым Джоном Вебером и его женой Полин, которая заметно успела набраться.

— Я и не думала, что ты придешь, — сказала Рита, выдавая преувеличенно широкой улыбкой свою радость.

Сэнди уселась на один из трех свободных стульев, стараясь не замечать того очевидного напряжения, которое висело между шерифом и его женой. Она насчитала с дюжину стаканов, и почти все стояли перед Полин.

— Это не только я пила, — вызывающе сказала Полин, заметив взгляд Сэнди.

— Здесь были еще Эйвери с Ленни. Эйвери ушел где-то с полчаса назад, — объяснила Рита. — А с Ленни ты разминулась буквально на пять минут.

— Ну и ладно! — Сэнди решила, что на сегодня с нее уже хватит коллег. И подозвала официантку. — Яблочный мартини, — сказала она. — Пожалуйста.

— Уверена? — спросила Рита. — Помнишь, что случилось в прошлый раз, когда ты пила яблочный мартини?

— Поверь, с сегодняшним вечером это не идет ни в какое сравнение.

— А что случилось сегодня вечером? — И Рита нагнулась ближе, оперевшись на локти. Полин обводила каемку бокала указательным пальцем.

— Мне тоже стоит это выслушать? — спросил Джон. По его лицу было видно, что три расстроенных женщины — слишком много для пусть не совсем трезвого, но все-таки еще и не достаточно пьяного мужчины.

— Наверное, нет, — ответила Сэнди.

Джон поднялся, быстрым шагом прошел в бильярдную и тут же завязал разговор с какой-то компанией, игравшей за ближайшим столом.

Сэнди услышала, как один из них пожаловался на плохой счет в сегодняшнем баскетбольном матче. Насколько все-таки мужчинам проще разговаривать — все просто и ничего личного. И она перевела взгляд на своих соседок, у которых в глазах читалось, что они предвкушают услышать прямо противоположное. Так что Сэнди покорно изложила им события сегодняшнего вечера.

— Ты, должно быть, шутишь! — воскликнула Рита, когда Сэнди закончила. — Гордон?

— Мистер Липсман? — повторила Полин. — Учитель Эмбер?

— Так он что, напал на тебя?

— Попытался. Он на меня набросился. — И она стряхнула со своего бежевого свитера невидимые кошачьи волоски.

— Так пишут в бульварных газетенках, — засмеялась Полин. — «Он на меня набросился, она на него набросилась, они набросились друг на друга».

Сэнди уставилась на жену шерифа. Что она несет?

— А еще они любят заниматься петтингом, — продолжала Полин. — Все знаменитости только и делают, что занимаются петтингом, а вы разве не замечали? Что это значит-то хоть? Вы же — учительница.

— Где это произошло? — спросила Рита, не обращая внимания на Полин и взглядом умоляя Сэнди сделать то же самое.

— Не знаю точно. Где-то между Цитрусовой рощей и Адмирал-роуд, недалеко от этой старой заброшенной фермы в конце большого поля. Там было так жутко.

Полин прищурилась, что-то припоминая:

— Это, наверное, дом Кимбла. Что вы там делали, господи боже мой?

— Побывала в роли доброй самаритянки.

— Доброй и глупой, — уточнила Рита. — Когда ты наконец научишься быть осторожнее!

— Я что, действительно делаю двусмысленные намеки? — внезапно спросила Сэнди.

— Ты о чем?

— Я недостаточно ясно изъясняюсь?

— О чем она говорит? — спросила Полин.

Сэнди невольно рассмеялась:

— Думаю, вы уже ответили на мой вопрос. — «Ну и ночка» — подумала она.

Официантка поставила перед ней яблочный мартини, а Полин заказала себе еще один джин-тоник.

— Ничего ей больше не приносите, — крикнул Джон, который, очевидно, следил за ней.

— Не слушайте его, — сказала Полин официантке, умудрившись почти не пошевелить при этом губами. — Дом Кимбла был шикарной усадьбой в свое время, — продолжала она, будто два эти предложения были между собой как-то связаны. — И очень современной. Там был даже подвал и все такое прочее. Сейчас там жутко, как в «Бейтс-мотеле» из хичкоковского «Психо». Помните? Великолепный фильм. Просто поверить не могу, что мистер Липсман на такое способен, — говорила она на одном дыхании. — Неужели совсем с катушек съехал?

Сэнди изо всех сил пыталась уследить за вихляющей мыслью Полин.

— Он был изрядно пьян, — многозначительно сказала она. — Когда напиваешься, мало что соображаешь...

— Мне не верится, что ты действительно довезла этого придурка до дома, — поразила Рита.

— Не могла же я оставить его стоять перед этим «Бейтс-мотелем».

— Почему бы и нет, черт возьми?!

— Ну, не знаю. Просто не могла, и все.

— О господи, — сказала вдруг Рита, испуганно округлив глаза.

— Ты думаешь, он принял мою помощь за двусмысленный намек? — спросила Сэнди, которую встревожил неодобрительный взгляд Риты. — В чем дело? — спросила она, проследив глазами за взглядом Риты.

— Не оборачивайся, — предупредила Рита.

Сэнди сразу же развернулась на своем стуле и посмотрела на дверь. На пороге стоял ее муж под руку с Кэрри Фрэнклин.

— Только этого мне еще не хватало! Умоляю, скажи, что у меня галлюцинации.

— Я же просила тебя не оборачиваться.

Полин тоже развернулась на стуле:

— Так-так-так. Посмотрите-ка, кто пришел.

— Они нас видели? — Сэнди поглубже уселась на стуле, подняв плечи и вжав шею, будто черепаха, которая прячется в панцирь.

— Пока нет, — ответила Рита.

— Что они делают?

— Сели в кабинку у входа.

— Из всех кабаков на свете, — произнесла Полин, замечательно, как никогда, пародируя Хэмфри Богарта, — они выбрали именно этот.

— Черт бы их побрал! — сказала Сэнди. — Что они сейчас делают?

— Просто сидят.

Сэнди юркнула в свой защитный панцирь и краем глаза взглянула на них. Ян с Кэрри сидели друг напротив друга, сцепив руки на столе. Она тут же отвернулась.

— Ты не сказала, что они держатся за руки.

— Не сочла необходимым.

— А вы заметили, что никто сейчас не называет своих детей Хэмфри? — спросила Полин, будто они разговаривали о чем-то совершенно другом. — Ни Гертрудой, ни Этель, ни Гомером. Теперь в моде Тиффани, Эшли и Тайлер. Хотя Ричард Гир назвал своего сына Гомером. Но это ж знаменитости: если они не занимаются петтингом, то называют своих детей Гомерами.

Сэнди с недоумением уставилась на жену шерифа. Откуда она всего этого нахваталась?

— Джон ее уже видел? — спросила Полин.

— Кого?

— Шлюху Сюзи, — ответила Полин. Слова прозвучали, как орудийный выстрел, разлетевшись короткими очередями, достаточно громкими, чтобы слышали соседи. — Она ведь и с моим мужем спала, — продолжала она. Ее голос набирал силу с каждым слогом. — До того, как стала спать с вашим.

«Что?!» — удивилась Сэнди.

— Это их общение продолжалось много лет. Сойдутся — разойдутся, сойдутся — разойдутся, — продолжала Полин, к которой уже подходил Джон. — А этот идиот думает, будто я ничего не знаю. Правда ведь, любимый?

— Так, Полин, — твердо сказал Джон. — Хватит на сегодня проказ, домой пора.

— Ты собрался домой? Теперь? Когда самое интересное только начинается?

Джон обернулся на переполненный зал, заметно вздрогнув, когда его взгляд встретился со взглядом Кэрри Фрэнклин.

— Не вижу ничего особенного, — сказал он, отводя взгляд. — Продолжайте развлекаться, дорогие дамы, а вот эта леди выпила слишком много джин-тоника. — И он схватил жену за локоть.

— Просто этой леди слишком долго пудрили мозги, — возразила Полин, вырывая руку. — Слишком много лет пудрили мозги!

— Полин...

— Джон, — произнесла в ответ Полин, растягивая слоги, как резинку.

— Ты себя позоришь.

— Ты хочешь сказать, что я тебя позорю?

— Давай уйдем поскорее, пока ты не ляпнула чего-нибудь такого, о чем тебе потом придется жалеть.

— *Au contraire*, [\[52\]](#) — возразила Полин, распрямляя плечи и неверными пальцами

разглаживая перед своей кремовой шелковой блузки. — Если я и жалею о чем, так это о несказанном. — И она предприняла отчаянную попытку встать, ухватившись за стол, чтобы не рухнуть на пол. — Например... — Она остановилась, оглядев зал, будто искала подходящий пример. — Я очень сожалею, что ни разу ничего не сказала про тебя и про эту просиликоненную платиновую потаскуху, которую ты пялил годами.

Сэнди едва сдержала улыбку. «Просиликоненная, пялил, платиновая потаскуха, — повторила она про себя. — Великолепный пример аллитерации». Она глотнула мартини, гадая, что же началось раньше — запой Полин или измены ее мужа.

— А мне ты ничего бы не хотела сказать, Полин? — спросила неожиданно возникшая перед столом Кэрри. Сэнди торопливо глотнула коктейль.

— Титьки и цацки, — прошептала еле слышно Рита.

«Титьки, цацки, просиликоненная, пялил, платиновая потаскуха», — мысленно произносила Сэнди, чувствуя, что немного повеселела. Но тут перед глазами возник Ян.

— Что здесь происходит? — спросил он шерифа.

— Вам не о чем тревожиться, — ответил Джон, которому наконец удалось оттащить Полин от стола.

— Какие еще тренажеры! — фыркнула Полин в сторону Кэрри, очевидно, неправильно что-то расслышав. — Эту фигуру ты заполучила благодаря «Мастер-Кард».

— Нелепую, — прошептала Рита, и Сэнди невольно улыбнулась.

— Это так смешно? — спросил Ян.

Сэнди уткнулась взглядом в пол. «Чего нам сейчас не хватает, — думала она, — так это землетрясения, чтоб разверзся этот деревянный пол и всех нас поглотил».

— Я так понимаю, вам известно про интрижку вашей нынешней подружки с моим мужем, — обратилась к Яну Полин.

— Мне нет дела, что происходило до того, как в жизни Кэрри появился я.

— И надолго вы в ней появились? — спросила Полин.

— Чокнутая сука, — пробормотала Кэрри.

— Может, я и сука, — возразила Полин. — Но уж никак не чокнутая.

— Так, Полин, — вмешался Джон. — Вот теперь ты действительно позоришь меня.

— Ах ты бедняжка!

— Мы едем домой.

— Иди ты к черту!

— Сначала я отвезу тебя домой.

Полин снова увернулась от его рук.

— Посмотрите-ка на него, — презрительно фыркнула она. — Супергерой выискался! Я ведь знаю, что вы все думаете: бедняга, сажает за решетку убийц вроде Кэла Гамильтона, а с собственной женой сладить не может. Ты знал про его роман с Кэрри Фрэнклин? — спросила она какого-то парня, склонившегося над ближайшим бильярдным столом. — Или ты тоже с ней спал?

— Полин, давайте, я сама отвезу вас домой? — вмешалась вдруг Сэнди, вскакивая со стула.

— А вот здесь уже ваша доброта совершенно неуместна, — внезапно набросилась на нее Полин. — Мой муж хотя бы попытался все скрыть.

— Шериф, — взмолился Ян.

— Почему вы до сих пор не подали на развод? — продолжала Полин. — Чего вы ждете?

— Она права, — сквозь зубы прокомментировала Рита.

— Так, ну, хватит! — Джон Вебер схватил Полин за руку и грубо потащил ее к выходу.

Когда они уже находились возле дверей, Полин уперлась каблуками в пол и развернулась.

— Тебе будет гораздо легче без него, — закричала она Сэнди, прежде чем Джон успел вытолкнуть ее за дверь.

Несколько секунд никто не двигался. Потом Рита нагнулась и подняла с пола свою сумочку.

— Не знаю, как вам, а для меня на сегодня острых ощущений вполне достаточно.

Кэрри согласно кивнула.

— Надо, наверное, съездить проведать маму, — сказала она, ни к кому в отдельности не обращаясь.

Ян полез в карман своих элегантных черных брюк и протянул Кэрри ключи от «ягуара».

— Я допью пиво, если ты не против, — сказал он, глядя на Сэнди. — Давай ты проведает маму, а потом заедешь за мной, скажем... — он взглянул на часы, — через полчаса.

Кэрри замешкалась.

— Полчаса, — повторил он.

Кэрри кивнула и с хозяйским видом чмокнула Яна в щеку, балансируя на носках своих туфель с открытыми пятками так, что шпильки буквально приподнялись над полом.

— Приятно было снова повидаться, Сэнди, — бросила она.

— Второй раз за вечер, — ответила Сэнди. — Невероятное везение!

— Ты идешь? — спросила Рита Сэнди, пока Кэрри под взорами всех посетителей вихляющей походкой направлялась к выходу. Ян задел плечом плечо Сэнди.

— Останься, — попросил он.

Сэнди посмотрела ему в глаза.

— Что происходит? — спросила она.

— Ты идешь? — снова спросила Рита.

— Я, наверное, тоже останусь и допью свой мартини.

Рита быстро перевела взгляд с Сэнди на Яна и обратно.

— Уверена?

— Уверена, — ответил за нее Ян.

— Я позвоню тебе завтра, — сказала Сэнди, склонившись к подруге, чтобы поцеловать ее в щеку.

— Никаких двусмысленных намеков, — прошептала ей на ухо Рита.

И ушла. Ян тем временем уж подзывал официантку.

— Вы не могли бы принести мое пиво вон из той кабинки? — попросил он.

Сэнди схватила со стола свой мартини и пошла за ним к маленькому столику в относительно безлюдном уголке зала.

— Хочешь есть? — спросил он, усаживаясь и не обращая внимания на любопытные взгляды сидящих вокруг пар. Завтра весь город будет знать про концерт, который устроила здесь Полин, и про то, что Сэнди мило выпивала с бросившим ее мужем. А на самом деле мило? Сэнди не могла понять, что она на самом деле чувствует.

— Нет, спасибо, я не голодна.

— Ты же всегда любила съесть что-нибудь вкусненькое на ночь.

Сэнди постаралась не выдать взглядом болезненный укол, который ощутила при

упоминании об их совместном прошлом.

— Уже нет. Говорят, после десяти ничего есть не рекомендуется.

— Совсем ничего? — игриво спросил он. Сэнди смотрела на стол, решив не воспринимать это как намек на секс. Он что, всерьез пытается флиртовать? — Только не говори, что ты боишься растолстеть.

С чего это вдруг он заговорил о ее весе? Что за шуточные намеки? Рассчитывает на возможное примирение? Прощупывает почву, прежде чем опарашить Кэрри новостью?

— Выглядишь потрясающе, — снова сказал он.

— Спасибо. — Она откинулась на спинку стула и посмотрела ему прямо в глаза. Он уставился на нее так, будто ждал, что она сейчас тоже сделает ему комплимент. — Ты тоже, — сдалась она, тут же прикусив язык, чтобы не ляпнуть еще чего-нибудь. Потому что он выглядел не просто потрясающе. Он выглядел сегодня притягательно, как никогда.

— Я увидел твою машину на стоянке, — сказал он. — Так что понял, что ты здесь. — Официантка принесла пиво. Ян поднял высокий стакан и коснулся ее бокала. — За что выпьем? — спросил он, будто она предложила за что-то выпить.

Сэнди даже не знала, как понимать его признание.

— За Меган, — сказала она, решив, что муж сам все скажет, как только почувствует себя готовым: он всю жизнь так поступал.

— Она была сегодня такая красивая, правда?

— Да.

— Я и понятия не имел, что она умеет петь и танцевать.

— Она вообще в последнее время преподносит сюрпризы.

— Например?

Сэнди пожалала плечами. Она не представляла, что именно теперь Меган рассказывает отцу, и ей не хотелось злоупотреблять ее доверием. Если Меган захочет, чтобы отец узнал про Грегга Уотта, она сама ему скажет. Но все равно как-то странно, что она не может откровенно говорить с мужем об их общих детях. Еще более странно то, что она вообще с ним сейчас разговаривает.

— Она превращается в красивую молодую женщину, — сказал Ян.

— Это точно.

— И с каждым днем становится все более похожей на свою мать.

Что с ним происходит, снова подумала Сэнди. Два комплимента подряд за последние две минуты. Это на два больше, чем она слышала за последние два месяца или даже, может быть, года. Надо все же спросить, решила она, открывая рот. Но вместо этого чокнулась с ним во второй раз и сказала:

— За нашего сына.

— За Тима, — повторил Ян. — Кажется, в него дочка шерифа втюрилась?

— У нее хороший вкус.

Ян снова поднес стакан и чокнулся.

— За новые начинания.

— За новые начинания, — согласилась она. Какие еще новые начинания?

Вдруг он наклонился и поцеловал ее. Она отпрянула.

— Что ты делаешь?

— Я хотел сделать это весь вечер. С того самого момента, как увидел тебя на спектакле. — И он снова наклонился и поцеловал ее.

На этот раз она открыла губы и ответила на мягкие движения его языка. Неужели она и вправду отвечает на его поцелуй? И она медленно и неохотно отстранилась. Он смотрел на нее и улыбался.

— Мы должны обсудить наш развод, — сказал он.

Сэнди едва не расхохоталась, но решила подождать, пока он закончит мысль. «Я не хочу разводиться», — ждала она заветных слов. «Я передумал и хочу вернуться домой». Но он ничего не говорил, а только сидел и улыбался.

— Что? — наконец не выдержала она.

— Мы должны обсудить наш развод, — повторил он, будто она не расслышала.

— Что именно?

— Я знаю, что ты так до сих пор и не проконсультировалась с адвокатом, вот и решил, что ты можешь воспользоваться услугами моего. Он уже составил договор об урегулировании, и все, что тебе нужно сделать, это подписать его.

Сэнди откинулась на спинку стула:

— Какой ты, однако, заботливый.

— Я просто решил, что так будет проще для всех, — ответил он, совершенно не замечая сарказма, прозвучавшего в ее голосе. — Уж не говоря о том, что и гораздо дешевле.

— Это такая шутка? — Может, кто-то сейчас записывает их разговор? Может, ее хотят «развести»?

— Ты удивлена, — заметил он, сам состроив удивленный вид.

— Ты меня только что поцеловал.

— Да, и это было здорово, я надеюсь сделать это опять.

— До или после развода?

— И до, и после.

— Что?

— Мы вполне можем развестись по-доброму и остаться друзьями. Друзьями с преимуществами,^[53] — лукаво добавил Ян, потянувшись и погладив ее ладонь. — Так, кажется, сейчас говорят.

Полин, вероятно, смогла бы дать правильный ответ на этот вопрос, думала Сэнди, положив руку на колени и решив больше никогда в жизни не пить яблочный мартини. Он, очевидно, оказывает вреднейшее воздействие на ее мозговые волны.

— Давай-ка уточним, — произнесла она. — Ты хочешь развестись, но по-прежнему не против время от времени заниматься со мною сексом. Правильно?

— А почему нет? Разведенные пары постоянно так делают.

— Надо же, а я и не знала.

— Мы ведь до сих пор испытываем влечение друг к другу, к чему скрывать? К тому же нам всегда было так хорошо вместе, — напомнил он.

— А как же Кэрри? — напомнила Сэнди уже ему. — Насколько хорошо тебе с *ней*?

Ян наклонил голову, покосившись на вход в ресторан.

— Сказать по правде... — он улыбнулся — ...это все равно что на батуте прыгать.

Сэнди изумленно уставилась на мужа, раскрыв рот.

— Как тебе это удастся? — спросила она, когда наконец-то снова обрела дар речи.

— Удастся что?

— Как тебе удастся говорить такую ошеломляющую глупость без всякого стыда и совести?

На этот раз удивился Ян.

— Что... Так ты теперь за Кэрри оскорбилась? Неужели в этом все дело?

«В этом?» — гадала Сэнди. Или она просто наконец-то поняла, что за фрукт на самом деле ее муж?

— Ты — полнейший мудака, — сорвалось у нее с языка, прежде чем она успела что-то сообразить.

— Обзывать вообще не обязательно.

— *Au contraire*, — возразила Сэнди, воспользовавшись выражением Полин. — Я просто не хочу, чтобы меня обвиняли в каких-то двусмысленных намеках. — Она подняла бокал. — За новые начинания, — повторила она тост. Отпила мартини и выплеснула остаток в лицо Яну.

Ян вскочил, опрокинув стул. На одно мгновение ей показалось, что он сейчас ответит тем же, плеснет в нее пивом, схватит за волосы и швырнет на пол. Но он просто бессмысленно крутился на месте. Капля мартини нелепо поблескивала на кончике его носа.

— Ненормальная, — бросил он в бешенстве, направляясь к выходу.

Сэнди пожала плечами:

— Просто решила выразиться как можно яснее.

Меган снился сон. Это была прерывистая череда размытых переменчивых образов, которые упорно не желали складываться в одно целое. То она бежала вдоль обочины, то падала вниз головой в огромный кратер. Кратер образовался в результате недавнего шторма, от которого с корнем повырывало все старые деревья в округе. Одно такое дерево лежало на обочине, и его тщедушные корни змеились по земле, как пучок перерезанных вен. Меган пыталась ухватиться за них, когда оказалась в этой гигантской дыре, но она падала слишком быстро, а корни оказались слишком непрочными, так что ее мгновенно поглотила мягкая влажная почва, и она исчезла с лица земли. Сверху до нее доносились чьи-то шаги и смех.

— Где Кэт? — спросил кто-то, и Меган тут же узнала голос матери.

— Она у мистера Липсмана, — ответил кто-то.

Вдруг к Меган на колени прыгнула рыже-белая полосатая кошка.

— Нет, я не у него, — попыталась крикнуть она, чувствуя, что в рот набивается земля, приликая к зубам, как карамельная начинка. — Я здесь, прямо у вас под ногами.

И вдруг она оказалась в «Блумингдейлс», в отделе, где продают духи. Она ходит между прилавками, а продавщицы, в белых больничных халатах поверх строгих черных костюмов, без разбору брызгают на нее из разных флаконов. И она чувствует, что у нее уже влажная шея и слезятся глаза. Как вдруг кто-то сунул ей прямо под нос флакон с каким-то совершенно омерзительным запахом, от которого ее едва не стошнило.

— Нет-нет, спасибо, — сказала она улыбающейся женщине, у которой на бейдже значится имя Фиона Гамильтон. — Этот запах мне совсем не нравится.

И тут рядом возник Грег, он же — один из котов мистера Липсмана, который стал с жадностью слизывать у нее с шеи духи, будто это молоко. Вокруг нее затанцевали Джинджер с Таней, а в углу сидела Лиана, глядя на них и жуя конфету.

— Что ты здесь делаешь? — спросила Меган. — Я думала, ты умерла.

— Ничего я не умерла, — ответила Лиана. — Я просто делала подтяжку лица.

— Прекрасно выглядишь, — сказала Меган. И в этот момент мимо нее прошла Далила Фрэнклин со своей матерью под ручку.

— Что это ты здесь делаешь? — строго спросила Далила остановившись. — Ты уже давно должна спать.

На этом сон резко оборвался, картинка пропала, будто кто-то выключил кинопроектор.

Меган медленно открыла глаза и приподнялась на локте, дожидаясь, пока зрение постепенно сфокусируется на окружающих предметах. И только еще через несколько секунд она поняла, что проснулась не в своей постели, не в своей спальне и не у себя дома, что она лежит на узкой койке в каком-то тускло освещенном незнакомом месте, где нет ни мебели, ни картин на голых стенах, ни ковра на бетонном полу. На плечи ей наброшено тонкое голубое одеяло, а единственный источник света, кажется фонарь, располагался где-то высоко на приступке, до которой она бы ни за что не дотянулась. В комнате пахло сыростью, в точности как пахло в недостроенном подвале в доме ее бабушки с дедушкой в Рочестере до того, как они продали дом и переехали на восемнадцатый этаж нового многоквартирного дома с видом на озеро Онтарио.

Где она? Меган осмотрела себя. На ней были те же черный свитер и голубые джинсы и те же коричневые замшевые ботинки, в которых она была на вечеринке. Когда это было?

Сегодня вечером? Или вчера? Или позавчера? Сейчас день или ночь? Сколько она здесь пролежала? Где она?

Она ощутила пока еще очень слабый призрак паники, будто услышала стук собственного сердца. «Успокойся, — увещевал чей-то тихий голос. — Это все еще сон. Все, что ты видишь, — эта комната, койка, одеяло, фонарь и даже этот запах сырости — все это детали очередной серии запутанных раздробленных символов, о которых ты и не вспомнишь, когда проснешься».

Только бы это случилось как можно скорее, молила Меган, закрывая глаза, чтобы не видеть своего убогого жилища. Но запах сырости не исчезал.

— Не нравится мне этот сон, — громко сказала она, чтобы заставить себя пробудиться, чтобы от звуков собственного голоса прийти в себя, и снова легла на спину, когда это не дало никаких результатов. Она натянула ветхое голубое одеяло на плечи и подтянула ноги к груди.

Ей казалось, что она пролежала так целую вечность, хотя на самом деле прошло всего несколько минут. Тут Меган ощутила какой-то странный дискомфорт в левом запястье, на котором она обычно носила свои часы, и поняла, что часы пропали. Эти часы родители подарили ей на шестнадцать лет. Изящная золотая вещица с циферблатом в виде сердечка. «По форме твоего лица», — сказала тогда мать.

Кстати, а где ее мать?

— Ничего, — попыталась она успокоить себя ласковым голосом матери, которым та разговаривала с ней, когда Меган бывало плохо. — Ничего, солнышко. Все будет хорошо. Я обещаю, что утром тебе будет уже лучше. — Будет ли? Или утро уже наступило?

Где она? Сколько сейчас времени?

Меган не помнила, чтобы она снимала часы. Хотя, да, это сон, так что память в расчет не принимается. Во сне не бывает памяти. Так же, как не бывает соединительных, сочинительных и прочих союзов. Она об этом где-то читала. Сны переносят тебя из одного странного места в другое без всяких «и», «если» или «но», прокручивая события прошедшего дня в виде всевозможных бессмысленных образов, беспелляционно совмещая несовместимые голоса и лица, перемешивая повседневное с эксцентричным, рутину с невозможным, живых и мертвых. Иногда сны бывают приятные и умиротворяющие. Но чаще, как в ее случае, наоборот. Ей и раньше иногда снились кошмары, но она стала видеть их чаще с тех пор, как их бросил отец. Это просто очередной дурной сон, убеждала она себя.

Хотя он не похож ни на один из тех, что ей когда-либо снились прежде.

Меган снова открыла глаза и села. Тонкое одеяло соскользнуло с плеч и упало на руку.

Комната осталась без изменений. Те же голые стены, тот же бетонный голый пол, тот же затхлый воздух. И только сейчас Меган заметила в ногах своей койки пластмассовое ведро и рулон туалетной бумаги. Омерзительно, подумала она, громко расхохотавшись в надежде, что резкий звук наконец сможет избавить ее от этого затянувшегося мучительного испытания. Но смех отскочил от голых стен и подкатился к ее ногам, как резиновый мячик.

В углу стояли две пластиковые бутылки с водой. Они и раньше здесь стояли, или только что появились?

Меган томила жажда, ей хотелось встать и взять бутылку, но, с другой стороны, это означало бы согласие на участие в этом кошмаре, а у нее нет ни малейшего желания его продлевать. Поэтому она по-прежнему сидела в постели, прислонившись к твердой стене и пытаясь не обращать внимания на забурлившее в крови беспокойство, на возрастающее

нытье под ложечкой, на бездумно-жестокую уверенность в том, что никакой это не сон, что она уже проснулась. «Я же уже встала», — вдруг поняла она. И у нее резко перехватило дыхание, будто ей в сердце вонзили нож.

Она не спит, это не сон. Она уже совершенно проснулась и не имеет ни малейшего представления где, разве что знает, что место это совершенно незнакомое, уж в этом-то она уверена.

— Эй! — позвала она. — Эй, здесь есть кто-нибудь?!

И тут она увидела дверь.

— Господи боже, — пробормотала она, вскакивая с койки. Ну и дуреха! Ну и тупица! Так перенервничать из-за ничего! Вот же дверь, как она не заметила ее раньше? Вот она, дверь, прямо у нее под носом, и все, что нужно сделать, так это открыть ее.

Но дверь не открылась и даже не дрогнула, как она ни изворачивалась и ни тянула ее на себя, пока, наконец, не замолотила по ней руками и ногами так, что нежная замша на ее новых ботинках вся истерлась и исцарапалась.

— Что здесь происходит, черт побери?! — крикнула она, почувствовав, как на лбу выступили капли пота. Только сейчас она ощутила, какой душный воздух в этой комнате без окон. — Откройте дверь, — кричала она. — Эй, кто-нибудь! Сейчас же откройте эту чертову дверь!

Где она?

— Где я? — спросила она вслух, меряя комнату шагами. — Думай, — крикнула она, сильно ударя себя кулаком в грудь. — Что ты помнишь из последнего? — Грег. Грег, ну, конечно. — Грег? — позвала она. — Грег, ты здесь? Грег, выпусти меня отсюда! Это не смешно!

Тишина.

— Грег, послушай! Шутка затянулась. Ты уже не Петручо, а я не твоя дура Кэт. И мне не нравится сидеть здесь взаперти. Выпусти меня. Немедленно.

Это Джой придумал, решила Меган, не пересилив жажду и открыв одну из бутылок с водой. Его шулки. Как отвратительно. Вот уж действительно «Укрощение строптивой». Она поднесла бутылку к губам и откинула голову, медленно скользя взглядом по потолку. Вода, от которой у нее мгновенно скрутило желудок, потекла по подбородку.

— Здесь есть кто-нибудь? — прошептала она, и снова, уже громче: — Здесь есть кто-нибудь? — Она обшарила взглядом стены в поисках какой-нибудь щели или скрытой камеры. Но в помещении слишком темно, чтобы хоть что-нибудь разглядеть, а стены — слишком высоки. Можно перевернуть и подставить кушетку и дотянуться до фонаря, но какой смысл? Она только даром потратит силы, которые ей еще могут пригодиться.

Но для чего?

— Грег! Джой! Откройте дверь. Черт бы вас побрал!

Меган резко развернулась. Что это за звук? Она действительно услышала чей-то смех или это просто разыгралось ее воображение? Она замерла на месте, надеясь услышать смех вновь, но единственным звуком, который до нее доносился, был звук ее собственного прерывистого дыхания. Ладно, сказала она себе. Надо успокоиться, а то ты ведешь себя именно так, как они и рассчитывали. Это просто компания недоумков, решивших устроить дурацкий розыгрыш, поучить тебя. Таня с Джинджер тоже наверняка участвуют: решили отомстить ей за то, что украла у них роль Кэт прямо из-под их вздернутых кверху носов. Ну, а уж без Джоя здесь точно не обошлось. Но Грег... Неужели и он тоже?

«Это — наша ночь», — сказал он, когда опустил занавес. И потом: «Тсс». Когда это было? Когда он просил ее замолчать?

На вечеринке, вспомнила Меган, и вдруг события этого вечера ожили сами собой: гостиная Лонни Рейнолдса, музыка, танцы, выпивка. Перепалка с Джоом. Потом они пошли с Грегом наверх. Губы Грега на ее губах, его руки на ее обнаженной груди. Ее бессмысленный лепет. И вот тогда-то он и сказал ей: «Тс-с». Она подошла к двери, щелкнула замком и бросила его там одного. А сейчас она сама сидит здесь одна. Он что, решил с ней таким образом поквитаться?

Конечно, он разозлился, это несомненно. У него, очевидно, были на эту ночь большие планы — «наша ночь» (интересно, сколько времени прошло с тех пор?), — а она все испортила. Не просто испортила: растоптала. Начала зачем-то нести какую-то ерунду про термитов и свою тетю, черт побери. Неудивительно, что он пытался ее остановить. Она попробовала объяснить ему, что не готова. А он в ответ назвал ее «динамисткой» и попросил позвать следующую из очереди. Вот тогда она и сбежала из этой комнаты, из дома и из этого квартала. И что? Что было дальше?

Одна улица стремительно переходила в другую. Она бежала, все время прислушиваясь, что сейчас за спиной раздадутся шаги Грега, что он схватит ее за плечо и с мольбой в голосе попросит остановиться, не уходить. «Прости меня, — слышалось ей, — я не хотел тебя обидеть».

А после ее действительно кто-то догнал и шепотом позвал по имени, и она обернулась с чувством громадного облегчения, потому что она была уверена, что это он догнал ее и ей больше не нужно никуда бежать... Ну а что потом? Что? Ничего.

В памяти возникло смутное воспоминание — хотя, возможно, это уже ее фантазия, — будто кто-то ткнул ей чем-то в лицо, будто она вдохнула какой-то резкий запах, и все мгновенно пропало. Неужели все это было в действительности?

Как, как она здесь очутилась? Где она?

Меган снова плюхнулась на кушетку. Отпила еще глоток и поставила бутылку на пол. Если она выпьет слишком много воды, то скоро ей захочется в туалет — у нее и так уже немного ноет мочевого пузырь, напоминая о своем существовании, — но, как бы ни ныл мочевого пузырь, как бы болезненно ни сводило желудок, она ни за что, ни за что не воспользуется этим дурацким ведром. Никогда не доставит она такого удовольствия Джою, Тане, Джинджер и Грегу... Господи, только бы это был не Грег! Поэтому лучше не пить и не кричать, потому что чем больше она будет кричать в этой ужасной затхлой душной комнате, тем больше ей захочется пить, и чем больше ей будет хотеться пить, тем больше она будет пить, а чем больше она будет пить... Нет, хватит, а то она так с ума сойдет. И ради чего? На потеху кучке кретинов-извращенцев?

Слава богу, нашли убийцу Лианы. Слава богу, Кэл Гамильтон арестован и сидит за решеткой, дожидаясь суда. Можно представить, каких бы в противном случае ужасов ей не померещилось! Про серийного убийцу-садиста. Про то, как ее будут насиловать, пытаться и всячески издеваться над ней. Про то, как одним выстрелом отстреляют полголовы. Про то, как ее безжизненное тело будет еще несколько дней гнить в каком-нибудь кишасщем змеями болоте, на радость насекомым и аллигаторам. Про то, как ее мать вызовут в морг для опознания ее, Меган, трупа.

Слезы ручьями потекли по ее щекам, едва она представила себе искажившееся лицо матери, и она быстро их смахнула. Они не увидят, как я плачу. Будь ты проклят, Джой!

Будьте вы прокляты, Тая и Джинджер! Будь ты проклят, Грег! Будьте вы все прокляты! «Просто я знаю, как легко можно потерять контроль», — услышала она голос матери. «Я не потеряю контроль». — «Обещаешь?»

Именно это и случилось. Она совершенно потеряла контроль и даже не чувствует течения времени, потому что не может посмотреть на часы. А вдруг, если бы она сказала ей нет, если бы она действительно на какой-то момент потеряла контроль, то не оказалась бы сейчас здесь? Так что косвенно это все вина ее матери. Будь ты тоже проклята, мама. Где ты хоть сейчас находишься?

А правда, чем сейчас занимается ее мать? Спит? Она хоть знает, что у нее дочь пропала? Волнуется ли она? Ждет ли ее с нетерпением домой, пытаясь найти какое-нибудь разумное оправдание тому, что так сильно задержалась? Но задерживается ли она? Ищет ли ее мать? Может, она уже сейчас прочесывает улицы, будит соседей и вытаскивает из постели шерифа? Успеют ли они ее найти?

Успеют до чего? Кэл Гамильтон сидит в тюрьме, ей нечего бояться. Если только... Если только он не сбежал.

При одной только мысли об этом Меган в ужасе вскочила с койки и выбежала на середину комнаты. Неужели Кэл Гамильтон мог сбежать или кто-нибудь за него поручился? У него ведь репутация ловеласа. Вдруг одна из этих дурочек поверила в его дурацкую историю о том, что его подставили, и наскребла денег для залога?

А что, если это имитатор? Что, если какой-нибудь другой псих прослышал о том, что Кэл сотворил со своей женой, Лианой и с другой несчастной девушкой, Кэнди или как там ее, увидел, как Меган выскочила из дома, и решил не упускать такой случай? И похитить ее под носом у всех?

Их кто-нибудь видел?

— Его точно никто не видел, — вслух произнесла Меган. — Потому что его не существует. — Она надеялась, что ее уверенный тон поможет разогнать эти дурацкие мысли. Само предположение, что такой крошечный городишко, как Торранс, облюбовал себе жертвой еще один маньяк, действительно кажется абсурдным, чтобы воспринимать его всерьез.

А реальность гораздо прозаичнее. И она заключается в том, что в башку Джою Бэлфору пришла дурацкая затея поиздеваться над ней, и каким-то образом ему удалось подбить на это дело Грега. Скорее всего, в этот самый момент за ней наблюдает весь актерский состав «Поцелуй меня, Кэт», слушает ее бредовые излияния и покатывается со смеху. Черт, может, она сидит в подвале дома Лонни Рейнолдса? Ну конечно, где же еще? Хотя что-то она не припомнит, чтобы в доме был подвал. Во Флориде почти ни у кого в домах нет подвалов.

А вдруг она уже не во Флориде?

— Ну, это уж совсем глупо, перестань думать о всякой ерунде. — Конечно, во Флориде, где же еще? Не вывезли же ее из штата? И теперь держат в камере, чтобы продать в белое рабство? Она видела это в какой-то передаче: как девушек похищают и продают для занятий проституцией, и они вынуждены работать годами, пока их не отпустят, хотя еще чаще их же сутенеры их и убивают. Но это, как правило, бедные девушки из отсталых стран, а не избалованные американские подростки. Что же до сексуальной торговли в Америке, то, кажется, от этого страдают главным образом дети, а она уже старовата, чтобы сниматься в детской порнографии. Хотя она же натыкалась на эти отвратительные сайты — пока их не заблокировали родители, — где были целые кучи фотографий, на которых молодых женщин

вроде нее связывали, затыкали им рот кляпом, хлестали кнутом, тыкали в них электропогонялками для скота. В Интернете, кажется, есть всевозможные сайты для всех существующих в мире пороков и извращений, можно даже найти фильмы с реальными убийствами. Может, она получила новую главную роль?

— О господи, о господи!

Не дури. Успокойся. Что ты делаешь? Ты же вся изведешься. Какая порнуха? Какое рабство? Это всего лишь горстка придурков, которые окончательно одурели. Это их ревность, ограниченность и злость на то, что ты отказываешься им поддаваться. Просто они хотят узнать, что ты собой представляешь. Это такой обряд, посвящение, которое ты должна пройти, чтобы тебя приняли в клуб.

Хотя больше она не желает иметь с этими идиотами ничего общего. Как только она отсюда выйдет, как только вернется домой, то первым делом скажет матери, что готова вернуться в Рочестер. Даже если это сон — а она все еще на это надеется, — то значение его совершенно определено: настало время уезжать из Торранса, они злоупотребили его гостеприимством, так что пора обрубить концы и бежать отсюда.

— Господи, сделай так, чтобы я проснулась, — прошептала она.

Она вернулась на койку. Снова закрыла глаза, но ложиться не стала. Думай о приятном, говорила она себе. Думай о купальнике-бикини, который ты видела в магазинчике на Саут-бич, о черном бикини с крошечными голубыми бантиками. Мать сказала, что он слишком дорогой, но ты же слышала, как она попросила продавщицу отложить его, сказав, что вернется за ним попозже. Может, она хочет сделать тебе сюрприз и подарить его на день рождения, первого июля, а в Канаде первое июля — день не менее знаменательный, чем Четвертое июля в Америке.

Меган решила, что ей нравится Канада, хотя нельзя сказать, что она там много где побывала. Только в Торонто, который она полюбила, потому что это очень красивый город и там столько всего интересного — Си-Эн Тауэр, Научный центр, театральный район. И все это — всего лишь на противоположном берегу озера, на котором расположен Рочестер.

Буквально в прошлом году, в воскресенье утром, они переправились туда на пароме, днем посмотрели на динозавров в Королевском музее Онтарио, съели вкуснейший обед в ресторане «Сотто-Сотто», где часто обедают знаменитости — они видели там Кифер Сазерленд вместе с Итоном Хоком, и Кифер оказалась гораздо красивее Итона, который был слишком тощим и как будто плохо промытым, — потом насладились последней версией «Отверженных» и на следующий день, опять на пароме, вернулись в Рочестер. Все было так здорово до тех пор, пока отец не познакомился в чате с этой грудастой Кэрри Фрэнклин и не уговорил Сэнди с семьей переехать во Флориду. Если бы только можно было оказаться сейчас на том пароме, думала Меган. Если бы только можно было к чертям собачьим удрать отсюда.

Где она?

У нее заурчало в желудке. Сколько прошло времени с тех пор, как она ела в последний раз?

— Ребята, я есть хочу, — крикнула она. — По-моему, шутка слишком затянулась, вам так не кажется?

Никто не ответил.

И как бы Меган ни крепилась и ни упрячилась, она уткнулась головой в койку и расплакалась.

— Ради бога, перестань хлюпать носом, — сердито говорил Джон, изо всех сил сдерживая остатки своего гнева. В конце концов, это же он потерпевшая сторона, а не его жена. Не он напился до — ему бы очень хотелось сказать «до одурения» — до истерики. Не он опозорил их перед людьми, растрепав об их маленькой грязной тайне — хорошо, о его маленькой грязной тайне, хотя это давным-давно ни для кого не тайна — в самом людном городском ресторане. Не его тошнило в машине по дороге домой, потом стошнило снова, едва они перешагнули через порог. Разве не пришлось ему за ней убирать? Не пришлось прикусить язык, чтобы не поддаться на провокацию, когда она обозвала его ублюдком, изменником, жирным боровом? Разве он не удержался от искушения пнуть ногой телевизор, когда она включила его на полную громкость, едва ли не на четвереньках добравшись до спальни? Просто эталон выдержки, черт побери, думал он, расхаживая взад-вперед перед кроватью.

— Ты можешь сказать, почему ты плачешь? — заорал он, пытаясь перекрычать рев телевизора.

— Я плачу, потому что ты плохо ко мне относишься, — крикнула в ответ Полин. Она полулежала на постели, привалившись к изголовью, одну ногу вытянув поверх покрывала, другую свесив на пол. Ее расстегнутая блуза была измята, роскошные каштановые волосы свисали перепутанными лохмами, по щекам текли черные ручьи слез.

— Я к тебе плохо отношусь?

— Все знают про твой роман с Кэрри Фрэнклин.

— Теперь-то уж, во всяком случае, точно знают. — Джон расстегнул голубой спортивный пиджак, который он надел в честь особенного случая. Да уж, вечер выдался особенным, ничего не скажешь! Сначала совершенно неожиданный шквал аплодисментов, обрушившийся на него в зрительном зале; потом замечательная игра его дочери; импровизированный банкет в «Честерсе». Все было прекрасно до тех пор, пока Полин не перебрала лишнего, пока ее колкости не стали уж слишком невыносимыми, а туманные намеки перестали быть туманными. И Эйвери Питерсон, и Ленни Фромм почувствовали, что атмосфера накаляется, и постарались как можно быстрее и вежливее удалиться. Рита, попытавшись предотвратить нарастающую агрессивность его жены, стала нести какой-то вздор, пока на Полин не нашло угрюмое спокойствие. Потом пришла Сэнди Кросби, и у нег появилась долгожданная возможность уйти из-за стола. Ему даже удалось поиграть в бильярд, и он уже начал поздравлять себя с тем, как хорошо умеет себя контролировать, как вдруг — бац! *Pièce de résistance*, как выразилась бы Полин: заявили Кэрри Фрэнклин со своим добрым доктором, и она сорвалась. Сможет ли он когда-нибудь это пережить?

— Послушай, я не понимаю, зачем сейчас-то об этом говорить? Это было сто лет назад, роман с Кэрри давно закончился.

— Он вообще не должен был начинаться, — отрезала Полин. Джон кивнул. А что он может сказать? — И не пытайся мне доказать, будто он не начнется вновь. Как только доктор ее бросит, она прибежит к тебе вся в слезах...

— Не собирается он ее бросать, и она не прибежит.

— ...и ты помчишься к ней.

— Если ты еще не заметила, я в последнее время стал не таким уж прытким. — Джон

устал. Единственное, чего ему хотелось, — это лечь в постель и впасть в забытие.

— Это что, шутка такая? И это, по-твоему, смешно? Ты свинья, ты знаешь об этом?

— Кажется, ты это уже говорила.

— Да-а? Ну и что? Я еще раз скажу! — И Полин стала вытаскивать из-под покрывала простыни, пытаюсь обернуть их вокруг плеч.

— Ты что делаешь?

— Мне холодно.

— Тебе нужно в душ.

— А тебе нужно в спортзал.

Джон брезгливо вскинул руки:

— Неужели ты хочешь, чтобы дочь застала тебя в таком виде?

Полин только отмахнулась:

— Эмбер нет дома. Она на вечеринке, если ты уже успел об этом забыть.

Джон посмотрел на часы. Ничего он не забыл, но уже первый час.

— Меньше чем через час она будет дома.

— По-моему, ей нравится этот мальчик, — заметила Полин, будто они не орали друг на друга несколько секунд назад.

— Какой еще мальчик?

— Сын Сэнди. Как его зовут-то? Том? Тим? Тимбер?

— Ты выдумываешь. Как обычно.

— А ты в упор ничего не видишь. Как обычно! — Полин рассмеялась. — Вот уж действительно ирония судьбы, если подумать. По-моему, слово «ирония» здесь уместно. Надо будет в следующий раз спросить Сэнди.

— Что за чушь ты порешь?

— Я про нашу дочь и сына Сэнди. Прямо как в романе, тебе так не кажется? Будто так и должно быть. Ну, смотри: Сэнди — жена Яна, Ян — любовник Кэрри, Кэрри — бывшая возлюбленная Джона, а Джон — неверный негодный муж Полин. Как ты там сказал? Что я чушь порю?

— Я сказал, что тебе надо вымыться и привести себя в порядок, пока Эмбер не пришла.

— Сюда она не зайдет. Она никогда сюда не заходит.

— Ты пьяна.

— Я? Нет! Почему же мне никто ничего не сказал?

— Иди в душ.

— Сгинь.

— Слушай, — начал Джон. — Тебе придется принять душ, хочешь ты этого или нет.

— Правда? И кто же меня заставит? Уж не ты ли?

— Если нужно будет, то заставлю.

— И как же ты это сделаешь? — подзуживала его Полин. — Схватишь меня и перебросишь через плечо а-ля «Поцелуй меня, Кэт»?

— Нет, поволоку тебя за волосы, — ответил Джон, набрасываясь на нее. Он не собирался применять силу, хотя это ее «а-ля» почти его добило. Он достаточно повидал на своем веку, знал, чем порой заканчивались безобидные семейные ссоры, и у него не было ни малейшего желания вступать в ряды мужчин, которые унижают жен побоями. Хотя разве он и без того недостаточно ее унижил изменой? — Пошли, Полин, пощади мои нервы. — Он схватил ее за руку, и она тут же ударила его другой рукой. Но все же ему удалось схватить ее

за локоть и стащить с кровати.

— Я смотрю передачу, — вопила она, пока он тащил ее по коридору в ванную.

— Досмотришь, когда примешь душ.

— Я пропущу самое интересное.

— Ничего ты не пропустишь. — Джон запнулся. Они что, правда ругаются из-за какой-то тупой ночной телепрограммы, которую она наверняка видела уже сотни раз? — Полезай в этот чертов душ. — Ему удалось открыть кабинку душа, держа ее за руку, и включить на полную мощь оба крана. — Раздевайся.

— Пошел вон!

— Хорошо, не раздевайся. — Он приподнял жену за талию и поставил ее в кабинку под стремительный поток прохладной воды. У нее мгновенно намокли волосы, со лба в открытый рот хлынули ручейки воды. Шелковая рубашка и льняные брюки были уже насквозь мокрыми.

— Мои туфли! — завизжала она, срывая с ног бежевые кожаные лодочки и швыряя их Джону в лицо.

От туфель он увернулся, но не смог увернуться от ее пальцев, вцепившихся в серебряную пряжку на его серых брюках. Она рванула за пряжку, и он покачнулся, ударившись коленками о желтоватую плитку, стараясь вырваться из ее рук под стремительным напором воды. Попытавшись ухватиться за стену, он нечаянно наткнулся на грудь Полин и тут же отдернул руку, будто обжегшись. Еще не хватало, чтобы его потом обвинили в изнасиловании.

— В чем дело? — проворковала она. — Ты испугался? Забыл уже, как выглядит настоящая грудь? Ну да, к моей ты уже давно потерял интерес. — Она стала сдирать с себя блузку, умудрившись наконец высвободить руки из прилипшей мокрой ткани, но слегка замешкалась, расстегивая на талии пуговицы. Через несколько секунд она разделась полностью: сняла лифчик, слаксы, трусики — и предстала перед ним совершенно голая. — Посмотри! — закричала она. — Вот как выглядит настоящее женское тело!

Джон нехотя посмотрел на обнаженную фигуру жены: большие покачивающиеся груди, округлый живот, бедра в ямочках, пучок густых темных волос на лобке, по-прежнему стройные красивые ноги. И вдруг он с испугом понял, что возбуждился. Господи, да что с ним такое происходит?

Полин тоже это заметила, мгновенно стянула с него брюки до щиколоток и стала ласкать его ртом, несмотря на то что с обеих ручьями стекала вода. Тогда он приподнял ее, погладил рукой лобок, а затем ввел в нее член. И вот они уже бились об краны, среди стекла и кафеля, и вода заливала ему глаза, нос, рот, так что он ничего не видел, не слышал и едва мог дышать. Он забыл все — обвинения, свой позор, усталость. Единственное, что он чувствовал, это как его тело бьется о ее тело, и это было здорово. Но тут рука соскользнула по стене, он запутался в брюках, которые собрались бесформенной грудой вокруг щиколоток, потерял равновесие, и оба рухнули на пол, так и не оторвавшись друг от друга. Это напомнило ему историю про двух совокупающихся собак, чьим хозяевам пришлось в буквальном смысле слова разливать их водой, и засмеялся, потому что даже душ не остановил их с Полин.

— Давай почаще сюда приходите? — спросила она, когда вода была наконец выключена и они уселись отдышаться на кафельный пол.

Он обнял и поцеловал ее, и она была приятно удивлена.

Джону хотелось попросить прощения, но он не знал точно, за что. За то, что он был отвратительным мужем? За многочисленные интрижки с Кэрри Фрэнклин? За то, что не любил свою жену так, как ее нужно было любить? И если он извинится, что это изменит?

— Прости меня, — опередила его Полин. — Я была тебе плохой женой, да?

— У тебя не было выбора.

Она немного помолчала, со вздохом покачав головой.

— И что теперь? — спросила Полин.

— Теперь мы оботремся, пойдем в спальню и немного поспим.

— Нам нужно многое обсудить.

— Согласен, но только не сейчас.

— Может, стоит обратиться к доктору Филу? — спросила она.

— К какому еще доктору Филу?

Где-то хлопнула дверь.

— Мама? Пап? Вы наверху?

Джон посмотрел на часы, единственное, что еще оставалось на нем. Слава богу, водонепроницаемые, подумал он, оттолкнувшись от пола, и, обмотав бедра полотенцем, вышел из душевой кабинки в тот самый момент, когда в ванную ворвалась Эмбер.

— Пап, ты... — Эмбер быстро переводила взгляд с отца на мать и обратно. — Ой!

— Привет, солнышко, — сказала Полин, будто она не сидела голая на полу в душе в окружении насквозь промокшей одежды. — Хорошо повеселилась?

Эмбер открыла рот, но так ничего и не ответила.

— Что-нибудь случилось? — спросил Джон. Сюрреальная ночь...

Эмбер не знала, куда ей смотреть — в пол или на потолок.

— Мы не можем разыскать Меган.

— Меган Кросби? — Полин вышла из душа, обматываясь махровым полотенцем.

— Да, сестра Тима.

— Что значит, не можете разыскать? — спросил Джон.

— Она исчезла с вечеринки пару часов назад, и с тех пор ее никто не видел.

— Ну, она, наверное, домой пошла. Вы у матери ее спрашивали?

— Тим звонил полчаса назад. Он не хотел, чтобы она волновалась, поэтому спросил, можно Меган задержаться еще на полчаса, и она сказала: ладно. Так что дома Меган нет.

— Может, она с парнем куда-нибудь ушла? — вставила Полин.

— Все тоже сначала так решили, — сказала Эмбер. — Они ведь недавно сошлись с Грегом.

— С Грегом Уоттом? — спросил Джон. Эмбер кивнула.

— Да уж, — фыркнула Полин.

— Но они, кажется, поругались, и после этого она ушла.

— Кто-нибудь видел, как она уходила?

— Далила сказала, что Меган промчалась мимо нее, она ей кричала вслед, но Меган не остановилась. А через несколько минут после этого Грег тоже ушел.

— Ну вот, видишь? Он наверняка побежал ее догонять, и сейчас они, скорее всего, где-нибудь целуются. — Дело закрыто, подумал Джон, каждой мышцей ощущая болезненное желание поскорее забраться в постель. Куда наверняка уже забрались Грег с Меган, ну а если и не в постель, то в первое попавшееся укромное место, на заднее сиденье фургона Грега, например.

Эмбер яростно замотала головой.

— Нет, мы только что заходили к Грегу. Он дома, и Меган с ним не было. Он здорово расстроился, когда услышал, что она куда-то подевалась, и сказал, что пойдет ее искать.

«Этого мне только не хватало», — подумал Джон.

— Так, ладно. Если она не у Грега, это вовсе не означает, что с ней что-то случилось. — Но в голове Джона уже бил набат, хотя он упорно пытался его игнорировать. — Кто-нибудь еще ушел с вечеринки раньше?

— Кажется, только Виктор Драммонд. Там было столько народу, все то и дело входили и выходили. Насчет Виктора я уверена, потому что видела, как он потихоньку вышел. Это было прямо перед дракой.

— Какой еще дракой? — спросил Джон.

— Была драка? — отозвалась Полин. — Ты в порядке? Тебя не задели?

— Нет, все нормально. Никто не пострадал, кроме Джоя.

— Джоя Бэлфора?

— Да. Брайан так его отделал!

— Брайан? — переспросила Полин. — Ты же не хочешь сказать, что это был Брайан Хенсен?

— Ты бы его видела! Он был как бешеный. Просто потрясающе! — Глаза Эмбер округлились от восторга.

— Так, мы сейчас не об этом, — вмешался Джон. — Давай с самого начала. Ты была на вечеринке...

— Дома у Лонни Рейнолдса, — докончила фразу Эмбер.

— У него что, родители уехали? — поинтересовалась Полин.

Джон бросил на жену взгляд, ясно говоривший: пожалуйста, позволь мне самому с этим разобраться, и она замолкла.

— Итак, ты находилась на вечеринке, и тут началась драка...

— Не сразу, — уточнила Эмбер. — Сначала все было отлично. Все танцевали и веселились, все было хорошо.

— Там был кто-нибудь, кого ты не знаешь?

— Может быть, несколько человек. Народу была тьма, заполонили всю гостиную, кухню, спа... — Тут Эмбер запнулась. — Уследить за чем-то было невозможно, поэтому все только потом поняли, что Меган пропала.

— Значит, ты танцуешь, веселишься...

— Да. А Джой, как всегда, ходит, оскорбляет всех и обзывает педиками. И вдруг Брайан взял и на него набросился. Потом ему еще врезал Перри Фалько, а потом, не успела я опомниться, как на него уже набросились все. Получается, Джой уже не такой крутой, какого из себя строил.

— С ним все в порядке? — спросила Полин.

— Да. По-моему, сильнее всего пострадала его гордость.

— И где он сейчас?

— Не знаю, он убежал. Остальные остались, чтобы прибраться, потому что Лонни обозлился, сказал, что родители его убьют. Вот тогда Тим и обнаружил, что его сестра пропала.

— А Далила была единственной, кто видел, как она уходила?

— Она была очень расстроена, говорила, что надо было ее догнать. Это она отвезла нас

с Тимом к Грегу.

— Где она сейчас?

— Она повезла Тима домой. Сказала, что зайдет проведать бабушку, а потом отправится на поиски Меган.

Джон покачал головой. Господи, убереги меня от этих сыщиков-любителей. Хотя он не мог не испытывать благодарности к Далиле за то, что она привезла его дочь домой.

— Она вообще-то хорошая, — подтвердила Эмбер, будто прочитав его мысли.

Джон прошел из ванной к шкафу и стал рыться в ящиках в поисках чистых трусов. Полин тут же подскочила к нему.

— Что ты собираешься делать?

— Я не могу допустить, чтобы дети выполняли за меня мою работу. — Он надел джинсы, натянул белую фуфайку.

— Можно мне с тобой? — спросила Эмбер, провожая его до двери.

— Разумеется нет.

Тут зазвонил телефон. Джон дождался, пока жена возьмет трубку.

— Сэнди Кросби. — Полин вручила мужу переносную трубку.

— Эмбер вам сказала? — закричала Сэнди прежде, чем Джон успел поднести трубку к уху. — Она сказала, что Меган пропала?

— Мы еще не знаем, что она пропала, — попытался успокоить ее Джон. Сколько же раз ему приходилось слышать это за последние несколько месяцев? Сначала от матери Кэнди Эббот, потом от Мартинов и, наконец, от Кэла Гамильтона. Он вздрогнул. Три совершенно разных разговора. Два трупа. Кэл Гамильтон арестован и до суда упрятан за решетку. Бояться нечего. Меган поругалась с бойфрендом и, скорее всего, ушла с каким-нибудь другим парнем, чтобы отомстить ему. Утром объявится и будет трусливо просить прощения, как девица Винтон из Кольера. — Может, она у своего отца?

— Я ему только что звонила, но он бросил трубку, даже не выслушав меня.

— Ладно, какой у него номер? Я сам ему позвоню. — Джон повторил вслух номер, а Полин побежала за карандашом и бумагой.

— Я сейчас еду ее искать, — сказала Сэнди.

— Я вас прошу, не суетитесь раньше времени, — взмолился Джон, чувствуя, что его слова вряд ли успокоят ее. — Дайте мне сначала поговорить с доктором Кросби.

— Вы мне перезвоните?

— Сразу же. — И Джон нажал на кнопку, разъединив линию. — Черт! — крикнул он. — Женщины! Неужели нельзя сидеть дома и... — Он грозно посмотрел на дочь... — И есть! — прорычал он.

Эмбер посмотрела на него с вызовом:

— Ты будешь наконец звонить доктору Кросби?

Джон сделал глубокий вдох, чтобы прийти в себя, пока Полин набирала для него номер Яна Кросби.

— Что случилось, шериф? — вместо приветствия спросил Ян. Значит, у него есть определитель. — Я тут немного занят.

Джону не нужно было спрашивать, чем занят Ян: он слышал на заднем плане голос Кэрри.

— Это «скорая»? — спрашивала она.

— У вас что-то случилось? — спросил его Джон.

— У матери Кэрри случился сердечный приступ, — ответил Ян и понизил голос до шепота. — Она умерла.

Джон попытался переварить полученную информацию. Что еще, интересно, преподнесет ему эта ночка?

— Пожалуйста, передайте Кэрри мои соболезнования, — попросил он, почувствовав, как ошетинулась Полин. — Кстати, Меган не у вас?

— Меган? Нет, она на вечеринке. Извините, я не могу больше говорить.

И он повесил трубку. Джон сразу же перезвонил Сэнди.

— У него ее нет, — сказал он. — Через пять минут я за вами заеду, поищем вместе. Сэнди, — добавил он со спокойной уверенностью в голосе, — мы найдем ее. Я обещаю.

Меган разбудил чей-то приглушенный стон.

Сквозь сон — или это и был сон? — до нее доносились зловещие звуки. «Спасешь ли ты меня утром?» — пела Лиана Мартин, озаренная пламенем костра. Рядом сидели ее подруги и подпевали: «Я должна заполнить еще один пробел, подавить еще одно желание». Но тут пришел Джой Бэлфор с ящиком пива, и все стали пить и громко разговаривать, и прекрасные слова песни — «Дай мне шанс стать кем-то другим, это же так просто» — потонули в этом гаме. «Мне нужно свести последние счета, зализать последнюю рану». Голос Лианы, выводивший нежную трель, постепенно понижался, пока из сопрано не перешел в альт: «Спасешь ли ты меня утром? Спасешь ли ты меня утром?» Пока наконец слова не стали цепляться друг за друга, а нежная мелодия не превратилась в сбивчивые резкие аккорды. Песня стала похожа на похоронное пение, которое перешло в горестное рыдание: «Ну же, солнышко, не трусь. Мы не должны делать ничего такого, чтобы потом казалось, будто мы где угодно, но не здесь...»

Меган открыла глаза и села. На этот раз она не удивилась, когда увидела уже знакомое ей убогое помещение. Она не *где угодно*, она *здесь*. И ничего не изменилось с тех пор, как она вздремнула. Она находилась все в той же ужасной комнатухе с тем же пластмассовым ведерком рядом с той же неудобной узкой койкой, где горел все тот же тусклый свет. Она не имела ни малейшего представления о том, сколько проспала, несколько минут или несколько часов, больше или меньше, чем в прошлый раз, ночь сейчас или день. «Спасешь ли ты меня утром?»

— Спасешь ли ты меня? — повторила Меган, прислушиваясь к мелодии, звучавшей у нее в голове. Хотя это была вовсе не мелодия, и звучала вовсе не в голове. Что это?

Меган вскочила, неуверенно стоя на ослабевших ногах. За дверью кто-то стонал. У нее так бешено колотилось сердце, что она чуть не задыхалась, а голова вообще перестала что-либо соображать.

А соображать было необходимо, потому что у нее не оставалось времени на необдуманные импульсивные действия, она не могла подвергать себя еще большей опасности, чем та, которая ей уже грозила. Потому что за те минуты, часы или дни, что она провела в своей ужасной маленькой тюрьме, одно она поняла твердо: это — не чья-то дурацкая шутка, и тот, кто ее сюда затащил, настроен серьезно. Возможно, это тот же самый человек, который убил Лиану, Кэнди и Фиону. И не важно, кто это — Кэл Гамильтон, имитатор или кто-либо другой. Важно, чтобы Меган не растерялась, если она не хочет, чтобы ее постигла та же участь, что и остальных.

Стоны усилились. За дверью определенно кто-то был.

Меган дрожащими пальцами схватилась за ручку двери и потянула ее на себя, с ужасом понимая, что и на сей раз она не откроется.

Но дверь открылась.

— О господи, — пробормотала Меган, затаив дыхание от страха и закрыв глаза.

— Меган? — послышался испуганный голос.

Меган открыла глаза. На полу лежала девушка, подобрав под себя ноги и прижав руку к открытому рту. Другой рукой она вцепилась в свои растрепанные волосы. На лице читалось смятение и страх.

— Далила!

Далила с трудом поднялась на ноги, ошалело оглядывая маленькую пустую комнату.

— Что происходит? Где мы?

Меган бросилась Далиле на шею:

— Боже мой, как же я рада тебя видеть! Понятия не имею.

— Где мы? — повторила Далила.

Девушки несколько секунд осматривали комнату, которая, как заметила Меган, ничем не отличалась от ее собственной, разве что здесь не было даже тех элементарных удобств, которые предоставили ей, — ни кушетки, ни ведра, ни воды. Меган подошла к двери у Далилы за спиной и яростно подергала за ручку.

— Заперто?

Меган кивнула.

— Но почему? Где мы, черт возьми? — в третий раз спросила Далила.

— Не знаю. Я не знаю, где мы, не знаю, сколько я здесь нахожусь, и не знаю, как сюда попала. Я ничего не знаю. — Слезы, которые Меган так и не сумела сдержать, ручьями потекли по ее лицу.

Далила обняла Меган за трясущиеся плечи:

— Ничего, ничего, мы все узнаем.

— Ты хоть что-нибудь помнишь? — спросила Меган.

Далила потрясла головой, будто пытаясь прийти в себя. Только она собралась было что-то сказать, как тут же запнулась, будто искала более подходящий образ.

— Не уверена, очертания такие размытые...

— У меня тоже.

— Мы были на вечеринке...

— Да, это я тоже помню.

— Ты убежала! — воскликнула Далила. — Я звала тебя, но ты не обернулась.

— Я была очень расстроена: у нас была стычка с Грегом.

— Точно! А что же было потом? — начала вспоминать Далила. — Джоя здорово измолотили.

— Джоя?

— А потом твой брат стал спрашивать: «Где Меган? Куда подевалась Меган?»

— О господи! Они, наверное, ужасно волнуются.

— Мы решили, что ты с Грегом, потому что он тоже рано ушел, и заехали к нему.

— Он рано ушел?

— Он нам сказал, что ты не у него. Потом я отвезла Эмбер с Тимом домой. Затем мне захотелось проведать бабушку, но я увидела машину твоего отца перед нашим домом и решила, что лучше не вмешиваться, а поехать и поискать тебя. — Далила замолчала, будто пытаясь найти нужную деталь сложного пазла. — Помню, я поехала в Цитрусовую рощу, где живет мистер Липсман и где мы нашли Фиону Гамильтон, и, наверное, снова свернула не туда, потому что каким-то образом я очутилась у старого дома Кимбла. Ты знаешь этот дом?

Меган отрицательно покачала головой.

— Ну конечно, ты и не можешь знать. Дом этот стоит в глуши, в конце большого заброшенного поля. Мне показалось, что я увидела в окнах свет, что было довольно странно, потому что здесь уже давно никто не живет. Я вышла из машины и пешком пошла через поле, что, конечно, было очень глупо с моей стороны. И, только я собралась развернуться и

пойти обратно, как кто-то позвал меня по имени. — Далила снова замолкла и нахмурила лоб. — Во всяком случае, мне так показалось. Ну а дальше я ничего не помню.

Меган молчала, пытаясь осмыслить услышанное.

— Говорят, в этом доме есть подвал. Ты что-нибудь понимаешь?

— Не знаю, — искренне сказала Меган. — Я ничего не понимаю. — Она снова ощутила прежнюю панику. — Я знаю только, что устала, хочу есть и что мне страшно.

— Ты думаешь, это чья-то дурацкая шутка? — спросила Далила, высказав недавние предположения Меган. — Ты думаешь, это все Джой с Грегом придумали?

— Надеюсь, что нет, — ответила Меган, хотя на самом деле ей просто не хотелось верить в то, что Грег способен на подобную жестокость.

— А кто еще из твоих знакомых смог бы совершить подобное? — многозначительно спросила Далила.

— А почему обязательно кто-то из знакомых?

— То есть?

— Может, это тот самый человек, который... который убил Лиану.

— Что? О чем ты говоришь? — Далила забежала по комнате, как тигр по клетке. — Лиану убил Кэл Гамильтон, он же убил свою жену и, наверное, ту девушку тоже.

— А что, если не он?

— Конечно он. У него же нашли ожерелье Лианы, — напомнила ей Далила. — И браслет, который принадлежал той девушке.

— Их могли подбросить.

Далила побледнела от испуга.

— Но это же бессмысленно.

— Почему бессмысленно?

— Просто бессмысленно, и все.

— Если не Кэл их убил, то, значит, убийца, кем бы он ни был, до сих пор разгуливает на свободе, — упрямо сказала Меган. — И может быть, он просто выжидал время, когда все успокоятся, чтобы снова дать о себе знать. Вполне возможно, что он ждал и наблюдал, и решил воспользоваться случаем, когда увидел меня на дороге одну. Ему удалось каким-то образом меня вырубить и бросить сюда. А потом он заметил тебя, и ему не оставалось ничего другого, как притащить сюда и тебя...

Далилу, однако, это не убедило.

— Меня не так уж легко перебросить через плечо. Я тяжелая. Кто бы ни был этот человек, он должен быть очень сильным. И решительным.

— Это явно кто-то из наших знакомых, — сказала Меган. — Потому что он знает, как нас зовут.

— Мне кажется, это Джой, — упрямо повторила Далила, хотя уже не столь уверенно. — И Грег. Вдвоем бы они наверняка меня дотащили.

— Я просто не верю, что Грег на такое способен, — возразила Меган.

— Ты думаешь, что мы в лапах хладнокровного убийцы?

— Боже мой, мне страшно...

— Успокойся, — сказала Далила. — Помни: теперь нас двое.

— Но зачем он предоставил нам такое преимущество? — тихо спросила Меган, будто боялась это выговорить.

— То есть?

— Это же бессмысленно. Зачем он отпер дверь, которая соединяет наши комнаты? Зачем сделал так, чтобы мы увидели друг друга?

Далила закрутила головой, осматривая стены.

— Думаешь, он за нами наблюдает, да? — Она подбежала к стене и стала ощупывать твердую поверхность. — Слушает, о чем мы говорим? Наверное, ему доставляет какое-то извращенное удовольствие видеть нас вместе. Но почему? Чего он хочет? Как ты думаешь, он не хочет... ну, это... увидеть нас вместе?

Меган содрогнулась при одной мысли об этом, но потом вспомнила те ужасные описания, которые она читала про изуродованное лицо Лианы, и всхлипнула.

Далила быстро вернулась к Меган и крепко ее обняла.

— Послушай, — прошептала она ей на ухо. — Ничего не отвечай, просто плачь. — Она немного помолчала. — У меня есть пистолет.

Меган инстинктивно попыталась отдернуться, но Далила держала ее крепко.

— Он у меня под рубашкой, сзади, за поясом джинсов. Он, видно, его не заметил. — И она поцеловала Меган в щеку. — Ну, ну. Все будет хорошо, — громко произнесла она, как бы желая, чтобы это услышал тот, кто их подслушивает.

— Но...

— Это бабушкин, — сказала Далила на выдохе, опалившем щеку Меган. — Давай сейчас об этом не будем. — И она оттолкнула Меган на расстояние вытянутой руки. — Ты в порядке?

У Меган онемел язык, поэтому она просто кивнула. Если у Далилы есть пистолет, то, может быть, им все-таки удастся выбраться отсюда живыми?

— Постарайся успокоиться. Давай просто посидим, — громко произнесла Далила, обняла Меган, и они вместе опустились на пол лицом к запертой двери.

У Меган громко заурчало в желудке.

— Просто не верится, что я голодная.

— Просто не верится, что я неголодная, — сказала Далила.

Меган невольно рассмеялась:

— Просто не верится, что ты смогла меня рассмешить.

— Я вообще довольно смешливая, если узнать меня поближе.

Меган стыдливо потупилась:

— Прости, что не сделала такой попытки.

— Шутишь? Ты же моя лучшая подруга.

— Не говори так, это ведь неправда.

— Нет, это правда.

— Я плохо с тобой обращалась.

— Ничего подобного. Ну, во всяком случае, гораздо лучше, чем все остальные, — поправила Далила.

— Ужасные слова.

— Я не хотела тебя задеть. Слушай, помнишь поговорку: кто старое помянет, тому глаз вон? Давай все забудем и начнем сначала.

— Хорошо, — согласилась Меган, и у нее снова заурчало в животе. Она тут же ткнула в него кулаком. — Да заткнись ты!

— А что бы ты сейчас съела? — спросила Далила. — Что ты любишь больше всего?

— Горячие сэндвичи с индейкой, — не задумываясь ответила Меган.

— Ты шутишь! Это те самые, которые буквально утопают в соусе?

— Еще французскую картошку.

— Как тебе удастся это есть и оставаться такой худой? Мне достаточно только посмотреть на это, чтобы сразу набрать десять фунтов.

— Просто я, наверное, отношусь к разряду людей, которые могут есть все. Когда-нибудь, впрочем, все это даст о себе знать и я стану такой же толстой, как...

— Как я? — спросила Далила, хотя это был скорее не вопрос, а констатация факта.

— Нет-нет, конечно. Ты не...

— Да ладно! Все нормально. То есть плохо, конечно. Я ведь знаю, что мне нужно похудеть.

— Ну, может, фунтов на пять или десять, — сдалась Меган. Действительно, зачем делать из Далилы полную дуру и утверждать обратное?

— Фунтов на двадцать или тридцать.

— Не обязательно всем выглядеть как Дженнифер Энистон.

— Тем не менее.

— Ну а какая у тебя любимая еда? — спросила Меган.

— У меня? — Далила даже удивилась, что Меган ее спросила. — Я люблю практически все, но больше всего — ростбиф с кровью, печеный картофель с большим количеством сметаны и салат «цезарь» на гарнир. Да, а на десерт — мороженое с горячей сливочной помадкой.

— Я тоже обожаю мороженое с горячей сливочной помадкой.

— Правда? Тогда у меня есть идея, — восторженно сказала Далила. — Давай, как только выберемся отсюда, пойдем в «Честерс» и закажем одно на двоих, согласна?

— Как только мы выберемся отсюда... — повторила Меган. — Не молчи, — попросила она, изо всех сил сдерживая панику. — А кто твой любимый актер?

— Брэд Питт. — Далила пожала плечами. — Как и у всех.

— А мне больше нравится Мэтт Дэймон.

— Да, он тоже красавчик. И очень похож на Грега.

— Ты думаешь?

— А разве нет?

Меган вспомнила сильную челюсть Грега, его карие глаза и коротко подстриженные волосы.

— Пожалуй.

— Он тебе очень нравится?

— Нравился.

— А почему вы поругались? Нет, если не хочешь, не говори, я не настаиваю.

Меган стала лихорадочно поправлять волосы.

— Как обычно.

— Ты имеешь в виду секс?

Меган украдкой оглядела стены: вдруг их и правда подслушивают и вдруг это действительно Грег?

— Да, — призналась она.

— Он хотел тебя принудить?

— Нет-нет. Просто он хотел... А я была...

— Ты была не готова, — договорила за нее Далила.

— Ну да.

— Но вы дошли до конца? Я понимаю, это не мое дело...

— Я все еще девственница, — призналась Меган. Теперь-то какой смысл скрывать?

— Я тоже. Хотя вряд ли кому-нибудь захочется...

— Захочется.

— Может, когда-нибудь. Когда я похудею.

— Парни такие дураки, — сказала Меган.

— У тебя чудесный брат.

— Да, он прелесть.

— А что ты думаешь про них с Эмбер?

— По-моему, они хорошо смотрятся вместе.

— Да, я тоже так думаю. — На секунду наступила тишина. — Можно задать тебе еще один вопрос? — спросила Далила.

— Конечно.

— Просто мне не хотелось бы тебя расстраивать.

Меган чуть не расхохоталась.

— Ты считаешь, это возможно в данной ситуации?

— Это насчет моей мамы и твоего отца.

— Что насчет них?

— Как тебе это? Ну, то, что они теперь вместе?

— Плохо, — глухим голосом ответила Меган.

— Я тебя понимаю... А мне очень нравится твоя мама.

— Мне тоже. — Меган скрестила пальцы на коленях. «Господи, только бы снова ее увидеть, — молила она про себя. — Обещаю: я буду самой лучшей дочерью на свете.

— Она настоящая мама. Кэрри, конечно, старается, но...

— Как ты можешь называть мать по имени?

— Она сама просит, чтобы я ее так называла. Наверное, так она чувствует себя... —

Далила внезапно замолчала и посмотрела на потолок. — Что это?

— Что?

Далила поднялась с пола. Меган тоже вскочила вслед за ней.

— По-моему, я что-то слышала.

Обе девушки затихли. Вначале было тихо, но затем они отчетливо услышали звук шагов. Кто-то ходил прямо у них над головами.

— О господи! — захныкала Меган, и Далила вытащила из-за пояса пистолет. — Помогите! — закричала Меган. — Помогите нам кто-нибудь! — Через несколько секунд они услышала, как шаги раздались на лестнице, очевидно, ведущей к ним в подвал.

Далила направила пистолет на дверь.

Шаги приблизились и остановились возле двери. Меган охнула, когда повернулась ручка. Послышался стук, потом по дереву стали колотить ногами. Дверь сорвалась с петель и упала вовнутрь комнаты.

На пороге стоял высокий мускулистый парень с коротко подстриженными светлыми волосами и карими глазами, в которых читались смутение и недоверие.

— Грег! — закричала Меган.

Сбоку от нее прогремели выстрелы, и уже в следующую секунду Грег рухнул на пол.

— Грег! — снова закричала Меган. Она подскочила к нему, обняла и положила его

голову к себе на колени. Из живота у него текла кровь, глаза закатились под самый лоб.

— Я нашел тебя... — успел прошептать он, прежде чем потерять сознание.

— Какой ужас! Что ты наделала? — По-прежнему стоя на коленях, Меган обернулась к Далиле, которая стояла, прижавшись спиной к противоположной стене комнаты. — Он пришел, чтобы спасти нас.

— Я знаю, — ровным голосом ответила Далила, нацелив пистолет ей в голову. — А этого допустить было никак нельзя, не для того я так старалась.

От этих слов Меган чуть не задохнулась.

— Что? Что ты такое говоришь?

— Он, наверное, засек мою машину. Видимо, я не очень тщательно ее спрятала: слишком торопилась вернуться к тебе.

— Я ничего не понимаю.

— Еще бы! Ты вообще не очень-то сообразительная. Чего именно ты не понимаешь, Меган?

— Так это *ты*?

— Я. Маленькая Далила, — ответила она со зловещей улыбкой. — Хотя, впрочем, не такая уж и маленькая. Ты ведь именно так отзывалась обо мне у меня за спиной, Меган? Знаешь, есть такой старый мюзикл Нейла Саймона под названием «Всего лишь я»? У моей бабушки огромная коллекция виниловых дисков, они же долгоиграющие пластинки, если ты не знаешь. Наверняка не знаешь. А вот я про музыку много чего знаю. Ты могла бы узнать это и раньше, прояви ко мне хоть малейший интерес. Кто старое помянет... Мы ведь так решили? Мне бы очень хотелось, чтобы мистер Липсман поставил его на следующий год, ты была бы бесподобна в роли Беллы. Разумеется, в главной роли. Жаль вот только, что зрители уже не смогут насладиться твоей игрой.

— Почему?

— Что почему? Почему я тебя похитила? Или почему я похитила остальных?

— О боже! — У Меган закружилась голова, она почувствовала, что вот-вот упадет в обморок.

— Не думаю, что я должна тебе что-то объяснять, но... какого черта? Мы ведь практически одна семья, поэтому объясню. Кэнди была пробным делом. А Фиона скорее отвлекающим маневром. Но вот Лиана... Я получила тогда настоящий кайф. С тобой будет то же самое. Ну а Грег — просто... Как там говорят? Сопряженный ущерб, кажется? Да, кстати, еще и бабушка...

— Твоя бабушка?

— Должна сказать, приятнее этого не было ничего. Отчасти потому, что я давно мечтала от нее избавиться, отчасти — потому, что это произошло совершенно спонтанно. Если бы мать не настояла на том, чтобы я отвезла ее домой, то еще пару дней она бы испортила мне кровь. Но судьба, как говорится, предоставила мне редкий шанс. А самое интересное заключается в том, что все будут думать, будто она откинула копыта от сердечной недостаточности. Так же, как все думали, что моя тетья Лоррейн упала с лестницы. А вскрытие они производить не станут. Не станут даже проверять ее таблетки. Ну а если даже и проверят, то я уже подложила новые. Видела бы ты ее лицо, когда я напяливала ей на голову полиэтиленовый пакет. В ее глазах читалось такое удивление. Чего ты так на меня смотришь? Я тебя умоляю! Поверь, никто не будет по ней рыдать. Хотя по тебе наверняка кто-нибудь и поплачет. Может, даже снова устроят всенощную.

— Пожалуйста...

— Что пожалуйста?

— Не делай этого.

— Извини, но придется. Я ведь открыла тебе все свои сокровенные тайны. Прямо как лучшей подруге.

— Мы и есть подруги.

— Ха! Ну ты даешь! Да едва ты выберешься отсюда, так сразу же побежишь к Джинджер с Таней. Кстати, они у меня следующие в списке, хотя можно будет немного и повременить. Нельзя так часто пугать народ.

— Ты прекрасно знаешь, что тебе это не сойдет с рук.

— Почему все вечно так говорят? Да, но по статистике убийцам постоянно все сходит с рук. Я читала. И потом — посмотри на меня. Как говорится, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать.

— Пожалуйста, — взмолилась Меган. — Я не хочу умирать.

— Конечно, не хочешь. Кто бы сомневался! Скажи лучше, тебе бы понравилось, что тебя награждают всякими гнусными прозвищами и пишут про тебя в Интернете всякую мерзость. То и дело издеваются над тобой из-за твоего веса и выставляют на посмешище перед всем классом. Никогда не дают тебе хорошую роль в школьном спектакле. А все потому, что всегда находится какая-нибудь костлявая девица с хорошенькой мордашкой, чье пение, правда, выеденного яйца не стоит. Интересное выражение, — продолжала Далила на одном дыхании. — Метафора, относящаяся к еде. Твоя мать могла бы мною гордиться. Интересно, а каково происхождение этих метафор? Ты никогда не задумывалась над такими вещами?

— Иногда.

— Неужели? Это правда или ты просто пытаешься подмазаться, хочешь заставить меня посмотреть на тебя как на живого человека? Надеешься, что я не стану спускать курок? Зря! Для меня это огромное наслаждение, хотя, конечно, далеко не такое, как наша милая беседа.

Меган обреченно склонила голову. Какой смысл еще что-то отвечать?

— А теперь отойди от Грега и сядь вон там, как примерная девочка. — Далила нацелила дуло пистолета на стену.

И вдруг у них над головами хлопнула дверь, и чьи-то голоса, один низкий, мужской, а другой высокий, женский донеслись к ним с лестницы.

— Грег? Ты здесь? — кричал шериф. — Грег? Меган?

— Мамочка! — как резаная завизжала Меган. — Шериф! Я здесь!

В одно мгновение на пороге вырос шериф, заполнив своей могучей фигурой весь проход. Он резко поднял стиснутый в правой руке пистолет, направив его прямо на Далилу, и Меган показалось, что она еще никогда в жизни не видела более красивого и сильного мужчины.

— Брось пистолет, Далила, — приказал шериф, щелкнув предохранителем. — Сейчас же.

— О господи, — всхлипнула у него за спиной Сэнди.

— Брось пистолет, — повторил шериф, медленно и осторожно заходя в комнату.

Меган смотрела, как Далила переводит взгляд с нее на шерифа, будто пытаясь решить, как же ей поступить. Она видела, как выражение смятения и нерешительности у нее в глазах сменилось уверенностью. Она все еще как замороженная смотрела на нее, когда, две секунды спустя, Далила нацелила дуло на себя и спустила курок.

Да, как видите, я не умерла.

Получается, что не такой уж я хороший стрелок. Ну посудите сами, как было не промахнуться в такой ситуации? Мать Меган орет, шериф на меня наступают. Хотя, возможно, я просто струсил. Сложно сказать. Во всяком случае, пуля всего лишь пропоролла мне височную часть головы, и хотя крови натекло целое ведро, — а раны на голове кровоточат очень сильно, — я даже не потеряла сознания, к большому моему сожалению. Так что мне волей-неволей пришлось стать свидетельницей до тошноты мелодраматической сцены между матерью и дочерью: «Девочка моя! Ангел мой!»

Я вас умоляю! Меган отнюдь не ангел, уж вы мне поверьте. Хотя с какой стати вы станете мне верить? Я ведь как раз доказала, что далеко не самый заслуживающий доверия человек, не так ли?

Оказывается, огнестрельные раны — удовольствие не из приятных, даже если вам удастся выжить. Это чертовски больно. Почти десять месяцев прошло с той ночи в подвале дома Кимбла, а меня до сих пор мучают головные боли. Мне сделали две операции. Перед первой им пришлось обрить мне голову, и волосы начали отрастать только сейчас. Правда, они почему-то стали виться, и это плохо. Потому что, что бы там ни твердили журналы мод, что волнистые волосы — это круто, в действительности на всех обложках этих же самых журналов фигурируют девушки с длинными прямыми волосами, разделенными на прямой пробор или зачесанными набок. Прямые волосы служат признаком искушенности, свидетельствуют о вашей аккуратности и уверенности в себе, даже если на самом деле это не так. А нелепые кудряшки говорят о взбалмошности и производят впечатление, что их обладательница подвергается постоянному воздействию электротока.

Помимо головных болей, у меня также время от времени случаются провалы в памяти (хотя, возможно, кое-кто считает это весьма удобной отговоркой), поэтому они вернули мне мой дневник, и это здорово. Он помогает мне восстановить события, вспомнить сопутствующие обстоятельства, помогает управлять собственными мыслями, дать выход накопившемуся отчаянию. Это одна из составляющих лечения. Я великодушно избавила штат от расходов, а своих жертв и их родных от лишних страданий из-за длительного судебного процесса, сразу же во всем признавшись и согласившись отбывать наказание в Психиатрическом центре Мейпл-Даунз. Моим личным врачом является доктор Мэнди Бин, которая сочла ведение дневника прекрасной терапевтической идеей. Я, кажется, говорила что изначально эта идея принадлежала Сэнди Кросби и что сначала я этому противилась, но она настояла, чтобы все, кто ходит на уроки английского, вели дневники. Хотя меня она ни разу не вызвала прочесть вслух перед классом свои записи. Интересно, что бы тогда было? Скорее всего, она подумала бы, что у меня слишком богатое воображение. И уж точно никогда бы не поверила, что я пишу от своего имени.

Кэрри, естественно, не хотела, чтобы я признала свою вину. Сказала, что мы сможем выстроить сильную защиту, сославшись на химический дисбаланс, на какие-то очевидные нарушения моего генетического кода (привет папаше). Она утверждала, что ситуацию усугубили трудное детство и враждебная атмосфера в средней школе Торранса, и обвинила моих одноклассников в том, что они довели меня до безумия. Но если хотите знать мое

мнение, подобные рассуждения бессмысленны и изначально обречены на провал: это все равно что попытаться отгадать древнюю загадку про то, что появилось раньше — курица или яйцо. Какая разница, что было вначале?

Нет. Важно лишь то, кто смеется последним.

Кэрри упрашивала меня не признавать свою вину на основании того, что у меня не все в порядке с головой. Мол, время от времени я была как бы и не я вовсе, а потому не ведала, что творила. Но на это я бы никогда не согласилась. Как можно? Я ведь прекрасно соображала, что делаю, понимала, что это нехорошо, а это — признак здоровой психики, как подчеркнул мой адвокат Митчелл Младший («Счастливы служить, готовы судиться и обещаем все уладить»). Но это все равно не убедило Кэрри, которой было гораздо легче считать, что ее единственного ребенка довели до безумия, а не что она породила хладнокровную убийцу. Что ж, на всех не угодишь. И потом, я лично не считаю себя хладнокровной. Кровь у меня такая же теплая, как и у всех.

Есть и хорошие новости: я похудела. Почти на двадцать фунтов, хотя кормят здесь в основном крахмалом и углеводами. Но у меня уже все равно не тот аппетит, что прежде. Может, за него отвечала та часть моего мозга, которую выбила пуля? А может, это все благодаря лекарствам, которыми меня здесь пичкают. Но такой постоянный голод, как раньше, я уже не испытываю, вследствие чего (они здесь помешаны на всяких следствиях) я стала есть меньше и реже. Закуска в Психиатрическом центре Мейпл-Даунз не подают, если, конечно, не считать изюма и свежих фруктов, которые я решительно за закуски не признаю. Это ведь не чипсы или лакричные палочки.

К сожалению, здесь нет спортзала, и это плохо. Особенно для таких, как я, кто привык к физическим нагрузкам. Помните все эти пешие прогулки, на которые меня отправляла бабушка? Уж не говоря о том, что мне приходилось таскать туда-сюда все эти трупы. А это здорово развивает мышцы. Те девушки и весили-то каждая не более 120 фунтов, но тяжесть все равно была немалая, ведь мертвецы почему-то тяжелее живых людей.

Впрочем, я разработала собственную программу тренировок. Она включает в себя в основном растяжку, несколько отжиманий, может, с десяток приседаний и упражнения на пресс, которые я добросовестно выполняю каждый день по полчаса. А чем тут еще заниматься? Я делаю их у себя в комнате, хотя места здесь мало, комната очень маленькая. Она примерно в два раза меньше тех комнатушек в подвале старого дома Кимбла. Но все же в ней уместились двуспальная кровать и белый пластмассовый комод. Разумеется, никаких острых углов. Ничего такого, чем я могла бы себя покалечить.

Хотя у меня нет ни малейшего намерения наносить себе какой-то вред. Уж во всяком случае не сейчас, когда мне наконец-то стало нравиться то, что я вижу в зеркале. Если, конечно, не считать вышеупомянутых выющихся волос, которые, как я надеюсь, распрямятся, когда отрастут. Я выгляжу чертовски привлекательно, раз уж я сама это говорю. Кто знает: может, однажды я буду вполне заслуженно носить прозвище Сердцеубийца, которым журнал «Пипл» наградил меня после всех этих событий, когда мое имя стало известно всей стране.

Хотя на самом деле журналюга украл это слово из моего дневника. Кто-то из подчиненных шерифа слил им наиболее пикантные цитаты, а те их, в свою очередь, напечатали. И, по-моему, они отвели слишком много места под фотографии Лианы Мартин и Меган Кросби. «Начинающая актриса и певица», как они ее называли. Вы можете поверить? Я — нет. Потому что на самом деле ее пение напоминает лягушачье кваканье, а диапазон... Как там кто-то сказал про Кэтрин Хепберн? «Ей подвластна вся гамма чувств от А до Б»? [\[54\]](#)

И еще одна правда: мне здесь по-настоящему нравится. Здесь чисто и уютно, у меня прекрасный вид из окна. Тихо, спокойно. Кое-кто, правда, из здешних обитателей, менее устойчивых, имеют неприятную склонность кричать и буйствовать. Но в целом они милейшие люди, чего я не могу сказать о большей части учащихся средней школы Торранса. И врачи здесь очень добрые и вселяют в меня надежду. Никто ни к чему не принуждает, никто не рвется изо всех сил мне помогать. Они просто хотят понять, что и кто довел меня до этого. И им по-настоящему интересно меня выслушивать. А самое главное — они действительно слушают.

В общем, здесь, в Психиатрическом центре Мейпл-Даунз, меня воспринимают всерьез. И мне это нравится. Так что я тоже стараюсь быть со всеми предупредительной и выполняю буквально все их требования. Я рассказала, где найти труп Кэнди Эббот, и разговариваю со всеми, с кем меня просят встретиться. Я стараюсь как можно понятнее объяснить, что заставило меня пойти на столь ужасные вещи: рассказываю про жестокого отца, бросившего меня, когда я была еще совсем маленькой; про последующие неудачные браки матери с такими же подонками; про пластические операции, сделавшие из нее совершенно незнакомую женщину; про ее бесконечные романы с женатыми мужчинами, включая Джона Вебера и Яна Кросби; про постоянные словесные и психологические оскорбления, которым ежедневно подвергали меня мои дорогие почившие тетюшка и бабушка, эти два сапога пара. (Извините, не удержалась от метафоры. Миссис Кросби очень бы мною гордилась.) Рассказываю им про ежедневные издевательства в школе, про тычки и унижения со стороны как учеников, так и учителей. В конце концов, все знали, что происходит, но никто не попытался это остановить.

А миссис Кросби в каком-то смысле оказалась хуже их всех, и все потому, что она лицемерка. Да, разумеется, она говорила и делала все, как надо, даже отвезла меня тогда к мистеру Липсману, в тот день, когда мы с ней нашли на обочине труп Фионы. (Кстати, это была вовсе не случайность. Я сознательно затащила ее на то место, где бросила несчастную мертвую Фиону. Знаю, это было довольно рискованно и безрассудно. Первоначальный мой план заключался в том, чтобы оставить труп на самом видном месте, но тогда бы на него наткнулся кто угодно, а возможность была уж слишком хороша, чтобы ее упускать.) Миссис Кросби все время пыталась скрывать свои истинные чувства, но я-то видела, с каким отвращением она смотрит на меня всякий раз, как ей приходилось вызывать меня на уроке, и она буквально ежилась, стоило мне подойти к ней.

Это не только ее вина. И не моя. Не думаю, что реакция миссис Кросби была вызвана чисто физическим отвращением как таковым, хотя и это вполне возможно. Все мы не раз наблюдали, как люди удачливые и благополучные машинально подергиваются при виде тех, кому, по их мнению, не так повезло в жизни. Нет, думаю, скорее ее негативное отношение ко мне было вызвано тем, что я дочь Кэрри Фрэнклин, что моя мать разрушила ее брак и что один мой вид напоминал ей об этом и о том, что она была никудышной женой. Это она, пусть и косвенно, виновна в самом ужасном из всех унижений, которые я претерпела в последние годы, когда однажды при всем классе назвала меня «Ди», лишив меня даже моего собственного имени. «Ди» породило «Дели» и еще хуже — «Биг-Ди», за которым последовала восхитительно непристойная песенка, распространившаяся по всему Интернету.

Но почему я выбрала ее дочь, постоянно спрашивают меня. Разве она не вступалась за меня несколько раз и не оказывала поддержку, даже ценой собственной растущей популярности? Это мне удалось в себе перебороть. Выбрала ли я Меган из-за того, что она

прирожденная сердцеубийца с чистой кожей, нахальной грудью и тонюсенькой талией, которая грациозно передвигается и принимает как должное всеобщее внимание? Или потому, что она — именно такая дочь (внучка, племянница), о которой всю жизнь мечтала моя мать (бабушка, тетя)? Им бы не пришлось за нее краснеть, знакомя ее со своими приятельницами и показывая ее фотографии. Она же само совершенство! То, чем меня явно не назовешь. И если бы Ян Кросби женился на моей матери — а в то время это казалось весьма вероятным, — то не только у моей матери появился бы новый муж, но и у меня появилась бы сводная сестра. Мы бы стали одной семьей. Нас бы бесконечно сравнивали, постоянно рассказывая всем о моих недостатках и комментируя мои проступки. Кэрри купалась бы в лучах славы своей гораздо более популярной новой дочери и постепенно стала бы все больше от меня отдаляться. Разве она не занималась всю жизнь тем, что меняла старое на новое? Я бы окончательно потеряла то, что еще оставалось от моей матери, которую я любила, но постоянно разочаровывала. И мысль о том, чтобы до конца жизни быть в роли второй скрипки для этой бездарной простофили, была для меня просто невыносима.

Признаю, я недооценила возможную реакцию Кэрри на смерть своей матери. Мне нравилось фантазировать, как я размещу в Интернете сообщение о кончине Роуз, например, такое: «Кэрри и Далила Фрэнклин с глубочайшей радостью сообщают о кончине своей матери и бабушки». Но этому не суждено было сбыться. Даже когда Кэрри думала, что ее мать скончалась от сердечного приступа, она была на удивление расстроена. Может, потому, что она официально стала сиротой, а может, и потому, что смерть матери лишней раз напоминает ей самой, что даже тысяча пластических операций не уберегут никого от старухи с косой. Хотя, возможно, она и любила по-своему эту старую мегеру. В общем, как бы там ни было, она перенесла смерть Роуз довольно тяжело. А когда узнала про внесенную мною лепту и когда вскрылась правда насчет «рокового» пьяного падения с лестницы ее сестры, моей тетушки — Меган, разумеется, тут же всем об этом растрепала, — ее чуть удар не хватил.

Кстати, как вам нравится это выражение? По-моему, у него есть и буквальное значение, но мне оно неизвестно. Я вот думаю написать миссис Кросби и спросить у нее, но вряд ли она будет рада моему письму, и я почему-то сомневаюсь, что она ответит. Хотя — кто знает? Вдруг возьмет да и удивит? Видит Бог, ей это не раз удавалось. Так вот, «удар» — это внезапное острое нарушение той или иной функции организма вследствие разрыва кровеносного сосуда. Я проверяла.

Кстати, меня тоже чуть удар не хватил, когда той ночью, почти десять месяцев назад, я услышала наверху шаги Грега. А потом еще прибыл наш местный дуэт, — шериф Вебер с миссис Кросби. Надо вам сказать, для меня это был тот еще сюрприз! Конечно, я запаниковала. Поэтому и приставила пистолет к собственной голове и спустила курок. Я просто не знала, что мне делать.

На самом деле я рада, что Грег выжил, хотя сначала у него был один шанс из ста. Он больше недели находился на грани жизни и смерти. После этого еще месяц пролежал в больнице, потом долечивался дома, пока не окреп настолько, чтобы заявить отцу о том, что его зачислили в какой-то престижный художественный колледж в Чикаго, причем на полную стипендию. Миссис Кросби помогала ему заполнять заявление и наверняка поспособствовала его зачислению. Что я вам говорила? Она умеет удивлять.

Грег уехал в Чикаго в январе. С Новым годом!

Не то чтобы я завидую его успехам. Уж если говорить по правде, то я всегда испытывала к Грегу слабость, может, даже была в него немного влюблена, поэтому мне очень жаль, что именно он ворвался тогда в подвал. Я-то надеялась, что это будет Джой. Но это оказался Грег, поэтому, к сожалению, мне не оставалось ничего другого, как выстрелить в него. (Хотя не могу сказать, что это не доставило мне удовольствия, я даже подумала, почему бы мне не приняться и за своих мучителей мужского пола.)

Мать рассказала мне все в мельчайших подробностях: судя по всему, он в тот вечер неожиданно встретил шерифа и миссис Кросби, и они втроем чуть ли не битый час лихорадочно разыскивали Меган. Кстати, я была права. Он действительно заметил у обочины мою машину и решил выяснить, в чем дело. А Динамический дуэт увидел его машину, и в итоге гостей набежала целая куча.

Странно, что ни одного не сожрал аллигатор. Это же все-таки Долина аллигаторов, даже на карте Флориды есть такое название.

Бедная Кэрри! Она была вне себя, когда узнала, что я натворила. Кстати, еще одно хорошее выражение, в точности описывающее то, что вы в подобных случаях испытываете. Мне приятно представлять себе, как кто-то в буквальном смысле слова выходит из собственного тела и встает рядом. Безупречная симметрия. Это все равно, что смотреться в зеркало, хотя в этом случае настоящим тобой является твое отражение, а не ты сам.

Сначала мать не хотела ни видеть меня, ни слышать, ни вообще иметь со мной хоть что-то общее. Но через несколько недель смягчилась. Может, из-за того, что со смертью Роуз она стала богатой женщиной. А может, потому, что я все-таки ее плоть и кровь, несмотря ни на что; или из-за того, что через несколько дней после моего ареста ее бросил Ян и ей просто больше не к кому было пойти. Кэрри никогда не переносила одиночества.

Меня мучает совесть из-за того, что Ян ее бросил. Этого я не хотела. Хотя это несколько меня не удивило. Мужчине, который бросает одну женщину ради другой, нельзя доверять, поэтому рано или поздно он бы все равно бросил мою мать. И, по-моему, не так уж Кэрри была несчастна, что бы она там ни кричала о разбитом сердце. По-моему, она гораздо больше расстроена тем, что ее сестрица Рути, последние десять лет жившая в Калифорнии, вдруг объявилась и стала требовать половину состояния Роуз. Мне кажется, в глубине души она даже жалеет, что я сейчас не дома и не могу сотворить то, что я сделала с другой ее сестрой, Лоррейн.

Кэрри навещает меня два раза в неделю, а это не так-то просто: Мейпл-Даунз расположен в Форт-Лодердейле. Поэтому визиты ко мне она совмещает с шоппингом — ура, наконец-то я влезаю в чудесный голубой свитер, который она купила мне в прошлом году! — и с визитами к своему пластическому хирургу. В последнее время она стала жаловаться на свой нос, и губами она недовольна. Я оставила всякие попытки ее переубедить. Люди всегда поступают так, как им хочется. И я не исключение.

Я спрашивала, не третируют ли ее добрые жители города Торранса, и она сказала, что нет, напротив, многие обращаются с ней на удивление мягко, видимо, потому, что и ее тоже считают жертвой. В конце концов я ведь отправила в мир иной половину ее ближайших родных.

К тому же ее бросил любовник, который потом переехал в Палм-Бич, через несколько недель после того, как Сэнди подала на развод. Говорят, Ян Кросби теперь практикует на пару со своим однокурсником по медицинскому колледжу и что у него уже новая подружка. Ну а Сэнди Кросби с Меган и Тимом уехали обратно в свой Рочестер, как только стало

известно, что Грег вне опасности. Хотя им вряд ли удастся забыть наш городок.

Я вот иногда думаю, поддерживают ли связь Грег с Меган и закончится ли для них все так же прекрасно, как для Петручо и Кэт. Забавно, что они едва не стали Ромео и Джульеттой.

Что до всех остальных, моя мать делает все возможное, чтобы держать меня в курсе последних событий. Брайан Хенсен приехал из колледжа на День Благодарения вместе со своим новым бойфрендом, студентом Университета Майами, изучающим психологию, и неожиданно объявил всем, что он гей. Так что получается, что Джой был в конечном итоге прав. Хотя, если говорить человеку, что он свинья, то он рано или поздно захрюкает.

Удивительно, как такой консервативный городишко, как Торранс, поддержал Брайана, даже его мать и ее новый бойфренд, адвокат Боб, с которым она познакомилась в прошлом году на сайте знакомств. Забавно, но говорят, он вначале встречался даже не с ней, а с нашей учительницей английского. Интересно, когда Сэнди все успевала?

Кэрри вот поговаривает о том, чтобы опять там зарегистрироваться, как только, по ее словам, «снова почувствует себя самой собой». Уверена, что она и сейчас уже сидит на этих сайтах. Вот только я сомневаюсь, что ей самой известно, что значит быть «самой собой» после стольких пластических операций. Ее тело стало ее собственной тюрьмой, из которой ей не выбраться до конца дней своих. Впрочем, кто знает?..

Джоя снова вышибли из школы, и тогда он обрюхатил какую-то девицу из Форт-Майерса. Летом у них свадьба. Джой уже живет в Форт-Майерсе, работает на отца своей невесты. Кажется, ее семья владеет двумя курортными отелями. Я уже представляю, как этот ублюдок хватается горничных за задницу и избивает официантов.

Виктор Драммонд поступил в Йельскую школу драматургии, где, по-видимому, чувствует себя как рыба в воде. Поверьте, пройдет не так много времени, и ему дадут главную роль в каком-нибудь бродвейском спектакле, или Голливуд снимет фильм по его собственному сценарию. А я еще смогу похвастаться тем, что мы когда-то были знакомы.

Что до остальных ребят, то все без изменений. Джинджер с Таней такие же популярные и противные, как всегда. Обе работают в торговом центре. У Питера Арлингтона новая девушка, Ребекка, которая очень похожа на Лиану. А маленькая сестра Лианы, Мередит, выиграла какой-то главный конкурс красоты в Атланте. Идет по стопам своей матери.

А вот про Эмбер Вебер такого не скажешь; она пропустила целый месяц занятий, потому что родители положили ее в клинику в Тампе на лечение от анорексии. И за время своего пребывания там она даже набрала десять фунтов, но сбросила их снова, как только вернулась домой.

У учителей средней школы Торранса все точно так же, как и год назад. Эйвери Питерсон по-прежнему преподает физику и приударяет за молоденькими девушками; Гордон Липсман все тоскует по покойной матери и ухаживает за своими кошками. Кэрри говорит, что понятия не имеет, какой мюзикл он собирается ставить в этом году, тем более что почти все его звезды разъехались. Ну а наш прославленный директор Ленни Фромм по-прежнему у руля: ведет добрых серферов школы сквозь коварные волны юности.

Кэл Гамильтон так и живет в Торрансе, управляет «Честерсом» и ухлестывает за женщинами. Может, уже опять «осмотры» свои проводит. Думаю, у него нет недостатка в женщинах, желающих его пройти и стать «собственностью». Этот мир заселен глупцами, в число которых, конечно, входит и сам Кэл Гамильтон.

Подставить его для меня не составило никакого труда. Не могу сказать, что это

изначально входило в мои планы, помимо убийства Фионы. Но она была такая жалкая, а он таким мерзавцем, что соблазн оказался уж слишком велик. Подбросить трофеи оказалось проще некуда, хотя мне и было до боли жаль ожерелья Лианы. Оно ведь было сделано из настоящего золота в отличие от дешевого браслета с брелоками, принадлежавшего Кэнди. А как я постучалась к миссис Кросби и спросила, не видели ли они Фиону, уже после того, как отвезла ее в дом Кимбла? Не Меган, а я настоящая актриса.

А мой уникальный метод, с помощью которого мне удалось снискать доверие каждой из них, тоже притворившись жертвой, такой же напуганной и ошалевшей, как и они? А как я выудила у них самые сокровенные подробности их жизни, о которых при других обстоятельствах они бы ни за что мне не рассказали? Какое наслаждение было смотреть на их лица, когда до них доходило, что это — спектакль, что их одурачили, что я — далеко не беззащитная жертва, а зачинщик и виновник этой масштабной аферы. Что это благодаря мне они оказались здесь, что их судьба в моих руках и что эти руки держат пистолет, пистолет, который нацелен им на голову. Да, это наслаждение не поддается описанию.

Кроме того, я должна поблагодарить Кэла за самые яркие переживания прошедшего года. Разве можно забыть ту сцену, когда он ворвался к нам в дом и стал там все громить? Или как мы с матерью побежали наверх? Или как я заперлась с бабушкой в ее спальне, притворившись, будто случайно наткнулась на пистолет, который я нашла вскоре после того, как она переехала жить к нам, когда рылась в ее вещах?

Пули я купила сама в Уолл-Март. Самый непередаваемый момент был, когда я, дрожа с головы до пят, угрожала Кэлу застрелить его, а потом вдруг разрыдалась, когда не смогла спустить курок. Вот она, настоящая игра! Мне должны были бы вручить Оскара.

«Как вы подготовились к этой роли?» — слышу я вопрос папарацци. «О, — отвечаю я, встряхнув своими длинными прямыми волосами, будто скромно отмахиваясь от их восторженных откликов. — Я готовилась к ней всю свою жизнь».

Так что я гораздо лучшая актриса, чем они все думали. Всех одурачила: мать, бабуку, тетю, учителей, друзей. Ой, я и забыла — у меня же нет друзей.

Я даже шерифа одурачила, хотя он оказался гораздо более компетентным, чем я подозревала вначале. Да, господа, вынуждена признать, что я его сильно недооценивала. Хотя, конечно, не только я. По-моему, весь город считал, что ему давным-давно пора на покой. Может даже, и сам шериф Вебер так думал. Кэрри утверждает, что он наверняка победит на повторных выборах, в отличие от маленького замечательного мэра, которого, по ее словам, все теперь считают маленьким замечательным ослом. Нет, если во всей этой истории и не хватает героя, то им по праву должен быть Джон Вебер, вместе со всеми своими недостатками. Мне приятно сознавать, что я хотя бы отчасти этому поспособствовала.

Ну, и обо мне. Все вышло не совсем так, как я планировала. Я, разумеется, не ожидала, что меня поймут. И, уж конечно, не предвидела, что меня до конца дней упекут в психушку. Хотя это вряд ли. Система уголовного правосудия оставляет мне надежду выбраться отсюда.

Когда меня отправили в Психиатрический центр Мейпл-Даунз, я решила — как наверняка решили и все добрые жители города Торранса, — что проведу здесь остаток своих дней. Так что пожизненное заключение я все-таки получила. Но, по счастью, пожизненное заключение вовсе не означает, что ты всю жизнь просидишь в тюрьме. Мое дело будут пересматривать через каждые два года. Если я буду лечиться, принимать лекарства,

сотрудничать с врачами и не выделять никаких шгук, то, вполне вероятно, меня отсюда очень скоро выпустят — никто и опомниться не успеет.

В конце концов мне всего восемнадцать. Как там говорится? У меня вся жизнь впереди?

Больше книг на сайте - Knigoed.net

---

notes

Американское телешоу.

Название рассказа Фрэнка Ричарда Стоктона (The Lady or the Tiger?).

Candy (*англ.*) — конфета.

Сеть ресторанов быстрого питания.

Гвоздь программы, главное блюдо (*фр.*)

Deli — гастрономический магазин *(англ.)*

Биб Ди — неофициальное наименование г. Далласа (штат Техас).

Роман Алана Патона.

Рост около 195 см и вес 100 кг.

Amber — янтарь, янтарный (*англ.*)⁶

125 фунтов ~ 56,63 кг.

Графство в юго-восточной Флориде.

Фирменное название концентрата фруктового желе.

Сокращенное наименование межштатной автомагистрали Interstate-75.

Сети ресторанов быстрого питания.

Цитата из пьесы Ж.-П. Сартра «За закрытыми дверями».

Очень (фр.)

Пластика живота.

Блефаропластика — пластика верхних и нижних век.

Стилистическая фигура, сочетание слов с противоположным значением.

Цветные или бесцветные полупрозрачные стеклянные изделия, которые раздавали бесплатно или продавали за бесценок во время Великой Депрессии в тридцатых годах прошлого столетия. Получило также наименование «усталого» стекла.

Американская сеть дорогих универмагов.

Тартинка — французский бутерброд.

Тампа — третий по размеру город штата Флорида, главный город округа Халсборо.

Бродвейский мюзикл по мотивам комедии У. Шекспира «Укрощение строптивой».

Американская актриса и танцовщица.

Национальный парк в штате Флорида.

Бог мой (*фр.*)

Сеть супермаркетов.

Половая связь с лицом, не достигшим совершеннолетия.

Киноактер.

Американский телесериал.

«Роза есть роза» (Гертруда Стайн, американская писательница).

Сайт www.ebay.com

Телешоу.

Телешоу.

Популярные персонажи комиксов художника Г. Фишера. Матт — коренастый коротышка, Джефф — длинный и тощий.

«Слезы в небесах» — песня Эрика Клэптона.

Песня из фильма «Отец невесты-2».

Чарч (*англ.* church) — церковь.

Знаменитый американский адвокат.

О.Дж. Симпсона обвиняли в убийстве бывшей жены и ее приятеля в 1994 году. Когда найденная на месте преступления окровавленная (и от этого съжившаяся) кожаная перчатка не налезла на Симпсона, то Кокран тут же сказал, что «if the glove doesn't fit, you must acquit», что в переводе означает «если перчатка не налезает, то его надо оправдать».

Дуд — житель восточной части США или вообще горожанин, который проводит свой отпуск на ранчо в западной части США.

Товарный бренд. Вещество, которое высыпают в кошачий туалет для устранения неприятных запахов.

«Ты — мое солнце» («You are my sunshine», *англ.*) — популярная американская песня.

Сеть супермаркетов

Надпись на всех купюрах долларов США.

Ничего (*исп.*)

Говорящая кукла, выпущенная в 1959 году корпорацией «Маттел».

Бродвейский мюзикл по мотивам оперы Дж. Пуччино «Богема».

«Вот такие соседи» («There Goes the Neighborhood») — название фильма.

Напротив (*фр.*).

«Друзья с преимуществами» — американский телесериал.

Высказывание известной американской писательницы Дороти Паркер (1893–1967).